

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Том 19, № 2, Май 2020

Специальная тема номера:
**НАРОДЫ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ**

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 19, № 2, MAY 2020

Special Theme of the Issue:
**PEOPLES OF THE USSR IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR:
ON THE 75TH ANNIVERSARY OF VICTORY**

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-2

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Science Citation Index, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>.

E-mail: rushistj@rudn.ru.

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки) и 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Directory of Open Access Journal (DOAJ), Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), EBSCOhost.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, рецензии и обзоры, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее, прежде всего, в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов нашей страны в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>.

E-mail: rushistj@rudn.ru.

Подписано в печать 15.05.2020. Выход в свет 22.05.2020. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 19,95. Тираж 500 экз. Заказ № 449. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов»

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Michael Kemper, *University of Amsterdam, Netherlands* (M.Kemper@uva.nl)

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Russia* (moseykina-mn@rudn.ru)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Russia* (arslanov-ra@rudn.ru)

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Russia* (kornoukhova-gg@rudn.ru)

EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Stephen F. Cohen, *Princeton University and New York University, USA*

Michael David-Fox, *Georgetown University, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, USA*

Catriona Kelly, *University of Oxford, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Russia*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, Notre Dame, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia*

David Schimmelpenninck van der Oye, *Brock University, Canada*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan*

Irena Vladimirsky, *Achva Academic College, Israel*

Review Editor K.V. Zenkin

Layout Designer Iu.A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russia
Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Кемпер Микаэль, *Амстердамский университет, Голландия (M.Kemper@uva.nl)*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Республика Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии
Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, США*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Великобритания*

Коэн Стивен Ф., *Принстонский университет и Нью-Йоркский университет, США*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет*

имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид, *Брокский университет, Канада*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии Наук Республики Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии серии «История России»:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

Fedor L. Sinitsyn , In This Issue (<i>in Eng. & Russ.</i>)	292
PEOPLES OF THE USSR IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: ON THE 75th ANNIVERSARY OF VICTORY	
Alexey Yu. Bezugolny , The Ethnic Aspect in Red Army Recruitment during the Great Patriotic War: A Historical and Statistical Review	298
Nikita D. Prigodich , The Food Supply of Besieged Leningrad and the Evacuation of the Population by Using Aviation in the Autumn of 1941	320
Ilya S. Tryakhov , Dynamics and Causes of Violations of Labor Discipline during the Great Patriotic War (on the Materials of the City of Kovrov)	330
Sergey V. Blagov , The Military Routine of Polish Partisan Detachments Operating on the Territory of the Byelorussian SSR in 1943–1944: Morale and Political Propaganda	349
Ruslan G. Bimbosov , Organization of Oral Advertising and Agitation in the Years of the Great Patriotic War (on Materials of North Ossetia)	361
Valentina P. Korzun, and Victoria S. Gruzinskaya , The 220th Anniversary of the Academy of Sciences of the USSR in the Victorious 1945: a Scenario of Celebration in the Sociocultural Context of the Era	374
HISTORY OF PEOPLES AND REGIONS OF RUSSIA	
Roman Yu. Fedorov , The Evolution of Ethnic Tradition Transfer among Belorussian Peasant Settlers in Siberia and Russia’s Far East from 1850 to the Present (<i>in Eng.</i>)	393
Yuri A. Yakhut’, and Valery V. Kasyanov , The “Facing the Village” Policy as a Manifestation of NEP Contradictions in 1924–1926 (Based on Don and Kuban Materials)	403
INTERNATIONAL RELATIONSHIPS	
Andrey S. Belchenko, and Maya G. Novoselova , The Reaction of the Chinese Government to Soviet Diplomatic Efforts to Resolve the Taiwan Question, 1949–1985	418
Anatoly V. Tsvyk, and Konstantin P. Kurylev , The Idea of a “Greater Europe” in Russian Foreign Policy: Past and Present (<i>in Eng.</i>)	438
ARTICLES	
Olga V. Shemyakina , The Discussion about the Book “The People’s Will Party’s Journalism” by E.E. Kolosov in 1930–1932	448
Anatoly N. Sivov , Transformation of Soviet Ideological Attitudes in the Works of A.N. Yakovlev in 1985–1991	468
BOOK REVIEWS	
Irena Vladimirsky (reviewer), Sahadeo, Jeff. Voices from the Soviet Edge: Southern Migrants in Leningrad and Moscow. Ithaca and London: Cornell University Press, 2019. 273 p.	483
Berta V. Tuueva (reviewer), Kanukova Z.V. Traditsiya v Sovremennom Osetinskom Obshchestve [Tradition in Modern Ossetian Society]. Vladikavkaz: Ir, 2018. 135 p.	486
Iaroslav A. Golubinov, Olga S. Porshneva, Natalya V. Surzhikova , The Past for the Future: A History of the Russian Civil War in Narratives of the 1930s	490
SCIENTIFIC LIFE	
Elena M. Mironova, and Anna V. Volodko , Russia in the World. The Phenomenon of Russian Abroad: Institutions and Personalities. International Scientific Conference. Moscow. September 26–27, 2019	503
INFORMATION	
Submission guidelines	510
Call for papers for the 2021 annual program	511

СОДЕРЖАНИЕ

Синицын Ф.Л. В этом номере <i>(на рус. и англ. яз.)</i>	292
НАРОДЫ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ	
Безугольный А.Ю. Этнический аспект комплектования Красной армии в годы Великой Отечественной войны: историко-статистический обзор	298
Пригодич Н.Д. Продовольственное снабжение блокадного Ленинграда и эвакуация населения с помощью авиации осенью 1941 г.	320
Тряхов И.С. Динамика и причины нарушений трудовой дисциплины в годы Великой Отечественной войны (на материалах города Коврова)	330
Благов С.В. Военная повседневность польских партизанских отрядов на территории Белорусской ССР в 1943–1944 гг.: моральное состояние и политическая пропаганда	349
Бимбасов Р.Г. Организация устной пропаганды и агитации в годы Великой Отечественной войны (на материалах Северной Осетии)	361
Корзун В.П., Груздинская В.С. 220-й юбилей АН СССР в победном 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи	374
ИСТОРИЯ НАРОДОВ И РЕГИОНОВ РОССИИ	
Федоров Р.Ю. Трансформации коммуникативных механизмов трансляции этнических традиций у потомков белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XXI вв.) <i>(на англ. яз.)</i>	393
Яхутль Ю.А., Касьянов В.В. Курс «лицом к деревне» как проявление противоречий НЭПа в 1924–1926 гг. (по материалам Дона и Кубани)	403
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
Бельченко А.С., Новоселова М.Г. Реакция КНР на усилия советской дипломатии по разрешению тайваньского вопроса в 1949–1985 гг.	418
Цвык А.В., Курылев К.П. Идея «Большой Европы» во внешней политике России: история и современность <i>(на англ. яз.)</i>	438
СТАТЬИ	
Шемякина О.В. Дискуссия вокруг книги Е.Е. Колосова «Народовольческая журналистика» в 1930–1932 гг.	448
Сивов А.Н. Трансформация советских идеологических установок в работах А.Н. Яковлева в 1985–1991 гг.	468
РЕЦЕНЗИИ	
Владимирски И. (рецензент). Sahadeo, Jeff. Voices from the Soviet Edge: Southern Migrants in Leningrad and Moscow. Ithaca and London: Cornell University Press, 2019. 273 p.	483
Туаева Б.В. (рецензент). Канукова З.В. Традиция в современном осетинском обществе. Монография. Владикавказ: Ир, 2018. 135 с.	486
Голубинов Я.А., Поршнева О.С., Суржикова Н.В. Прошлое для будущего: история российской Гражданской войны в нарративах 1930-х гг.	490
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Миронова Е.М., Володько А.В. Россия в мире. Феномен Русского Зарубежья: институты и персоналии. Международная научная конференция. Москва. 26–27 сентября 2019 г.	503
ИНФОРМАЦИЯ	
Правила оформления статей	510
Тематический портфель журнала на 2021 г.	511

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-292-297>

Редакционная статья / Editorial article

В этом номере

Ф.Л. Сеницын

Государственный университет по землеустройству;
105064, Россия, Москва, ул. Казакова, 15; permcavt@mail.com

In This Issue

Fedor L. Sinitsyn

State University of Land Use Planning;
15 Kazakova St., Moscow, 105064, Russia; permcavt@mail.com

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. занимает одно из главных мест в исторической памяти народов России и государств постсоветского пространства. В этом году Россия и другие страны мира отмечают 75-летие Победы над нацизмом, в достижении которой решающую роль сыграл советский народ. Представленные в номере статьи посвящены разноплановым аспектам истории войны – в том числе проблемам формирования Красной армии (А.Ю. Безугольный), блокаде Ленинграда (Н.Д. Пригодич), партизанскому движению (С.В. Благов), жизни тыла страны (И.С. Тряхов, Р.Г. Бимбасов), а также взаимоотношениям между Советским государством и научным сообществом (В.С. Груздинская и В.П. Корзун).

Несмотря на то, что в советское время много внимания уделялось изучению участия разных народов СССР в защите страны, не были до конца выяснены многие обстоятельства, связанные с этой темой. В первую очередь, не были опубликованы точные и окончательные данные о национальном составе армии-победительницы. Очевидно, причинами были и «закрытость» архивов, и то, что руководство страны не хотело возбуждать «излишние» дискуссии о вкладе того или иного народа в Победу. Только сейчас А.Ю. Безугольный в результате кропотливой работы в архивах – прежде всего, с документами, хранящимися в Центральном архиве Министерства обороны РФ, выявил и систематизировал полные данные по национальному составу Красной армии, проследил его динамику за весь военный период, описал тенденции призыва в советские вооруженные силы представителей разных национальностей. Эти цифры необходимы и для показа участия народов страны в войне, и для прекращения разного рода спекуляций на эту тему.

Кроме того, в статье А.Ю. Безугольного документально подтвержден важный вывод о том, что, кроме русского народа, ряд других этносов СССР также испытал в отдельные периоды войны резкие демографические перегрузки, связанные с призывом в армию. Это – народы Закавказья в 1942 г., когда фронт подошел к Кавказским горам, народы Казахстана и Средней Азии в 1942–1943 гг., когда происходила Сталинградская битва и затем шло освобождение юга России, и, наконец, с 1943 г.

и вплоть до окончания войны – украинцы, белорусы, молдаване, прибалты. Все народы СССР приняли участие в войне, и это было большим успехом советской власти, которая на деле добилась формирования чувства общесоюзной гражданственности даже у недавно вошедших в состав страны этносов (например, жителей Средней Азии).

История блокады Ленинграда по-прежнему остается одним из животрепещущих вопросов не только в исторической науке, но и в публицистике. Время от времени возникают разного рода дискуссии относительно судьбы людей, которые остались в блокированном городе. Так, в январе этого года, когда отмечалась 76-я годовщина окончательного снятия блокады Ленинграда, проходила Всероссийская акция памяти «Блокадный хлеб», которая вызвала противоречивые оценки в СМИ. Периодически возникают, мягко говоря, странные разговоры о том, нужно ли было вообще защищать Ленинград, не надо ли было его сдать врагу. При этом никто из публицистов, муссирующих эту тему, не задает себе вопрос: в случае захвата Ленинграда стали ли бы оккупанты вообще хоть как-то снабжать население города продовольствием и тем более вывозить его в тыл, чтобы спасти от гибели? Какая судьба ждала жителей Ленинграда под оккупацией?

Статья Н.Д. Пригодича посвящена снабжению блокадного Ленинграда продовольствием и эвакуации населения города с помощью авиации с сентября (когда началась блокада) по декабрь 1941 г. Автор наглядно показал, что власти СССР осуществляли и снабжение, и эвакуацию населения в самые тяжелые дни войны, когда враг стоял у ворот Москвы, и судьба всей страны была под угрозой. Помощь транспортной авиации, которая работала между «Большой землей» и Ленинградом, была крайне необходима осажденному городу.

И.С. Тряхов исследовал динамику и причины нарушений трудовой дисциплины в годы Великой Отечественной войны на материалах города Коврова Владимирской области, который был важным промышленным центром. Советская историография не акцентировала внимание на этой теме, а утверждения пропаганды, что в годы войны «все как один трудились хорошо», являются неправдоподобными, поскольку так не бывает в реальной жизни и не нужно «стесняться» этой темы. Из представленного в статье материала видна роль «человеческого фактора» в годы войны. При этом показано, что имевшие место нарушения трудовой дисциплины в условиях военного времени не приняли каких-либо чрезвычайных размеров и часто были вызваны объективными обстоятельствами (физическим и моральным состоянием людей, плохими условиями труда и быта, неспособностью властей эффективно решать их проблемы). Несмотря на тяжелейшие условия труда и другие трудности, советский тыл дал Красной армии все, что требовалось для достижения Победы в войне.

В настоящее время в связи с 80-летием начала Второй мировой войны в Европе большую актуальность приобрела проблема взаимоотношений между СССР и Польшей в межвоенный период. Действительно, в течение всего межвоенного периода советско-польские отношения были непростыми, что было связано, в первую очередь, с тяжелыми для СССР последствиями Советско-польской войны 1919–1920 гг. Советская власть не до конца доверяла польскому населению западных регионов страны, что вылилось в том числе в депортацию поляков из ряда регионов Украины в 1936 г. После событий сентября 1939 г. отношения между СССР и польским эмигрантским правительством были разорваны, а на присоединенных к Советскому Союзу территориях Западной Украины и Западной Белоруссии были осуществлены дополнительные акции по депортации значительной части польского населения. Однако с началом агрессии нацистской Германии против СССР появилась почва для сотрудничества двух стран в плане борьбы против общего врага. В СССР были

созданы польские воинские формирования, появились польские отряды в рядах советских партизан.

Поэтому трудно переоценить актуальность статьи С.В. Благова, посвященной моральному состоянию и политической пропаганде в польских партизанских отрядах, действовавших на территории Белоруссии в 1943–1944 гг. На материалах российских, белорусских и польских архивов автор рассматривает обстоятельства перехода польского населения на сторону советских партизан, а также основные моменты идеологической работы в польских партизанских отрядах, моральное состояние партизан, их отношение к СССР и будущему Польши. Автор с разных сторон подошел к анализу этого важного аспекта истории советско-польского сотрудничества, проходившего в трудных условиях политического раскола польского населения, сложных отношений между СССР и польским эмигрантским правительством в Лондоне.

В статье Р.Г. Бимбасова на материалах Северной Осетии рассмотрена проблема организации устной пропаганды и агитации в годы Великой Отечественной войны. Известно, что в этот период велась «информационная война» между СССР и Германией, причем не только на оккупированной территории страны, но на фронте и в тылу Советского Союза. Представленное в статье исследование интересно тем, что, во-первых, оно сделано на материалах национального региона, который имел свою специфику. Во-вторых, в Северной Осетии происходили жизненно важные для страны события обороны Кавказа. Вражеские войска были остановлены в декабре 1942 г. именно на территории этого региона, у Эльхотовских ворот. В статье сделан важный вывод о наибольшей действенности именно устной пропаганды среди населения республики. Действительно, часто личная беседа и устная агитация в годы войны были более эффективны, чем обезличенная, направленная на неограниченный круг лиц пропаганда, хотя именно этот ее вид являлся более затратным по человеческим и временным ресурсам.

Тема статьи В.С. Груздинской и В.П. Корзун – «220-й юбилей АН СССР в победном 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи» – на первый взгляд, стоит немного в стороне от истории собственно войны. Однако это не так, поскольку одним из результатов Победы был рост авторитета и влияния СССР в мире, и советское руководство озаботилось укреплением этого влияния – и в политическом, и в социально-культурном, и научном плане. Именно поэтому сразу после окончания войны, в июне 1945 г., с большим размахом был отпразднован 220-летний юбилей Академии наук СССР. Авторы статьи отмечают, что это событие было отражением духа эпохи, эпического размаха жертв, усилий и результатов Великой Отечественной войны, и что это празднование было одним из конкретных проявлений триумфа страны. Кроме того, речь шла об усилении советского влияния в мире: в праздновании юбилея отечественной науки ярко проявилась идея «единой мировой науки», в которой ведущую роль, разумеется, должна была играть советская наука. Однако этим надеждам не суждено было сбыться, поскольку уже вскоре под предлогом борьбы с «космополитизмом» и «преклонением перед Западом» руководство СССР взяло курс на фактический разрыв связей с мировой наукой.

Таким образом, в представленных статьях рассмотрены важные и весьма актуальные проблемы истории Великой Отечественной войны, которая стала более многоплановой и реалистичной. Вводимые в научный оборот архивные документы и их интерпретация в контексте исторической памяти о роли народов СССР и России в Победе над фашизмом открывают новые возможности для научной дискуссии, помогают извлекать уроки из прошлого и реагировать на политические вызовы современности.

ENG

The Great Patriotic War of 1941–1945 occupies a central place in the historical memory of Russia and the post-Soviet states. Together with the rest of the world, they celebrate the 75th anniversary of the defeat of Nazi Germany, in which the Soviet people played the decisive role. This issue is devoted to diverse aspects of the history of the war – including the formation of the Red Army (A.Yu. Bezugolny), the siege of Leningrad (N.D. Prigodich), the partisan movement (S.V. Blagov), life on the home front (I.S. Tryakhov, R.G. Bimbasov), as well as the relationship between the Soviet state and the scientific community (V.S. Gruzdinskaia and V.P. Korzun).

Although during the Soviet era much attention was paid to studying the participation of various peoples of the USSR in defending their country, the topic remains understudied. Most notably, precise, final data on the ethnic composition of the victorious army had not been published. The reasons lay both in lack of access to the archives, and the reluctance of the country's leadership to initiate “unnecessary” discussions about the contribution of this or that nation to victory. Only now, as a result of painstaking work in the archives – primarily with the documents stored in the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation – A.Yu. Bezugolny has provided complete data on the ethnic composition of the Red Army, traced their development, and described trends in conscription among various nationalities. These figures are necessary both to show how the Soviet Union's various nations participated in the war, and to stop speculation about the topic.

Bezugolny concludes that, in addition to Russians, during the war a number of other Soviet ethnic groups also sustained severe demographic challenges as a result of conscription. These include the peoples of Transcaucasia in 1942, when the fighting approached the Caucasus Mountains, those of Central Asia in 1942–1943, due to the Battle of Stalingrad and the liberation of the south of Russia, and, finally, from 1943 to the end of the war – Ukrainian, Belarusian, Moldavian, Baltic peoples. All nations of the USSR fought in the war, which was a great achievement for the Soviet government. One important result was that it formed a sense of all-Union civic consciousness even among ethnic groups that had only recently joined the country, such those in Central Asia).

The siege of Leningrad remains important both to historians and the media. From time to time, discussions arise about the fate of those who stayed in the besieged city. This January, on the 76th anniversary of the siege's end, the “Siege of bread” commemoration led to considerable controversy. Much of it involved the question of whether it was necessary to defend Leningrad, or if it would have been preferable to surrender the city to the enemy. Yet those who pose it don't ask whether the occupiers would have fed its citizens, or even transported them away from the front to safety. What fate would the inhabitants of Leningrad have awaited under occupation?

The article by N.D. Prigodich examines the supply of food to Leningrad and the evacuation its population by air from the beginning of the siege in September 1941 to December that year. The author clearly shows that Soviet authorities carried out both the supply and evacuation of the population in the most difficult period of the war, when the enemy was at the gates of Moscow and the fate of the whole country was in jeopardy. The besieged city badly needed the help of air transport between the “Big Country” and Leningrad.

I.S. Tryakhov studies labor discipline violations during the Great Patriotic War in the town of Kovrov, Vladimir Region, which was an important industrial center. Soviet historians had not paid much attention to this topic. However, propagandistic claims that “everyone worked hard as one” during the war are implausible, since this does not happen in real life. In any case, there is no need to be ashamed about this topic. The article exa-

mines the human factor to argue that violations of labor discipline did not increase significantly during the war, and were often caused by such objective circumstances as the health and morale of the population, poor working and living conditions, and the authorities' inability effectively to solve their problems. Nevertheless, despite great hardship, the Soviet rear provided the Red Army with everything it needed for victory.

The 80th anniversary of the Second World War's outbreak in Europe has made the relations between the USSR and Poland in the interwar period highly topical. Soviet-Polish relations were quite uneasy at the time due to the grave consequences for the USSR of the war with its western neighbor in 1919–1920. Moscow doubted the loyalty of the Polish population in the western regions of Soviet Union, which resulted, among other, in the deportation of Poles from Ukraine in 1936. After September 1939, relations between the USSR and the Polish government in exile were severed. Meanwhile, Soviet authorities continued to deport Poles, now from newly acquired territories of Western Ukraine and Western Belarus. However, Nazi Germany's aggression against the USSR in June 1941 led to cooperation between the two countries in the fight against the common enemy. Polish military units were established in the Soviet Union, while Polish detachments appeared in the ranks of Soviet partisans.

We cannot overestimate the importance of S.V. Blagov's article about the morale and the political propaganda in Polish partisan detachments in Belarus in 1943–1944. Based on materials in Russian, Belarusian and Polish archives, the author considers the shift in the loyalties of the Polish population to the Soviet partisans, in addition to ideological work in Polish partisan detachments, the morale of its members, as well as their attitude towards the USSR and the future of Poland. From a variety of perspectives, the author examines this important aspect of the history of Soviet-Polish cooperation, which took place in the difficult conditions of the political split of the Polish population, as well as the complicated relations between the USSR and the Polish government in exile in London.

R.G. Bimbasov's article examines oral propaganda and agitation in North Ossetia during the Great Patriotic War. During this period the USSR and Germany also waged an "information war," not only in occupied territory, but at the front and in the rear of the Soviet Union. His research is of interest because he based it on sources from the national region, which had its own characteristics. At the same time, North Ossetians participated in defending the Caucasus. In a struggle vital for the Soviet Union, they helped stop the Germans in December 1942 at the Elkhotovsky gate, in North Ossetia. The article argues that oral propaganda among the public was highly effective. Indeed, conversations with the population and oral agitation during the war years had a greater impact than impersonal propaganda aimed at an wide circle, even if the former were more costly and labor intensive.

V.S. Gruzdinsky and V.P. Korzun examine the the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences in the victorious year of 1945 as a scenario of celebration in the sociocultural context of the era. At first glance, the topic seems peripheral to the history of the war. However, one of the victory's results was an increase in the authority and influence of the USSR worldwide, which the Soviet leadership did its best to enhance in politics, culture and science. Among other, immediately after the end of the war, it celebrated the 220th anniversary of the Academy of Sciences on a lavish scale in June 1945. The authors argue that this event reflected the spirit of the era, with its enormous losses, not to mention the efforts and results of the Great Patriotic War. Indeed, this celebration was an important manifestation of the country's triumph. At the same time, it was aimed at strengthening Soviet influence in the world: in celebrating the anniversary of Russian science the organisers strongly promoted the idea of a "single world science," in which Soviet scientists would play a leading role. However, these hopes were not realized, since

soon, under the pretext of combating “cosmopolitanism” and “worship of the West,” Moscow began severing ties with the scientific world.

This issue’s articles consider important questions in Great Patriotic War’s historiography, which is becoming more diverse and objective. The archival documents introduced into scientific circulation and their interpretation in the context of the historical memory of the role played by Russians and other peoples of the former USSR in the victory over fascism open up new opportunities for scholarly discussion, as well as helping to draw lessons from the past to respond to the political challenges of our time.

Информация об авторе / Information about the author

Синицын Федор Леонидович, доктор исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Государственного университета по землеустройству.

Fedor L. Sinitsyn, Doctor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. history], Associate Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines, State University of Land Use Planning.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-298-319>

Научная статья / Research article

Этнический аспект комплектования Красной армии в годы Великой Отечественной войны: историко-статистический обзор

А.Ю. Безугольный

Научно-исследовательский институт военной истории
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации;
119330, Россия, Москва, Университетский пр-т, 14; besu111@yandex.ru

The Ethnic Aspect in Red Army Recruitment During the Great Patriotic War: A Historical and Statistical Review

Alexey Yu. Bezugolny

Scientific Research Institute of Military History of Military Academy of
the General Staff of the Armed Forces of Russia;
14, University Av., Moscow, 119330, Russia; besu111@yandex.ru

Аннотация: В силу многонациональности нашего государства этнический фактор всегда имел значение при комплектовании, организации и боевом применении отечественных вооруженных сил. Чем глубже были этнокультурные, особенно языковые различия личного состава, тем острее была необходимость особой организации военной службы нерусского контингента. Статья посвящена анализу этнических процессов в Красной армии на протяжении Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Большое внимание уделено анализу динамики количественного и удельного представительства советских этносов на протяжении войны, причинам сокращения или, напротив, расширения этого представительства. В основу исследования положен выявленный автором комплекс нормативных и директивных руководящих документов, регулировавших мобилизационно-призывную работу, а также отражающая исполнение государственных решений делопроизводственная документация. Среди последней особое значение имеет выявленный автором в российских архивах комплекс учетно-статистических материалов центральных организационно-мобилизационных учреждений Наркомата обороны СССР. Научная новизна представленного исследования состоит в том, что впервые этнонациональный аспект истории Красной армии в годы Великой Отечественной войны проанализирован с помощью количественных методов исследования. Это позволило существенно углубить понимание происходивших в советских вооруженных силах этнических процессов.

Ключевые слова: Красная армия, нерусские народы, национальные воинские формирования

Для цитирования: *Безугольный А.Ю.* Этнический аспект комплектования Красной армии в годы Великой Отечественной войны: историко-статистический обзор // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 298–319. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-298-319>

Abstract: Due to the multi-ethnic nature of our state, the ethnic factor has always been important in the recruitment, organization and combat use of the Russian armed forces. The deeper the ethno-cultural, especially linguistic differences of the personnel, the more urgent was the need for a special organization of military service of the non-Russian contingent. The article is devoted to the analysis of ethnic processes in the Red Army during the Great Patriotic War of 1941–1945. Much attention is given to the dynamics of the quantitative and specific representation of Soviet ethnic groups during the war,

the reasons for the reduction or, on the contrary, the expansion of this representation. The research is based on normative and policy documents that regulated mobilization and conscription work, as well as office documents that reflect the execution of state decisions. Among the latter, the author has identified a set of accounting and statistical materials of the central organizational and mobilization institutions of the People's Commissariat of Defense of the USSR. The scientific novelty of the presented research is that for the first time the ethnonational aspect of the history of the red army during the Great Patriotic War was analyzed using quantitative research methods. This made it possible to significantly deepen the understanding of the ethnic processes taking place in the Soviet armed forces.

Keywords: Red army, non-Russian peoples, national military formations

For citation: Bezugolny, Alexey Yu. "The ethnic aspect in Red Army recruitment during the Great Patriotic War: a historical and statistical review." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 2 (May 2020): 298–319. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-298-319>

Введение

Победа в Великой Отечественной войне – плод напряженных усилий представителей всех народов, населявших Советский Союз. Эта аксиома не требует доказательств. Однако это не отменяет необходимости научного осмысления национальной политики в советских Вооруженных Силах в 1941–1945 гг., результаты реализации которой наиболее полно и наглядно можно отразить в сравнительно-статистической форме. В работе предпринята попытка реконструировать этнический портрет Красной армии в годы войны и проанализировать причины и тенденции его изменения, опираясь на статистический инструментарий.

Главным препятствием на пути объективного исследования национального аспекта истории Красной армии остается проблема выявления наиболее полного комплекса статистического материала, позволяющего изучить национальный состав войск, а также научной систематизации и анализа массовых источников. И дело не в том, что в военно-исторических исследованиях, посвященных этнонациональной тематике, статистическим материалом полностью пренебрегают. Проблема состоит в другом. Анализу зачастую подвергаются случайные цифры из разнородных источников, с опорой на которые делаются столь же необоснованные, нерепрезентативные выводы и суждения, в результате создается благоприятная почва для домыслов и спекуляций о масштабах участия того или иного народа в войне, его вкладе в дело Победы, дисциплинарной и наградной практике, воинских подвигах и преступлениях представителей того или иного этноса и т.д.

Фактически единственная в отечественной историографии попытка с помощью статистического инструментария взглянуть на проблемы этнического состава Красной армии в годы войны была предпринята 45 лет назад А.П. Артемьевым, проанализировавшим национальный состав около двухсот стрелковых соединений. В своей небольшой монографии автор обратил внимание на значительные колебания национального состава за годы войны, что автор связал с объективными изменениями фронтовой обстановки: потерей, а затем освобождением от врага огромных территорий страны, являвшихся источником пополнения армии людскими ресурсами¹. Свои выводы А.П. Артемьев подтверждает богатым документальным материалом, демонстрирующим динамику национального состава в Красной армии в военный период. Несмотря на новаторскую для своего времени методологию и тщательность исследования, нельзя не отметить узость и неполноту источниковой базы, сказавшуюся на результатах. Автор не имел в тот период доступа к важным материалам высших руководящих органов Красной армии. Хотя общие тенденции этнического представительства в РККА в книге А.П. Артемьева отражены верно,

¹ Артемьев А.П. Братский боевой союз народов СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1975.

однако разнородность и фрагментарность материала стали причиной того, что общая картина дана лишь контурно, а статистика по целому ряду этносов искажена.

Также следует отметить докторскую диссертацию М.Я. Сухаря, в которой автор широко пользовался учетной документацией окружного штаба и республиканских военкоматов Среднеазиатского военного округа (САВО)². Автор выявил и проанализировал характерные особенности контингента военнообязанных из национальных республик, чьи территории входили в состав округа, в частности, недостаточный образовательный уровень, слабое владение русским языком, острую нехватку командных кадров. В то же время работа не лишена многих умолчаний, вызванных идеологическими причинами.

В постсоветской российской историографии подобных исследований не предпринималось. Западная историческая наука, напротив, всегда живо интересовалась этническими проблемами в советской армии, однако, не имея доступа к архивам, ограничивалась цитированием советской литературы и умозрительными заключениями, нередко достаточно интересными³. Современная зарубежная историография продолжает эту традицию⁴.

Автор ставит своей целью проанализировать и дать оценку изменениям этнического состава Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Настоящая статья подготовлена на основе выявленных и впервые вводимых в научный оборот материалах учетно-статистического характера, отложившихся в фондах Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба (Ф. 7), Главного управления формирования и комплектования Красной армии (Ф. 56) и ряда других центральных и местных органов военного управления, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО), а также документах Государственного Комитета Обороны, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ).

Мобилизация 1941 г. и состояние людских ресурсов в первый год войны

22 июня 1941 г., в первый день Великой Отечественной войны, Президиум Верховного Совета СССР своим Указом объявил всеобщую мобилизацию военнообязанных 14 возрастов – с 1905 по 1918 гг. рождения включительно⁵. 10 августа 1941 г. Государственный Комитет Обороны издал постановление № 452сс о мобилизации военнообязанных 1890–1904 гг. и призывной молодежи 1922–1923 гг. рож-

² Сухарь М.Я. Военно-мобилизационная работа Средне-Азиатского военного округа, республик Средней Азии и Казахстана по подготовке мобилизационных резервов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ашхабад, 1981.

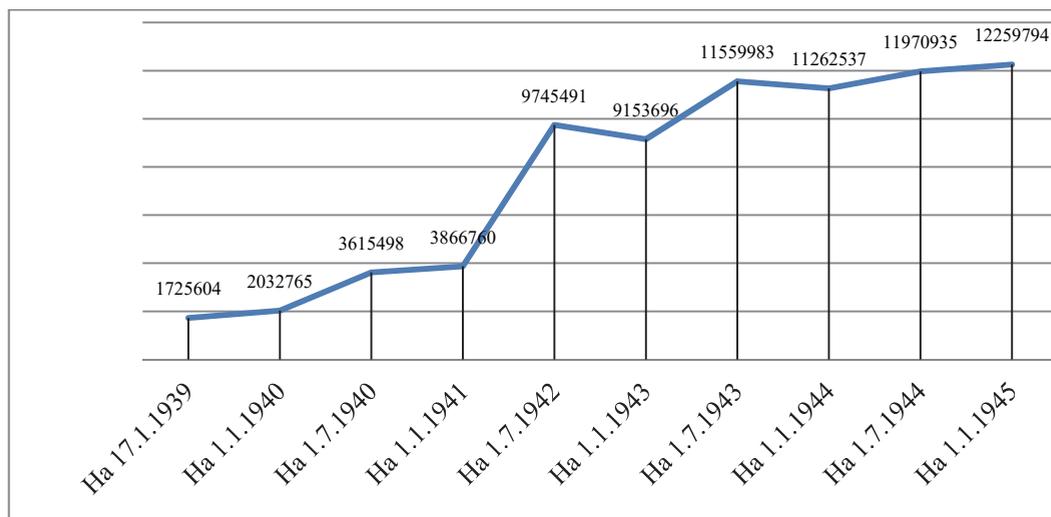
³ Rakowska-Harmstone T. Red Army as an Instrument of National Integration. Carlisle Barracks, 1978; Rakowska-Harmstone T. "Brotherhood in Arms": The Ethnic Factor in the Soviet Armed Forces // *Ethnic Armies: Polyethnic Armed Forces from the Time of the Habsburgs to the Age of the Superpowers*. Waterloo, 1990. P. 123–157; Lobinger J.H. Minority Nationalities in the Soviet Armed Forces. Oklahoma, 1973; Curran S.L., Ponomareff D. Managing the Ethnic Factor in the Russian and the Soviet Armed forces: An Historical Overview. Santa Monica, 1982; Alexiev R., Wimbush S.E. The Ethnic Factor in the Soviet Armed forces. Historical Experience, Current Practices, and Implications for the Future. Santa Monica, 1983; Szayna Th., The Ethnic Factor in the Soviet Armed Forces. The Muslim Dimension. Santa Monica, 1991.

⁴ Sanborn J.A. Drafting the Russian nation. Military conscription, total war, and mass politics, 1905–1925. Illinois, 2003; Daugherty III L.J. Ethnic minorities in soviet armed: The plight of central Asians in a Russian-dominated military // *The Journal of Slavic Military Studies*. 1994. Vol. 7. № 2. P. 155–197; Blauvelt T.K. Military Mobilisation and National Identity In the Soviet Union // *War & Society*. 2003. Vol. 21. № 1. P. 41–62.

⁵ Горьков Ю.А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945): Цифры, документы. М., 2002. С. 492–493.

дения⁶. Масштабы мобилизационных мероприятий первых месяцев войны были поистине колоссальными, которых в истории нашей страны еще не было. По данным Главного управления формирований и комплектования РККА, в период мобилизации, согласно мобплану, летом 1941 г. было призвано в ряды армии 3900 тыс. чел. В последующем, до конца 1941 г., для новых формирований и маршевых пополнений было призвано еще без малого 7150 тыс. чел.⁷

Летом 1941 г. удар частей вермахта приняли на себя достаточно подготовленные кадровые соединения РККА западных военных округов. Однако размах развернувшегося противостояния, масштабы потерь Красной армии, темпы наступления противника превзошли все самые худшие ожидания. Уже к 1 декабря 1941 г. общие потери (убитыми, умершими от ран, попавшими в плен, пропавшими без вести, ранеными, заболевшими и обмороженными) достигли 2571,9 тыс. чел.⁸

Рис. 1. Изменение списочной численности РККА в 1939–1945 гг. (чел.)
Figure 1. Change in the headcount of the Red Army in 1939–1945 (person)

Источник / Source: ЦАМО. Ф. 7. Оп 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29–48; Д. 234 Л. 27–46; Д. 366. Л. 1–17.

В связи с выбытием в первые же месяцы войны из строя значительной части кадрового состава и наиболее подготовленных резервистов молодых возрастов все острее становилась проблема пополнения действующей армии людьми. До конца декабря 1941 г. действующая армия получила 286 новых стрелковых дивизий и 159 стрелковых бригад общей численностью 1954,1 чел.⁹, около 9500 маршевых единиц (рот, эскадронов, батарей) численностью свыше 2,2 млн чел.¹⁰ Для сравнения: к 22 июня 1941 г. в составе РККА числилось 198 стрелковых, горнострелковых и мотострелковых дивизий и 2 бригады¹¹. К 1 декабря 1941 г. численность действующей армии была доведена до 4200 тыс. чел.¹² Только за первый период Великой Отечественной войны, т.е. до начала декабря 1942 г., Красная армия получила вновь сформирован-

⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 140–141.

⁷ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133 в. Л. 133.

⁸ Там же. Л. 134.

⁹ Там же. Л. 5.

¹⁰ Там же. Л. 97.

¹¹ Там же. Ф. 15 а. Оп. 162. Д. 8. Л. 3.

¹² Великая Отечественная война Советского Союза: 1941–1945: Краткая история. М., 1970. С. 579.

ными и переформированными 420 стрелковых и горнострелковых дивизий, 237 стрелковых бригад, 84 кавалерийские дивизии и т.д.; численность действующей армии была доведена до 5281 тыс. чел.¹³ Общая динамика списочной численности РККА за годы войны (в сравнении с предвоенным периодом) приведена в диаграмме 1.

Все сказанное свидетельствует о том, насколько сложной оказалась задача комплектования Красной армии людскими ресурсами в условиях крупномасштабной войны, потребовавшей максимального напряжения всех сил Советского государства. Довоенный запас обученных военнообязанных почти полностью был исчерпан за первые полгода войны: если в июне 1941 г. он достигал 12 млн чел., то к январю 1942 г. остаток людских ресурсов, годных к строю в возрасте до 40 лет, составлял лишь 950 тыс. чел.¹⁴

Весенне-летняя кампания вермахта 1942 г. вновь складывалась для советских войск неудачно и сопровождалась новыми колоссальными потерями личного состава Красной армии и военнообязанного населения оккупируемых врагом областей Нижнего Дона, Нижней Волги и Северного Кавказа. В течение 1942 г. ситуация с состоянием людских ресурсов, годных для военной службы, значительно осложнилась. Так, по состоянию на 15 сентября 1942 г., без учета лиц, имевших отсрочку и забронированных за промышленностью¹⁵ в составе семи военных округов¹⁶, трех невоюющих фронтов¹⁷ и трех воюющих, но имевших собственные органы комплектования и подчиненные им военкоматы¹⁸, оставалось призывников 1922–1924 гг. рождения и военнообязанных до 50 лет: 1160,6 тыс. чел. – годных к строевой службе и 463,8 тыс. чел. – ограниченно годных к строевой службе¹⁹. По состоянию на 1 ноября 1942 г. эти цифры составляли уже 1003 тыс. чел. и 336,3 тыс. чел. соответственно²⁰; на 15 декабря 1942 г. – 866,7 тыс. чел. и 37,3 тыс. чел. соответственно²¹. Отрицательная динамика в данном случае очевидна.

Русские, украинцы, белорусы в первой половине войны

Анализ статистических данных о комплектовании РККА личным составом по национальностям показывает, что основная нагрузка в первый период войны легла в основном на плечи русского народа, чье абсолютное и удельное представительство в войсках резко выросло.

С января 1941 г. по январь 1943 г. удельный вес русских среди всех народов СССР в рядах Красной армии поднялся с 56,4 % до 71,1 %, т.е. на 14,7 %. В абсолютном значении этот прирост выразился цифрой 4389 тыс. чел. За два года относительный прирост составил 214,9 % (с 2033,8 тыс. чел. до 6722,8 тыс. чел.)²².

Прямо противоположная ситуация наблюдалась с представительством в РККА украинцев и белорусов, чьи территории расселения на длительный период с осени 1941 г. и вплоть до второй половины 1943 г. были полностью утеряны. Особенно резко упало представительство украинцев, которые традиционно составляли пятую часть личного состава армии (см.: таблицу 1).

¹³ ЦАМО. Ф. 15 а. Оп. 162. Д. 8. Л. 6–10; Оп. 1848. Д. 7. Л. 48–50.

¹⁴ Там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133 в. Л. 133.

¹⁵ Там же. Д. 145. Л. 142.

¹⁶ Московский, Архангельский, Приволжский, Уральский, Южно-Уральский, Сибирский, Среднеазиатский.

¹⁷ Забайкальский, Дальневосточный, Закавказский (недействующие войска).

¹⁸ Закавказский, Ленинградский и Карельский.

¹⁹ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 145. Л. 158–159.

²⁰ Там же. Л. 173–174.

²¹ Там же. Л. 294–295.

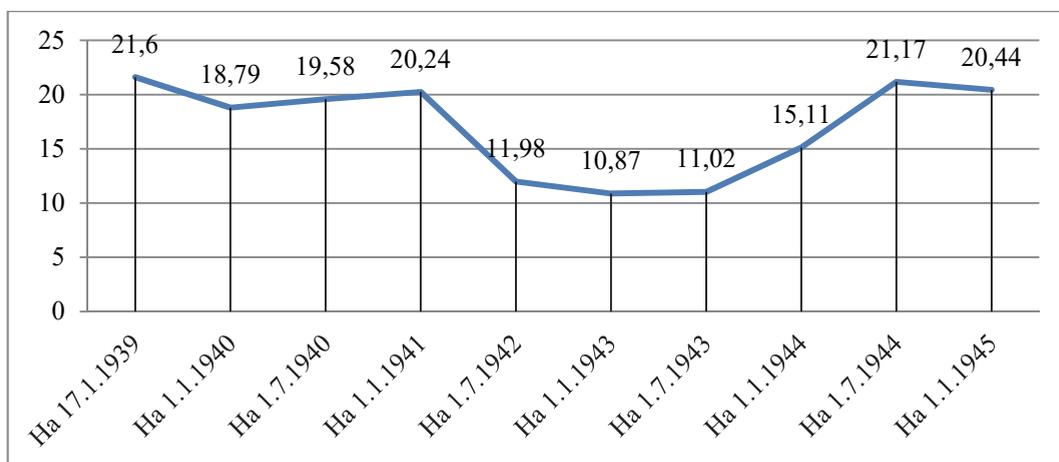
²² Там же. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 220. Л. 29–48.

Таблица 1 / Table 1

Представительство русских, украинцев и белорусов в РККА с 1939 по 1945 г. (в процентах) / Representation of Russians, Ukrainians and Belarusians in the Red Army from 1939 to 1945 (in percent)

Дата	Русские	Украинцы	Белорусы	Всего восточных славян
На 17.1.1939 (по военной переписи)	66,22	18,98	3,64	88,84
<i>Всего по Всесоюзной переписи 17.1.1939</i>	58,39	16,49	3,1	77,97
На 1.1.1940	63,98	18,79	3,67	86,44
На 1.7.1940	60,97	19,58	4,13	84,68
На 1.1.1941	56,39	20,24	4,35	80,98
На 1.7.1942	68,98	11,98	1,91	82,87
На 1.1.1943	71,11	10,87	1,96	83,94
На 1.7.1943	70,17	11,02	1,73	82,92
На 1.1.1944	68,36	15,11	2,28	85,75
На 1.7.1944	63,98	21,17	2,27	87,42
На 1.1.1945	61,88	20,44	4,28	86,6

Источник / Source: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 167. Л. 2, 5; Д. 114. Л. 2; Д. 87. Л. 1–39; Д. 3. Л. 3; Д. 17. Л. 7–117; Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Всесоюзная перепись населения 1939 года. М., 1996. С. 86–88; Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Т. 1. М., 1920. С. 1–19.

Рис. 2. Удельный вес украинцев в частях РККА с 1939 по 1945 г. (в процентах) / Figure 2. The share of Ukrainians in the Red Army units from 1939 to 1945 (in percent)

Источник / Source: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 167. Л. 2, 5; Д. 114. Л. 2; Д. 87. Л. 1–39; Д. 3. Л. 3; Д. 17. Л. 7–117; Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Всесоюзная перепись населения 1939 года. М., 1996. С. 86–88; Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Т. 1. М., 1920. С. 1–19.

В абсолютном исчислении количество украинцев к январю 1943 г. выросло лишь на 213 тыс. чел. (с 782,9 тыс. чел. до 995,8 тыс. чел., относительный прирост – 21,4 %) ²³, иными словами, темп прироста численности русских в рядах РККА был в 10 раз выше, чем украинцев.

Еще худшую по сравнению с украинцами динамику показывали белорусы: их удельный вес в РККА сократился с 4,35 % в январе 1941 г. до 1,96 % в январе 1943 г., а прирост военнослужащих белорусской национальности за два года в аб-

²³ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 220. Л. 29–48.

солютных значениях составил лишь 11,3 % (т.е. показал динамику в 19 раз ниже, чем у русских)²⁴. Таким образом, резкое сокращение поступления в армию украинцев и белорусов в первой половине войны частично компенсировалось усилением использования ресурсов русских военнообязанных. В таблице 1 этот период выделен полужирным шрифтом.

Народы Закавказья и Средней Азии

Другим важным источником для пополнения рядов действующей армии, особенно в 1942–1943 гг., становятся республики Закавказья и Средней Азии. При этом в Закавказье, оказавшемся вследствие особенностей развития стратегической обстановки на советско-германском фронте, сначала главным «донором» для войск, сражавшихся в Крыму, а затем своего рода «эксклавом», отрезанным от остальной территории страны, людские ресурсы местных этносов (прежде всего армян, азербайджанцев и грузин) наиболее интенсивно использовались, начиная с первых месяцев войны²⁵. В конце 1941 г. из состава Закавказского военного округа было выделено новое фронтовое управление – Кавказский фронт, преобразованный позднее в Крымский. Этот фронт, а также войска Отдельной Приморской армии, оборонявшие Севастополь, в значительной степени были укомплектованы соединениями, сформированными в Закавказье. После разгрома весной 1942 г. противником Крымского фронта и эвакуации остатков Отдельной Приморской армии Закавказскому военному округу (с мая 1942 г. – фронту) пришлось строить оборону Северного Кавказа и Закавказья, вновь опираясь в основном на собственные ресурсы. В течение 1942 г. Закавказским фронтом, оборонявшим Северный Кавказ, из ресурсов всего региона было сформировано и передано действующим войскам 35 стрелковых дивизий, 33 стрелковые бригады и сотни специальных частей и подразделений²⁶. Уже к осени почти все людские ресурсы фронта были исчерпаны. На 1 ноября 1942 г. на территории Закавказья (все Закавказье и не занятая врагом часть Северного Кавказа) числилось лишь 110 тыс. чел., годных к строевой службе, и 97,2 тыс. чел., годных к нестроевой службе²⁷. Динамика численности в составе РККА трех титульных закавказских наций показана в таблице 2.

На отдельных участках фронта сосредоточение представителей кавказских этносов было значительно выше. Особенно большим оно было в период оборонительного сражения на Северном Кавказе осенью и зимой 1942–1943 гг. Например, в начале сражения за Кавказ по состоянию на 1 августа 1942 г. в составе трех армий Закавказья (44, 45, 46-й) числилось без малого 175,5 тыс. представителей закавказских народов, прежде всего армян, грузин и азербайджанцев²⁸. В конце ноября 1942 г. в войсках Северной группы войск Закавказского фронта удельный вес представителей народов Закавказья составлял 30,51 % (68,4 тыс. чел.), в то время как русских, украинцев и белорусов – 57,53 % (см. таблицу 3). Количество неславян достигало в Северной группе войск 42 %²⁹.

В течение 1941 и особенно 1942 г. при комплектовании воинских частей в Закавказье и на Северном Кавказе в руководящих документах нередко оговаривался национальный состав народов, используемых для этого, иногда регламентировалось

²⁴ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 220. Л. 29–48.

²⁵ Краснознаменный Закавказский: История Краснознаменного Закавказского военного округа. Тбилиси, 1977. С. 54.

²⁶ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 703. Л. 79.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Д. 294. Л. 15.

²⁹ Там же. Ф. 15. Оп. 11600. Д. 1286. Л. 26.

их соотношение между собой. Летом и осенью 1942 г., в период обороны Кавказа, штабы Северо-Кавказского военного округа и Закавказского фронта при формировании новых стрелковых соединений придерживались принципа раздельного комплектования народами Кавказа и так называемыми «европейскими» национальностями (в перечень которых включались русские, украинцы, белорусы и, как правило, евреи). Так, в семнадцати соединениях, сформированных Зафронтом, в период обороны Кавказа, удельный вес народов Закавказья составил треть от общего числа военнослужащих³⁰. При этом кавказский элемент был в основном сосредоточен в нескольких соединениях (77, 261, 242, 271, 276, 349-я и некоторые другие стрелковые дивизии)³¹. Из других формирующихся соединений кавказский элемент, напротив, изымался. Например, из 61-й стрелковой дивизии в августе 1942 г. распоряжением Генштаба РККА были предварительно изъяты 3736 армян, 2721 азербайджанец и 510 дагестанцев. Образовавшийся некомплект покрывался за счет русских, украинцев и белорусов.

Таблица 2 / Table 2

Изменение абсолютного числа и удельного веса представителей закавказских народов в рядах РККА в период Великой Отечественной войны / Change in the absolute number and specific gravity of representatives of the Transcaucasian peoples in the ranks of the Red Army during the Great Patriotic War

Дата	Армяне		Азербайджанцы		Грузины		Всего	
	Чел.	В % в РККА	Чел.	В % в РККА	Чел.	В % в РККА	Чел.	В % в РККА
В % по Всесоюзной переписи 1939 г.		1,26		1,33		1,37		
На 1.1.1941	40305	1,18	39319	1,09	49250	1,37	128874	3,62
На 1.7.1942	127363	1,31	112983	1,16	119604	1,23	359950	3,7
На 1.1.1943	99026	1,1	87767	0,98	101493	1,13	288286	3,14
На 1.7.1943	128928	1,12	98806	0,86	117822	1,02	345556	2,99
На 1.1.1944	112210	1,0	72834	0,67	103852	0,92	288896	2,56
На 1.7.1944	103279	0,86	59104	0,49	95225	0,8	257608	2,15
На 1.1.1945	104493	0,85	56989	0,46	93489	0,76	254971	2,08

Источник / Source: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29–48; Д. 234. Л. 27–46; Д. 366. Л. 1–17.

Этническая сегрегация при формировании воинских частей объективно способствовала формированию их неформальной иерархии, в которой дивизиям с преобладанием уроженцев Кавказа отводилось место после славянских по составу соединений. В документах периода обороны Кавказа нередко можно встретить просьбы командармов вышестоящему командованию о выделении им соединений, укомплектованных именно славянами.

Также были установлены ограничения на укомплектование разного рода специальных воинских частей представителями кавказских национальностей. В период боев за Крым зимой и весной 1942 г. по инициативе представителя Ставки ВГК на Крымском фронте Л.З. Мехлиса уроженцы Кавказа заменялись на славян в таких подразделениях стрелковых полков, как автоматные, разведывательные, миномет-

³⁰ 77, 151, 236, 242, 261, 271, 276, 317, 319, 320, 328, 337, 349, 351-я стрелковые дивизии и 1, 16, 103-я стрелковые бригады.

³¹ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1063. Д. 31. Л. 37.

ные, истребительно-противотанковые, заградительные³². В период обороны Кавказа его уроженцы не использовались в комплектовании горных отрядов и рот, полков морской пехоты³³.

Таблица 3 / Table 3

Национальный состав Северной группы войск Закавказского фронта на 20 ноября 1942 г. (без учета 37-й армии) (чел.) / The national composition of the Northern Group of Forces of the Transcaucasian Front on November 20, 1942 (excluding the 37th Army) (people)

Национальности	9-я армия	58-я армия	44-я армия	4-я воз-душная армия	4-й гв. кав-корпус	275-я сд	Всего	Удель-ный вес, %
Русские	54273	7630	11922	10547	8720	1979	95071	43,85
Украинцы	13544	2162	2472	6578	1910	812	27479	12,67
Белорусы	1372	119	224	400	174	12	2201	1,01
Азербайджанцы	8121	13541	18478	127	80	129	40476	18,67
Армяне	11742	417	1338	211	140	48	13896	6,41
Грузины	2808	702	10241	123	109	94	14077	6,43
Горцы Северного Кавказа³⁴	1225	206	1339	26	133	62	3950	1,82
Турки	8	Н.д.	139	12	51	16	219	0,1
Калмыки	Н.д.	Н.д.	9	Н.д.	236	Н.д.	245	0,11
Узбеки	3425	542	1224	56	48	15	5548	2,56
Таджики	17	Н.д.	Н.д.	11	Н.д.	Н.д.	28	0,01
Киргизы	52	Н.д.	Н.д.	4	20	Н.д.	76	0,03
Казахи	629	Н.д.	196	40	77	38	975	0,44
Мордвины, чуваша	1057	Н.д.	Н.д.	100	48	207	1412	0,65
Татары	1404	227	103	141	101	12	1988	0,92
Евреи	1526	433	Н.д.	833	140	108	3095	1,43
Прочие	3323	963	2323	65	241	97	6922	3,19
ВСЕГО	104518	26942	50008	19465	12228	2827	216800	100

Источник / Source: ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1019. Д. 42. Л. 1569.

В отличие от Закавказского фронта Среднеазиатский военный округ (САВО) ко второму году войны сохранял достаточно большой запас годных к строевой службе военнообязанных запаса местных национальностей. Это было связано с особенностями расхода запаса людских ресурсов в период мобилизации и в первые месяцы войны.

К началу войны на воинском учете в военкоматах САВО состояло свыше 2 млн военнообязанных, из которых 493,2 тыс. чел. (23,62 %) представляли восточных славян (русских, украинцев и белорусов), а 1594,8 тыс. чел. – местные национальности (в том числе 400,3 тыс. казахов, 128,1 тыс. киргизов, 762,4 узбеков, 193,6 таджиков, 110,4 туркмен³⁵). Структура ресурсов военнообязанных накануне войны в целом соответствовала структуре населения. Согласно переписи 1939 г. славянское население (русские, украинцы и белорусы) Средней Азии составляло 4,52 млн из 16,63 млн чел. (или 27,2%), а удельный вес коренных народов составлял соответ-

³² ЦАМО. Ф. 215. Оп. 1199. Д. 9. Л. 4–6.

³³ Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 99. Л. 134.

³⁴ Включая 1188 горцев в составе 37-й армии.

³⁵ Сухарь М.Я. Военно-мобилизационная работа... С. 230.

ственно: узбеков – 29 %, казахов – 16,2 % таджиков – 7,5 %, туркмен – 4,4 %, киргизов – 5,9 %³⁶. По состоянию на 1 октября 1942 г. в САВО числилось 841,4 тыс. годных к строю военнообязанных запаса, из которых узбеков – 378,6 тыс. чел. (45 %), таджиков – 109,4 тыс. чел. (13 %), казахов – 92,5 тыс. чел. (11 %), туркменов – 54,7 тыс. чел. (6,5 %), киргизов – 50,5 тыс. чел. (6 %), а русских, украинцев и белорусов – лишь 84,1 тыс. чел. (10 %)³⁷. Сопоставление удельных значений остатков ресурсов САВО по национальностям и национального состава Среднеазиатского региона позволяет прийти к выводу о том, что в первый период войны расход военнообязанных восточнославянских национальностей в регионе происходил почти в три раза быстрее, чем представителей большинства местных этносов. Исключение составляли казахи, чей запас в удельном значении к осени 1942 г. также сократился, а также киргизы, чей расход соответствовал их удельному весу среди населения. Однако темпы призыва в РККА и казахов, и киргизов все равно существенно отставали от расхода ресурсов военнообязанных граждан славянских национальностей.

Таблица 4 / Table 4

Изменение удельного веса представителей народов Средней Азии в рядах Красной армии в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны / Change in the proportion of representatives of the peoples of Central Asia in the ranks of the Red Army in the pre-war period and during the Great Patriotic War

Удельный вес среди населения по переписи 1939 г.	Казахи		Узбеки		Киргизы		Таджики		Туркмены		Всего	
	Вабс. цифрах	В%в РККА										
		1,83		2,84		0,5		0,72		0,48		6,37
На 1.1.1940	21777	1,07	22204	1,09	Нд.	Нд.	4152	0,2	5387	0,27	53520	2,63
На 1.1.1941	50372	1,39	67679	1,87	11462	0,32	12435	0,34	10682	0,3	152630	3,95
На 1.7.1942	59717	1,66	88368	2,45	14749	0,41	16885	0,47	11849	0,33	191568	1,96
На 1.1.1943	184753	1,9	123476	1,27	27391	0,28	18464	0,19	22946	0,24	377030	4,12
На 1.7.1943	194339	2,16	155641	1,73	45011	0,5	24953	0,28	27436	0,31	447380	3,87
На 1.1.1944	219445	1,9	265336	2,3	53166	0,46	55929	0,48	48560	0,42	642436	5,7
На 1.7.1944	156939	1,39	169909	1,51	33000	0,29	36450	0,32	31521	0,28	427819	3,57
На 1.1.1945	124109	1,04	121422	1,01	23180	0,19	26057	0,22	23021	0,19	317789	2,59

Источник / Source: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29–48; Д. 234. Л. 27–46; Д. 366. Л. 1–17.

Пик мобилизаций представителей коренных народов Средней Азии пришелся на 1942 г.: в войска РККА, а также на работу в промышленности было мобилизовано 1339 тыс. чел. – это больше, чем в 1941 и 1943 гг. вместе взятых³⁸. Осенью 1942 г. основная масса ресурсов призывников и военнообязанных запаса из САВО была призвана и переброшена для военной подготовки во внутренние военные округа (МВО, ПриВО, УрВО, ЮжУрВО). Они пополняли части Красной армии в течение 1943 г., благодаря чему к концу 1943 г. абсолютная численность и удельный вес народов Средней Азии достигли максимума за всю войну. В 1943 г. интенсивность мобилизаций и формирований новых частей в САВО резко падает, что связано с исчерпанием основной массы пригодных для комплектования воинских частей ресурсов военнообязанных. Наглядно этот тезис иллюстрируют показатели формирования округом

³⁶ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 99. Л. 164.

³⁷ Там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 145. Л. 163.

³⁸ Там же. Л. 294–295.

новых соединений: в течение 1941–1942 г. в САВО были сформированы 24 стрелковые дивизии, 47 стрелковых бригад, 35 кавалерийских дивизий; в 1943 г. – только одна стрелковая и две минометные бригады³⁹. Представительство титульных народов Средней Азии в РККА отражено в таблице 4.

Сравнение таблиц 2 и 4 показывает заметное расхождение пиков комплектования Красной армии двумя группами этносов: если у закавказских народов пиковые значения пришлось на первый период войны, то у среднеазиатских – на второй.

Другой особенностью использования контингентов из Закавказья и Средней Азии, которую позволяет выявить анализ статистических данных, является то, что в составе действующих фронтов их было заметно больше, чем в целом по РККА, а, в свою очередь, в действующих войсках они в большей степени были представлены среди рядового состава. Так, на 1 января 1943 г. их удельный вес в РККА в целом составлял 7,26 %. Численность действующих войск в этот момент составляла 5105 тыс. чел., а численность представителей указанных народов в них соответственно – 444,7 тыс. чел., или 8,71 % от списочного состава действующей армии. Среди рядового состава действующих войск удельный вес представителей народов Закавказья и Средней Азии был еще выше – 10,06 %⁴⁰ (1 % численности РККА на тот момент составлял 91530,7 чел.). Эти данные свидетельствуют о том, что представителями закавказских и среднеазиатских национальностей преимущественно комплектовались стрелковые части, которые несли самые высокие потери среди всех родов войск. Объяснение этому следует искать в том, что основная масса призванных по мобилизации контингентов из числа коренных национальностей Закавказья и Средней Азии не имела опыта военной службы до войны, обладала низким образовательным уровнем и проходила в учетных документах по военно-учетным специальностям (ВУС) как «годные необученные» (ВУС-133) или «ограниченно годные (необученные)» (ВУС-134а). Исходя из этого освоение ими военно-учетной специальности стрелка (ВУС-1) было наименее сложным и затратным делом из десятков других специальностей рядового состава, как правило, требовавших более высокой общеобразовательной подготовки и знания русского языка.

В подтверждение выдвинутого тезиса уместно обратиться к анализу объективного показателя, косвенно характеризующего интенсивность использования представителей различных этносов непосредственно в боевых действиях, а именно – к численности и удельному весу раненых и больных (ранбольных), находившихся на лечении в лечебных учреждениях. Автором установлено, что уровень санитарных потерь среди уроженцев Закавказья и Средней Азии в среднем был выше, чем в целом по РККА. Так, на 1 января 1943 г. при общем количестве ранбольных в 620,2 тыс. чел. совокупная численность представителей народов Закавказья и Средней Азии составляла 72,7 тыс. чел. или 11,72 % от всего состава этой категории военнослужащих. По состоянию на 1 июля 1943 г. на 676,0 тыс. ранбольных приходилось 76,7 тыс. представителей народов Закавказья и Средней Азии или 11,35 %⁴¹.

Полученные данные коррелируют с расчетами, сделанными в свое время советским историком А.П. Артемьевым на материалах около двухсот стрелковых дивизий. По его данным, к январю 1943 г. доля армян в стрелковых частях составляла 1,49 %, в то время как по переписи 1939 г. среди всего населения этот показатель не превышал 1,27 %. Эти же цифры для грузин составили 1,82 и 1,33 % соответственно, азербайджанцев – 1,75 (на 1 июля 1943 г. – 1,57) и 1,34 %, узбеков – 2,42 (на 1 июля

³⁹ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 199. Л. 167.

⁴⁰ Там же. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 29–48.

⁴¹ Там же.

1943 г. – 4,44) и 2,86 %, казахов – 3,05 (на 1 июля 1943 г. – 2,77) и 1,83 % и т.д.⁴² Общий удельный вес народов Закавказья и Средней Азии в изученных А.П. Артемьевым стрелковых соединениях составил на 1 января 1943 г. – 11,6 %.

Таблица 5 / Table 5

Удельный вес представителей народов Закавказья и Средней Азии среди раненых, больных и личного состава стрелковых дивизий в 1943–1945 гг. (в процентах) / The proportion of representatives of the peoples of Transcaucasia and Central Asia among the wounded, sick and the personnel of rifle divisions in 1943–1945. (in percents)

Национальности	Раненые и больные по РККА в целом		В стрелковых соединениях (по А.П. Артемьеву)			Среди всего населения СССР по Всесоюзной переписи	
	На 1.1.1943	На 1.7.1943	На 1.1.1944	На 1.1.1943	На 1.7.1943		На 1.1.1944
Армяне	1,37	1,47	1,14	1,49	1,40	1,36	1,26
Грузины	1,31	1,64	0,89	1,82	1,17	1,52	1,32
Азербайджанцы	1,31	1,12	1,13	1,75	1,57	1,48	1,33
Казахи	3,5	2,92	2,13	3,05	2,77	1,57	1,83
Узбеки	2,76	2,78	3,05	2,42	4,44	2,02	2,84
Киргизы	0,55	0,64	0,53	0,52	0,57	0,36	0,52
Таджики	0,42	0,43	0,68	0,25	0,87	0,46	0,72
Туркмены	0,51	0,34	0,53	0,30	0,33	0,40	0,48
Всего	11,72	11,35	10,08	11,6	13,12	9,17	10,35

Источник / Source: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29–48; Д. 234. Л. 27–46; Поляков Ю.А. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992. С. 57; Артемьев А.П. Братский боевой союз... С. 58.

В таблицу 5 сведены данные санитарных потерь по состоянию на 1 января 1943 г., 1 июля 1943 г. и 1 января 1944 г., а также данные об этническом представительстве в стрелковых дивизиях, рассчитанные А.П. Артемьевым в сравнении с данными Всесоюзной переписи 1939 г. Оба показателя в 1943 г. превышали удельный вес среди населения, а с 1944 г. стали ниже его.

На пути к победе: особенности комплектования Красной армии украинцами после коренного перелома в Великой Отечественной войне

Во второй половине 1943 г. произошли существенные изменения в системе комплектования войск, связанные с коренным изменением стратегической обстановки на фронтах. После Курского сражения началось грандиозное контрнаступление советских войск, результатом которого стало освобождение от оккупантов огромной территории страны. К регионам Северного Кавказа и Нижнего Дона, освобожденным в ходе зимней кампании 1942–1943 гг., добавились Левобережная Украина и центральные области РСФСР. Пропорционально стремительным темпам наступления советских войск возрастал контингент граждан, подлежавших призыву в Красную армию, согласно продолжавшему действовать приказу Ставки ВГК № 089 от

⁴² Артемьев А.П. Братский боевой союз... С. 58.

9 февраля 1942 г.⁴³, определявшему упрощенный и ускоренный порядок призыва граждан в РККА на освобожденных территориях. По мере освобождения территории СССР особенно быстро рос удельный вес в войсках украинцев. Приток в действующую армию в течение второй половины 1943 и в 1944 гг. сотен тысяч жителей СССР позволил восполнить тяжелые потери летне-осенней кампании Красной армии 1943 г. 25 января 1944 г. было издано дополнявшее приказ Ставки ВГК № 089-1942 постановление ГКО № 5026 «О мобилизации советских граждан в освобождаемых от немецкой оккупации районах Западной Украины и Западной Белоруссии». Мобилизации и призыву подлежало фактически все мужское население более чем тридцати возрастов – с 1894 по 1926 гг. рождения⁴⁴. Для скорейшего военного обучения таких масс военнослужащих из Западной Украины и Западной Белоруссии в марте пришлось сформировать сразу четыре запасных бригады в Киевском и Харьковском военных округах (постановление ГКО от 23 марта 1944 г. № 5460сс⁴⁵).

За полтора года – с 1 января 1943 г. до 1 июля 1944 г. – когда была освобождена вся территория СССР, удельный вес украинцев в рядах Красной армии вырос в два раза – с 10,87 до 21,17 %⁴⁶. Как видно из диаграммы (рис. 1), этот показатель к концу войны возвращается к традиционной пятой части от всего личного состава РККА, но при этом значительно выше стали темпы прироста абсолютного числа украинцев в Красной армии – с 995,8 тыс. чел. в январе 1943 г. до 2534,5 тыс. чел. в июле 1944 г. (прирост за полтора года составил 254 %) ⁴⁷. Общий прирост численности РККА за этот же период шел в два раза медленнее и составил 134 % (с 9153,7 тыс. чел. до 12 259,8 тыс. чел.)⁴⁸.

Удельный вес украинцев особенно высоким был в составе действующих фронтов, что свидетельствует о том, что они попадали в войска в основном в результате так называемых войсковых мобилизаций, осуществлявшихся фронтовыми и армейскими комплектуемыми органами непосредственно в прифронтовой полосе⁴⁹. По состоянию на 1 июля 1944 г., по данным Оргучетного управления Главного организационного управления Генерального штаба РККА, количество украинцев в составе действующих фронтов достигло 1,7 млн чел., а удельный вес составлял 23,3%, в то время как в составе недействующих фронтов и военных округов их удельный вес равнялся 19,1 %⁵⁰. При этом на действующих фронтах в этот период существенно изменилось соотношение двух основных этнических групп военнослужащих – русских и украинцев. Если в целом по Красной армии оно составляло 3:1, то в действующих войсках – 2,72:1. Особенно высоким удельный вес украинцев был в составе 1, 2-го и 3-го Украинских фронтов – там соотношение русских и украинцев составляло 1,5:1, 1,2:1 и 1,75:1 соответственно⁵¹. В ряде армий, сражавшихся на территории Украины, число украинцев значительно превысило число русских и достигало

⁴³ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 920266. Д. 3. Л. 150.

⁴⁴ Русский архив. Т. 17 (6). С. 263.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 220. Л. 225.

⁴⁶ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 29–48; Д. 319. Л. 1.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Рибченко Л.В.* Радянські військові мобілізації 1943 року // Сторінки воєнної історії України. Київ, 2009. С. 103–112; *Рибченко Л.В.* Персональний облік людських військових втрат Червоної армії у Великій Вітчизняній війні // Київські адреси сповіщень про загибель: дослідження, документи, свідчення. К., 2013. С. 77; *Рибченко Л.В.* Документальний фонд з обліку людських втрат Національного музею історії Великої Вітчизняної війни 1941–1945 років як джерело з вивчення проблеми радянських військових мобілізацій 1943–1944 років // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Т. 19 (2). К., 2009. С. 129–139.

⁵⁰ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 319. Л. 1–16.

⁵¹ Там же.

50–80 % личного состава⁵². Например, в 4-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта к весне 1944 г. насчитывалось 57 % украинцев, 35 % русских, 0,8 % белорусов, 1,3 % татар, 1,5 % евреев, 1,4 % представителей республик Закавказья, 1,7 % представителей народов Средней Азии и 1,3 % других народов⁵³.

Последний ресурс – «западники» (белорусы, молдаване, народы Балтии)

Кроме украинцев, в последний период войны в рядах РККА росла абсолютная и относительная численность еще пяти этносов, проживавших в западных областях Советского Союза, а именно – белорусов, молдаван, латышей, литовцев и эстонцев, хотя их удельный вес был не столь велик. Нарастание численности этих этносов в рядах РККА так же, как и в случае с украинцами, коррелировало с продвижением советских войск на запад страны и соответствующим смещением акцентов в комплектовании (см. таблицу 6).

Таблица 6 / Table 6

Изменение удельного веса белорусов, молдаван, эстонцев, литовцев, латышей в рядах РККА в 1943–1945 гг., в процентах / Change in the specific gravity of Belarusians, Moldavians, Estonians, Lithuanians, Latvians in the ranks of the Red Army in 1943–1945, in percent

Национальности	Белорусы	Молдаване	Эстонцы	Латыши	Литовцы	Всего
На 1.1.1943 чел.	176262	4 170	19 882	8 557	5 373	214 244
Удельный вес в %	1,96	0,05	0,22	0,1	0,06	2,39
На 1.7.1943, чел.	199698	5431	23627	10068	5028	243852
Удельный вес в %	1,73	0,05	0,2	0,09	0,04	2,11
На 1.1.1944, чел.	256723	4970	24452	9611	3812	299568
Удельный вес в %	2,28	0,04	0,22	0,09	0,03	2,66
На 1.7.1944 чел.	271268	82345	25519	6631	3721	389484
Удельный вес в %	2,27	0,69	0,21	0,06	0,03	3,26
На 1.1.1945 чел.	524752	189505	34730	25547	33995	808529
Удельный вес в %	4,28	1,55	0,28	0,21	0,28	6,6

Источник / Source: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 29–48; Д. 234 Л. 27–46; Д. 317. Л. 1–8 об; Д. 366. Л. 1–17.

Из таблицы 5 видно, что совокупный рост численности пяти этносов, проживавших в западных регионах СССР, составил по сравнению с показателями 1943 г. трехкратную положительную динамику в относительных значениях и почти четырехкратную – в абсолютных. Анализ показывает, что резкий рост пришелся на последний период войны – со второй половины 1944 г., достигнув максимума в январе 1945 г. – 808,5 тыс. чел. или 6,6 % списочной численности РККА. Особенно резко за два года войны в рядах РККА выросла численность молдаван – в 31 раз.

Быстрый прирост численности украинцев, а затем белорусов, молдаван и жителей Прибалтики позволил осенью 1943 г. вообще отказаться от очередного призыва молодежи из Закавказья и Средней Азии и предоставить им годичную отсрочку на оздоровительные мероприятия, допризывную подготовку и изучение русского языка. Кроме того, подобно тому, как в первый период войны опережающий рост численности русских возместил потерю западных регионов страны, в послед-

⁵² Військове будівництво в Україні у ХХ столітті: Історичний нарис, події, портрети. Київ, 2001. С. 196.

⁵³ ЦАМО. Ф. 320. Оп. 4532. Д. 58. Л. 283.

ний период войны, напротив, резкий прирост численности украинцев, белорусов, молдаван и жителей Прибалтики сглаживал демографическую перегрузку русского мужского населения. На диаграмме (рис. 3) показана абсолютная и относительная отрицательная динамика численности русских в войсках с середины 1943 по начало 1945 г.

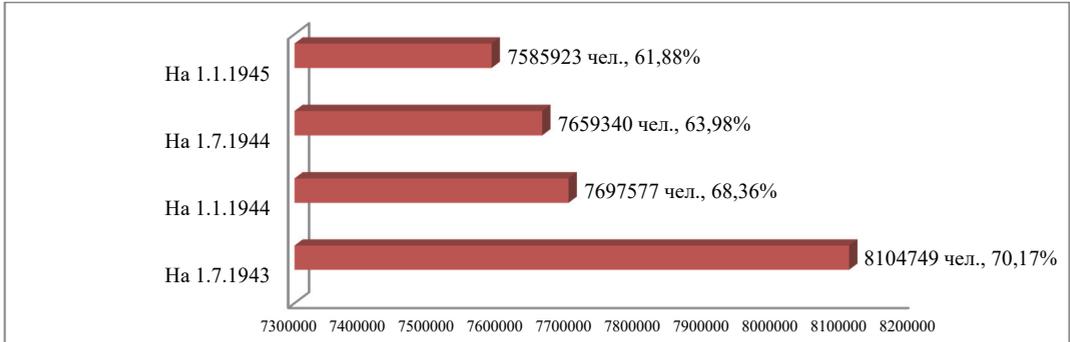

Рис. 3. Динамика численности русских военнослужащих в рядах РККА с июля 1943 г. по январь 1945 г.
Figure 3. The dynamics of the number of Russian troops in the ranks of the Red Army from July 1943 to January 1945

Источник / Source: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 29–48; Д. 234. Л. 27–46; Д. 317. Л. 1–8 об; Д. 366. Л. 1–17.

Из данных диаграммы 3 и таблиц 1, 2, 4 и 6 следует, что совокупный удельный вес русских, а также этносов, которые условно можно назвать «восточными» (титультные народы закавказских и среднеазиатских союзных республик), к 1 января 1945 г. сократился до 66,6 % (1 июля 1943 г. он составлял 78,15 %), в то время как удельный вес этносов, которые условно можно назвать «западными» (украинцы, белорусы, молдаване, латыши, литовцы, эстонцы), вырос за этот же период более чем вдвое – с 13,13 % до 27,04 %⁵⁴, т.е. более чем в два раза.

Достигнутые цифры мобилизованных в западных регионах СССР давались нелегко. По мере продвижения Красной армии на запад страны выполнение нарядов на мобилизацию освобождаемого населения становилось все более сложным делом. Мобилизационные мероприятия в западных областях Украины и Белоруссии, в Молдавии, Латвии, Литве, Эстонии проходили, как правило, «в обстановке активного противодействия со стороны националистических банд»⁵⁵.

Местным органам военного управления давались завышенные плановые задания по мобилизации. Так, оценочная численность военнообязанных в западных областях Белоруссии составляла 60 тыс. чел., в западных областях Украины – 86 тыс. чел., и в Молдавской ССР – 28 тыс. чел.⁵⁶ А по расчету Управления мобилизации НКО, сделанному 25 июля 1944 г., только из Западной Белоруссии планировалось мобилизовать и отправить во внутренние военные округа 105 тыс. чел.⁵⁷

Летом 1944 г. территория Западной Украины (в основном она была включена в состав образованного в мае 1944 г. Львовского военного округа) являлась прифронтовой зоной и была плотно насыщена войсками. В сентябре – октябре 1944 г. линия фронта значительно отодвинулась, однако на территории Львовского военного округа оставались крупные войсковые соединения, выведенные в резерв Ставки Верховного Главнокомандования и фронтов. Все это время армейские части ак-

⁵⁴ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 29–48; Д. 234. Л. 27–46; Д. 317. Л. 1–8 об; Д. 366. Л. 1–17.

⁵⁵ Там же. Оп. 881806. Д. 205. Л. 7.

⁵⁶ Там же. Л. 31.

⁵⁷ Там же. Л. 30.

тивно привлекались не только в помощь войскам НКВД в борьбе с вооруженным антисоветским повстанчеством, но и оказывали содействие военкоматам. Само по себе нахождение на территории Западной Украины большого количества советских войск способствовало успеху мобилизации. Командующий войсками ЛВО генерал-лейтенант И.К. Смирнов отмечал в своем докладе от 7 декабря 1944 г. начальнику Главупраформа РККА генерал-полковнику И.В. Смородину: «Для ускорения мобилизации и насильственного изъятия уклоняющихся от призыва 1-м Украинским и 4-м Украинским фронтами в помощь военкоматам было выделено несколько тысяч вооруженных бойцов, сержантов и офицеров. С их помощью райвоенкомы проводили облавы с одновременным охватом (полным оцеплением) нескольких населенных пунктов и сплошным прочесыванием крупных лесных массивов... Для уничтожения бандитских отрядов выделялись целые части с артиллерией, броневедомствами и танками. После проведения одной из таких операций силами частей 1-го Украинского фронта в Яворовских лесах (Львовская область), ранее резко отстававшие Краковецкий, Яворовский, Яновский райвоенкоматы в течение нескольких дней в основном закончили мобилизацию молодых возрастов»⁵⁸.

К началу зимы 1944 г. ситуация осложнилась. По мере отдаления линии фронта от западноукраинских областей значительно сократилась насыщенность территории войсками, что способствовало быстрой активизации и росту националистического антисоветского повстанческого движения ОУН-УПА. В отдельных районах Прикарпатья советская власть пала или была полностью парализована (Жабьевский, Яримчанский, Солотвинский, Косовский и другие районы Станиславской области). В столкновениях с повстанцами военкоматы ЛВО потеряли без малого 48 офицеров.

Поэтому мобилизация граждан старших возрастов, проходившая в этих регионах в ноябре–декабре 1944 г., осуществлялась значительно сложнее, чем мобилизация призывной молодежи, проходившая ранее, в августе – сентябре 1944 г. 17 декабря 1944 г. командующий войсками Львовского военного округа генерал-лейтенант И.К. Смирнов докладывал в Главупраформ о ходе мобилизации военнообязанных запаса русских и украинцев возрастов с 1900 по 1927 гг. рождения. По его данным, по семи облвоенкоматам (Волынский, Дрогобычский, Львовский, Ровенский, Станиславский, Тернопольский, Черновицкий) явилось подлежащих призыву военнообязанных 33 896 чел., в то время как 20 774 чел. (или 37,1%) уклонились от призыва⁵⁹. В Станиславском облвоенкомате цифра уклонистов достигала 73,5%. Добровольцев уже практически не было. В отношении оставшихся граждан Смирнов докладывал начальнику Главупраформа, что «остались только контингенты военнообязанных, которые приходится брать лишь силой, путем неоднократных облав и вылавливания уклоняющихся...»⁶⁰. В связи с этим командующий войсками округа запрашивал «немедленную помощь военкоматам вооруженной силой» в количестве «двух-трех стрелковых дивизий» (выделено мной. – А.Ю.), иначе наряды на мобилизацию выполнить было невозможно⁶¹. Имевшиеся в округе воинские части (63-й и 64-й учебные стрелковые полки, 43-я запасная стрелковая дивизия), по словам Смирнова, были полностью заняты в конвоировании мобилизованных до областных сборных пунктов и охране на железных дорогах.

Командованию округа пришлось прибегать к хитрости для выполнения наряда. Например, молодежь 1927 г. рождения первоначально была вызвана на учебные

⁵⁸ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 205. Л. 13–14.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. Л. 8, 17.

сборы, по окончании которых, без роспуска по домам, сразу же призвана (таким образом удалось собрать 9596 призывников)⁶².

Однако было бы неправильно считать, что население Западной Украины все как один уклонялось от мобилизации, проявляя тем самым нелояльность советской власти и Красной армии. Достаточно широким было и добровольческое движение. Так, в декабре 1944 г. 4-й Украинский фронт сообщал о принятых 11 тыс. добровольцев и об ожидаемом приеме еще 13–15 тыс. добровольцев из числа жителей Закарпатской Украины⁶³.

Серьезные трудности возникли и у военкоматов, созданных в прибалтийских советских республиках. Кадры уездных военкоматов для них формировались заранее, еще до освобождения уездов и городов. Они вступали на освобожденную территорию одновременно с частями Красной армии и сразу же разворачивали регистрацию военнообязанных запаса с выдачей на руки гражданам воинских документов. Работы по проведению мобилизации граждан мужского пола возрастом до 35 лет были начаты с подворных обходов и составления списков силами офицерского состава городских, уездных военных комиссариатов и партийно-советского актива. Так, в Литовской ССР на списочный учет было взято 187 725 чел. На каждого учтенного выписывались повестки о явке их на мобилизационные пункты с указанием сроков и мест явки.

Как и в Западной Украине, здесь учетные и мобилизационные мероприятия встречали противодействие значительной части местного населения, нелояльного советской власти. В Литве на мобилизационные пункты явилось 136 025 чел., не явилось 51 700 чел. Основной причиной этого в итоговом докладе Литовского республиканского военкомата была названа «вражеская работа и запугивание со стороны антисоветских элементов»⁶⁴. Километры, а нередко – десятки километров расстояния из уездвоенкоматов до пересыльных пунктов мобилизованные преодолевали пешком. За это время, как отмечалось, «бандитские группы разгоняют сопровождающий состав, а мобилизованным под страхом угроз приказывают разойтись по домам и не являться в уездвоенкоматы»⁶⁵. В результате только на Вильнюсский пересыльный пункт из трех уездов не явилось 3352 чел. Дезертирство с пересыльных пунктов наблюдалось и в связи с несвоевременной подачей подвижного состава и скученностью мобилизованных сверх нормы, вследствие чего среди них развивались болезни и завшивленность.

В январе 1945 г. начальник Главупраформа генерал-полковник И.В. Смородинов в категорической форме потребовал ускорить работу по «проверке и выявлению непризванных еще в армию ресурсов военнообязанных запаса в возрасте до 35 лет»⁶⁶. В ответ 20 января 1945 г. латвийский республиканский военный комиссар генерал-майор В.А. Малаховский доносил, что молодого мужского населения в Латвии почти не осталось, поскольку «немцам удалось призвать значительную часть молодых возрастов... и угнать в Германию часть населения, и многих уничтожить»⁶⁷. Имелось множество уклонистов (на каждый уездный военкомат таковых числилось от 100 до 400 чел.⁶⁸). Кроме того, не было точных учетных сведений о количестве населения. Самые предварительные оценки показывали, что население республики за

⁶² ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 205. Л. 17.

⁶³ Там же. Л. 12–13.

⁶⁴ Там же. Д. 207. Л. 61.

⁶⁵ Там же. Л. 62.

⁶⁶ Там же. Л. 6.

⁶⁷ Там же. Л. 7.

⁶⁸ Там же. Л. 21.

годы войны резко сократилось. Паспортизация граждан проводилась до конца января 1945 г.

Несмотря на все трудности, с августа 1944 г. по конец января 1945 г. по Латвийской ССР удалось мобилизовать и направить в запасные полки 46 910 чел. 1926–1908 гг. рождения⁶⁹. В Эстонии эта цифра составила 14 472 чел. В Литве от начала мобилизации по 1 января 1945 г. было мобилизовано 66 146 чел., в том числе 41 501 литовец, 11 834 поляка (остальные – в основном бывшие военнопленные)⁷⁰. К декабрю 1944 г. военные комиссариаты прибалтийских республик при поддержке партийно-советских органов власти, органов внутренних дел в основном наладили систему воинского учета, бронирования и разбронирования, отработали мобилизационные мероприятия, борьбу с дезертирством и уклонением от службы, организовали лечебно-оздоровительные мероприятия для нуждающихся, наладили гособеспечение семей военнослужащих и т.д. Для борьбы с дезертирством и уклонением от службы в волостях создавались истребительные отряды и делался упор на советский актив и семьи призванных в РККА⁷¹. Шло выявление лиц, служивших в немецкой армии, которые передавались в распоряжение НКВД. Только по Эстонии таковых было выявлено 5324 чел.⁷² В то же время общей для всех прибалтийских военкоматов стала неопытность начальствующего состава, вследствие чего специальные мероприятия по постановке на учет военнообязанного населения и каждодневный планомерный учет, и изучение контингентов военнообязанных велись слабо, с многочисленными недочетами и упущениями. Например, было установлено, что военкоматами в числе призванных военнообязанных запаса было направлено до 2 тыс. эстонцев, ранее служивших в немецкой армии, что категорически не допускалось.

Отдельной проблемой на исходе войны стала мобилизация призывников и военнообязанных польской национальности. В связи с развертыванием в течение 1944 г. Войска Польского всех поляков надлежало направлять только в польские части. В случае отправки таковых в части Красной армии ошибка, как правило, исправлялась. В западнобелорусских и западноукраинских областях нередкой проблемой была этническая идентификация мобилизуемых контингентов. Некоторые военкоматы (например, Молодеченской и Барановической областей Белорусской ССР), стремясь выполнить наряд на пополнение в Красную армию, набирали граждан польской национальности и отправляли их в запасные части, оформляя белорусами. Между тем большинство поляков отказывались служить в Красной армии и требовали направления их в Войско Польское. Находясь уже в запасных частях, они выражали свой протест тем, что «не берут оружия, не выходят на занятия и отказываются принимать военную присягу»⁷³. При этом, как отмечал в своем политдонесении начальнику Главного политуправления РККА генерал-полковнику С.А. Щербакову заместитель начальника Политуправления Белорусско-Литовского военного округа подполковник Чистогов, «значительная часть пополнения польской национальности заражена реакционно-националистической пропагандой»⁷⁴. В их среде считалось, что Польша как государство будет восстановлена в довоенных границах, что Красная армия в борьбе с немцами ослабится и тогда ее можно будет изгнать из страны. Если ситуация доходила до конфликта и поляки ультимативно требовали

⁶⁹ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 207. Л. 16.

⁷⁰ Там же. Л. 45.

⁷¹ Там же. Л. 23.

⁷² Там же. Л. 30.

⁷³ Там же. Л. 163.

⁷⁴ Там же.

отчислить их из Красной армии, то по специальному указанию Главупраформа они изымались «из запасных частей округа и направлялись на лесозаготовки»⁷⁵.

В связи с набором граждан в польскую армию немалое число белорусов и украинцев выдавали себя за поляков⁷⁶. Поэтому на местах приходилось создавать специальные комиссии районного масштаба, в которые включались представители райвоенкоматов, райисполкомов и райкомов партии. Пользуясь поселковыми книгами, паспортами и другими документами, они устанавливали действительную национальность местных жителей. При этом, как отмечалось в феврале 1945 г. в одном из докладов командующего войсками Белорусско-Литовского военного округа генерал-лейтенанта В.Ф. Яковлева, в этой работе в первую очередь «обращалось внимание не на вероисповедание (так как и настоящие белорусы имеют католическое вероисповедание), а на оседлость, быт, где родился и где проживал сам призывник и его семья»⁷⁷. При этом, по крайней мере декларативно, при отсутствии у призывника необходимых для определения национальности документов, комиссии руководствовались личным заявлением призываемых о национальности, и «никаких мер... стесняющих военнообязанных в определении их национальности, не применялось»⁷⁸.

Тюркские, финно-угорские народы РСФСР и евреи

Кроме проанализированных титульных народов союзных республик СССР, следует отметить вклад в комплектование РККА в годы войны еще нескольких групп этносов, в основном населявших РСФСР: тюркские и финно-угорские народы, относимые обычно к народам Поволжья (татары, башкиры, чуваша, удмурты, мордвина, марийцы), а также евреев. Динамика их представительства в рядах РККА была отражена в таблице 5. Сведенные воедино статистические данные свидетельствуют о том, что наибольшее представительство в абсолютных и относительных значениях имели татары и евреи, а также чуваша и мордвина. Совокупный удельный вес представителей этих четырех этносов в первый период войны (к 1 июля 1942 г.) составлял 6,14 % от списочной численности РККА, а в конце войны (на 1 января 1945 г.) – 4,71 %⁷⁹.

Данные таблицы 7 позволяют сделать вывод, что у этой группы этносов представительство в рядах РККА на разных этапах Великой Отечественной войны всегда было близко к усредненному демографическому показателю – удельному весу среди населения Советского Союза по Всесоюзной переписи 1939 г.

Все эти народы (за исключением карелов и, частично, евреев) проживали в глубоком тылу, территории их расселения не подвергались оккупации врагом. Они не испытали постоянного демографического стресса, подобно русским, резких временных демографических перегрузок, как украинцы, белорусы или молдаване. В отношении их государством не осуществлялись репрессивные акции. Представители этих народов в высокой степени обрусели и не имели проблем общения на русском языке. В связи с этим они не нуждались в особых формах комплектования в виде национальных формирований или национального квотирования. Этим следует объяснять достаточно равномерное распределение демографической нагрузки на эти народы на протяжении всей войны.

⁷⁵ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 208. Л. 165.

⁷⁶ Там же. Л. 164.

⁷⁷ Там же. Д. 205. Л. 67.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29–48; Д. 366. Л. 1–17.

Таблица 7 / Table 7

Численность и удельный вес тюркских, финно-угорских народов РСФСР и евреев в рядах РККА в годы Великой Отечественной войны / The number and proportion of Turkic, Finno-Ugric peoples of the RSFSR and Jews in the ranks of the Red Army during the Great Patriotic War

	На 1.1.41	Удельный вес в %	На 1.7.42	Удельный вес в %	На 1.1.43	Удельный вес в %	На 1.7.43	Удельный вес в %	На 1.1.44	Удельный вес в %	На 1.7.44	Удельный вес в %	На 1.1.45	Удельный вес в %	Удельный вес по Всесоюзной переписи 1939 г.
Татары	71702	1,99	243039	2,49	229196	2,55	276422	2,39	243157	2,16	217438	1,82	227076	1,85	2,53
Чуваши	28970	0,8	92413	0,95	80485	0,89	91420	0,79	80232	0,71	74662	0,62	74939	0,61	0,8
Мордвины	25341	0,7	85251	0,87	80557	0,9	92211	0,8	80322	0,71	76842	0,64	74541	0,61	0,85
Марийцы	8700	0,24	33182	0,34	27826	0,31	31074	0,27	26409	0,23	24324	0,2	23500	0,19	0,28
Удмурты	10101	0,28	33439	0,34	34087	0,38	34764	0,3	29392	0,26	26469	0,22	25822	0,21	0,36
Башкиры	14301	0,37	45556	0,47	40368	0,45	49322	0,43	41323	0,37	38784	0,32	36680	0,3	0,49
Буряты	3438	0,1	17028	0,17	16774	0,19	18983	0,16	16142	0,14	14974	0,13	15399	0,13	0,18
Коми	7592	0,21	22411	0,23	25013	0,28	24693	0,21	21505	0,19	19816	0,15	17803	0,15	0,25
Евреи	66279	1,84	178152	1,83	172118	1,91	208925	1,8	196576	1,74	201039	1,68	200552	1,64	1,78
Карелы	5617	0,16	11488	0,12	11585	0,13	12927	0,11	12146	0,11	10714	0,09	11695	0,1	0,15
ВСЕГО	242041	6,69	761959	7,81	718009	7,99	840741	7,26	747204	6,62	705062	5,87	708007	5,79	7,67

Примечание / Note: Подсчитано и составлено автором / The table is compiled by the author.

Источники / Sources: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29–48; Д. 234 Л. 27–46; Д. 366. Л. 1–17.

Выводы

Исследование показало, что руководство Советского Союза и его Вооруженных Сил в течение всей Великой Отечественной войны предпринимало чрезвычайные усилия для обеспечения непрерывного потока пополнений для частей Красной армии. Изыскание людских ресурсов, пригодных для укомплектования войск, имело свое этнонациональное измерение, которое учитывалось при комплектовании войск. Подводя итог количественному анализу использования народов СССР в комплектовании частей Красной армии, следует подчеркнуть, что народы всех национальных регионов Советского Союза внесли свой весомый исторический вклад в дело Великой Победы над фашизмом. Изменения стратегической ситуации на советско-германском фронте напрямую влияли на этнические акценты в комплектовании РККА. Постоянной оставалась лишь роль станового хребта Красной армии, которую выполнял русский этнос, испытывавший демографическую перегрузку в течение всей войны. Под перегрузкой понимается превышение доли представителей этноса в рядах войск (и, как следствие, чрезмерные боевые потери) над долей этого этноса среди всего населения СССР. Кроме русских, ряд других этносов также испытали в разные периоды войны резкие перегрузки, носившие, однако, временный характер. Они обуславливались прежде всего изменениями стратегической обстановки, влиявшими на усиление нагрузки на людские ресурсы в том или ином регионе страны. В 1942 г.

это были народы Закавказья; в 1942–1943 гг. – народы Средней Азии; с середины 1943 г. повышенная демографическая нагрузка выпала на плечи освобождаемых народов – украинцев, к которым в 1944 г. присоединились белорусы, молдаване, жители Прибалтики. Тюркские и финно-угорские народы РСФСР, а также евреи, проживавшие в основном глубоко в тылу, в течение военного времени также активно пополняли ряды армии, хотя чрезмерных перегрузок, связанных с войной, не испытывали.

Рукопись поступила: 11 ноября 2019 г.

Submitted: 11 November 2019

Библиографический список

- Артемьев А.П.* Братский боевой союз народов СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Мысль, 1975. 199 с.
- Горьков Ю.А.* Государственный Комитет Оборона постановляет (1941–1945): Цифры, документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 575 с.
- Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Всесоюзная перепись населения 1939 года. М.: Наука, 1996. 152 с.
- Рибченко Л.В.* Радянські військові мобілізації 1943 року // Сторінки воєнної історії України. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. С. 103–112.
- Рибченко Л.В.* Документальний фонд з обліку людських втрат Національного музею історії Великої Вітчизняної війни 1941–1945 років як джерело з вивчення проблеми радянських військових мобілізацій 1943–1944 років // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. С. 129–139.
- Рибченко Л.В.* Персональний облік людських військових втрат Червоної армії у Великій Вітчизняній війні // Київські адреси сповіщень про загибель: дослідження, документи, свідчення. Київ: Інститут історії України НАН України, 2013. С. 60–97.
- Сухарь М.Я.* Военно-мобилизационная работа Средне-Азиатского военного округа, республик Средней Азии и Казахстана по подготовке мобилизационных резервов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ашхабад: [Б.и.], 1981. 513 с.
- Alexiev R., Wimbush S.E.* The Ethnic Factor in the Soviet Armed forces. Historical Experience, Current Practices, and Implications for the Future. Santa Monica: Rand, 1983. 276 p.
- Blauvelt T.K.* Military Mobilisation and National Identity in the Soviet Union // *War & Society*. 2003. Vol. 21. № 1. P. 41–62.
- Curran S.L., Ponomareff D.* Managing the Ethnic Factor in the Russian and the Soviet Armed forces: An Historical Overview. Santa Monica: Rand, 1982. 41 p.
- Daugherty III L.J.* Ethnic minorities in soviet armed: The plight of central Asians in a Russian-dominated military // *The Journal of Slavic Military Studies*. 1994. Vol. 7. № 2. P. 155–197.
- Lobinger J.H.* Minority Nationalities in the Soviet Armed Forces. Oklahoma: University of Oklahoma, 1973. 189 p.
- Rakowska-Harmstone T.* Red Army as an Instrument of National Integration. Carlisle Barracks: US Army War College, 1978. 190 p.
- Rakowska-Harmstone T.* “Brotherhood in Arms”: The Ethnic Factor in the Soviet Armed Forces // *Ethnic Armies: Polyethnic Armed Forces from the Time of the Habsburgs to the Age of the Superpowers*. Waterloo: Wilfrid Laurier University Press, 1990. P. 123–157.
- Sanborn J.A.* Drafting the Russian nation. Military conscription, total war, and mass politics, 1905–1925. Illinois: Northern Illinois University Press, 2003. 278 p.

References

- Artem'yev, A.P. *Bratskiy boyevoy soyuz narodov SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny*. Moscow: Mysl' Publ., 1975 (in Russian).
- Alexiev, R., and Wimbush, S.E. *The Ethnic Factor in the Soviet Armed forces. Historical Experience, Current Practices, and Implications for the Future*. Santa Monica: Rand, 1983.
- Blauvelt, T.K. “Military Mobilisation and National Identity in the Soviet Union.” *War & Society* 21, no. 1 (2003): 41–62.

- Curran, S.L., and Ponomareff, D. *Managing the Ethnic Factor in the Russian and the Soviet Armed forces: An Historical Overview*. Santa Monica: Rand, 1982.
- Daugherty, III L.J. "Ethnic minorities in soviet armed: The plight of central Asians in a Russian-dominated military." *The Journal of Slavic Military Studies* 7, no. 2 (1994): 155–197.
- Gor'kov, Yu.A. *Gosudarstvennyy Komitet Oborony postanovlyayet (1941–1945): Tsifry, dokumenty*. Moscow: OLMA-PRESS Publ., 2002 (in Russian).
- Lobinger, J.H. *Minority Nationalities in the Soviet Armed Forces*. Oklahoma: University of Oklahoma, 1973.
- Rakowska-Harmstone, T. *Red Army as an Instrument of National Integration*. Carlisle Barracks: US Army War College, 1978.
- Rakowska-Harmstone, T. "Brotherhood in Arms": The Ethnic Factor in the Soviet Armed Forces." In *Ethnic Armies: Polyethnic Armed Forces from the Time of the Habsburgs to the Age of the Superpowers*, 123–157. Waterloo: Wilfrid Laurier University Press, 1990.
- Rybchenko, L.V. "Radyans'ki viys'kovi mobilizatsiyi 1943 roku." In *Storinky voyennoyi istoriyi Ukrayiny*, 103–112. Kyiv: Instytut istoriyi Ukrayiny NAN Ukrayiny Publ., 2009 (in Ukrainian).
- Rybchenko, L.V. "Dokumental'nyy fond z obliku lyuds'kykh vtrat Natsional'noho muzeyu istoriyi Velykoy Vitchyznyanoi viyny 1941–1945 rokiv yak dzherelo z vyvchennya problemy radyans'kykh viys'kovykh mobilizatsiy 1943–1944 rokiv." In *Naukovi zapysky. Zbirnyk prats' molodykh vchenykh ta aspirantiv*, 129–139. Kyiv: Instytut istoriyi Ukrayiny NAN Ukrayiny, 2009 (in Ukrainian).
- Rybchenko, L.V. "Personal'nyy oblik lyuds'kykh viys'kovykh vtrat Chervonoyi armiyi u Velykiy Vitchyznyaniy viyni." In *Kyyivs'ki adresy spovishchen' pro zahybel': doslidzhennya, dokumenty, svidchenya*, 60–97. Kyiv: Instytut istoriyi Ukrayiny NAN Ukrayiny Publ., 2013 (in Ukrainian).
- Sanborn, J.A. *Drafting the Russian nation. Military conscription, total war, and mass politics, 1905–1925*. Illinois: Northern Illinois University Press, 2003. Sukhar', M.Ya. *Voyenno-mobilizatsionnaya rabota Sredne-Aziatskogo voyennogo okruga, respublik Sredney Azii i Kazakhstana po podgotovke mobilizatsionnykh rezervov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)*. Ashkhabad: [S.n.], 1981 (in Russian).
- Zhiromskaya, V.B., Kiselev, I.N., and Polyakov, Yu.A. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda*. Moscow: Nauka Publ., 1996 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Безугольный Алексей Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

Alexey Yu. Bezugolny, Kandidat Istoricheskikh Nauk [PhD in history], Leading Researcher at Scientific Research Institute of Military History of Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russia.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-320-329>

Научная статья / Research article

Продовольственное снабжение блокадного Ленинграда и эвакуация населения с помощью авиации осенью 1941 г.

Н.Д. Пригодич

Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; ndprigodich@gmail.com

The Food Supply of Besieged Leningrad and the Evacuation of the Population by Using Aviation in the Autumn of 1941

Nikita D. Prigodich

Institute of History, Saint Petersburg State University; 7–9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia; ndprigodich@gmail.com

Аннотация: В статье рассмотрено снабжение осажденного Ленинграда различными грузами в период с сентября по декабрь 1941 г. с помощью авиации. В данный период, силами московского и северного отрядов особого назначения, происходила транспортировка продовольствия, оборудования, вооружения, приборов воздушным путем. В рамках исследования изучен процесс налаживания работы самолетов Гражданского Воздушного Флота СССР на линии Хвойная – Ленинград, места их базирования на большой земле и в блокированном городе. Отдельное место отведено рассмотрению состава авиационных групп, общей численности самолетов на линии по месяцам, а также статистике ремонтных и безвозвратных потерь. Опираясь на данные архивов Москвы и Санкт-Петербурга, приведены многочисленные статистические сведения, затрагивающие весь процесс работы «воздушного моста». По материалам отчетов Гражданского Воздушного Флота, Особой северной авиационной группы и ленинградского аэропорта приведены обобщенные данные результатов деятельности транспортной авиации осенью 1941 г., в том числе по количеству и составу эвакуированных квалифицированных рабочих и гражданского населения из Ленинграда. Анализ обширной источниковой базы позволил выявить ежесуточный объем поставляемых в город грузов, сравнив их, в том числе, с общим количеством принятого продовольствия, оборудования, вооружения, приборов. Рассмотрены причины и последствия неожиданного закрытия налаженной авиационной линии и перебазирования самолетов типа «дуглас» на московское направление.

Ключевые слова: блокада, Ленинград, продовольственное снабжение, транспортная авиация, воздушный мост, Хвойная

Для цитирования: Пригодич Н.Д. Продовольственное снабжение блокадного Ленинграда и эвакуация населения с помощью авиации осенью 1941 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 320–329. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-320-329>

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-39-90021 «Деятельность высших партийных органов Ленинграда по обеспечению действий авиации в обороне города 1941–1944 гг.».

Abstract: The author examined how besieged Leningrad was provided with various cargoes in the period from September to December 1941. During this period, the Moscow and Northern special forces organized the transportation of food, equipment, weapons, and devices by air. The investigation

centered on the establishment of the Khvoynaya-Leningrad line with aircraft of the Civil Air Fleet of the USSR, and on the locations of bases on the mainland and in the blocked city. Equally considered is the composition of the aviation groups, the total number of aircraft on the line by month, as well as statistics concerning repair and irrevocable losses. Based on materials from Moscow and St. Petersburg archives, statistical data are presented that characterize the entire process of the “air bridge”. Reports of the Civil Air Fleet, the Special Northern aviation group, and Leningrad airport, provide generalized data on the results of transport aviation activities in the autumn of 1941, including the number and composition of evacuated skilled workers and members of the civilian population from Leningrad. The analysis revealed the daily volume of goods delivered to the city, including the total amount of food, equipment, weapons, and devices received. Finally, the article reviews the reasons and consequences of the unexpected closure of the established airline and the relocation of the Douglas-type aircraft to Moscow.

Keywords: blockade, Leningrad, food supply, transport aviation, air bridge, Khvoynaya

For citation: Prigodich, Nikita D. “The food supply of besieged Leningrad and the evacuation of the population by using aviation in the autumn of 1941.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 2 (May 2020): 320–329. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-320-329>

Acknowledgements and Funding: This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR). The scientific project № 19-39-90021.

Введение

История продовольственного снабжения Ленинграда в годы Великой Отечественной войны в значительной степени изучена¹. Наиболее пристальное внимание исследователей традиционно было приковано к поставкам по Ладожскому озеру как в зимнее, так и в летнее время². В тот же момент одним из способов связи осажденного Ленинграда с «большой землей» являлся авиационный транспорт, так называемый «воздушный мост». Он был особенно важен в начальный период, когда все сухопутные пути, ведущие в город, оказались перерезаны. Данный аспект также не оставался без внимания историков и военных специалистов. В 1960–70-е гг. увидел свет целый ряд работ, посвященных истории гражданской авиации, где была затронута тема связи с заблокированным городом³. В 1980-е гг. вышел сборник воспоминаний участников работы «воздушного моста» – от руководителей операции до строителей аэродромов⁴. Этому предшествовала работа ленинградских журналистов, которые в полудокументальном стиле описывали происходившие события⁵.

Многие статистические сведения, в первую очередь о результатах действия авиации, приведены в работах ленинградского историка В.М. Ковальчука⁶. Обращаясь к историографии новейшего времени, следует выделить монографию А.Ю. Белорусовой, в которой на основе обширной документальной базы представлены детальные сведения об участии московской авиационной группы особого назначения в работе «воздушного моста»⁷.

¹ *Соболев Г.Л.* Ленинград в борьбе за выживание. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. СПб., 2013; *Соболев Г.Л.* Ленинград в борьбе за выживание. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943. СПб., 2015; *Соболев Г.Л.* Ленинград в борьбе за выживание. Книга третья: январь 1943 – январь 1944. СПб., 2017; *Соболев Г.Л., Ходяков М.В.* Публикация новых документов как важный фактор дальнейшего изучения обороны и блокады Ленинграда // *Новейшая история России*. 2019. Т. 9. № 1. С. 8–34.

² *Ковальчук В.М.* Магистрالی мужества: Коммуникации заблокированного Ленинграда, 1941–1943. СПб., 2001.

³ Подвиги летчиков гражданской авиации в годы Великой Отечественной войны // *Труды Высшего авиационного училища гражданской авиации*. Л., 1969; *Одинцова В.Ф., Логинов Е.Ф., Новиков А.А.* Гражданская авиация СССР. 1917–1967. М., 1967.

⁴ *Красноярлов В.И., Ялыгин М.И.* Воздушный мост над Ладогой: Сборник очерков и воспоминаний. Л., 1984.

⁵ *Михельсон В.И., Ялыгин М.И.* Воздушный мост. М., 1982.

⁶ *Ковальчук В.М.* Ленинград и большая земля. История Ладожской коммуникации заблокированного Ленинграда в 1941–1943 гг. Л., 1975; *Ковальчук В.М.* 900 дней блокады. Ленинград, 1941–1944: посвящается 60-летию Великой Победы. СПб., 2005.

⁷ *Белорусова А.Ю.* Летчики особого назначения. М., 2018.

Однако при обращении к имеющейся литературе следует констатировать серьезные разночтения в цифрах итогов работы авиации, включая данные о количестве продовольствия, которое было доставлено в Ленинград. Значительный вклад в решение данной проблемы внес Н.А. Ломагин⁸. В рамках рассмотрения внутренних причин голодной зимы 1941–1942 гг. он затрагивает и тему продовольственного снабжения города с помощью авиации. Цифры поставок продовольствия в Ленинград воздушным путем в декабре 1941 г. приводятся и в работе К.А. Болдовского⁹. Немаловажные аспекты продовольственного снабжения затронуты в совместной статье Г.Л. Соболева и М.В. Ходякова о работе продовольственной комиссии¹⁰.

И все же мы имеем лишь отрывочные сведения о количественном составе авиационных групп, доставлявших в блокированный город грузы в разные периоды времени. Еще одним важным аспектом работы «воздушного моста» становятся места дислокации самолетов и маршруты их следования над территориями, занятыми противником. Таким образом, все еще многие сюжеты в рамках обозначенной проблемы требуют не только уточнения, но и обобщения.

Формирование транспортной воздушной связи с осажденным Ленинградом

Основным транспортным подразделением, обеспечивавшим задачи авиационного снабжения города и фронта в годы блокады, являлась Особая северная авиагруппа гражданского воздушного флота СССР (далее – ОСАГ ГВФ), которая была сформирована 26 июня 1941 г. решением Военного Совета Северного фронта на базе Северного управления ГВФ в целях обеспечения боеприпасами и оборудованием 7-й и 14-й армий¹¹. Единственным местом базирования в период с начала войны до 12 сентября 1941 г. являлась территория ленинградского аэродрома у станции Шоссейная, в 10 км к югу от города¹². В состав группы первоначально были включены только три авиационных отряда¹³. К концу осени того же года общий состав ОСАГ достиг семи подразделений, в том числе за счет привлечения для воздушных перевозок Особого Балтийского авиационного отряда¹⁴. Однако даже после такого расширения непосредственные задачи по снабжению города и фронта продолжили выполнять только три авиационных соединения¹⁵.

После установления блокадного кольца в начале сентября 1941 г. начинается процесс изыскания дополнительных способов снабжения города и фронта продовольствием. Одним из возможных путей был признан вариант «воздушного моста». Меры к налаживанию авиационной связи между Ленинградом и «большой землей» были предложены руководству блокированного города заместителем начальника Главного Управления ГВФ (далее – ГУ ГВФ) М.Ф. Картушевым¹⁶. На приеме у

⁸ Ломагин Н.А. Учет и контроль – основа социализма: размышления о внутренних причинах голода в Ленинграде осенью и зимой 1941–1942 гг. // Петербургский исторический журнал. 2019. № 3. С. 170–173, 175–177.

⁹ Болдовский К.А. Ленинград в декабре 1941 года // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1. С. 73.

¹⁰ Соболев Г.Л., Ходяков М.В. Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 8–21.

¹¹ Центральный государственный архив историко-политических дел Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 10. Д. 480. Л. 6.

¹² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. Р-9939. Оп. 2. Д. 29. Л. 1.

¹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 68. Л. 3 об.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-9939. Оп. 2. Д. 24. Л. 26–27.

¹⁵ Там же. Д. 22. Л. 52–54.

¹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 480. Л. 6.

А.А. Жданова 11 сентября 1941 г. он изложил план продовольственного снабжения и авиационные маршруты¹⁷. 12 сентября, после утверждения деталей операции в Москве, состоялось новое заседание на приеме у А.А. Жданова, где был составлен текст соответствующего постановления Военного Совета Ленинградского фронта¹⁸. Согласно тексту постановления ОСАГ была поручена организация транспортировки из Ленинграда оборонных грузов, а также рабочих целого ряда ключевых заводов осажденного города. В обратном направлении предполагалась переброска продовольствия, оружия, консервированной крови, медикаментов, почты и горючего. В качестве основных авиационных баз были выбраны аэродромы Комендантский и Смольная¹⁹.

На основании решения Военного Совета Ленинградского фронта ровно через неделю, 20 сентября 1941 г., Государственный Комитет Обороны (далее – ГКО) принимает постановление «Об установлении транспортной воздушной связи с городом Ленинградом»²⁰, в соответствии с которым происходит разделение авиационной транспортировки грузов на несколько этапов. В качестве первостепенной была указана потребность обеспечения города снарядами, моторами, средствами связи, взрывателями, патронами, оптическими приборами, взрывчатыми веществами, дефицитными деталями для боевых машин, стрелковым оружием и др. Из Ленинграда вывозились телеграфные и телефонные аппараты, авиаприборы, танковые пушки, электрооборудование для самолетов, радиостанции и др. Предполагаемый ежедневный объем перевозок на первом этапе вплоть до 1 октября 1941 г. был определен в количестве 100 т, позднее – 150 т. В дальнейшем самолеты должны были приступить к транспортировке продовольствия. В то же время постановлением было определено число авиации, работавшей на линии – 50 единиц до октября и 64 единицы – с 1 октября. Однако это число так и не было обеспечено, что демонстрируют отчеты действий истребителей прикрытия и периодические запросы из Ленинграда об увеличении количества самолетов²¹. В докладной записке уполномоченного Военного Совета Ленинградского фронта по воздушным перевозкам А.П. Петрова наиболее подробно описаны причины неэффективной работы транспортной авиации того периода²².

Кроме того, ГКО выступил с предложением о подготовке целого ряда тыловых авиабаз для самолетов, снабжавших Ленинград. Выполнение постановления было поручено ГУ ГВФ и командованию ВВС Красной Армии. Внимание необходимо было сконцентрировать на Вологодском авиаузле. Таким образом, важнейшим центром снабжения Ленинграда стала Вологда, где также базировался 232-й авиационный отряд самолетов П-5 ГВФ. В первый день работы, 22 сентября 1941 г., на 30 самолетах в город было доставлено 70 т грузов. В обратную сторону вывезли группу ученых, женщин и детей²³.

Проблема продовольственного снабжения как войск, так и населения Ленинграда становилась все острее. По этой причине полеты начали осуществлять с аэродромов Хвойная и Кушавера, расположенных ближе к линии фронта. Это уменьшило длину «воздушного моста» практически вдвое, что позволило увеличить еже-

¹⁷ Болдовский К.А. Журнал посещений А.А. Жданова. 1941–1944 гг. СПб., 2014. С. 38.

¹⁸ Там же. С. 39.

¹⁹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 217. Оп. 1258. Д. 4. Л. 156–160.

²⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 2. Д. 18. Л. 116–119.

²¹ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221.

²² Ломагин Н.А. Учет и контроль... С. 170–173.

²³ Красная В.И., Ялыгин М.И. Воздушный мост над Ладогой... С. 49–50.

суточную переброску грузов до 115 т²⁴. По воспоминаниям командира 4-го отдельного авиаполка Н.А. Гриценко, на аэродромах базирования «накапливались огромные кучи продовольствия, мяса, которые складировались прямо на летном поле, откуда их наиболее оперативно грузили в самолеты»²⁵.

Основную поддержку транспортной авиации оказывал переведенный в 20-х числах сентября из Подмосковья на Ленинградский фронт 127-й истребительный авиационный полк. Помимо этого периодическую помощь оказывали летчики ВВС Ленинградского фронта, которые при необходимости также занимались сопровождением самолетов ГВФ²⁶. Во исполнение решения ГКО 5–6 октября 1941 г. из-под Воронежа на аэродром Кайвакса для сопровождения транспортных самолетов перелетел 286-й истребительный авиаполк. Следует отметить, что истребители сопровождения находились в составе Восточной оперативной группы ВВС Ленинградского фронта, которая также была организована 20 сентября и занималась обеспечением действий войск во время защиты Тихвина и попыток прорыва блокады²⁷.

Активный период действия «воздушного моста»

С октября 1941 г. для воздушных перевозок была привлечена Московская авиационная группа особого назначения (далее – МАГОН) ГУ ГВФ, в дальнейшем составившая основу транспортной группы. Главным самолетом, с помощью которого производились перевозки, являлся ПС-84, или попросту «ЛИ-2». Он представлял из себя собранный по лицензии американский транспортный самолет «Дуглас». Именно по этой причине для одного самолета в документах могли встречаться совершенно различные названия. Его максимальная грузоподъемность, согласно техническим характеристикам, достигала 3 т, кроме того, он был усилен пушкой и двумя пулеметами²⁸.

После постановления ГКО от 20 сентября 1941 г. штаб МАГОН выделил на ленинградское направление 35 «Дугласов» в составе шести подразделений (около 2/3 от всего состава группы) под сопровождением 127-го и 286-го истребительных авиаполков из резерва Ставки²⁹. С 7 октября начались регулярные транспортные рейсы. Три московские эскадрильи базировались в Хвойной, Шибинце и Кушеверах, еще три производили работу напрямую из Москвы. После начала наступления немецкой армии на Тихвин пришлось оставить аэродром Шибинец и перебазироваться в Хвойную, в то время как истребители сопровождения перебазировались на комendantский аэродром и летное поле Подборовье³⁰. В конце октября 1941 г. командиры всех эскадрилий МАГОН получили распоряжение командования немедленно подготовиться к переброске войск³¹.

К ноябрю, когда чрезвычайно обострилась ситуация с наличием вооружений на московском направлении, «Дугласы» переправили из Ленинграда до тысячи единиц минометных орудий³². Однако в этот период ситуация с поставками по Ладожскому озеру оказалась наиболее острой. Было необходимо срочное расширение воздушных поставок. 9 ноября А.А. Жданов в беседе с И.В. Сталиным просит об увеличе-

²⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-9939. Оп. 2. Д. 29. Л. 9–14.

²⁵ ЦГА ИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 68. Л. 7 об.

²⁶ *Красноярков В.И., Ялыгин М.И.* Воздушный мост над Ладогой... С. 49–54.

²⁷ Там же.

²⁸ *Артемьев А.А.* Крылья сверхдержавы. М., 2009. С. 78–83.

²⁹ *Белорусова А.Ю.* Летчики особого назначения... С. 154–155.

³⁰ Там же. С. 168–169.

³¹ Там же. С. 172.

³² Там же. С. 174.

нии количества транспортных самолетов, работающих на Ленинград³³. В тот же день было опубликовано постановление ГКО о выделении 24 «Дугласов» и 10 ТБ-3 на пятидневный срок. В соответствии с данным решением ежедневный объем доставки продовольствия в город должен был быть увеличен до 200 т (в том числе гороховый суп и пшенная каша в концентрированном виде – 135 т; свинина и колбаса в копченном виде – 20 т; яичный порошок и сухое молоко – 10 т; сливочное масло – 15 т; топленое сало и комбиджир – 20 т³⁴). Одновременно с постановлением ГКО три эскадрильи МАГОН, работавшие на ленинградском направлении, были временно объединены в «Северную неотделимую авиагруппу» со штабом в Хвойной³⁵. Однако 13 ноября в ходе переговоров с Г.М. Маленковым А.А. Жданов сообщил о том, что транспортные самолеты так и не были переданы на ленинградское направление, таким образом постановление ГКО оказалось не выполнено в срок³⁶. Через два дня «Дугласы» в неполном составе все же начали свою работу по снабжению города, но уже к 21 ноября они были возвращены под Москву³⁷. Если верить воспоминаниям А.И. Микояна, то И.В. Сталин и вовсе считал использование «Дугласов» для снабжения осажденного города – «нецелевым»³⁸.

В общей сложности с 10 по 21 ноября за время работы дополнительной группы транспортных самолетов и бомбардировщиков в Ленинград было доставлено 742 т грузов. Обратным маршрутом было вывезено 8409 человек. Среднесуточный объем поставленных грузов едва достигал 62 т вместо установленных 200 т. В отчете о проведенной операции указывались следующие причины неудовлетворительной работы: «1. Большие потери от авиации противника из-за фактического отсутствия прикрытия самолетами-истребителями. В среднем на 4 транспортника – 1 истребитель, который при хорошей погоде от скуки занимается высшим пилотажем вместо работы по сопровождению, а при приближении противника отвлекается от сопровождения и вступает в воздушный бой, теряя тем самым транспортные самолеты; 2. Большой отход на ремонт моторов; 3. Метеоусловия». За время операции было потеряно пять самолетов безвозвратно и еще шесть были отправлены в ремонт³⁹.

Решением Ставки 10 ноября 1941 г. к работе «воздушного моста» подключилась бомбардировочная авиация. В районе Череповецкого аэродрома стала базироваться 39-я отдельная бомбардировочная эскадрилья, состоявшая из самолетов ТБ-3⁴⁰. Она оказалась в подчинении у 7-го авиаполка тяжелых бомбардировщиков, который также переместился в район Череповца двумя неделями ранее, но приступил к работе по снабжению Ленинграда только в 20-х числах ноября. Общая численность тяжелых бомбардировщиков, работавших на линии к этому моменту, достигла четырех эскадрилий⁴¹. С этого момента бомбардировочная и транспортная авиация обеспечивала снабжение Ленинграда совместно вплоть до 25 декабря, когда работа «воздушного моста» была полностью остановлена ввиду отсутствия необходимости.

В конце ноября вся транспортная авиация переходит на поставки в Ленинград с «короткого плеча» – с промежуточными посадками в Новой Ладого, что позволило увеличить количество челночных рейсов до 3–4 в день. Еще в октябре командующий ВВС Ленинградского фронта А.А. Новиков приказывал осуществлять со-

³³ Волковского Н.Л. Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. СПб., 2004. С. 65–67.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 24. Л. 172–174.

³⁵ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 9527. Оп. 1. Д. 1720. Л. 105.

³⁶ Волковского Н.Л. Блокада Ленинграда... С. 67–69.

³⁷ РГАЭ. Ф. 9527. Оп. 5. Д. 111. Л. 49–52.

³⁸ Микоян А.И. Так было. М., 1999. С. 453.

³⁹ РГАЭ. Ф. 9527. Оп. 5. Д. 111. Л. 49–52.

⁴⁰ Краснояров В.И., Ялыгин М.И. Воздушный мост над Ладогой... С. 13–15.

⁴¹ Там же.

провожение «Дугласов» истребителями из расчета: один истребитель – на два транспортных самолета. Однако это требование исполнялось крайне редко, из-за чего периодически случались потери в рядах транспортной авиации. Командующий ленинградской группы МАГОН С.Н. Шарыкин многократно обращался к А.А. Новикову с целью изменить сложившееся положение. К началу декабря 1941 г. из 58 самолетов, числившихся в ленинградской группе, исправными оставались только около 60%. Поврежденные машины переправлялись в глубокий тыл страны⁴².

Дополнительные 30 транспортных самолетов были выделены Военным Советом Ленинградского фронта в момент останки водной навигации по Ладожскому озеру. Это было подкрепление, предоставленное ГКО Ленинградскому фронту для работы на самом коротком маршруте – Новая Ладога – Ленинград⁴³. Этим самолетам было предписано совершать по два рейса ежедневно. После выполнения боевого задания транспортники были возвращены на прежнее место базирования⁴⁴.

Транспортные самолеты, отправлявшиеся по линии Хвойная – Ленинград, в качестве посадочной площадки использовали аэродромы Комендантский (1-я авиабаза), Смольная (2-я авиабаза) и, в крайних случаях, – Сосновку и Янино⁴⁵. Именно аэродром Смольная был сооружен в рекордные сроки, и здесь за считанные дни для работы транспортной авиации появились взлетно-посадочные полосы, рулежные дорожки, капониры. Аэродром был построен в сентябре 1941 г. на колхозном поле, рядом с железнодорожной станцией Ржевка, и стал одной из основных авиабаз транспортных самолетов. В конце ноября 1941 г. по причине активных артиллерийских и авиационных обстрелов Комендантский аэропорт пришлось закрыть для приема грузов. Основной базой внутри города в этот момент становится аэродром Смольная. В качестве защиты от обнаружения этого важного пункта поблизости был сооружена ложная площадка, которую неоднократно атаковал противник. В то же время действующий аэродром за все время ведения военных действий так и не был поврежден⁴⁶.

Важнейшей причиной организации воздушной связи с Ленинградом было не только продовольственное снабжение, но и эвакуация населения, в том числе рабочих и специалистов предприятий оборонной промышленности. Вместе с этим из города вывозились раненные бойцы Красной Армии, гражданские лица. Полеты в Ленинград были связаны с высокой степенью риска. Часть маршрута проходила в непосредственной близости к линии фронта, а также над льдом Ладожского озера, которое находилось под постоянным прицелом артиллерии и авиации противника. На это накладывались и тяжелые метеоусловия осени 1941 г.: дождь, туман, низкая облачность сопровождали летчиков фактически ежедневно.

За все время работы транспортной авиации по поставкам продовольствия и эвакуации населения в 1941 г. было безвозвратно потеряно в воздухе и на аэродромах не более 10 самолетов⁴⁷. Количество же ремонтных потерь было значительным и достигло не менее 30 самолетов во всех соединениях, задействованных в операции⁴⁸. При учете 82-дневного среднего срока восстановления и ввода в эксплуатацию самолета такие потери для дела снабжения блокированного города были по сути равны безвозвратным. Наиболее тяжелым в данном отношении был ноябрь. Сначала над Ладожским озером был сбит «Дуглас» с 30 пассажирами, в котором погибли все, включая членов экипажа. Затем недалеко от Комендантского аэродро-

⁴² РГАЭ. Ф. 9527. Оп. 5. Д. 111. Л. 49–52.

⁴³ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1258. Д. 4. Л. 156–160.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-9939. Оп. 2. Д. 29. Л. 1.

⁴⁶ Там же. Л. 2.

⁴⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 480. Л. 13–14.

⁴⁸ РГАЭ. Ф. 9527. Оп. 5. Д. 144 а.

ма подбитый самолет упал на территорию совхоза, где ленинградцы доставали ботву от свеклы из-под снега. По воспоминаниям очевидца, заместителя командира 4-го авиаотряда В.П. Легостина, люди бросились к рассыпанным по земле пакетам и коробкам с концентратами и другими продуктами. Подоспевший инструктор райкома и двое сотрудников народной милиции применили оружие, однако не смогли остановить процесс расхищения⁴⁹.

Продовольствие было необходимо Ленинграду, но для огромного города и фронта его было явно недостаточно. Потребности были значительно выше тех возможностей, которые могла предоставить работа «воздушного моста». И все же руководство осажденного города возлагало надежды на эту воздушную связь с большой землей. Однако совершенно неожиданно как для ленинградцев, так и для самих летчиков, 25 декабря воздушная транспортная связь была остановлена. Через два дня решением начальника ГУ ГВФ В.С. Молокова был оформлен приказ об окончании операции и перебазировании МАГОН обратно в Москву⁵⁰. Была расформирована «Северная неотдельная авиагруппа». С начала 1942 г. самолеты ГУ ГВФ были сконцентрированы на других участках советско-германского фронта, в том числе для осуществления поставок военной техники, обмундирования и продовольствия в рамках помощи СССР от союзных государств⁵¹.

Внезапная отмена воздушных поставок внесла значительную сумятицу в логистику перевозок, в первую очередь, из осажденного города. Масса грузов военного и промышленного значения, скопившихся на аэродромах Комендантский, Янино и Смольная, была еще долгое время не востребована. Неоднократно от представителей ОСАГ поступали докладные записки о необходимости разгрузки складских помещений и взлетно-посадочных полос на ленинградских авиабазах⁵². Более того, до начала весны 1942 г. туда поступали все новые грузы, предполагавшие перевозку воздушным транспортом, которые так и не были осуществлены⁵³.

По обобщенным данным ГУ ГВФ, ленинградского аэропорта и ОСАГ, в общей сложности за период с 13 сентября по 31 декабря 1941 г. силами транспортной авиации за 3115 рейсов было доставлено в Ленинград 6186,6 т грузов (из них соединениями ОСАГ – 517 т), в том числе 4325,4 т продовольствия и 1271 т боеприпасов. Одновременно из Ленинграда было вывезено 58301 человек (из них соединениями МАГОН и армейской авиацией – 50099 человек), в том числе около 30 тысяч квалифицированных рабочих и специалистов и свыше 7 тысяч раненых и больных, а также более 1679,5 т различных грузов, в частности, 866 минометов и 144 пушки⁵⁴. Подавляющее большинство из общей численности поставленных в Ленинград грузов приходится на долю МАГОН, в то время как процент поставок с помощью армейской бомбардировочной авиации является незначительным. Однако, в соответствии с «Отчетом городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г.» из Ленинграда самолетами было вывезено всего 35114 человек, из которых 18 158 ленинградцев⁵⁵. Однако данные цифры опираются исключительно на статистику ОСАГ.

⁴⁹ РГАЭ. Ф. 9527. Оп. 5. Д. 144а.

⁵⁰ Ломагин Н.А. Учет и контроль... С. 175–176.

⁵¹ Пригодич Н.Д. Англо-американские военно-воздушные силы на Кавказе в годы Великой Отечественной войны: подготовка операции «Вельвет» и крах ее реализации // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 3. С. 570–582.

⁵² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р5446. Оп. 59. Д. 14. Л. 136.

⁵³ Там же.

⁵⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-9939. Оп. 2. Д. 29. Л. 9–14; ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 480. Л. 13; РГАЭ. Ф. 9527. Оп. 5. Д. 111. Л. 217–246; Д. 212. Л. 8; Д. 217. Л. 4.

⁵⁵ Ковальчук В.М. Магистраль мужества... С. 59.

Выводы

Следует отметить, что работа транспортной авиации, доставлявшей в Ленинград различные грузы и, в первую очередь, продовольствие, была связана с высокой степенью риска. «Дугласам» приходилось летать над Ладожским озером, практически вплотную прижимаясь к водной глади, а позднее – ко льду. В то же время истребители сопровождения из-за разницы скоростей не всегда могли эффективно оборонять транспортные самолеты, что приводило к значительному количеству потерь или, по крайней мере, долгосрочному выводу из строя столь необходимых «Ли-2». Авиация противника в ежедневном режиме старалась сорвать воздушное сообщение с Ленинградом. В то же время пополнение транспортных частей было крайне недостаточным, и рабочая авиагруппа 1941 г. не достигла тех размеров, которые были изначально заложены в решении ГКО. Данное обстоятельство напрямую отразилось на общих результатах работы «воздушного моста», который так и не смог стать альтернативой поставок продовольствия в блокированный Ленинград.

В заключении необходимо особенно подчеркнуть, что действия транспортной авиации осенью 1941 г. были крайне необходимы осажденному городу. На них ленинградское руководство возлагало большие надежды, в первую очередь, по причине поставок таким способом высококалорийных продуктов, концентратов. Локальные неудачи, как, например, потеря самолетов или значительное отставание от первоначальных планов поставок грузов, могли быть решены при условии наличия достаточного опыта подобных операций. Одним из выходов могло стать более широкое задействование бомбардировочной авиации. Скоротечная и во многом неожиданная отмена работы «воздушного моста» привела к краткосрочным негативным последствиям, которые удалось ликвидировать только после принятия мер по усилению работы ладожской военно-автомобильной дороги.

Рукопись поступила: 24 января 2020 г.

Submitted: 24 January 2020

Библиографический список

- Артемьев А.А.* Крылья сверхдержавы. М.: Эксмо, 2009. 608 с.
- Белорусова А.Ю.* Летчики особого назначения. М.: АСТ, 2018. 733 с.
- Болдовский К.А.* Журнал посещения А.А. Жданова. 1941–1944 гг. СПб.: Национальный центр социальной помощи, 2014. 393 с.
- Болдовский К.А.* Ленинград в декабре 1941 года // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1. С. 70–82.
- Волковский Н.Л.* Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. СПб.: Полигон, 2004. 766 с.
- Ковальчук В.М.* Ленинград и большая земля. История Ладожской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941–1943 гг. Л.: Наука, 1975. 328 с.
- Ковальчук В.М.* Магистрالی мужества: Коммуникации блокированного Ленинграда, 1941–1943. СПб.: Вести, 2001. 328 с.
- Ковальчук В.М.* 900 дней блокады. Ленинград, 1941–1944: посвящается 60-летию Великой Победы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 234 с.
- Красноярлов В.И., Ялыгин М.И.* Воздушный мост над Ладогой: Сборник очерков и воспоминаний. Л.: Лениздат, 1984. 256 с.
- Ломагин Н.А.* Учет и контроль – основа социализма: размышления о внутренних причинах голода в Ленинграде осенью и зимой 1941–1942 гг. // Петербургский исторический журнал. 2019. № 3. С. 159–187.
- Микоян А.И.* Так было. М.: Вагриус, 1999. 612 с.
- Михельсон В.И., Ялыгин М.И.* Воздушный мост. М.: Политиздат, 1982. 214 с.
- Одинцова В.Ф., Логинов Е.Ф., Новиков А.А.* Гражданская авиация СССР. 1917–1967. М.: [Б.и.], 1967. 320 с.

- Пригодич Н.Д. Англо-американские военно-воздушные силы на Кавказе в годы Великой Отечественной войны: подготовка операции «Вельвет» и крах ее реализации // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 3. С. 570–582.
- Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2013. 694 с.
- Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2015. 525 с.
- Соболев Г.Л., Ходяков М.В. Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 8–21.
- Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание. Книга третья: январь 1943 – январь 1944. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2017. 764 с.
- Соболев Г.Л., Ходяков М.В. Публикация новых документов как важный фактор дальнейшего изучения обороны и блокады Ленинграда // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1. С. 8–34.

References

- Artem'yev, A.A. *Kryl'ya sverkhderzhavy*. Moscow: Eksmo Publ., 2009 (in Russian).
- Belorusova, A.Yu. *Letchiki osobogo naznacheniya*. Moscow: AST Publ., 2018 (in Russian).
- Boldovskiy, K.A. *Zhurnal poseshcheniy A.A. Zhdanova. 1941–1944 gg.* St. Petersburg: Natsional'nyy tsentr sotsial'noy pomoshchi Publ., 2014 (in Russian).
- Boldovskiy, K.A. “Leningrad in December, 1941.” *Modern History of Russia* 9, no. 1 (2019): 70–82 (in Russian).
- Koval'chuk, V.M. *Leningrad i bol'shaya zemlya. Istoriya Ladozhskoy kommunikatsii blokirovannogo Leningrada v 1941–1943 gg.* Leningrad: Nauka Publ., 1975 (in Russian).
- Koval'chuk, V.M. *Magistrali muzhestva: Kommunikatsii blokirovannogo Leningrada, 1941–1943.* St. Petersburg: Vesti Publ., 2001 (in Russian).
- Koval'chuk, V.M. *900 dney blokady. Leningrad, 1941–1944: posvyashchayetsya 60-letiyu Velikoy Pobedy.* St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2005 (in Russian).
- Krasnoyarov, V.I., and Yalygin, M.I. *Vozdushnyy most nad Ladogoy: Sbornik ocherkov i vospominaniy.* Leningrad: Lenizdat Publ., 1984 (in Russian).
- Lomagin, N.A. “Accounting and control are the basis of socialism: reflections on the internal causes of hunger in Leningrad in the fall and winter of 1941–1942.” *Petersburg Historical Journal*, no. 3 (2019): 159–187 (in Russian).
- Mikoyan, A.I. *Tak bylo*. Moscow: Vagrius Publ., 1999 (in Russian).
- Mikhel'son, V.I., and Yalygin, M.I. *Vozdushnyy most*. Moscow: Politizdat Publ., 1982 (in Russian).
- Odintsova, V.F., Loginov, Ye.F., and Novikov, A.A. *Grazhdanskaya aviatsiya SSSR. 1917–1967*. Moscow: [S.n.], 1967 (in Russian).
- Prigodich, N.D. “British and American Air Force in the Caucasus during Second World War: the Preparation of the operation “Velvet” and the Collapse of its Implementation.” *Modern History of Russia* 8, no. 3 (2018): 570–582 (in Russian).
- Sobolev, G.L. *Leningrad v bor'be za vyzhivaniye. Kniga pervaya: iyun' 1941–may 1942.* St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 2013 (in Russian).
- Sobolev, G.L. *Leningrad v bor'be za vyzhivaniye. Kniga vtoraya: iyun' 1942–yanvar' 1943.* St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 2015 (in Russian).
- Sobolev, G.L., and Khodyakov, M.V. “The Food Commission of Leningrad Front Military Council in 1942.” *Modern History of Russia*, no. 1 (2016): 8–21 (in Russian).
- Sobolev, G.L. *Leningrad v bor'be za vyzhivaniye. Kniga tret'ya: yanvar' 1943–yanvar' 1944.* St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 2017 (in Russian).
- Sobolev, G.L., and Khodyakov, M.V. “The Publication of New Documents as an Important Factor in the Further Study of the Defense and Blockade of Leningrad.” *Modern History of Russia* 9, no. 1 (2019): 8–34 (in Russian).
- Volkovskiy, N.L. *Blokada Leningrada v dokumentakh rassekrechennykh arkhivov.* St. Petersburg: Polygon Publ., 2004 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Пригодич Никита Дмитриевич, аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Nikita D. Prigodich, Postgraduate Student of the Institute of History, Saint Petersburg State University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-330-348>

Научная статья / Research article

Динамика и причины нарушений трудовой дисциплины в годы Великой Отечественной войны (на материалах города Коврова)

И.С. Тряхов

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых; 600000, Россия, Владимир, ул. Горького, 87;
ilja.tryahoff@yandex.ru

Dynamics and Causes of Violations of Labor Discipline during the Great Patriotic War (on the Materials of the City of Kovrov)

Ilya S. Tryakhov

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs;
87, Gorky St., Vladimir, 600000, Russia; ilja.tryahoff@yandex.ru

Аннотация: В предлагаемой статье исследуются причины нарушений трудовой дисциплины и их динамика в годы Великой Отечественной на примере компактного тылового индустриального центра – г. Коврова, который вошел в состав Владимирской области, выделившейся в 1944 г. из Ивановской. На основании анализа документов городского комитета партии города, включающих протоколы собраний горкома, докладные записки партийных инструкторов, планы и отчеты работы промышленных предприятий, автор делает вывод о присутствии определенной динамики в нарушениях жесткого трудового законодательства на предприятиях города. Изучая заявленную проблему, удалось не только выявить причины многочисленных нарушений трудового законодательства рабочими и служащими, но и выяснить отношение и реакцию ковровского горкома ВКП(б) на эти процессы. В ходе исследования во многом подтвердился факт, на который неоднократно указывалось как в отечественной, так и в зарубежной историографии, о преемственности процессов на промышленных предприятиях предвоенных и военных лет. При этом сводить все сложные жизненные явления и противоречия исключительно к ошибкам системы и проявлениям сталинизма вряд ли следовало бы. В каждом конкретном случае, описанном в источниках, присутствовал человеческий фактор и соответственно возможность выбора у должностных лиц. Выявленные исторические источники позволяют констатировать наличие определенной динамики в количестве нарушений трудовой дисциплины на уровне города и отдельных крупных предприятий, но чего не отмечалось в масштабах региона. Если для крупных предприятий была характерна волнообразная динамика нарушений с тенденцией их резкого увеличения в начале войны, то мелкие фабрики и артели показывали перманентное снижение таких случаев. Анализ трудовой практики военных лет вынуждает, по крайней мере частично, пересмотреть тезис советской историографии об исключительной сплоченности тыла, но одновременно подтверждает многогранность и сложность повседневной жизни работников тыла, подчеркивает суровые условия, в которых приходилось трудиться рабочим и служащим в военные годы и одновременно доказывает, что общество военных лет не было монолитным.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, сталинизм, трудовая дисциплина, трудовое законодательство, тыл

Для цитирования: Тряхов И.С. Динамика и причины нарушения трудовой дисциплины в годы Великой Отечественной войны (на материалах города Коврова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 330–348. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-330-348>

© Тряхов И.С., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract: This article explores the causes of labor discipline violations and their dynamics during the Great Patriotic War by the example of a compact rear industrial center – the city of Kovrov, which became part of the Vladimir Region, which stood out from Ivanovo in 1944. Based on the analysis of the documents of the city committee of the city party, including the minutes of the city committee meetings, memoranda from party instructors, plans and reports on the work of industrial enterprises, the author concludes that there is some dynamics in the violation of harsh labor laws at the city enterprises. Studying the stated problem, it was possible not only to identify the causes of numerous violations of labor legislation by workers and employees, but also to find out the attitude and reaction of the Kovrov city committee of the CPSU (b) to these processes. In the course of the study, a fact was confirmed in many respects, which was repeatedly indicated in both domestic and foreign historiography about the continuity of processes in industrial enterprises of the prewar and war years. Moreover, it would hardly be worthwhile to reduce all complex life phenomena and contradictions exclusively to system errors and manifestations of Stalinism. In each specific case described in the sources, there was a human factor and, accordingly, the choice of officials. The revealed historical sources allow us to ascertain the presence of a certain dynamics in the number of violations of labor discipline at the level of the city and individual large enterprises, but which was not observed across the region. If large enterprises were characterized by wave-like dynamics of violations with a tendency to increase sharply at the beginning of the war, then small factories and artels showed a permanent decrease in such cases. An analysis of the labor practice of the war years forces, at least partially, to revise the thesis of Soviet historiography on the exceptional cohesion of the rear, but at the same time confirms the versatility and complexity of the daily lives of rear workers, emphasizes the harsh conditions in which workers and employees had to work during the war years and at the same time proves that the war years society was not monolithic.

Keywords: The Great Patriotic War, Stalinism, labor discipline, labor legislation, rear

For citation: Tryakhov, Ilya S. “Dynamics and causes of violations of labor discipline during the Great Patriotic War (on the materials of the city of Kovrov).” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 2 (May 2020): 330–348. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-330-348>

Введение

Проблема трудовой дисциплины в индустриальном обществе представляет собой фундаментальный аспект, определяющий экономический успех предприятия. В условиях военного времени этот вопрос приобретал для советского государства еще более актуальное значение. Повысить производительность труда предприятий тыла предполагалось путем ужесточения трудового законодательства, выводя такие нарушения, как опоздания, прогулы и самовольный уход с предприятий, в рамки административного и уголовного права. Насколько ожидания власти совпадали с реальной практикой – вопрос открытый. В настоящей статье анализируются причины, динамика и способы борьбы за улучшение трудовой дисциплины в годы Великой Отечественной войны. Изучение трудовых отношений в этот период позволяет если не пересмотреть, то скорректировать наше знание о деятельности советского тыла.

Выбор города Коврова для анализа обусловлен несколькими причинами. В первую очередь, это объясняется спецификой города как небольшого и компактного, но мощного индустриального центра, в котором действовали важнейшие для советской оборонной промышленности предприятия, главным из которых был завод имени К.О. Киркижа – ныне носящий имя знаменитого конструктора В.А. Дегтярева. Поэтому не случайно, что в городе проживало значительное количество (в удельном весе населения) представителей технической интеллигенции. Важным для исследователя является также хорошая сохранность как партийных, так и заводских архивных фондов города Коврова и их высокая информативность.

Историографической особенностью темы является ее крайне дискуссионный и нередко политизированный характер, неизбежно связанный с общими проблемами периода сталинизма. В советский период отечественная историография вопрос трудовой дисциплины вплоть до эпохи «перестройки» специально не рассматривала. Сама констатация масштабных нарушений труддисциплины с точки зрения законода-

тельства должна была противоречить тезису о самоотверженном труде советских граждан ради победы¹. В эпоху «перестройки» в связи с масштабным рассекречиванием архивов проблеме трудовых отношений в годы войны стали уделять все больше внимания. В.Н. Земсковым была опубликована статистика судебных преследований по указам от 26 июня 1940 г. и от 26 декабря 1941 г. и по статье 193-7 п. «г» УК РСФСР², которая позволяла оценить масштабы действий этих нормативно-правовых актов³.

В постсоветский период в разных регионах нашей страны появилось немало работ⁴, рассматривающих данную тематику, начиная от исследования общих черт трудовой политики⁵ до описания социального портрета нарушителей на отдельных предприятиях⁶ и изучения трудового поведения рабочих и служащих⁷.

Нередко вопрос нарушений трудовой дисциплины рассматривается в рамках сталинской репрессивной политики⁸. Ряд историков придерживается позиции, что данную тему следует анализировать, опираясь исключительно на военные условия⁹. Обращается внимание на необходимость обязательно учитывать ментальность общества этой эпохи¹⁰. В настоящий момент ряд исследователей обращают внимание на то, что война является частью сталинской эпохи, которую не следует выделять в некий особый период в истории сталинизма¹¹. Кроме того, проблема трудовой дис-

¹ *Зинич М.С.* Трудовой подвиг рабочего класса в 1941–1945 гг. (по материалам отраслей машиностроения). М., 1984; *Аникин А.С.* Трудовой подвиг рабочих Владимирской и Ивановской областей в годы Великой Отечественной войны: очерки, эссе. Владимир, 1969; *Володарский Л.М.* Советский тыл в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 14–34.

² О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений: Указ Президиума ВС СССР от 26.06.1940 г. // Консультант Плюс [сайт]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3573> (дата обращения: 02.08.2019); Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. // Консультант Плюс [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3990> (дата обращения: 02.08.2019).

³ *Земсков В.Н.* Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы Великой Отечественной войны // Международные отношения. 2014. № 1. С. 104–114.

⁴ *Загвоздкин Г.Г.* Цена Победы. Социальная политика военных лет. Киров, 1990; *Сомов В.А.* По закону военного времени. Очерки истории трудовой политики СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Н. Новгород, 2001; *Романова П.Е.* Рабочая молодежь оборонных предприятий в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Новосибирск, 2009.

⁵ *Сомов В.А.* Труд и долг: материально-бытовые аспекты трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Волго-Вятского региона) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 2. С. 5–19; *Кладов В.Ю.* Дезертирство с оборонных предприятий Пензенской области в 1942–1944 гг. // Альманах современной науки и образования. 2015. № 10. С. 55–59; *Желаева С.Г.* Рабочая молодежь в годы Великой Отечественной войны (на материалах Республики Бурятия) // Вестн. Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 24–29.

⁶ *Белоногов Ю.Г., Мазука А.А.* Нарушители трудовой дисциплины на Краснокамском целлюлозно-бумажном комбинате в 1940–1946 годы: эволюция социологического портрета // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2017. № 1. С. 106–112; *Чуриков А.В.* Трудовые отношения на эвакуированных предприятиях тяжелой промышленности в Челябинской области (1941–1946 гг.) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2011. № 3. С. 125–129.

⁷ *Кабирова А.Ш.* Влияние правовых и социально-экономических факторов на трудовое поведение рабочих в промышленности Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. № 3. С. 169–180.

⁸ *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина М., 1989; *Медведев Р.* О Сталине и сталинизме. М., 1990; *Khlevniuk O.V., Hale-Dorell A.* Deserters from the Labor Front: The limits of coercion in the Soviet war economy // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* Slavica Publishers. 2019. Vol. 20. № 3. P. 481–504.

⁹ *Пыхалов И.В.* Великая обогнанная война. М., 2006.

¹⁰ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. М., 2008.

¹¹ *Ганценмюллер Й.* Осажденный Ленинград. Город в стратегических расчетах агрессоров и защитников. 1941–1944. М., 2019. С. 378–380; *Шубин А.В.* 10 мифов советской страны. М., 2006.

циплины теснейшим образом связана с мотивацией труда – темой, которая нашла в настоящее время немало исследователей¹². Ведь в конечном итоге ужесточение трудового законодательства в 1940–1941 гг. имело своей целью мотивировать рабочих и служащих к ударному труду, и в данном случае это было элементом политики принуждения. Ограниченные рамки статьи не позволяют детально проанализировать данные работы, которые, бесспорно, заслуживают самостоятельного историографического осмысления.

Что касается города Коврова то он, конечно, не обделен вниманием исследователей, но большинство работ, которые затрагивают самые разные аспекты жизни горожан в период войны, не рассматривают специально изучаемую нами проблему.¹³ Целью данной статьи является анализ изменений состояния трудовой дисциплины на предприятиях в годы Великой Отечественной войны на примере небольшого индустриального центра, находившемся в советском тылу.

Для реализации поставленной цели предстоит выявить и проанализировать причины, по которым рабочие и служащие нарушали трудовую дисциплину; изучить правоприменительную практику в отношении нарушителей и проследить динамику нарушений труддисциплины. Источниками для анализа послужили материалы фонда ковровского городского комитета партии, хранящиеся в Государственном архиве Владимирской области¹⁴, а также материалы личного происхождения, включая воспоминания современников¹⁵.

Ковров в годы Великой Отечественной войны

Индустриальное развитие г. Коврова, история которого начинается со второй половины XVIII в., в значительной мере было связано с прохождением рядом с ним железной дороги, связывавшей Москву и Нижний Новгород и начавшей функционировать еще в 1860-е гг. Тогда же в Коврове появляются железнодорожные мастерские, ставшие спустя десятилетия основой для Ковровского экскаваторного завода, в годы Великой Отечественной войны подчинявшегося Наркомату путей сообщения (НКПС). Это предприятие было в предвоенные и военные годы одним из трех основных в городе. По переписи 1939 г. в Коврове проживало 67448 человек¹⁶ и он являлся одним из крупнейших городов региона с высокой долей технической интеллигенции. На протяжении войны сюда было мобилизовано значительное количество молодежи не только из окрестных сел и деревень, но и из других районов области (приблизительно 10–15 тыс. человек). Здесь также трудились эвакуированные граждане из западных регионов страны и блокадного Ленинграда. Документы горкома партии свидетельствуют о мобилизованных гражданах из Молотовской области¹⁷, Таджикской ССР¹⁸, численностью 800 и 327 человек соответственно. Со-

¹² *Тогоева С.И.* Факторы влияния на мотивацию труда (на материалах Тверского вагоностроительного завода в 1941–1951 гг.) // Экономическая история. Обзорение. М., 2002. С. 39–56; *Шалак А.В.* Система мотивации в системе распределения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 2. С. 20–40; *Романов Р.Е.* Трудовые стимулы рабочих оборонных предприятий Сибири в годы Великой Отечественной войны (на примере комбината «Сибметаллстрой») // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15. № 2. С. 309–332.

¹³ *Комарова Н.Е., Монякова О.А.* Путь к Победе: Ковров в 1941–1945: сборник материалов о Великой Отечественной войне. Ковров, 2005; *Фролов Н.В.* Ковровчане в Великой Отечественной: к 55-летию Великой Победы. Ковров, 2000.

¹⁴ Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО РФ). Ф. 116. Д. 3728.

¹⁵ Победители: Воспоминания участников Великой Отечественной войны и труженников тыла. М., 2010.

¹⁶ ГАВО РФ. Ф. 3728. Оп. 8. Д. 5. Л. 4.

¹⁷ Там же. Ф. 116. Оп. 1. Д. 109. Л. 64.

¹⁸ Там же. Д. 129. Л. 28.

гласно архивным сведениям, всего в город в течение войны было эвакуировано 2903 человека, часть из которых была расселена в рамках политики «уплотнения» в квартирах, остальные – в заводских общежитиях¹⁹. Всего за годы войны, несмотря на призыв в РККА, численность населения города возросла, и в 1944 г., по сведениям партийных и советских инстанций, составляла более 70 тысяч человек²⁰. При этом, согласно воспоминаниям современников²¹ и архивным данным²², в городе была высокая смертность, пик которой пришелся на первые месяцы 1942 г.

За годы войны контингент работников ковровских предприятий помолодел. Из-за мобилизации в РККА на предприятия пришло много несовершеннолетней молодежи, в том числе девушек. Согласно данным по Владимирской области, доля рабочих до 20-ти лет в 1944 г. составляла более 75 %²³. При этом для крупных предприятий города была характерна высокая текучесть рабочей силы, на что часто жаловались их руководители и представители городского комитета ВКП(б)²⁴. Среди этих предприятий – уже упоминавшийся завод НКПС, который занимался производством и ремонтом экскаваторов и землеройных машин, текстильная фабрика имени Абельмана, поставлявшая в действующую армию обмундирование, и завод имени К.О. Киркижа, выпускавший стрелковое оружие и продукцию машиностроения. Всего за годы войны из цехов этого завода в действующую армию поступила 1.202.481 единица вооружений²⁵, что составляло немалую долю от всего произведенного в СССР стрелкового оружия. На этом заводе трудился знаменитый советский оружейник – конструктор В.А. Дегтярёв, чье имя в настоящее время носит завод. При анализе ситуации с трудовой дисциплиной автор обращался к истории именно этих предприятий, где работало в военные годы около половины населения города²⁶.

Условия труда и быта на предприятиях г. Коврова

Вклад советского тыла в победу в Великой Отечественной войне трудно переоценить, и в этой связи чрезвычайно важно раскрыть условия труда и быта тех, кто участвовал в создании оружия и техники, выпуске обмундирования РККА в годы военного лихолетья. Первостепенной задачей становится анализ трудовых практик работников в годы войны, а также реакция партийных и хозяйственных органов власти на нарушение трудовой дисциплины на предприятиях.

По заявлению одного из руководителей завода имени К.О. Киркижа М. Павлова, в 1942 г. в отдельных цехах количество нарушителей трудовой дисциплины достигало 15–20 человек в день²⁷. Директора завода Фомина возмущала деятельность отдельных врачей, которые формально выдавали рабочим бюллетени с диагнозом «алкоголизм». Фомин заявлял, что на заводе много симулянтов. Директор указывал: «Когда рабочему надо освободиться дня на 3, он напивается соленой воды или наносит себе членовредительство»²⁸.

¹⁹ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 63. Д. 33. Л. 91.

²⁰ Там же. Ф. 3728. Оп. 8. Д. 5. Л. 4.

²¹ Фролов Н.В. Ковровчане в Великой Отечественной... С. 21.

²² ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 63. Д. 32. Л. 42.

²³ Пономарев Д.И. Владимирский край в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война и современность. Владимир, 1995. С. 66.

²⁴ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 162. Л. 20 об. – 21; Оп. 63. Д. 28. Л. 10; Д. 32. Л. 37.

²⁵ Штрихи истории. Известные и неизвестные страницы истории Ковровского завода имени В.А. Дегтярева с 1916 по 2006 год. Ковров, 2006. С. 115.

²⁶ ГАВО РФ. Ф. 3728. Оп. 8. Д. 5. Л. 5.

²⁷ Там же. Ф. 116. Оп. 63. Д. 28. Л. 17.

²⁸ Там же. Л. 19.

В протоколах заседаний бюро Ковровского горкома ВКП(б) фиксировалось, что нарушения трудовой дисциплины были преимущественно характерны для молодых кадров, которые работали на заводе меньше года. Это были недавние выпускники школ ФЗУ и ремесленных училищ, имевших низкие разряды на работе, а потому получавшие небольшую зарплату. Отмечались случаи несвоевременных выплат заработной платы, следствием чего иногда становилось оставление производства отдельными работниками²⁹.

Аналогичные примеры встречались и на текстильной фабрике имени Абельмана. Имелись случаи не только большого количества невыходов на работу и прогулов, но и уход с фабрики за 3–4 часа до окончания смены. И здесь основными нарушителями указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. выступали преимущественно молодые кадры, пришедшие из детдомов и окончившие школы ФЗУ. Был зафиксирован случай, когда во время смены 2 мая 1942 г. 17 рабочих спали в цехе³⁰. Несерьезно относились к своим обязанностям табельщики. В феврале 1942 г. на том же заводе имени К.О. Киркижа было обнаружено 19 больших листов, не оформленных с августа 1941 г.³¹

При этом мнение партийных чиновников и руководителей предприятий на происходящее не всегда совпадало, хотя в значительной мере и те и другие достаточно ясно осознавали причины нарушений трудовой дисциплины. С точки зрения партийных чиновников, это происходило, в первую очередь, из-за низкого уровня политмассовой работы прежде всего со стороны партторгов в деле пропаганды самоотверженного труда.

В общежитиях отсутствовала периодическая печать (книги, журналы и газеты), а также условия для организации досуга работников предприятий (в частности, не было шахмат, шашек, домино, струнных музыкальных инструментов, спортивных площадок). В общежитии по Октябрьской улице, где проживали девушки, не работало радио, не было уборной и белье сушилось прямо в комнате. Со дня открытия общежития никто из хозяйственного, комсомольского и профсоюзного актива там не побывал³². Нехватка учебников в одном из заводских общежитий привела к тому, что группа эвакуированных из Латвии девушек изучала русский язык по купленной на рынке книге «Иван Бунин», изданной еще в 1917 г., что было явной «крамолой»³³. О санкциях в отношении работниц за чтение данной книги не сообщалось.

Истинные причины нарушений трудовой дисциплины лежали в основном в другой плоскости, нежели той, о которой говорилось на партийных собраниях, в средствах массовой информации и в официальных документах. Нельзя сказать, что об этом не было известно руководителям города и области, Отвратительные жилищные и бытовые условия, несвоевременные выплаты зарплаты, транспортные трудности и бездушие отдельных руководителей цехов периодически обсуждались на управленческих заседаниях разного уровня.

Значительная часть рабочих, в первую очередь мобилизованных из соседних районов, а также эвакуированных из Ленинграда либо прибывших из других восточных областей страны, проживала в очень сложных жилищных и бытовых условиях.

Ряд работников нуждался в элементарных вещах – обуви и спецодежде. Партийные инструкторы зафиксировали немало случаев, нашедших отражение в документах, когда люди, желавшие трудиться, не имели такой возможности в силу вы-

²⁹ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 63. Д. 30. Л. 33.

³⁰ Там же. Д. 32. Л. 37.

³¹ Там же. Д. 30. Л. 33.

³² Там же. Д. 32. Л. 183.

³³ Там же. Д. 33. Л. 77.

шеуказанных причин. Имели место примеры судебного преследования за нарушения трудовой дисциплины вместо решения проблем работников непосредственными начальниками. Нам неизвестно количество таких случаев, партийные документы отразили лишь те, по которым работники были оправданы судом или партийными инстанциями. Так, в октябре 1942 г. был осужден рабочий Н.Ф. Моисеев 22-х лет, эвакуированный из Ленинграда, неоднократно просивший у начальника цеха помощи, но выгнанный последним из кабинета³⁴.

Руководители разных предприятий Коврова в сложных военных условиях очень часто не справлялись с обучением и рациональным распределением сотрудников на рабочих местах. Проверяющие писали в отчетах, что «вновь поступающие рабочие в цех, как правило, направляются на станок без предварительного выяснения желаний, настроений, а также и необходимого инструктажа по их обязанностям и правам»³⁵. Естественно, что это приводило и к большому количеству брака и к невыполнению норм молодым неопытным персоналом. На заводе имени К.О. Киркижа проверка установила использование молодых рабочих не по специальности и занижение разрядов. Нарушителями трудовой дисциплины оказывались в том числе комсомольцы³⁶. В 1942 г. только по этому заводу среди нарушителей было 16,1 % коммунистов и комсомольцев³⁷.

Негодные бытовые условия приводили к самовольным уходам рабочих с предприятий, что в реалиях того времени часто оценивалось как дезертирство. В протоколе бюро Ковровского горкома ВКП(б) от 2 ноября 1942 г. указывалось, что в общежитии № 1 фабрики имени Абельмана молодежь из-за отсутствия кастрюль варила картофель в умывальниках. Так как отсутствовали сушилки, одежду и обувь работники вынуждены были сушить около печей. Общежитие не было обеспечено дровами, а в других общежитиях этой фабрики не было даже кипятка³⁸. Такая ситуация не менялась в течение длительного времени. В 1943 г. партийный инструктор И.Л. Ладонцев вновь фиксировал подобные явления. Причем это было и на других предприятиях города, например, на индустриальном гиганте – заводе имени К.О. Киркижа. В общежитии этого завода, которое представляло собой полуподвальное здание, не было кипятка, часов, радио, отсутствовала вода для стирки белья³⁹, из-за чего, кстати, работницы нередко опаздывали на работу и после чего получали наказание. Одежда и матрацы в общежитиях не подверглись дезинфекции, койки часто были завшивленные, а полы в общежитии мылись от случая к случаю. Естественно, что о таких предметах, как зеркала и вешалки, говорить и вовсе не приходилось. Часто через тесовую перегородку в том же здании располагалась сапожная мастерская, откуда постоянно доносились брань, крики и нецензурные слова сапожников, что также не преминул указать в своей докладной записке инструктор⁴⁰. До проверки, проведенной Ладонцевым, никто из ответственных работников не поинтересовался жилищно-бытовыми условиями работниц и в общежитии никогда не бывал⁴¹.

Аналогичная ситуация была и в других бараках, в частности в бараках № 7, 8 и 18. В отчете инструктора для горкома указывалось, что прилегающая территория

³⁴ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 63. Д. 36. Л. 56 об.

³⁵ Там же. Л. 69 об.

³⁶ Там же. Д. 33. Л. 52.

³⁷ Там же. Д. 30. Л. 33.

³⁸ Там же. Д. 33. Л. 77; Оп. 1. Д. 76. Л. 109.

³⁹ Там же. Оп. 63. Д. 33. Л. 77.

⁴⁰ Там же. Оп. 1. Д. 121. Л. 10.

⁴¹ Там же. Л. 10.

была загрязнена помоями; все уборные были в таком ужасном состоянии, что ими не только пользоваться, но и подходить к ним близко было невозможно⁴².

Плохое санитарное состояние было характерно и для некоторых цехов завода имени К.О. Киркижа. Это – и сырость, захламленность, отсутствие в умывальниках горячей воды. Не удивительно, что и заболеваемость на предприятии в этот период выросла в 1,5 раза в сравнении с довоенным уровнем. По 3–4 месяца рабочим не выдавалось спецмыло и спецжиры, не всем предоставлялась специальная одежда⁴³. На фабрике имени Абельмана в 1942 г. работало около 1300 человек (преимущественно молодых), из них 800 были девушки из детских домов и подростки, прибывшие из Молотовской области, которым не выдали никакой обуви и одежды. И хотя настроения рабочих, по мнению проверяющего, было хорошее, приподнятое, за некоторым исключением, но количество случаев нарушений трудовой дисциплины говорит, что такое мнение нуждается как минимум в корректировке.

Другой партийный инструктор Кузнецова в сообщении от 24 февраля 1943 г. писала, что на заводе имени К.О. Киркижа 1149 человек, работавших на производстве пулеметов и противотанковых ружей, в своих общежитиях живут в холоде, зачастую без воды. Большинство рабочих нуждались в материальной помощи. По данным самого предприятия рабочие испытывали потребность в новой обуви и одежде.

По поводу условий жизни и труда хорошо выразился помощник мастера Хохулин, который, по мнению инструктора из горкома, был настроен не враждебно, но питал большое недовольство по отношению к руководству фабрики и этим в некоторой степени влиял на остальных. Следующие слова Хохулина выражали его мнение: «Мы перестроили [работу] на военный лад, руководители фабрики одели военные костюмы, а мы рабочие с ложкой за сапогом ходим на работу, потому что ложек в столовой нет»⁴⁴.

Негативное влияние на молодых рабочих, вчерашних выпускников ФЗУ и ремесленных училищ, оказывало и то, что их питание, в частности, на заводе имени К.О. Киркижа, было хуже, чем в учебных заведениях, и, самое главное, хуже, чем у рабочих, которые уже давно трудились на заводе⁴⁵. Наряду со сложными бытовыми условиями рабочих-одиночек как причину нарушений трудовой дисциплины называли именно плохое питание после работы⁴⁶.

Трудности военных лет очень ярко характеризует ситуация с мобилизованными на ковровский машиностроительный завод НКПС таджиками. Так получилось, что в сообщениях партийных проверяющих, выявленных автором в архиве г. Коврова, были описаны едва ли не все бытовые и рабочие неурядицы, типичные для русскоязычных работников. В случае с советскими гражданами, прибывшими в город из республик из Средней Азии, необходимо учитывать их национальную и религиозную специфику. В марте 1943 г. на завод НКПС прибыла группа мобилизованных таджиков (327 человек) из Сталинабада. Из них на момент проверки (на начало лета 1943 г.) работало 250 человек, умерло девять человек; два человека были арестованы; оставшаяся часть была направлена в Ташкент на металлургический завод. Уже это говорит о несогласованности действий партийных чиновников, которые принимали решение о распределении этих людей. Все таджики были поселены в общежитие, где их разместили в одну комнату, вместившую 250 человек. По заявлению жильцов, там было нечем дышать.

⁴² ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 121. Л. 10 об.

⁴³ Там же. Д. 44. Л. 204.

⁴⁴ Там же. Д. 109. Л. 64.

⁴⁵ Там же. Д. 76. Л. 104; Д. 71. Л. 100.

⁴⁶ Там же. Оп. 63. Д. 30. Л. 34.

Изготовленные нары были сделаны очень грубо и, по мнению все того же партийного инструктора Ладонцева, это больше походило на конюшню. Белье рабочим меняли только два раза в месяц, и комендант объяснял это отсутствием запасных комплектов. При этом жильцов не приучали к порядку, то есть, забираясь грязными ногами в обуви и верхней одежде на койки, они дополнительно ухудшали санитарную и гигиеническую обстановку. Здесь около койки на тумбочке чистился картофель и готовился обед.

В начале марта 1943 г. завод выдал 200 грамм жидкого мыла на человека, которое вскоре было израсходовано, и только в мае его выдали вновь. Остальное время мылись без него. Рабочие, не имея второй смены белья, не могли отдать его в стирку. Что касается организации питания, то его получали один раз по жировым карточкам на 24 рабочих дня, а оставшиеся дни месяца таджики оставались совершенно без горячих блюд. Все вышесказанное, в общем, во многом совпадает с трудностями жизни других рабочих. Особенностью жизни таджиков служило то, что в некоторые дни ввиду национальных обычаев они были совсем без обеда, т.к. рыбное блюдо они не употребляли, а для употребления мяса им нужно было убедиться, что оно не из свинины. Естественно за короткий период организм многих из них истощился. Руководство предприятия не думало учитывать также, что из-за длительного рабочего дня с 7 до 19 часов вечера никто из мобилизованных не мог посетить магазин. Некоторым рабочим ввиду заболеваний врачи предписали есть белый хлеб, который можно было приобрести только в магазине. И таким образом за два месяца работы 172 человека были освобождены по временной нетрудоспособности. То есть предприятие потеряло 1737 рабочих дней⁴⁷. Следствием этого стали тревожные настроения рабочих. С ними не велась культурно-массовая работа, и не имелось никакой национальной литературы. Более того, и условия работы были неудовлетворительные. Большинство из них трудились в национальных костюмах, т.к. никакой рабочей одежды им не выдали, даже рукавиц на всех не хватило. В основном этих людей использовали на подсобных работах⁴⁸, возможно, именно по этой причине существование мобилизованных не слишком заботило руководство предприятия.

Показателен описанный партийным инструктором Ладонцевым случай, который выглядит не только аморальным, но и иррациональным с экономической точки зрения. В отчете Ладонцева рассказывается о молодой стахановке Бабашовой. В сентябре 1942 г. у нее возникла необходимость отъезда на родину за теплой одеждой. Она обратилась к начальнику цеха Самойлову с просьбой о разрешении отпуска на один день. Ее просьбу поддержал председатель профкома тов. Миронов, но в отпуске ей было отказано. Так как Бабашова страдала болезнью рук от укулов стружкой, она смогла получить освобождение по болезни и уехала на родину. По возвращении сверловщицу перевели на фрезерный станок, где она никогда не работала. Перевести ее обратно не удалось даже после вмешательства секретаря ВЛКСМ Свиридова и председателя профкома Миронова. Зам. начальника цеха Солнцев заявил, что если Бабашова еще раз заболит, то будет переведена в уборщицы. Инструктору Ладонцеву Самойлов объяснил перевод Бабашовой на другой станок производственной необходимостью. Ладонцев с этим не согласился и сделал вывод, что это сделано из мести⁴⁹. Нерациональное использование труда стахановки Бабашовой нельзя списать на военные условия. Данный эпизод свидетельствует о сложностях межличностных отношений, которые проявлялись и в суровые военные годы.

⁴⁷ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 129. Л. 28.

⁴⁸ Там же. Л. 28 об. – 31.

⁴⁹ Там же. Л. 16.

Одной из причин опозданий рабочих на предприятия был транспорт, ходивший с перебоями. Многие из трудящихся проживали не в самом городе, а в соседних деревнях и селах, из-за чего ежедневно пользовались поездами. Многие рабочие завода имени Киркижа и машиностроительного завода НКПС вынужденно ехали в тамбурах, на подножках и даже на крышах вагонов. В поездах не было света, и это использовали воры и хулиганы. Органы милиции в забитых до отказа вагонах не могли навести порядок. Хищения и кражи стали естественным спутником каждого рейса⁵⁰.

Бывали не только опоздания поездов, но и несчастные случаи на железной дороге. 30 ноября 1943 г. на перегоне между Ковровом и поселком Федулово в результате аварии погибло четыре человека и было ранено пятнадцать. С подножек следовавшего из Владимира в Ковров переполненного поезда боковым бортом встречного товарного состава было сбито девятнадцать человек⁵¹. После этого руководство ковровского горкома обратилось с просьбой к начальнику Горьковского железной дороги Соколинскому увеличить количество вагонов, даже если они будут в аварийном состоянии. Горком также просил обеспечить освещение вагонов и выделение дополнительного поезда между Ковровом и станцией Второво⁵².

В документах ковровского горкома партии имеется уникальный для военного периода отчет, в котором расписаны причины нарушений трудовой дисциплины. И хотя речь идет лишь о первом полугодии 1943 г., в целом, как кажется, его можно экстраполировать на все годы войны, т.к. конкретные случаи, описанные в источниках, в целом подтверждают тенденцию. Причины нарушений распределились следующим образом: по болезни – 191, из-за недостатка обуви – 90, после отпуска домой – 320, из-за опоздания на поезд – 159, из-за кражи (утери) хлебных карточек – 47, по домашним обстоятельствам – 86. В 128 случаях нарушитель отказался объяснять причину. Также в отчете 251 случай приходится на разные причины. Что именно авторы отчета вкладывали в них, неясно. Таким образом, около 40 % приходится на причины, которые в полной мере можно считать уважительными⁵³. Вероятно, доля таковых даже выше, что подтверждает нежелание трудиться, а условия, в которых приходилось это делать.

Таким образом, причины нарушения трудовой дисциплины были связаны с рядом факторов, среди которых следует, в первую очередь, назвать тяжелые условия жизни и быта работников. Далекое не всегда рационально был организован труд на предприятиях, что иногда также приводило к недовольству рабочих, выраженному, прежде всего, в нарушениях трудовой дисциплины.

Отсутствие у рабочих необходимой спецодежды; плохое питание трудящихся, в том числе стахановцев, на бумаге имевших преимущество в снабжении, но в реальной жизни нередко питавшихся так же, как и прочие сотрудники, также было причиной нарушений.

Перебои с транспортом для трудящихся из окрестных деревень, работавших на предприятиях города, нередко вели к объективным нарушениям дисциплины со стороны рабочих.

Что касается неудовлетворительной политико-массовой работы, стоявшей во главе причин, по мнению партийных инстанций, то вряд ли ее можно рассматривать как действительно значимую. Безусловно, на первых порах идеологическая «накач-

⁵⁰ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 63. Д. 38. Л. 201.

⁵¹ Там же. Л. 201.

⁵² Там же. Л. 201 об.

⁵³ Там же. Оп. 1. Д. 114. Л. 36.

ка» могла способствовать активному труду работников, но отсутствие улучшения условий труда в повседневной жизни людей быстро сводило на нет всю работу агитаторов, хотя это предположение заслуживает также отдельного изучения.

Правоприменительная практика в отношении нарушителей трудовой дисциплины в условиях военного времени

Среди эпизодов наказания за формальные нарушения трудовой дисциплины обращает на себя внимание безразличие некоторых ответственных работников предприятий к своим сотрудникам. Стахановец военного времени А.Е. Пичугин, выполнявший нормы на 275–330 %, был осужден в январе 1943 г. за прогул по причине опоздания на поезд. На предприятии не захотели разобраться с причиной прогула, а просто отправили дело в суд, чем вызвали недовольство горкома, посчитавшего, что к работникам относятся формально. При дополнительном расследовании выяснилось, что причина опоздания на поезд крылась в неверном сообщении об отправлении состава со стороны начальника станции, с которой Пичугин уезжал на завод, т.к. он проживал вне города. Ответственные руководители предприятия не захотели это выяснить⁵⁴.

Случаи с несправедливыми и даже незаконными действиями отдельных начальствующих в отношении к рабочим и работницам, которые разбирали партийные инстанции, были не единичными. Партийные документы зафиксировали явно не все такие ситуации, но даже имеющиеся материалы показательны. Так, решением парткома завода имени Киркижа был привлечен к партийной ответственности и снят с работы Г.Ф. Туркин, работавший начальником ОЖКХ завода. Формулировка была следующей: за бездушное отношение к рабочим и работницам, что проявилось в отправке жены фронтовика Азарова на подвозку дров сразу после родов, в отправке матери двух фронтовиков Лебедевой в возрасте 60 лет на ту же заготовку дров. Также проверкой были установлены факты игнорирования нужд рабочих при решении жилищно-бытовых вопросов, неоказания помощи семьям фронтовиков и непринятия мер по расселению больших групп рабочих, мобилизованных на завод. Наконец, Туркин не выполнил указания директора завода о размещении по общежитиям уже прибывших рабочих, которые были вынуждены расположиться на полу коридора отдела найма и увольнения. С завода его не уволили, но отправили на низовую работу⁵⁵. Случай интересен несколькими моментами. Во-первых, все это происходило на стратегически важном заводе, игравшем ведущую роль в деятельности советского тыла. Во-вторых, еще раз подтверждаются катастрофические трудности с размещением и обслуживанием рабочих. В-третьих, подтверждается наличие системных проблем у властей различных уровней, идущих с 1930-х гг. Но при этом не следовало бы приписывать все промахи и личностные действия руководящих лиц эпохи только огрехам системы, забывая об обычном человеческом факторе.

Разумеется, из-за вынесения ряда неадекватных судебных приговоров по статьям о нарушениях трудовой дисциплины к работе народных судов, милиции и юридических отделов предприятий у горкома были немалые нарекания. Решением Верховного суда РСФСР была оправдана работница завода имени Киркижа А.А. Панулина за якобы кражу 600 г мыла. На заводской проходной ее задержали с жидким мылом, которое она обменяла на твердое, и имела при себе об этом справку. Не только охрана предприятия, но и народный судья Бурмистрова не приняли это во внимание⁵⁶. Ковровский горком ВКП(б) был недоволен нарушением сроков ведения дел и

⁵⁴ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 63. Д. 36. Л. 56 об.

⁵⁵ Там же. Л. 66.

⁵⁶ Там же. Оп. 1. Д. 76. Л. 21; Д. 105. Л. 9.

бюрократической волокитой, которая была характерна не только для судов и прокуратуры, но юридического отдела завода имени Киркижа. Нередким явлением было привлечение к уголовной ответственности невиновных – честных граждан (по выражению документов горкома), которые судами потом оправдывались. Таким случаи были на фабрике имени Абельмана, на железнодорожной станции Ковров и других предприятиях города⁵⁷. В одном из протоколов заседаний Ковровского горкома указывалось, что «начальники цехов не считаются с достоинством рабочего в производстве, и не учитывают при каких условиях, нарушил указ и на всех прогульщиков передают дело в суд. Считают, что дело суда – разберется в каждом отдельном случае нарушения»⁵⁸. Следствием этого становилось чрезмерное количество дел, которые органы правопорядка не успевали разбирать в установленные законом сроки⁵⁹.

Некоторые из заводских управленцев были не только бездушными, но и мстительными. Тот же инструктор Ладонцев жаловался в горком на два случая, имевших место в конце 1942 г. В докладной записке он писал: «Молодая фрезеровщица Лиючева просила начальника цеха отпустить ее домой в Вязниковский район, приурочив отъезд к выходному дню с последующей отработкой в выходной день. На родине у нее болела мать, ей не пошли навстречу, и она самовольно не вышла на работу, за что была осуждена к отбытию ИТР сроком на 5 месяцев с вычетом зарплаты 25 %»⁶⁰. Руководством цеха были соблюдены формальности, но с моральной и человеческой точки зрения эти действия можно считать недостойными.

На нарушения со стороны руководителей предприятий дисциплинарной практики, а нередко и бездушное отношение к нуждам рабочих не раз указывали представители городской партийной организации. На том же заводе имени Киркижа начальник цеха № 25 Калягин направлял на заготовку дров двух девушек, не имевших обуви, и после их отказа от поездки оформлял на них дела в суд. Этот случай даже стал предметом рассмотрения на одном из заседаний горкома⁶¹. Достоверной статистики по количеству таких эпизодов нет. Другой случай был связан с работницей Макаровой, перевыполнявшей производственные нормы, но едва не отданной под суд заместителем начальника цеха № 4 Ухоботновым. Причиной послужил уход работницы в здравпункт на перевязку. Ухоботнов при этом еще и заявил по этому поводу: «Раз ей надоело есть 800 грамм хлеба, пусть кушает 600 грамм».

Все это происходило на фоне того, что на заводе имени Киркижа были переплаты заработной платы, т.к. ряд сотрудников уходил домой после 9 часов работы при рабочем дне в 11 часов, о чем не было известно табельщикам⁶².

В 1941–1943 гг. широкое распространение получила практика заочного осуждения нарушителей трудовой дисциплины без вручения повестки. Осужденные рабочие часто не знали о решениях суда до момента вычета из зарплаты. Содержание приговоров также было неизвестно. Все это стало возможно из-за того, что назначение дня суда и передачу оповещений о явке в суд нарушителей народные судьи передавали начальникам отделов приема и увольнения. Последние стали злоупотреблять своими полномочиями и не стремились не только приурочивать день суда к свободному от работы времени, но и не всегда оповещали сотрудников. Для предприятий в этом была лазейка для бесплатного использования рабочей силы, ведь, как известно суды обычно приговаривали вычитать у нарушителей трудовой дис-

⁵⁷ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 76. Л. 21; Д. 130. Л. 4.

⁵⁸ Там же. Д. 130. Л. 4.

⁵⁹ Там же. Оп. 63. Д. 32. Л. 183.

⁶⁰ Там же. Оп. 1. Д. 129. Л. 16.

⁶¹ Там же. Оп. 63. Д. 36. Л. 69 об.

⁶² Там же. Оп. 1. Д. 121. Л. 24.

циплины 25 % от заработной платы. Только после того, как эта информация дошла до Ковровского горкома, описанная практика была осуждена, а массовый заочный разбор дел было предписано прекратить. Прокуратуре и народным судьям указали на необходимость контроля этого процесса⁶³. Описанная ситуация в очередной раз наталкивает на мысль о том, что существующая статистика вполне вероятно имеет большое расхождение между количеством вынесенных приговоров и реальными нарушениями со стороны работников. Вычислить количество осужденных с реальными нарушениями и без оных скорей всего не представляется возможным. Кроме того, проверяющими партийными инстанциями были зафиксированы случаи, когда на предприятиях некоторые дела вместо передачи в суд заменяли административными взысканиями в отношении рабочих. Нередким явлением стали случаи недопуска на работу из-за отсутствия пропуска⁶⁴.

В вопросе правоприменительной практики следует указать, что слова руководящих работников имели в глазах органов правопорядка более весомое значение, чем слова обычных рабочих и служащих. В данном контексте характерен пример рабочего завода имени Киркижа И.В. Паинцева. Мастер Спиридонов обвинил его в том, что он спал на рабочем месте, однако никто более это не подтвердил, но органы исполнительной власти поверили именно мастеру. Такой факт можно было бы рассматривать как промах системы, однако именно партийные инстанции и пожелали разобраться в ситуации⁶⁵.

Правоприменительная практика в отношении нарушителей трудовой дисциплины была в большей степени направлена на осуждение реальных и мнимых нарушителей, чем на попытку разобраться в каждой конкретной ситуации. И если в некоторой степени можно понять администрацию предприятий, не желавшую вникать в тонкости юридической работы, то массовый вал обвинительных приговоров со стороны судебных инстанций, видимо, следует списать на формальность и бездушие многих сотрудников этих ведомств. В случае с Ковровом нужно особенно выделить роль партийных работников, стремившихся нередко разобраться в ситуации по существу. Безусловно, данное стремление ковровской партийной организации можно рассматривать как фактор, несколько сглаживавший противоречия, возникавшие между работниками, администрацией предприятий и правоохранительными органами. В связи с этим небезынтересно в будущем выяснить, единична ли эта тенденция в регионе или другие партийные организации Ивановской и Владимирской областей, а также прочих тыловых субъектов СССР, действовали схожим образом.

Правоприменительная практика военных лет часто не соответствовала действующим процессуальным законам, вызывала недовольство партийных инстанций и иногда приводила к затяжным разбирательствам, доходившим до высших судебных инстанций государства. Особенно вопиющие случаи попадали на страницы партийных документов как показательные, так как ряд решений низовых судов был отменен вышестоящими инстанциями. Разумеется, эти действия не крашили администрацию предприятий, прокуратуру и суды в глазах как трудящихся, так и представителей партийных органов города.

Динамика нарушений трудовой дисциплины

Дошедшие до нас партийные документы дают относительно репрезентативную и наглядную статистику по городу Коврову и его предприятиям. Следует заметить,

⁶³ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 63. Д. 33. Л. 79.

⁶⁴ Там же. Д. 32. Л. 183.

⁶⁵ Там же. Д. 36. Л. 80 об.

что попытки найти общую динамику в рамках предприятий Владимирского края, предпринятые нами в свое время, не удалась⁶⁶.

По мнению партийных инстанций, трудовая дисциплина на крупнейших предприятиях Коврова в годы войны была расшатанной. Согласно имеющимся данным, можно проследить определенную динамику подобных нарушений. Если говорить о мелких предприятиях, где трудилось от нескольких десятков до нескольких сотен человек, то с началом войны имела тенденция к сокращению случаев нарушений трудовой дисциплины. Это можно объяснить двумя факторами. Во-первых, на таких предприятиях проще было отследить трудовое поведение незначительного количества сотрудников, во-вторых, проще было закрывать глаза на нарушения. Второй фактор, возможно, даже более важный. На три крупнейших ковровских предприятия была мобилизована значительная масса молодежи из окрестных деревень и других регионов страны (сюда относятся и эвакуированные из временно оккупированных районов). Люди были расселены в основном в общежитиях и бараках и не имели сносных жилищно-бытовых и продовольственных условий. Следствием этой ситуации стали массовые нарушения трудовой дисциплины, которые следует рассматривать как своеобразный социальный протест.

При этом нарушения трудовой дисциплины, например на заводе имени Киркижа, случались и среди начальствующего состава. В течение 1942 г. среди руководящего состава было отмечено 517 таких случаев, что составило 8 % от общего количества⁶⁷. Случаи нарушений были широко распространены даже среди охраны предприятий. За это к партийной ответственности были привлечены директор по охране завода А.М. Ундалов и его заместитель П.И. Слабов. За 11 месяцев 1942 г. было зафиксировано 396 подобных случаев, что, кстати, превысило показатели всех мелких предприятий города вместе взятых. Были случаи сна на посту (46) и самовольного ухода (5). Но финальную точку в отношении Ундалова и Слабова, видимо, поставило похищение пистолета ТТ с боевыми патронами, которые не были найдены⁶⁸.

В вопросе определения динамики нарушений трудовой дисциплины мы можем опираться только на официальную статистику, которая в основном содержится в документах городского комитета ВКП(б) г. Коврова. Использовать данную статистику следует с осторожностью, так как здесь содержатся лишь официально зафиксированные случаи. Требование со стороны партийных органов к выявлению нарушителей в реальности часто не выполнялось. Но по большому счету добиться улучшения правоприменительной практики удалось только в вопросе ускорения процесса рассмотрения дел. В случае с г. Ковровым надо учитывать, что основная масса трудящихся работала всего лишь на нескольких местных крупных предприятиях. Это был главный индустриальный гигант города – завод имени Киркижа; оборонное предприятие, занимавшееся машиностроением (НКПС), и текстильная фабрика имени Абельмана. Все прочие предприятия относились либо к транспортным и пищевым отраслям или являлись артелями по производству товаров широкого потребления. В целостной статистике они существенной роли сыграть не могли, чего нельзя сказать о специфике разных групп предприятий.

В целом для города Коврова в начальный период войны характерен рост нарушений в области трудового законодательства. Прирост давали исключительно три вышеназванных крупнейших предприятия города. И если за второе полугодие

⁶⁶ Тряхов И.С. Трудовая дисциплина на предприятиях Владимирской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2015. № 3. С. 71–80.

⁶⁷ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 63. Д. 36. Л. 72.

⁶⁸ Там же. Д. 32. Л. 18–18 об.

1940 г. было зафиксировано 4531 нарушение⁶⁹, в предвоенное полугодие 1941 г. отмечено снижение до 2424 случаев⁷⁰, то уже вторая половина 1941 г. дала прирост до 5477 случаев⁷¹, а в январе – июне 1942 г. было зафиксировано 6196 случаев⁷².

Для завода имени Киркижа характерна следующая динамика. За второе полугодие 1940 г. зафиксировано 2910 случаев⁷³, в первом полугодии 1941 г. количество нарушений снизилось до 1463 случаев⁷⁴. А во втором полугодии 1941 г. произошел резкий рост – 3820 случаев⁷⁵, в первом полугодии 1942 г. зафиксировано уже 5063 случая⁷⁶. Данных по второму полугодью 1942 г. нет, но партийные инстанции сигнализировали, что тенденции к сокращению нарушений не было. Зато в 1943 г. количество нарушений резко снизилось и составило 814 случаев⁷⁷. Чем это было обусловлено, можно лишь предположить, так как реального улучшения условий жизни и труда не произошло. При этом столь низкая цифра, обнаруженная в документах, вызывает сомнения и, по всей видимости, статистика не учитывала все случаи нарушений с точки зрения законодательства. В 1944 г. количество нарушений вновь резко выросло, о чем свидетельствовал городской прокурор Латухин⁷⁸. При этом конкретных цифр в архивных делах найти не удалось. Таким образом, для этого завода характерна волнообразная динамика.

Вторым по величине предприятием Коврова, выпускавшим обмундирование для Красной армии, была текстильная фабрика имени Абельмана. В отличие от завода имени Киркижа количество нарушений трудовой дисциплины здесь не было волнообразным. Сразу после издания указа от 26 июня 1940 г. во втором полугодии 1940 г. было зафиксировано 690 случаев⁷⁹, в первом полугодии 1941 г. количество нарушений резко снизилось до 283⁸⁰, но уже далее последовал резкий скачок, и во втором полугодии 1941 г. имелось 717 случаев нарушений⁸¹. Первая половина 1942 г. оптимизма не добавила, хотя рост нарушений был незначительным и достиг 771⁸². За восемь месяцев 1943 г. количество нарушений составило 545⁸³, что кажется некоторым улучшением, но преувеличивать его явно не следует. В дальнейшем наблюдалось стабильное количество нарушений трудовой дисциплины⁸⁴, что легко объяснимо из-за широкого призыва в фабричные цеха новых кадров, жизнь которых, как отмечалось выше, была чрезвычайно тяжелой. При этом конкретные цифры в настоящий момент отыскать в архивных материалах не удалось, и остается поверить на слово партийным работникам и руководству предприятия, представители которого говорили об этом на заседаниях Ковровского горкома партии.

Основная доля нарушителей – это молодежь, мобилизованная на предприятия из окрестных деревень в ходе войны, а также эвакуированные люди, проживавшие в более трудных условиях и имевшие недостаток в предметах одежды и быта. Их массовое привлечение в ходе войны к работе привело к росту нарушений трудо-

⁶⁹ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 48. Л. 47.

⁷⁰ Там же. Л. 47.

⁷¹ Там же. Л. 47.

⁷² Там же. Д. 71. Л. 99 об.

⁷³ Там же. Д. 48. Л. 47.

⁷⁴ Там же. Л. 47.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. Д. 71. Л. 99 об.

⁷⁷ Там же. Оп. 63. Д. 38. Л. 125 об.

⁷⁸ Там же. Д. 43. Л. 4.

⁷⁹ Там же. Оп. 1. Д. 48. Л. 47.

⁸⁰ Там же. Д. 48. Л. 47.

⁸¹ Там же. Л. 47.

⁸² Там же. Д. 71. Л. 99 об.

⁸³ Там же. Оп. 63. Д. 38. Л. 125 об.

⁸⁴ Там же. Оп. 1. Д. 162. Л. 20 об.

вой дисциплины. Согласно изученным источникам, однозначно нельзя говорить о наличии общей динамики по всем предприятиям и учреждениям города, можно только констатировать, что на крупных предприятиях наблюдалась тенденция к росту нарушений на протяжении всей войны. Даже несмотря на некоторое снижение нарушений в отдельные периоды, их число все равно оставалось стабильно высоким.

В заключение следует отметить, что, согласно архивным данным, во втором полугодии 1945 г. количество правонарушений возросло. Ответственные работники объясняли это тем, что после войны многие мобилизованные рабочие полагали, что с окончанием боевых действий и демобилизацией Красной армии закончилось и действие жесткого законодательства, тем более что, например, указ, запрещающий самовольный уход с предприятия, был издан еще в ходе войны⁸⁵. 7 июля 1945 г. указом Президиума Верховного Совета СССР была объявлена амнистия по данному закону для тех, кто нарушил его в течение последнего полугодия. Таким образом, можем видеть очередную волну всплеска нарушений, вызванную как старыми, так и новыми причинами. И вплоть до отмены июньского 1940 г. и декабрьского 1941 г. указов горкома партии был чрезвычайно недоволен деятельностью органов милиции, которые должны были, согласно постановлению СНК СССР от 29 июня 1944 г., своевременно разыскивать (как говорилось в официальных партийных документах) дезертиров производства⁸⁶.

На заседаниях горкома партии ответственные работники Коврова нередко жаловались, что и общественное мнение не было настроено непримиримо к прогульщикам⁸⁷. Это было неудивительно, если учесть тот факт, что вероятность попадания под наказание была едва ли не у каждого. Известно, что подобной участи не избежали даже некоторые стахановцы.

Выводы

Необходимость жесткого трудового законодательства для занятых на советских оборонных предприятиях традиционно объясняется условиями военного времени. Изучение конкретных примеров его исполнения в трудовых коллективах г. Коврова демонстрирует различные ситуации. Нередкими были не только случаи нарушения порядка ведения процесса со стороны заводских и государственных инстанций, но и волонтаризм в действиях отдельных чиновников. Анализ трудовых практик эпохи Великой Отечественной войны подтверждает многогранность и сложность человеческой жизни и исторического процесса, подчеркивает суровые условия, в которых труженики тыла ковали меч для Красной армии. И хотя война, после трудных, ознаменованных репрессиями и масштабными перемещениями населения 1930-х гг., безусловно, сплотила значительную часть советских людей, тем не менее специфика социальных процессов военных лет во многом определялась характером партийно-государственной политики в этой сфере предыдущего десятилетия.

Полученные в ходе исследования результаты подтверждают тезис о низкой культуре труда в СССР в рассматриваемый период. Форсированная индустриализация позволила стране быстро возвести большое количество новых предприятий и оснастить их передовым оборудованием, но процесс подготовки и воспитания трудовых кадров оказался более длительным и трудным. В преимущественно крестьянской стране, где среди населения были совершенно иные трудовые ориентиры, быстро решить этот вопрос было нельзя. Данная особенность советской экономики в значительной степени объективна в силу недолгих сроков, в ходе которых шел про-

⁸⁵ ГАВО РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 162. Л. 21.

⁸⁶ Там же. Л. 21.

⁸⁷ Там же. Оп. 63. Д. 32. Л. 182.

цесс индустриализации. Однако не следует сбрасывать со счетов и правительственные просчеты, завышенные планы, которые стремились выполнять в ущерб качеству продукции.

В городе Коврове не было эвакуированных предприятий, и большую часть работников здесь составляли мобилизованные жители окрестных деревень, эвакуированные с оккупированных территорий, жители блокадного Ленинграда, мобилизованные из советских республик Средней Азии. Плохие условия на производстве и в быту, с которыми сталкивались в своей повседневной трудовой деятельности люди, были вызваны в том числе и недостаточной подготовкой страны к войне. А в условиях все более возрастающей потребности в увеличении вооружений для действующей армии проблемы труда и быта тружеников тыла отходили на второй план. В результате и многие ответственные работники оправдывали свое бездействие войной, не желая нередко признавать собственную неспособность эффективно решать проблемы улучшения труда и жизни рабочих и служащих оборонных предприятий города.

Рукопись поступила: 5 сентября 2019 г.
Submitted: 5 September 2019

Библиографический список

- Аникин А.С.* Трудовой подвиг рабочих Владимирской и Ивановской областей в годы Великой Отечественной войны: очерки, эссе. Владимир: Призыв, 1969. 51 с.
- Белоногов Ю.Г., Мазука А.А.* Нарушители трудовой дисциплины на Краснокамском целлюлозно-бумажном комбинате в 1940–1946 годы: эволюция социологического портрета // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2017. № 1. С. 106–112.
- Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина М.: АПН, 1989. 510 с.
- Володарский Л.М.* Советский тыл в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 14–34.
- Ганценмюллер Й.* Осажденный Ленинград. Город в стратегических расчетах агрессоров и защитников. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2019. 511 с.
- Загвоздкин Г.Г.* Цена Победы. Социальная политика военных лет. Киров: Волго-Вятское книжное изд-во, 1990. 262 с.
- Зинич М.С.* Трудовой подвиг рабочего класса в 1941–1945 гг. (по материалам отраслей машиностроения). М.: Наука, 1984. 232 с.
- Земсков В.Н.* Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы Великой Отечественной войны // Международные отношения. 2014. № 1. С. 104–114.
- Желаева С.Г.* Рабочая молодежь в годы Великой Отечественной войны (на материалах Республики Бурятия) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 24–29.
- Кабирова А.Ш.* Влияние правовых и социально-экономических факторов на трудовое поведение рабочих в промышленности Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. № 3. С. 169–180.
- Кладов В.Ю.* Дезертирство с оборонных предприятий Пензенской области в 1942–1944 гг. // Альманах современной науки и образования. 2015. № 10 (100). С. 55–59.
- Комарова Н.Е., Молякова О.А.* Путь к Победе: Ковров в 1941–1945: сборник материалов о Великой Отечественной войне Ковров. Красное знамя, 2005. 136 с.
- Медведев Р.* О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990. 483 с.
- Пономарев Д.И.* Владимирский край в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война и современность. Владимир: Наука, 1995. С. 56–80.
- Пыхалов И.В.* Великая обогнанная война. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 480 с.
- Романов Р.Е.* Рабочая молодежь оборонных предприятий в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Новосибирск: НГУ, 2009. 230 с.
- Романов Р.Е.* Трудовые стимулы рабочих оборонных предприятий Сибири в годы Великой Отечественной войны (на примере комбината «Сибметаллстрой») // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15. № 2. С. 309–332.

- Сомов В.А. По закону военного времени. Очерки истории трудовой политики СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2001. 234 с.
- Сомов В.А. Труд и долг: материально-бытовые аспекты трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Волго-Вятского региона) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 2. С. 5–19.
- Тогоева С.И. Факторы влияния на мотивацию труда (на материалах Тверского вагоностроительного завода в 1941–1951 гг.) // Экономическая история. Обозрение. М.: [Б.и.], 2002. С. 39–56.
- Тряхов И.С. Трудовая дисциплина на предприятиях Владимирской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2015. № 3. С. 71–80.
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.
- Фролов Н.В. Ковровчане в Великой Отечественной: к 55-летию Великой Победы. Ковров: Маштекст, 2000. 112 с.
- Чуриков А.В. Трудовые отношения на эвакуированных предприятиях тяжелой промышленности в Челябинской области (1941–1946 гг.) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2011. № 3. С. 125–129.
- Шалак А.В. Система мотивации в системе распределения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12. № 2. С. 20–40.
- Шубин А.В. 10 мифов советской страны. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 413 с.
- Шубин А.В. Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918 г. СПб.: «Питер», 2017. 246 с.
- Khlevniuk O.V., Hale-Dorell A. Deserters from the Labor Front: The limits of coercion in the Soviet war economy // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Slavica Publishers. 2019. Vol. 20. № 3. P. 481–504.

References

- Anikin, A.S. *Trudovoy podvig rabochikh Vladimirskoy i Ivanovskoy oblastey v gody Velikoy Otechestvennoy vojny: ocherki, esse*. Vladimir: Prizyv Publ., 1969 (in Russian).
- Belonogov, Yu.G., and Mazuka, A.A. “Violators of Labour discipline on the Krasnokamsk pulp and paper mill, 1940–1946: evolution of the sociological portrait.” *Perm National Research Polytechnic University*, no. 1 (2017): 106–112 (in Russian).
- Churikov, A.V. “Labor relations at evacuated heavy industry enterprises in the Chelyabinsk region (1941–1946).” *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, no. 3 (2011): 125–129 (in Russian).
- Fitspatrik, Sh. *Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-ye gody*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008 (in Russian).
- Frolov, N.V. *Kovrovchane v Velikoy Otechestvennoy: k 55-letiyu Velikoy Pobedy*. Kovrov: Mashteks Publ., 2000 (in Russian).
- Gantsenmyuller, Y. *Osazhdennyy Leningrad. Gorod v strategicheskikh raschotakh agressorov i zashchitnikov. 1941–1944*. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2019 (in Russian).
- Kabirova A.Sh. “The influence of legal and socio-economic factors on the labor behavior of workers in the industry of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War (1941–1945).” *Pushkin Leningrad State University Journal*, no. 3 (2014): 169–180 (in Russian).
- Kladov, V.Yu. “Desertion from the defense enterprises of the Penza region in 1942–1944.” *Almanac of Modern Science and Education*, no. 10 (100) (2015): 55–59 (in Russian).
- Komarova, N.Ye., and Monyakova, O.A. *Put' k Pobede: Kovrov v 1941 – 1945: sbornik materialov o Velikoy Otechestvennoy vojne*. Kovrov: Krasnoye znamya Publ., 2005 (in Russian).
- Khlevniuk, O.V., and Hale-Dorell, A. “Deserters from the Labor Front: The limits of coercion in the Soviet war economy.” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Slavica Publishers 20, no. 3 (2019): 481–504.
- Medvedev, R. *O Staline i stalinizme*. Moscow: Progress Publ., 1990 (in Russian).
- Ponomarov, D.I. “Vladimirskiy kray v gody Veliko Otechestvennoy vojny.” In *Velikaya Otechestvennaya vojna i sovremennost'*, 56–80. Vladimir: Nauka Publ., 1995 (in Russian).
- Pykhalov, I.V. *Velikaya obolgannaya vojna*. Moscow: Yauza Publ., Eksmo Publ., 2006 (in Russian).
- Romanov, R.Ye. *Rabochaya molodezh' oboronnykh predpriyatij v Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy vojny (1941–1945)*. Novosibirsk: NGU Publ., 2009 (in Russian).

- Romanov, R.Ye. "Labor incentives for workers of the defense enterprises of Siberia during the Great Patriotic War (on the example of the Sibmetallstroy plant)." *Economic History and History of Economics* 15, no. 2 (2014): 309–332 (in Russian).
- Shalak, A.V. "The motivation system in the distribution system during the Great Patriotic War (1941–1945)." *Economic History and History of Economics* 12, no. 2 (2011): 20–40 (in Russian).
- Somov, V.A. *Po zakonu voyennogo vremeni. Ocherki istorii trudovoy politiki SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)*. N. Novgorod: Nizhegorodskiy gosuniversitet Publ., 2001 (in Russian).
- Somov, V.A. "Labor and duty: material and everyday aspects of labor motivation during the Great Patriotic War of 1941–1945. (based on materials from the Volga-Vyatka region)." *Economic History and History of Economics* 12, no. 2 (2011): 5–19 (in Russian).
- Shubin, A.V. *10 mifov sovetskoy strany*. Moscow: Yauza Publ., Eksmo Publ., 2006 (in Russian).
- Shubin, A.V. *Start strany Sovetov. Revolyutsiya. Oktyabr' 1917–mart 1918 g.* St. Petersburg: Piter Publ., 2017 (in Russian).
- Togoyeva, S.I. "Faktory vliyaniya na motivatsiyu truda (na materialakh Tverskogo vagonostroitel'nogo zavoda v 1941–1951 gg.)." In *Ekonomicheskaya istoriya. Obzreniye*, 39–56. Moscow: [S.n.], 2002 (in Russian).
- Tryakhov, I.S. "Labor discipline at enterprises of Vladimir region during great patriotic war." *RUDN Journal of Russian History* 14, no. 3 (2015): 71–80 (in Russian).
- Volkogonov, D.A. *Triumf i tragediya. Politicheskii portret I.V. Stalina*. Moscow: APN Publ., 1989 (in Russian).
- Volodarskiy, L.M. "Sovetskiy tyl v gody Velikoy Otechestvennoy voyny." *Voprosy istorii*, no. 7 (1985): 14–34 (in Russian).
- Zagvozdkin, G.G. *Tsena Pobedy. Sotsial'naya politika voyennykh let*. Kirov: Volga-Vyatka Book Publ., 1990 (in Russian).
- Zinich, M.S. *Trudovoy podvig rabochego klassa v 1941–1945 gg. (po materialam otrasley mashinostroyeniya)*. Moscow: Nauka Publ., 1984 (in Russian).
- Zhelayeva, S.G. "Working youth during the Great Patriotic War (based on the materials of the Republic of Buryatia)." *Bulletin of the Buryat State University*, no. 7 (2015): 24–29 (in Russian).
- Zemskov, V.N. "Organization of the workforce and tightening of labor legislation during the Great Patriotic War." *International Relations*, no. 1 (2014): 104–114 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Тряхов Илья Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.

Ilya S. Tryakhov, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Associate Professor of the Department of Russian History, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-349-360>

Научная статья / Research article

Военная повседневность польских партизанских отрядов на территории Белорусской ССР в 1943–1944 гг.: моральное состояние и политическая пропаганда

С.В. Благов

Калининградский государственный технический университет;
236022, Россия, Калининград, Советский проспект, д. 1; press@klgtu.ru

The Military Routine of Polish Partisan Detachments Operating on the Territory of the Byelorussian SSR in 1943–1944: Morale and Political Propaganda

Sergey V. Blagov

Kaliningrad State Technical University; 1, Sovetsky Ave., Kaliningrad, 236022, Russia;
press@klgtu.ru

Аннотация: Из известных сегодня официально действовавших в советском партизанском движении на территории Белорусской ССР в годы Великой Отечественной войны осуществляли свою оперативную работу пять польских национальных отрядов. Их формирование происходило в 1943–1944 гг. Каждый из них имел свои особые черты, свои конкретные задачи, однако были у всех этих подразделений и свои общие характеристики. В первую очередь, они связаны с просоветской политической пропагандой, которой были охвачены ряды партизан. В своей деятельности они также выступали проводниками в среде местного населения Западной Белоруссии идей, проработанных польскими коммунистами. Автор впервые в отечественной и западной литературе делает попытку обобщить данные о воздействии советской агитации на польские партизанские отряды, а также исследовать, насколько они были подвержены этим идеям, какой, исходя из этих аспектов, была повседневная жизнь польских партизан. В предвоенный период значительная часть польского населения западных областей СССР подверглась репрессиям. Не удивительно, что в первые месяцы войны эти люди нередко поддерживали немецких оккупантов. В этой связи особый интерес вызывает аспект причин перехода польского населения на сторону советских партизан. Для того, чтобы завоевать симпатии местных поляков, советскому руководству пришлось менять свое отношение к ним, создавая для польских партизан возможность соблюдать свои национальные традиции, справлять религиозный культ, носить свою военную форму. Пришлось даже закрыть глаза на прежние «антисоветские элементы», прошедшие застенки НКВД в 1939–1941 гг., присоединившиеся к «красному» подполью. Не удивительно, что в некоторых отрядах «левая» идеология так и не смогла до конца одержать верх. Даже в ходе агитации среди местного населения отдельные подразделения старались не ассоциировать себя с коммунистами.

Ключевые слова: партизаны, поляки, Польша, Белорусская ССР, пропаганда, война

Для цитирования: Благов С.В. Военная повседневность польских партизанских отрядов на территории Белорусской ССР в 1943–1944 гг.: моральное состояние и политическая пропаганда // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 349–360. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-349-360>

Abstract: There were five Polish national detachments within the Soviet partisan movement that officially operated on the territory of the Byelorussian SSR during the Great Patriotic War. Their formation took place in 1943–1944. Each of them had their own special features, their own specific

tasks; but they also had common characteristics. First of all, the partisans were associated with pro-Soviet political propaganda. In their actions, they were used as guides to the local population of Western Belarus, spreading ideas that had been elaborated by the Polish Communists. The author studies the impact of Soviet agitation on Polish partisan detachments, and investigates how much the Polish partisans were subjected to these ideas in their everyday life. Back in 1939–1941, a significant part of the Polish population of the western regions of the USSR had been subjected to repressions. Therefore, in the first months of the Great Patriotic war these people often supported the German occupiers. Why then would parts of the Polish population join the Soviet partisans? The Soviet command changed their attitude towards them, creating the opportunity for Polish partisans to keep their national traditions and to wear their military uniforms, in order to win the sympathy of the local Poles. They even accepted former “anti-Soviet elements” who had been put in prison in 1939–1941 but joined the “red” underground. Some of the formations were not totally covered by the “left” ideology and did not associate themselves with the Communists when agitating among the local population.

Keywords: partisans, Poles, Poland, Belarus, propaganda, war

For citation: Blagov, Sergey V. “The military routine of Polish partisan detachments operating on the territory of the Byelorussian SSR in 1943–1944: morale and political propaganda.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 2 (May 2020): 349–360. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-349-360>

Введение

75 лет назад завершилась Великая Отечественная война. Героическую победу над «арийским» фашизмом Германии и ее союзниками одержал многонациональный Советский Союз. Все народы, проживавшие в СССР, внесли свою лепту в борьбу за правое дело. Однако даже спустя столько лет перед исторической наукой стоит множество вопросов, ответы на которые исследователям еще предстоит найти. В частности, одна из недостаточно изученных тем связана с вопросом участия в советском партизанском движении отдельных польских национальных отрядов на территории Белорусской ССР.

Более пристальным вниманием к теме партизанского движения в целом было до 1991 г. Правда, польские партизанские формирования рассматривались чаще всего в контексте участия иностранных граждан или непосредственно поляков на территории СССР в антифашистской борьбе. В разные годы выходили труды советских¹ и польских исследователей², издавались сборники документов³ и воспоминаний⁴. В научной литературе неоднократно упоминался сам факт существования польских партизанских отрядов, делались и попытки проанализировать их деятельность. Но в условиях идеологизации было крайне сложно дать объективную характеристику тем или иным сложным процессам, связанным с жизнью польских формирований в условиях советского партизанского движения. Например, тема, заявленная в данной статье, в исторической литературе не раскрыта совершенно. Этот тезис применим даже к монографии, изданной по итогам диссертационного исследования белорусского историка В.В. Барабаша⁵, который, казалось, ближе всех подошел к тематике польских формирований, подчинявшихся Центральному штабу партизанского движения. Однако в работе, посвященной польскому антифашистскому сопротивлению, он сместил акцент на подразделения Армии Крайовой, о которой до 90-х гг.

¹ Манаенков А.Л. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944). Минск, 1983. С. 600; Кузьмин А.Т. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Минск, 1985. С. 389–392.

² Juchniewicz M. Polacy w radzieckim ruchu podziemnym i partyzanckim, 1941–1944. Warszawa, 1975.

³ Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944). Документы и материалы. Минск, 1978. С. 323–325.

⁴ Тобиаш Ю. В едином строю. Воспоминания участников партизанского движения в Белоруссии. Минск, 1970.

⁵ Барабаш В.В. Поляки в антифашистской борьбе на территории Беларуси (1941–1944 гг.). Гродно, 1998.

XX в. на постсоветском пространстве практически никто не писал. В современной Польше на прилавках книжных магазинов можно встретить исследования, посвященные деятельности как советских партизан в годы Второй мировой войны⁶, так и движению сопротивления Польши⁷. Однако ни в одном, ни в другом случае не говорится о просоветских польских партизанских формированиях. Лишь мельком о них как о предателях упоминали в 90-е гг. прошлого столетия⁸. Видимо, на данный момент эта тема для Польши исчерпана. Белорусские и отечественные издания, касающиеся данной проблемы, представлены сегодня главным образом сборниками опубликованных документов⁹.

В основу данной статьи легли источники, находящиеся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), а также Центрального военного архива (САВ) в Республике Польша. Это – приказы, записки, донесения, справки, личные листки, изданные непосредственно партизанскими подразделениями, постановления и другая делопроизводственная документация, выходившая из-под пера партийных руководителей, а также воспоминания участников просоветского польского подполья.

Тема идеологической работы в польских партизанских отрядах, их моральное состояние, отношение к СССР и будущему Польши представляет большой научный интерес. Местное население западных областей Белоруссии, в особенности поляки, с началом Великой Отечественной войны оказались перед дилеммой: чью сторону занять, кого считать врагом? Большая их часть в период 1939–1941 гг. рассматривала Советский Союз в качестве оккупанта, врагом считали фашистскую Германию, с 1943 г. – украинских националистов. В такой ситуации выступить в одиночку было практически нереально. Тогда под чьими знаменами бороться за освобождение Польши? Варианты ответа на этот вопрос предлагали самые разные польские политические силы. В данной статье речь пойдет о тех, кто выбрал сторону коммунистов, причем не обязательно в силу своих «левых» убеждений. Их выбор был сложным, поскольку этим людям нужно было пойти против официальных польских властей, сражаться плечом к плечу с советскими партизанами, зная о том, что СССР оставит их родные земли у себя, а их с семьями депортирует.

Цель работы – выяснить настроения, степень восприимчивости к советской пропаганде и специфику политической деятельности советских польских партизанских отрядов на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны.

Вовлечение польских граждан в партизанское движение на территории Белорусской ССР

Всего на сегодняшний день известно о существовании пяти польских партизанских отрядов в советском подполье Белоруссии: отряд имени Т. Костюшко и Логишинский партизанский отряд – в Пинской области, отряд имени В. Василевской, 1-й Варшавский батальон – в Барановичской области, а также отряд «Белого» – в Вилейской области. Известны и такие польские подразделения, которые не чис-

⁶ *Musiał B.* Sowieccy partyzanci 1941–1944. Mity i rzeczywistość. Poznań, 2014.

⁷ *Williamson D.G.* Polski ruch oporu 1939–1947. Poznań, 2015.

⁸ *Boradyn Z.* Niemen – rzeka niezgody. Polsko-sowiecka wojna partyzancka na Nowogródzczyźnie, 1943–1944. Warszawa, 1999. P. 213–215.

⁹ *Золотарев В.А.* Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша // Militera [сайт]. URL: http://militera.lib.ru/docs/da/terra_poland/02.html (дата обращения: 22.01.2020); *Адамушко В.И.* ОУН-УПА в Беларуси. 1939–1953 гг. Документы и материалы. Минск, 2012.

лились как отряды. У каждого был свой уникальный путь формирования, отличался и социальный состав, поэтому привести все их к общему знаменателю в вопросе повседневности представляется сложным. Затрудняет выполнение этой задачи низкая источниковая база в отношении некоторых отрядов. По этой причине в статье автор акцентирует внимание на тех польских формированиях, данные о которых доступны для исследования.

До середины 1943 г. поляки неохотно шли в советские партизаны¹⁰, памятуя о репрессиях, имевших место в 1939–1941 гг. Те, кто на это решался, в своих воспоминаниях писали о проявлениях «чрезмерной бдительности в отношении поляков, уже находившихся в советских партизанских отрядах». Некоторые не выдерживали подозрений и сбежали¹¹. Отношение к полякам, готовым сражаться с оружием в руках на стороне СССР, также было настороженным, поскольку партизанские командиры держали в памяти 1941 г., когда значительная часть польского населения на территории Западной Белоруссии помогала наступающим немцам¹². Партизанское командование и партийное руководство окончательно сформулировало отношение к местным полякам только на второй год войны. 22 июня 1943 г. вышло Постановление ЦК КП(б) Белоруссии (далее – ЦК КП(б)Б) о мероприятиях по дальнейшему развертыванию партизанского движения в западных областях республики¹³, после чего по обкомам разослали закрытое письмо ЦК КП(б)Б о военно-политических задачах работы в западных областях БССР¹⁴. В последнем документе, с одной стороны, разрешалось создавать собственные польские партизанские отряды, а с другой, было предостережение, что под личиной лояльных поляков могут быть засланы предатели. Таких предполагалось выявлять и уничтожать¹⁵. Неоднозначное распоряжение ставило партизанских командиров на местах в сложное положение: по факту, давало им свободу действий (в том числе при малейшем подозрении – право ликвидировать польских партизан).

В этой ситуации польские партизанские отряды и вовсе могли не появиться на территории БССР, с учетом того, что для руководства Центрального штаба партизанского движения во главе с П.К. Пономаренко было намного выгоднее, когда поляки оказывались рассредоточены по различным партизанским отрядам, а также с учетом того, что имелись случаи неудачных примеров создания подобных национальных формирований¹⁶. Однако инициатива самих поляков, поддержанная коммунистами из Союза польских патриотов, созданного в Москве в 1943 г., и желание партизанских командиров на местах одержали верх.

Первый польский партизанский отряд на территории Белоруссии

Первый советский польский партизанский отряд на территории Белорусской ССР появился в конце июля 1943 г. Он получил имя Т. Костюшко и изначально входил в состав бригады имени В.М. Молотова Пинского областного соединения. Точнее

¹⁰ *Барабаш В.В.* В антифашистской борьбе... С. 49.

¹¹ Centralne Archiwum Wojskowe. IX. 3. 63. 53. L. 16.

¹² *Musiał B.* Sowiescy partyzanci... P. 57.

¹³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 625. Оп. 1. Д. 8. Л. 76–77.

¹⁴ Там же. Л. 63–67.

¹⁵ Там же. Л. 67.

¹⁶ *Благов С.В.* О неудачной попытке создания польских партизанских формирований в годы Великой Отечественной войны // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2019. № 2. С. 120.

будет сказать, что это был первый польский отряд, сформированный, главным образом, из местных крестьян¹⁷, который подчинялся Белорусскому штабу партизанского движения, поскольку основная его деятельность велась на севере Волынской области УССР. Было принято решение с оружием в руках перейти из полиции, созданной для самообороны против украинских националистов, на сторону советских партизан. Этот отряд мог и не появиться вовсе. В партизанском штабе обсуждали разные варианты, как поступить с поляками, но все же было одобрено решение о принятии их в свои ряды¹⁸.

Партизанское командование, естественно, отдавало себе отчет в том, что в новом отряде будут и не очень тепло настроенные к советской власти элементы. Биографии некоторых бойцов должны были настораживать. Так, будущий командир первого взвода отряда Леон Малицкий перед войной сидел в СССР в тюрьме, после чего в рядах «банды зеленых» уничтожал «красных» активистов. Бойца Станислава Радзю должны были выслать в Сибирь, но он бежал и оказался в «банде зеленых» вместе с Малицким. Партизан Петр Троцевич вместе с немцами участвовал в карательной операции против партизан¹⁹. Кроме того, сам будущий командир отряда Чеслав Клим в 1940–1941 гг. был осужден НКВД²⁰.

Взаимное недоверие создавало определенную напряженность в отношениях между польскими партизанами и высшим командованием. Для надзора за их деятельностью руководство отряда усилили кадрами с русскими фамилиями. С момента появления отряда его штаб возглавил лейтенант Дмитрий Караваев, а после передислокации «костюшковцев» в Пинскую область БССР и переподчинения их Пинской партизанской бригаде заместителем начальника штаба был назначен Петр Пестриков, а комиссаром – Николай Русаков²¹. Особо примечательно в контексте данного исследования назначение комиссара. Прежний помощник командира отряда Н. Разин был снят с должности «за расхлябанность, халатное отношение к порученной работе», который, как отмечалось, занимался обманом командования, «несмотря на целый ряд указаний и предупреждений со стороны старших товарищей по усилению работы в отряде»²². К сожалению, источников, которые пролили бы свет на детали идеологической работы в отряде до октября 1943 г., не удалось найти. Смена комиссара с такой формулировкой дает основания полагать, что дела в этом направлении шли не очень продуктивно. Подтверждают это суждение слова Леона Касмана, представителя СПП, переброшенного из Москвы за линию фронта в расположение «костюшковцев». В середине октября 1943 г. в письме на «Большую землю» он так описал состояние отряда имени Т. Костюшко: «Нужно прикрепить к нему политических работников! Без них очень трудно... Приобретает элемент отсталый, отрицательно настроенный к советскому строю, политически неопределившийся, поддерживает политику пассивности»²³. Будущий комиссар отряда Вацлав Климашевский в своих воспоминаниях описал ситуацию деликатней, отмечая, что в партизаны шли люди разных взглядов, «иногда неправильно ориентирующиеся в обстановке»²⁴.

¹⁷ Centralne Archiwum Wojskowe. IX.3.63.53. L. 17–18.

¹⁸ Ibid. L. 16.

¹⁹ Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 1407. Оп. 1. Д. 179. Л. 3–4.

²⁰ Centralne Archiwum Wojskowe. IX.3.63.53. L. 57.

²¹ Ibid., IX.3.52.16. L. 3.

²² НАРБ. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 175. Л. 11.

²³ РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 67. Л. 368.

²⁴ *Тобиаш Ю.* В едином строю. Воспоминания участников партизанского движения в Белоруссии. Минск, 1970. С. 120.

До прибытия в отряд представителей Союза польских патриотов связь с этой организацией, на которую должна была замыкаться идеологическая работа в духе просоветской и «левой» агитации, фактически отсутствовала. Зато всячески поддерживались польские национальные патриотические идеи. Примечательно, что все они строились на противостоянии пусть и царской, но России. Партизанам рассказывали о Тадеуше Костюшко, о героях восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг., в том числе о повстанцах, воевавших в местах дислокации отряда²⁵. Впрочем, эти темы обсуждались в отряде и в дальнейшем.

Отряд имени Т. Костюшко имел такую же структуру, как и все остальные подразделения в составе Пинского партизанского соединения. Есть данные, что поначалу помимо комиссара в отряде были секретари комсомольской и партийной организаций, которые принимали партизан в свои организации²⁶. Однако эти сведения можно назвать сомнительными, поскольку партийных в принципе не сыскать в личных листках рядового и сержантского состава отряда²⁷. Зато однозначно можно сказать, что в расположении отряда регулярно появлялся католический священник Иваницкий из деревни Большая Глуша. Даже после передислокации «костюшковцев» в ноябре 1943 г. ксёндза перевезли на поселение с семьями польских партизан. Ни одни похороны в отряде не проходили без церковного церемониала, отмечались католические праздники. Командование бригады несколько не препятствовало исполнению религиозного культа в польском отряде. По воспоминаниям польских партизан, командир Пинской партизанской бригады И.Г. Шубитидзе лично принимал участие в полевой мессе по случаю отправления за Буг в ряды Армии Людовой отряда, созданного на базе «костюшковцев»²⁸.

С прибытием в расположение отряда имени Т. Костюшко десанта от Союза польских патриотов, в составе которого был вышеупомянутый Леон Касман, ситуация с идеологической работой в подразделении начала меняться. Гости с «Большой земли» привезли с собой много агитационных материалов, среди которых были журналы и брошюры, изданные СПП и Польской рабочей партией (ППР). Была налажена издательская деятельность и в самом отряде – еженедельно стала выходить партизанская газета «Косиньер» на польском языке²⁹. Политическая агитация в духе дружбы с Советским Союзом и борьбы за новую демократическую Польшу шла не только среди населения окрестных деревень Пинской области, но и внутри отряда, в том числе ввиду слабой грамотности большей части партизан³⁰. Из «костюшковцев» в этот период начали делать настоящую лесную армию по примеру 1-й Польской пехотной дивизии имени Т. Костюшко, созданной при непосредственном участии Союза польских патриотов месяцами ранее. Партизанам начали прививать боевую дисциплину: утром и вечером у них была переключка, после проверки личного состава раздавались задачи. Традиционными стали исполнение народного гимна «Роть» и общий молебен. Исполнять этот церемониал обязаны были представители всех национальностей, находившиеся в расположении отряда, даже гости из других соседних подразделений³¹.

²⁵ Centralne Archiwum Wojskowe. IX.3.63.53. L. 51–52.

²⁶ Ibid. L.70.

²⁷ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 7. Д. 250. Л. 121–296.

²⁸ Centralne Archiwum Wojskowe. IX.3.63.53. L. 71–72.

²⁹ Ibid. L. 76.

³⁰ *Благов С.В.* Социальный портрет партизана польского партизанского отряда на примере подразделений БШПД в 1943–1944 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 6. С. 894–895.

³¹ Centralne Archiwum Wojskowe. IX.3.63.53. L. 53.

Внешняя атрибутика польских отрядов как средство наглядной агитации

Всем партизанам отряда имени Т. Костюшко было разрешено носить польскую национальную атрибутику, в частности, бело-красную полоску с правой стороны на головном уборе, чаще всего на «конфедератке», и орлов, которых отливали самостоятельно в лагере из олова. При этом четких канонов в изображении орлов не было, не запрещалось делать их с короной. В обращении польские партизаны вместо обычного в советских отрядах обращения «товарищ» использовали слово «гражданин»³².

Идеальную картинку лесной армии портил только внешний вид партизан. Согласно отчету, составленному командиром подразделения Чеславом Климом в начале 1945 г., в этом направлении была явная недоработка: «Обмундирования никакого бригада [читай – отряд] не имела, и каждый партизан был одет в свою гражданскую, в основном, плохую одежду, и особенно плохой была обувь, главным образом, лапти». По словам Ч. Клима, в том числе по этой причине его партизаны часто болели в холода³³. В таком виде отряд проходил вплоть до воссоединения с Красной армией летом 1944 г.

Советское командование, в действительности, открыто делало ставку на внешнюю атрибутику польских отрядов как средство наглядной агитации. Польские советские отряды должны были создавать эффект присутствия национальной армии. Местное население, глядя на элементы военной формы Войска Польского, было более расположено для «правильной» идеологической обработки и пропаганды. Это с ревностью и даже обеспокоенностью заметили и в подразделениях Армии Крайовой, считавшей себя единственным законным польским войском на оккупированных территориях. Приведем выдержку из листовки Армии Крайовой с призывом к местному населению не поддаваться советской агитации: «Сами коммунисты в своей прессе говорят о том, как важно для них, чтобы их вооруженные партизанские подразделения имели вид Войска Польского, маскируя их конфедератками и орлами, называя свои отделы именами наших самых главных народных героев»³⁴. Однако переодевать полностью польских партизан в национальную форму советское руководство, видимо, не желало либо попросту не имело такой возможности. Хотя в процессе формирования отдельного Польского партизанского штаба в феврале 1944 г. польские коммунисты при распределении обмундирования просили у советского руководства обеспечить их «польскими фуражками и знаками отличия, «орелками»³⁵.

Подтверждаются это данные и на примере другого польского подразделения Пинской области – Логишинского отряда бригады имени Куйбышева, который появился уже в 1944 г. Несмотря на то, что большинство партизан было одето в мундиры Войска Польского, единообразия в одежде все равно не было. По словам командира этого подразделения Ал. Жилевича, «пополнение вещевого довольствия и обуви шло в полном объеме со стороны партизан. Значительную помощь в этом оказывали родные и знакомые». Обувались «логишинцы», как и «костюшковцы», летом часто в лапти, что Жилевич объяснял еще и удобством для перемещения по болотистой местности³⁶. Ввиду отсутствия в Пинской области активности со стороны Армии Крайовой, – одетые в польские мундиры с конфедератками на голове

³² Centralne Archiwum Wojskowe. IX.3.63.53. L. 52.

³³ Ibid. L. 156.

³⁴ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49. Л. 25.

³⁵ Золотарев В.А. Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша // Militera [сайт]. URL: http://militera.lib.ru/docs/da/terra_poland/02.html (дата обращения: 22.01.2020).

³⁶ Centralne Archiwum Wojskowe. IX.3.63.53. L. 42.

партизаны Логишинского отряда, действительно, создавали для местных крестьян-поляков ощущение присутствия их национальной армии. Это, по словам Ал. Жилевича, существенно помогало в агитационной работе³⁷.

В других регионах БССР польские мундиры могли сыграть и злую шутку, как, например, в условиях открытого противоборства между советскими партизанами и бойцами Армии Крайовой, которое развернулось в конце 1943–1944 гг. в Барановичской области БССР. Известно, что партизанский отряд имени В. Василевской бригады имени Ленинского комсомола, образованный в июне 1944 г., как раз был одет в форму Войска Польского. Вместе с небольшой самостоятельной польской партизанской группой Адама Свенторжецкого из бригады имени В. Чкалова оба формирования позиционировали себя как независимые военизированные структуры Союза польских патриотов³⁸. По одной из версий, именно из-за трагической ошибки во время операции против Армии Крайовой «красными» партизанами были убиты одетые в польскую форму командир разведгруппы А. Свенторжецкий и его помощник В. Гурецкий³⁹.

Идеологическая работа среди польских партизан

Важную роль в военной повседневности польских партизан на территории Белоруссии занимали вопросы их политической подготовки. По словам командира отряда имени Т. Костюшко Чеслава Клима, уровень патриотизма и политической подготовки у его партизан был очень высок⁴⁰. Однако тот факт, что искреннюю любовь к СССР испытывали далеко не все его партизаны, подтверждается данными, оставленными по линии особых отделов. Так, сообщалось, что сомнительные разговоры с бойцами вел заместитель командира отряда Владислав Мельчарек. В частности, ему не понравился текст присяги, которую должен был принимать отряд, и он заявил: «Какой я сын Советского народа?». В итоге вместе с ним еще один представитель штаба отряда отказался принимать присягу с такой же формулировкой, а командиру было предложено поменять текст⁴¹. Правда, не до конца понятно, о какой присяге в донесении шла речь. Известно, что отряд присягнул на борьбу с фашизмом 7 ноября 1943 г.; 6 января 1944 г. отдельно присягу принимали только партизаны, уходившие за Буг на территорию Польши. Но текст этой присяги был идентичен тому, который произносили войска 1-й пехотной дивизии имени Т. Костюшко⁴², где не было ни слова о «сынах Советского народа». Поэтому либо текст присяги действительно меняли, либо у кого-то из действующих лиц этих событий были трудности с переводом.

Интересен этот вопрос еще и в связи с тем, что сам Владислав Мельчарек за Буг не отправился. Из донесения «особистов» известно, что он открыто поддерживал тех, кто не захотел пополнять ряды Армии Людовой: «И что вы, хлопцы, думаете, что едете за Буг бороться с немцами? Вы будете там бороться со своими, с поляками». Также во время обсуждения операции в украинской деревне Лахвичи, где «костюшковцы» убили три десятка местных жителей⁴³, заместитель командира заметил пренебрежительное отношение к польскому отряду со стороны других под-

³⁷ Centralne Archiwum Wojskowe. IX.3.63.53. L. 61.

³⁸ *Boradyn Z. Niemen – rzeka niezgody...* P. 214.

³⁹ *Ibid.* P. 168–169; НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 50. Л. 210.

⁴⁰ Centralne Archiwum Wojskowe. IX.3.63.53. L. 155–156.

⁴¹ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49. Л. 221.

⁴² Centralne Archiwum Wojskowe. IX.3.63.53. L. 77.

⁴³ *Адамушко В.И.* ОУН-УПА в Беларуси. 1939–1953 гг.: документы и материалы. Минск, 2012.

разделений бригады: «Когда шли на Лахвичи – шли как советский отряд, а как дошло до резни украинского населения, так сразу поляки»⁴⁴.

Конечно, такие настроения не могли не привлечь внимание командования, и по всей видимости, вызывали беспокойство на уровне подпольного обкома партии Пинской области. Так что инициатору создания и главному защитнику отряда имени Т. Костюшко, командиру Пинской партизанской бригады И.Г. Шубитидзе приходилось настойчиво доказывать, что поляки находятся под надежным контролем. «Если кто доносит вам в регуляции польских вопросов и обманывает вас, я дам вам точную справку, что польским вопросом занимаюсь я со своим штабом», – писал он в январе 1944 г. своему непосредственному руководству⁴⁵.

В Барановичской области БССР, где широко была развернута деятельность Армии Крайовой, перед просоветскими польскими подразделениями стояла еще более трудная задача на идеологическом фронте. Ее сформулировал командир польской партизанской группы Адам Свенторжецкий: «Польские партизанские отряды должны дискредитировать правительство Сикорского среди местного населения, вскрывать его профашистский характер». Сделать это было непросто, поскольку симпатии местного населения были явно на стороне Армии Крайовой. Поэтому Свенторжецкий настоятельно предлагал скрывать в агитационной работе свою принадлежность к коммунистам⁴⁶.

Об антисоветских разговорах в польских отрядах Барановичской области партизан данных нет. Однако о симпатиях к Армии Крайовой вряд ли приходится говорить, поскольку местные просоветские польские партизанские отряды находились с «аковцами» в состоянии настоящей войны. Вацлав Альхимович, командир отряда имени В. Василевской партизанской бригады имени Ленинского комсомола, кстати, перешедший на сторону советских партизан из рядов Армии Крайовой, в феврале 1944 г. создал целый Межрайонный комитет польских патриотов, своего рода филиал СПП во вражеском тылу. Его отряд регулярно проводил собрания по деревням Васишишковского и Щучинского районов Барановичской области. Однозначно, гораздо проще было проводить политическую работу внутри таких небольших подразделений с личным составом в три десятка человек. По воспоминаниям В. Альхимовича, он неоднократно проводил со своими бойцами беседы на тему важности агитации, об отношении к польскому правительству в эмиграции, о новых властях – Крайовой раде народной и других вопросах⁴⁷.

В другом немногочисленном подразделении – Логишинском польском партизанском отряде Пинской области – проводить дополнительную политическую обработку не было нужды и вовсе. Ее костяк еще до начала войны сотрудничал с Коммунистической партией Западной Белоруссии (КПЗБ) и Международной организацией помощи революционерам (МОПР)⁴⁸. Появление этого отряда показало, что существовали сложности в кооперации между польскими партизанами в отдельно взятом регионе – Пинской области. Логишинский отряд появился только в 1944 г., однако его будущие партизаны помогали «красному» подполью уже начиная с 1942 г. Перед переходом на нелегальное положение они несколько раз столкнулись с настойчивыми требованиями со стороны командования отряда имени Т. Костюшко присоединиться к ним. Вот как описывал встречу с командиром «костюшковцев» его бу-

⁴⁴ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49. Л. 221.

⁴⁵ Там же. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 24. Л. 17 об.

⁴⁶ Там же. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 49. Л. 49.

⁴⁷ Centralne Archiwum Wojskowe. IX.3.63.23. L. 4–7.

⁴⁸ Ibid. L. 40.

душий коллега из города Логишина Алексей Жилевич: «...Акцентирование в ходе переговоров внимания на своей личности, имеющейся квалификации, прошлом и настоящем авторитете на территории Полесья, могло породить у нас ощущение, что мы имеем дело с политической игрой, поэтому также из осторожности мы предпочли остаться в тогдашнем состоянии. О том, что отряд Клима входил в состав одной из бригад движения, мы в ходе переговоров не были проинформированы»⁴⁹. Один из поляков, все же убежавших из Логишина под угрозой немецких репрессий в отряд имени Т. Костюшко, в нем же был убит.

Как показала практика, самый проверенный и надежный способ подготовки польских кадров для работы в партизанском подполье, с точки зрения идеологии и лояльности, – это переброска «готовых партизан» за линию фронта с «Большой земли». В 1944 г. для развития польского партизанского движения в проблемные из-за вооруженных столкновений с Армией Крайовой Барановичскую и Вилейскую области были отправлены особые организаторские группы, которые проходили специальную, прежде всего идеологическую, подготовку в Москве под кураторством польских коммунистов из СПП⁵⁰. На них и форма была новая, и с политическими взглядами у них было все в порядке. Задача заключалась в том, чтобы из благонадежных польских партизан разных отрядов собрать собственное подразделение. Так появился в апреле 1944 г. 1-й батальон Варшавского полка пехоты имени Т. Костюшко в Налибокской пуще Барановичской области. По признанию заместителя командира этого подразделения, партизаны «чувствовали себя послами польскости на территориях наиболее всего выдвинутых на восток». Учитывая, что вопрос о послевоенных границах Польши к этому времени был решен, даже это суждение звучит подозрительно. В Лидском районе эти партизаны объясняли людям важность роли Польской Армии, созданной в СССР, рассказывали о своих задачах и «о позорной роли» местных подразделений Армии Крайовой⁵¹.

Другая организаторская группа, состоявшая всего из двух человек – Стефана Антосевича и Яна Фрея («Белого») – была десантирована в Вилейской области в январе 1944 г. Им удалось набрать в свое подразделение 35 человек. По псевдониму командира его называли отрядом «Белого». Правда, задачи перед ним были поставлены уже другие, в частности, проведение разведки и диверсионной деятельности для нужд наступающей Красной армии⁵².

Выводы

В целом, как показало проведенное исследование, польские партизанские отряды организационно имели большое сходство с аналогичными советскими подразделениями. В частности, они исполняли те же приказы командования в составе бригады или соединения, что и их соседи. В этом представители Союза польских патриотов видели минусы подчинения польских отрядов Центральному штабу партизанского движения, в результате чего нередко командиры соединений допускали просчеты в своей работе. Именно эти факты помогли польским коммунистам обосновать необходимость создания собственного партизанского штаба и переподчинения себе всех поляков из советских партизанских отрядов.

С другой стороны, на национальных партизанских отрядах лежала большая ответственность за фронт идеологической работы среди местного польского населе-

⁴⁹ Centralne Archiwum Wojskowe. IX.3.63.23. L. 36–37.

⁵⁰ Ibid. IX.3.52.58. L. 2.

⁵¹ Ibid. L. 8.

⁵² *Juchniewicz M. Polacy w radzieckim ruchu...* P. 364.

ния. Большую работу в этом направлении проводили коммунисты из Союза польских патриотов. При этом важное значение имела численность национальных формирований. Так, например, в отряде «костюшковцев», разросшемся до 300 человек, за «правильностью взглядов» уследить было намного сложнее.

Ставка на внешнюю национальную атрибутику в вопросе политической пропаганды играла также, как подтверждают источники, существенную роль. Проблемой при этом было отсутствие единообразия в обмундировании партизанских соединений. С другой стороны, очевидной являлась проблема слабой кооперации между польскими подразделениями и соседними с ними советскими партизанскими отрядами. Версия убийства одного из главных организаторов вовлечения поляков в «красное» подполье Адама Свенторжецкого своими же партизанами из-за мундира Войска Польского и конфедератки на голове вполне может быть правдой.

Отличительной чертой военной повседневности польских партизанских отрядов, безусловно, является религиозность, поддержка национальных традиций и исторической памяти. Очевидно, что советское руководство было готово пойти на многое, чтобы вернуть расположение местного населения после репрессивной политики предвоенного периода 1939–1941 гг. Эта работа шла с неравномерным успехом в виду региональных особенностей. Например, в Пинской области поляки были более лояльно настроены, поскольку в этом экономически не очень благополучном регионе «левые» идеи были распространены еще до войны. В Барановичской и Вилейской областях большую активность проявляла Армия Крайова, действительно, более похожая на Польскую Армию, что помогало ей перетягивать симпатии местного населения на свою сторону. Тем не менее, советскому командованию удалось скорректировать свою работу таким образом, чтобы, в том числе за счет поляков из западных областей СССР выиграть идеологическую борьбу непосредственно и на территории Польши.

Просоветская пропаганда одержала верх благодаря целому ряду обстоятельств. СССР демонстрировал реальную силу, готовую, действительно, бороться с гитлеровской Германией. Не случайно интерес поляков к советским партизанам начал просыпаться именно после крупных побед Красной армии под Сталинградом и Курском. Сыграло свою роль и создание в СССР 1-й пехотной дивизии имени Т. Костюшко. «Красные» подпольщики вели более активную борьбу с оккупационными властями, нежели другие польские вооруженные формирования, в том числе против украинских националистов. Это было аргументом для молодежи, не желавшей сидеть сложа руки. Не случайно в большинстве своем в польские отряды шли именно молодые люди. При этом надо отдавать отчет, что поляки в рядах советских партизан сражались не за Советский Союз, а за освобождение Польши, за спасение себя и своих близких от нацистской чумы. В национальных отрядах они чувствовали себя именно польской общностью, для чего были созданы все условия. Политический вакуум в подобных подразделениях в условиях подпольной борьбы был заполнен «левыми» идеями вперемешку с наследием польской истории так, чтобы русофобия оказалась вытесненной революционностью борьбы Т. Костюшко и образом общих врагов в лице нацистов и их союзников. При поддержке СССР польские партизанские отряды приняли участие не только в освобождении западных областей Советского Союза, но и оккупированной Польши, что, впрочем, и являлось для них заветной целью.

Рукопись поступила: 25 января 2020 г.

Submitted: 25 January 2020

Библиографический список

- Адамушко В.И. ОУН-УПА в Беларуси. 1939–1953 гг. Документы и материалы. Минск: Вышэйшая школа, 2012. 528 с.
- Барабаш В.В. Поляки в антифашистской борьбе на территории Беларуси (1941–1944 гг.). Гродно: ГрГУ, 1998. 144 с.
- Благов С.В. Социальный портрет партизана польского партизанского отряда на примере подразделений БШПД в 1943–1944 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 6. С. 873–905.
- Благов С.В. О неудачной попытке создания польских партизанских формирований в годы Великой Отечественной войны // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2019. № 2. С. 110–130.
- Кузьмин А.Т. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Минск: Беларусь, 1985. 531 с.
- Манаенков А.Л. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944). Минск: Беларусь, 1983. 765 с.
- Тобиаш Ю. В едином строю. Воспоминания участников партизанского движения в Белоруссии. Минск: Беларусь, 1970. 532 с.
- Boradyn Z. Niemen – rzeka niezgody. Polsko-sowiecka wojna partyzancka na Nowogródczyźnie, 1943–1944. Warszawa: Oficyna wydawnicza RYTM, 1999. 333 p.
- Juchniewicz M. Polacy w radzieckim ruchu podziemnym i partyzanckim, 1941–1944. Warszawa: Wojskowy Instytut Historyczny, 1975. 475 p.
- Musiał B. Sowieccy partyzanci 1941–1944. Mity i rzeczywistość. Poznań: Zysk i S-ka, 2014. 653 p.
- Williamson D.G. Polski ruch oporu 1939–1947. Poznań: Dom wydawniczy REBIS, 2015. 250 p.

References

- Adamushko, V.I. *OUN-UPA v Belarusi. 1939–1953 gg. Dokumenty i materialy*. Minsk: Vysheyshaya shkola Publ., 2012 (in Russian).
- Barabash, V.V. *Polyaki v antifashistskoy bor'be na territorii Belarusi (1941–1944 gg.)*. Grodno: GrGU Publ., 1998 (in Russian).
- Boradyn, Z. *Niemen – rzeka niezgody. Polsko-sowiecka wojna partyzancka na Nowogródczyźnie, 1943–1944*. Warszawa: Oficyna wydawnicza RYTM Publ., 1999 (in Polish).
- Blagov, S.V. “Social portrait of the partisan of the Polish partisan detachment on the example of the BSHPD units in 1943–1944.” *Questions of National and Federal Relations* 8, no. 6 (2018): 873–905 (in Russian).
- Blagov, S.V. “About the unsuccessful attempt of the creation of the Polish partisan formations during the Great Patriotic war.” *RGGU Bulletin. Political Science. History. International Relations*, no. 2 (2019): 110–130 (in Russian).
- Juchniewicz, M. *Polacy w radzieckim ruchu podziemnym i partyzanckim, 1941–1944*. Warszawa: Wojskowy Instytut Historyczny Publ., 1975 (in Polish).
- Kuz'min, A.T. *Vsenarodnaya bor'ba v Belorussii protiv nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny*. Minsk: Belarus' Publ., 1985 (in Russian).
- Manayenkov, A.L. *Partizanskiye formirovaniya Belorussii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (iyun' 1941 – iyul' 1944)*. Minsk: Belarus' Publ., 1983 (in Russian).
- Musiał, B. *Sowieccy partyzanci 1941–1944. Mity i rzeczywistość*. Poznań: Zysk i S-ka Publ., 2014 (in Polish).
- Tobiash, Yu. *V yedinom stroyu. Vospominaniya uchastnikov partizanskogo dvizheniya v Belorussii*. Minsk: Belarus' Publ., 1970 (in Russian).
- Williamson, D.G. *Polski ruch oporu 1939–1947*. Poznań: Dom wydawniczy REBIS Publ., 2015 (in Polish).

Информация об авторе / Information about the author

Благов Сергей Викторович, старший преподаватель кафедры истории Калининградского государственного технического университета.

Sergey V. Blagov, Senior Lecturer of the Department of History, Kaliningrad State Technical University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-361-373>

Научная статья / Research article

Организация устной пропаганды и агитации в годы Великой Отечественной войны (на материалах Северной Осетии)

Р.Г. Бимбасов

Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова – СОГУ; 362025, Россия, Владикавказ, улица Ватутина, 44–46; ruslanbimbassov@yandex.ru

Organization of Oral Advertising and Agitation in the Years of the Great Patriotic War (On Materials of North Ossetia)

Ruslan G. Bimbassov

North Ossetian State University named after Kost Levanovich Khetagurov;
44–46, Vatutina St., Vladikavkaz, 362025, Russia; ruslanbimbassov@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуется деятельность советских партийно-государственных органов в области пропаганды среди населения в Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической Республике (далее – Северной Осетии) в годы Великой Отечественной войны. Как показало исследование, благодаря адресности агитпосланий пропагандистский посыл глубже укоренялся в сознании той группы населения, к которой он обращен, тем самым средства массовой информации и органы устной пропаганды Северной Осетии добивались наиболее точного попадания нужной информации именно к той группе населения, которая была призвана выполнять поставленные государством задачи военного времени. Автор с привлечением различных видов источников, включая впервые вводимые в научный оборот документы из Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания, раскрывает основные направления деятельности партийно-государственных органов по организации пропаганды на территории республики в 1941–1945 гг., выявляет степень ее эффективности. Особое значение для анализа исследуемой проблемы имеют материалы местных периодических изданий (газет «Социалистическая Осетия», «Растдзинад», «Большевик»), издававшихся в военные годы. Показано, что несмотря на то, что начавшаяся война повлекла за собой расширение агитационного пространства, ощущалась острая нехватка специалистов в различных областях жизни, в том числе и в вопросах агитационно-пропагандистской работы среди мирного населения. Выявлены основные методы формирования образа врага органами пропаганды и средствами массовой информации. Автор приходит к выводу, что деятельность агитационно-пропагандистского аппарата в республике в годы войны оказывала прямое воздействие на общественное сознание и способствовала консолидации жителей региона на борьбу с врагом и преодоление трудностей военных лет.

Ключевые слова: пропаганда, агитация, Северная Осетия, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, массовое сознание

Для цитирования: Бимбасов Р.Г. Организация устной пропаганды и агитации в годы Великой Отечественной войны (на материалах Северной Осетии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 361–373. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-361-373>

Abstract: This author examines the activities of Soviet party-state bodies in the field of propaganda among the population in the North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic (North Ossetia) during the Great Patriotic War. Propaganda is effective when its message is deeply rooted in

the consciousness of the population group to which it is addressed. For this reason the media and the organizations of oral propaganda of North Ossetia sought to get the most accurate information on the particular group that was called upon to fulfill wartime tasks. The author used various types of sources, including documents from the Central State Archive of the Republic of North Ossetia that are here first introduced into scientific circulation. The paper identifies the directions of party-state bodies in organizing propaganda on the territory of the republic in 1941–1945, and it assesses the degree of their effectiveness. While the outbreak of the war led to an expansion of propaganda, there was an acute shortage of specialists in various fields of life, including in propaganda work among the civilian population. The paper reveals the main methods of forming the image of the enemy by propaganda bodies and the media. The author concludes that the activities of the propaganda apparatus in the republic during the War had a direct impact on public consciousness and contributed to the consolidation of the region's population in the fight against the enemy, and to overcoming the difficulties of the War years.

Keywords: propaganda, agitation, North Ossetia, the Great Patriotic War, World War I, mass consciousness

For citation: Bimbасov, Ruslan G. “Organization of Oral Advertising and Agitation in the Years of the Great Patriotic War (On Materials of North Ossetia).” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 2 (May 2020): 361–373. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-361-373>

Введение

В первые месяцы Великой Отечественной войны в стране значительно возросла роль агитационно-пропагандистской работы. Военные неудачи и жизненные сложности, потребности людей в поддержке требовали от власти адекватной идеологической реакции. Но, как правило, у официальных агитпосланий не было необходимого эмоционального воздействия и конкретного адресата, и потому они не достигали поставленных целей, тогда как «суровые правдивые рассказчики» оказывали большее влияние на общественное сознание людей. Личная беседа и устная агитация превратились в эффективный инструмент воздействия на настроения граждан в годы войны. Широкое распространение они получили и в Северной Осетии.

Недостаточная изученность проблемы роли агитации в формировании общественного сознания населения Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны вызывает необходимость обращения к теме исследования. К тому же использование местных архивных материалов наряду со сложившейся историографической традицией позволит выявить особенности воздействия на умонастроение народа республики в годы трагических испытаний, что придает теме особую актуальность.

Смена методологических основ и исследовательских парадигм, изменение научных интересов ученых позволили выделить два периода в развитии историографии проблемы: 1) июнь 1941 г. – конец 1980-х гг.; 2) 1990-е гг. – по настоящее время.

Разнообразные аспекты агитационной деятельности, изменение общественного сознания народов СССР в период 1941–1945 гг. нашли отражение в общих научных трудах, хотя определенное время и не являлись предметом специального исследования. Ключевые вопросы идеологической работы Коммунистической партии в условиях войны рассматривались в коллективном труде – «Истории Второй мировой войны 1939–1945 гг.»¹, подготовленной Институтом военной истории Министерства обороны СССР. Следует подчеркнуть, что архивные документы в советской историографии подбирались и использовались тенденциозно, прежде всего в целях подтверждения идеологически выверенных выводов.

Особое внимание советские исследователи уделяли деятельности средств массовой информации, их воздействию на работников советского тыла. В этом ряду следует отметить монографию Г.Д. Комкова, в которой подробно описывается идейно-политическая подготовка советского общества к войне². Автор выделяет основные

¹ Устинов Д.Ф. История Второй мировой войны, 1939–1945 гг. М., 1973–1982.

² Комков Г.Д. Идейно-политическая работа КПСС в 1941–1945 гг. М., 1965.

направления идеологической работы, поставив задачу установить степень эффективности ее воздействия на сознание масс в тылу.

Значительный вклад в разработку проблемы внесла Н.И. Кондакова, проанализировавшая содержание идеологической деятельности партии и рассмотревшая вопросы возрождения духовной жизни той части населения, которая пережила оккупацию³. Среди трудов по истории Великой Отечественной войны отдельные места занимают исследования, посвященные функционированию органов политической пропаганды на оккупированных территориях Советского Союза⁴. Различные аспекты организации и проведения контрпропагандистской деятельности ВКП(б) в годы войны были рассмотрены также в работах В.Н. Лунева⁵ и Д.А. Волкогонова⁶, однако в них специально не исследовался процесс формирования общественного сознания населения в эпоху военного времени.

В комплексе региональных исследований по рассматриваемой теме необходимо выделить работы, непосредственно посвященные агитационной деятельности ВКП(б) на Северном Кавказе, в которых основное внимание авторов уделялось роли партийно-комсомольских органов в формировании патриотических настроений у местного населения (через сбор средств нуждающимся, движение добровольцев, заботу о раненых, движение доноров и т.д.)⁷. Данные работы хотя и отличались определенным схематизмом и однообразием, но содержали богатый фактический материал.

Вопросы реорганизации деятельности северокавказских партийных организаций в годы войны раскрывает в своих трудах В.Ф. Шилин⁸. Анализируя агитационную работу на территории Северного Кавказа, автор пришел к выводу, что она протекала с учетом этнических особенностей и традиций региона (например, с проведением «советов старейшин» и пр.). Именно этот факт дал положительные результаты, способствовал всплеску патриотических настроений, укоренению идей дружбы и единства народов СССР в сознании значительной части населения Северного Кавказа.

С середины 1990-х гг., вследствие открытия архивов, налаживания связей с международным научным сообществом, новыми теоретическими и методологическими подходами, объектом специального исследования становится проблематика формирования сознания населения страны. При этом деятельность советского пропагандистского аппарата в годы Великой Отечественной войны стала не только рассматриваться с различных сторон, но и получать объективные оценки⁹. Отступая от присущих советской историографии идеологических и классовых подходов, современные авторы отмечают, что еще в довоенные годы произошло «постепенное воз-

³ Кондакова Н.И. Идеино-политическая работа коммунистической партии в освобожденных районах РСФСР, 1941–1945 гг. Воронеж, 1971; Кондакова Н.И. Идеологическая победа над фашизмом. 1941–1945 гг. М., 1982.

⁴ Мазурицкий М.П. Культурно-просветительная работа в советском тылу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах РСФСР). М., 1969.

⁵ Лунев В.Н. Деятельность Коммунистической партии по организации и ведению контрпропаганды в Красной Армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вопросы Великой Отечественной войны (1941–1945): сборник научных статей. 1986. № 31. С. 56–64.

⁶ Волкогонов Д.А. Оружие истины. М., 1987.

⁷ Иванов Г.П. Коммунистическая партия – организатор разгрома немецко-фашистских войск на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны. Ростов н/Д, 1969; Землянский К.А. Политическая пропаганда и общественное сознание в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 1978.

⁸ Шилин В.Ф. Деятельность партийных организаций Северного Кавказа по идейно-политическому воспитанию трудящихся в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.). Пятигорск, 1978.

⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Военно-исторические очерки: в 4 книгах. М., 1998; Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: в 12 т. М., 2011–2014.

вращение к патриотическим корням, настойчивое внедрение в общественное сознание русской национально-государственной идеи, соединение патриотической идеологии с ортодоксальной коммунистической доктриной»¹⁰.

В современной историографии появились труды, в которых в контексте изучения роли устной агитации в борьбе против нацизма учитывается социально-психологический контекст военного времени, рассматриваются изменения в духовной жизни общества¹¹. Различные аспекты деятельности средств массовой информации в годы войны и их влияние на общественное сознание населения получили свое освещение в работах Е.Л. Храмовой¹². Специальное внимание стало уделяться роли духовного фактора в достижении Победы¹³. Во многом этому способствовало расширение информационного поля, а также рост интереса определенной части общества к «разоблачительным» интерпретациям событий прошлых лет.

Проблемы деятельности партийно-пропагандистского аппарата в СССР, массового сознания и массовой культуры населения советских республик в 1920–1930-е гг. активно разрабатываются также в зарубежной историографии. В частности, в работах американского историка Д. Бранденберга анализируется созданная при Сталине система устной и печатной пропаганды (сталинский агитпроп), показано, как под влиянием внутривластной ситуации и изменений международной обстановки 1930-х гг. происходила эволюция большевистской идеологии, которая, в свою очередь, вела к изменениям механизма пропагандистского воздействия на население¹⁴.

Вместе с тем, наряду с достигнутыми современной историографией результатами, следует отметить, что ряд проблем, особенно на региональном уровне, еще ждут своего решения. К их числу относится и организация устной пропаганды и агитации в годы Великой Отечественной войны на территории Северной Осетии, которая, если и рассматривалась, то в контексте изучения Северо-Кавказского региона. С другой стороны, исследование по материалам Северной Осетии периода войны позволит уточнить различные стороны агитационной деятельности средств массовой информации как в регионе, так и на Северном Кавказе в целом; проанализировать процесс формирования общественного сознания населения Северной Осетии, выявить роль политической пропаганды в его эволюции. Упор на междисциплинарные подходы, расширение источниковой базы изучаемой проблемы, в первую очередь за счет использования архивных документов, отказ от идеологических клише дают возможность обогатить наши знания о советской системе агитации и пропаганды, выявить механизмы формирования общественного сознания населения в годы Великой Отечественной войны.

¹⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Военно-исторические очерки. М., 1998. С. 60.

¹¹ Туаева Б.В., Атобекова Ф.И. Вера в победу как мировоззренческая установка советского человека // Великая Отечественная война советского народа: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, Институт экономики, управления и права, 20 мая 2011 г. К., 2011. С. 159–161.

¹² Храмова Е.Л. Изучение общественного сознания россиян в тылу в 1941–1945 гг. в новейшей отечественной историографии // Доклады Академии Военных Наук. 2005. № 3. С. 228–235; Храмова Е.Л. Периодическая печать 1941–1945 гг. в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. // Известия Самарского научного центра РАН. 2007. Т. 9. № 2. С. 422–428.

¹³ Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране. М., 2015.

¹⁴ Brandenberger D. ‘Simplistic, Pseudo-Socialist Racism’: Ideological Debates Over the Direction of Soviet Socialism within Stalin’s Creative Intelligentsia, 1936–1939 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 2. P. 365–393; Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор, 1927–1941. М., 2017; Дубровский А.М. Рецензия на книгу: Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941 // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 3 С. 771–778; Менковский В. Рецензия на «Кризис сталинского агитпропа» // *Ab Imperio*. 2018. № 4. P. 380–389.

Централизация работы органов агитации

Еще перед началом Великой Отечественной войны политическая агитация в СССР приобрела широкий размах. 14 ноября 1938 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”»; 16 сентября 1939 г. – постановление ЦК ВКП(б) «О проведении пропаганды идеологии марксизма-ленинизма в Белорусской ССР, Орловской и Курской областях», которые стимулировали процесс организации агитационно-пропагандистской деятельности на местах. Так, в постановлении от 14 ноября 1938 г. отмечалось, что главный недостаток осуществления партийной агитации заключается в отсутствии должной централизации органов, ведущих пропагандистскую деятельность¹⁵.

В результате была разработана программа мероприятий, направленных на повышение качества и централизацию агитационной работы. В частности, формировались единые службы агитации и пропаганды, для чего объединялись отделы партийной агитации и пропаганды. Кроме того, формировались отделы обкомов и крайкомов ВКП(б), издательств и печати ЦК национальных компартий и ЦК ВКП(б)¹⁶.

Оценка качества устной пропагандистской деятельности перед самым началом войны содержалась в докладной записке ГЛАВПУРа РККА в ЦК ВКП(б), составленной на имя А.А. Жданова в феврале 1941 г. В ней речь шла о низком уровне агитработ; отмечалось отсутствие в агитации объективной оценки сил Красной армии, что вело к неправильным настроениям наподобие «ура-патриотизма». Нередко статьи и доклады без веских на то оснований содержали эпитеты вроде «великая и непобедимая», «всемогущая сила», «наиболее разумная», «наиболее дисциплинированная», «геройская армия» и пр.¹⁷

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. началась переподготовка работников органов агитации и средств массовой информации (радио, газет и журналов) в Северной Осетии. Обучение продолжалось в течение года. Общее количество обучающихся составляло 1,5–2 тыс., из них около 50% приходилось на сотрудников газет. Окончившие курсы направлялись на работу в областные, республиканские и краевые центры¹⁸. В результате к началу войны почти вдвое (по сравнению с довоенным периодом) возросла численность агитаторов. В Северной Осетии на 1 января 1941 г. насчитывалось около двух тысяч агитаторов, а уже в конце августа 1941 г. эта цифра возросла до четырех тысяч¹⁹.

С началом боевых действий началось формирование особых отделов, занимавшихся пропагандой. Уже «29 июня 1941 года поступило в печать Постановление Политбюро ЦК ВКП(б), на основе коего была создана рабочая группа бюро военно-политической агитации, ставшая в дальнейшем Советом по военно-политической агитации»²⁰.

В регионах также шла реструктуризация органов агитации. В частности, 26 августа 1941 г. в газете «Социалистическая Осетия» была размещена статья, в которой говорилось о том, как перестраивается массово-политическая деятельность в воен-

¹⁵ О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б). Постановление ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. // Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). Сборник документов и материалов. М., 1947. С. 369.

¹⁶ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. 1. Оп. 3. Д. 852. Л. 41.

¹⁷ О состоянии военной пропаганды среди населения – докладная записка ГЛАВПУРа РККА в ЦК ВКП(б) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 191–196.

¹⁸ Егоров А.Г., Боголюбов К.М. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. 1925–1953. М., 1953. С. 859–875.

¹⁹ ЦГА РСО-А. Ф. 1. Оп. 3. Д. 747. Л. 40.

²⁰ Социалистическая Осетия. 1941. 24 июля. С. 2.

ное время. Сообщалось об осуществлении Отделом агитации и пропаганды Республиканского комитета (далее – РК) ВКП(б) необходимых мер, направленных на реорганизацию его деятельности, а также партийного кабинета, который становился районным агитационным пунктом, где размещались разнообразные издания, отражающие положение дел на фронте и в тылу. Кроме того, работники парткабинета консультировали по вопросам, касающимся проводимой партией и правительством политики, ситуации на военных фронтах и на международной арене и пр. При партийном кабинете было сформировано два агитационных коллектива.

Но не все РК ВКП(б) смогли своевременно реорганизовать свою деятельность. В частности, в отчете Северо-Осетинского обкома ВКП (б) от 29 июля 1941 г. говорилось следующее: «В соответствии с проведенной проверкой приходится констатировать, что Ардонский и Алагирский районы не смогли в полной мере реорганизовать свою политическую деятельность. Их пропагандистская деятельность не была перестроена на агитационную, адекватную военному положению. В соответствии с этим Бюро обкома ВКП(б) выдвинуло рекомендации РК ВКП(б) по реорганизации политической деятельности среди населения. Также было рекомендовано сконцентрировать основное внимание районных агитационных пунктов на их управлении и оказании помощи руководству агитационных коллективов организаций, колхозов, совхозов, и пр.»²¹.

Когда начались военные действия, сотрудникам органов устной агитации пришлось мобилизовать все свои силы. Ключевое направление работы средств массовой пропаганды в сложившихся на фронтах условиях заключалось в разъяснении факторов, повлиявших на поражение Красной армии в начальный период войны. При этом не допускалось мнение о том, что Советский Союз был недостаточно подготовлен к военным действиям.

В начале войны органам агитации республики пришлось столкнуться со многими трудностями. В частности, уменьшилась материально-техническая база, возникло огромное количество хозяйственных проблем. Но главная трудность, с которой были вынуждены справляться агитационные бригады, состояла в катастрофической нехватке грамотных сотрудников. Секретарь службы пропаганды и агитации Алагирского РК ВКП(б) Л. Хуциев, обращаясь к республиканским службам пропаганды через издание «Социалистическая Осетия» 26 августа 1941 г., подчеркивал, что некоторые агитаторы действуют устаревшими способами, как в довоенную эпоху. Партийные организации, по его словам, должны были привлечь к деятельности новых агитаторов вместо тех, которые ушли на фронт. При этом он особо подчеркивал, что «для агитаторов недостаточно читать сообщения из прессы о ситуации на фронте. Им необходимо ставить перед колхозниками задачу как можно быстрее убрать урожай»²².

Анализ материалов позволяет сделать вывод, что в начале войны не только возросла функциональная роль агитаторов, но и изменились требования к их деятельности по сравнению с мирным временем. Наряду с пропагандой агитатор должен был уметь сам и научить других использовать средства противохимической и противовоздушной защиты, оказывать первую помощь раненому, обращаться с разными видами оружия, распознавать самолеты противника и пр. На основании решения РК ВКП(б) секретарям первичных парторганизаций и председателям сельсоветов рекомендовалось незамедлительно привлечь агитаторов, не отрывая их от производственного процесса, к работе в сельсоветах²³.

²¹ ЦГА РСО-А. Ф. 1. Оп. 4. Д. 39. Л. 1–2.

²² Социалистическая Осетия. 1941. 24 июля. С. 2.

²³ Там же. С. 3.

Оптимизация и реализация лекционной деятельности

В начале войны содержательное наполнение устной агитации в республике совпадало с передовицами районных и центральных изданий. Это было обусловлено дефицитом квалифицированных сотрудников. В сентябре 1941 г. Северо-Осетинский обком ВКП(б) сформировал список вопросов, по которым лекторский состав не мог прийти к общему мнению. Например, по поводу того, «какую позицию занимает Финляндия»; «правда ли, что в Югославии и Румынии сосредотачиваются силы с целью захвата контроля над Босфором», «в связи с чем в Англии Ш. де Голль решил собрать значительные силы в районе Сирии», «каков классовый характер военных действий» и пр.²⁴

Слабая информированность и недостаточная подготовленность большинства работников агитационных органов в республике приводили к тому, что в начале войны вопросы остро и провокационного характера просто оставались без ответа. Подобная обстановка сложилась не только на «низших» уровнях. Например, в отчете Северо-Осетинского обкома ВКП(б) от 18 августа 1941 г. сообщалось, что на очередном организационном собрании, на котором присутствовали лекторы и агитаторы, секретарь Ардонского РК ВКП(б) ушел от ответа, сказав: «А вы как на это смотрите? Ведь вы в первую очередь являетесь агитатором!»²⁵.

Для того, чтобы оптимизировать деятельность пропагандистов и агитаторов и установить тематические направления пропагандистской работы, производилась запись вопросов, которые ставились в ходе обсуждения. Так, список вопросов, возникших в ходе лекций и собраний в ноябре 1942 г. в Алагирском районе Северной Осетии, включал в себя различные аспекты внешней политики СССР и ситуации в мире. В частности, граждане просили разъяснить, по какой причине в Англии существовало польское правительство, являющееся противником Советского Союза; почему Китай не ведет активные военные действия против враждебной Японии; как Япония относится к фашистской Германии; как Турция относится к СССР; как немцы смогли завоевать Эльхотово и можно ли рассматривать это как прямую угрозу Баку. Граждан интересовали также проблемы внутренней политики советского государства, например, положение церкви, перебои с выдачей хлеба и пр.²⁶ Однако вопросов по поводу положения дел на международной арене было больше, что можно объяснить спецификой военного времени.

В связи с тем, что в стране почти полностью отсутствовали какие-либо альтернативные источники информации, все печатные материалы подвергались контролю и цензурированию со стороны властных органов. Результатом этого стало увеличение ценности знания и его источников. Необходимо также учитывать слабую профессиональную подготовку большинства работников региональных редакций. В частности, как свидетельствуют материалы Северо-Осетинского обкома, практически все редакторы районных изданий не имели даже среднего образования²⁷. Этот факт, а также недостаток информации в первые месяцы войны зачастую вели к искажению работниками агитационных органов реального положения вещей на фронте и в тылу.

В июле 1942 г. Северо-Осетинский обком ВКП(б) проверил состояние лекционной работы в некоторых районах, например, в Ардонском, Алагирском, Моздокском и Эльхотовском. По результатам проверки были выявлены некоторые ошибки в деятельности райкомов и представлен общий отчет, в котором говорилось о со-

²⁴ ЦГА РСФСР-А. Ф. 1. Оп. 4. Д. 127. Л. 146–147.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Д. 85. Л. 27.

²⁷ Там же. Д. 124. Л. 41.

стоянии лекционно-агитационной работы на местах. Среди недостатков назывались следующие:

- «1. малочисленность либо полное отсутствие квалифицированного лекторского состава, а также не укомплектованность лекторских групп при РК ВКП(б) и ГК;
2. нет плановости; чтение и подготовленность лекций никем не контролируется;
3. не задействуется помощь местных сил»²⁸.

Кроме того, было отмечено, что агитаторы в селах часто использовали обобщенные факты, а иногда просто читали выписки из газет и не разъясняли материал соответствующим образом. Не учитывались при этом специфика районов и состав аудитории, не использовались местные материалы для обсуждения проблем районной жизни, не указывалось на способы исправления ошибок. При этом партийные органы обращали внимание на совмещение агитационной работы с другими видами деятельности, что негативно влияло на качество пропагандистского процесса. Для того, чтобы решить данную проблему, было решено создавать агитационные коллективы при парторганизациях колхозов и сельсоветов. Это давало возможность избирать агитаторов из числа коммунистов. Впоследствии они прикреплялись к бригадам на время сельскохозяйственных работ. Эту инициативу необходимо было воплотить в жизнь до 20 июля 1942 г. На службы агитации и пропаганды РК ВКП(б) и ГК была возложена обязанность по контролю за качеством формирования групп лекторов²⁹. Этими группами должны были руководить подготовленные коммунисты. Кроме того, на обкомы партии была возложена обязанность по проведению кратких курсов для сельских агитаторов до начала посевных либо в промежутке между посевными и уборочными работами. В более крупных населенных пунктах (городах и поселках городского типа) создавались вечерние и воскресные школы, готовившие кадры для агитационных бригад³⁰.

Анализ отчета Северо-Осетинского ВКП(б) от 4 июля 1942 г. свидетельствует о том, что руководство региона, осознавая значение агитационной деятельности, предприняло ряд мер, направленных на ее оптимизацию и активизацию практически во всех районах республики, благодаря чему с января по июль 1942 г. в селах и городах не только возросло количество прочитанных лекций, но и улучшилось их качество. Сотрудники обкома ВКП(б) в населенных пунктах республики прочитали порядка 520 лекций. Эксперты по агитационно-пропагандистской работе посещали также воинские части, госпитали с больницами, где в общей сложности они прочитали 96 лекций. При этом лекторами, работавшими внештатными сотрудниками ГК и РК в 25 районах и городах республики, было проведено 674 лекции, качество которых заметно улучшилось. Ведущее место отводилось таким темам, как «Партия Сталина – Ленина как главный идеолог и боец за свержение немецко-нацистских захватчиков», «Великая Отечественная война народов СССР против нацистской Германии», «В 1942 году советский народ обязан одержать победу над немецко-нацистскими захватчиками», «Советский Союз контролирует ход войны и одерживает победу над пособниками немецких империалистов и их армиями» и др.³¹

Произошло и расширение тематики агитационной работы, проводимой в форме устной пропаганды. В большинстве случаев лекторы обращались к героическим страницам истории Отечества: борьбе Руси под руководством Александра Невского с немецкой агрессией, походам А.В. Суворова, Отечественной войне 1812 года, а также героизму народов, проживавших на территории Осетии, их трудовым и боевым по-

²⁸ ЦГА РСФСР-А. Ф. 1. Оп. 3. Д. 854. Л. 30.

²⁹ Там же. Л. 31.

³⁰ Там же. Оп. 4. Д. 221. Л. 28.

³¹ Там же. Д. 311. Л. 33.

двигаем. Так, в протоколе партсобрания первичной парторганизации СО МВД от 10 декабря 1944 г. сообщалось, что были проведены лекции по темам: «Герой СССР З. Космодемьянская», «Двухлетие со дня присвоения Космодемьянской почетного звания Героя Советского Союза»³². Кроме того, на лекциях освещались злободневные вопросы международных отношений: «Польша является соседом Советского Союза»; «Общие основные интересы и упрочение военного альянса СССР, Англии и Америки»; «Чехословакия в противостоянии немецко-фашистским захватчикам»; «Отношения между Советским Союзом и Польшей и вопросы линии Керзона»³³.

В организации агитработы приняли участие различные учреждения, представленные как профессиональными агитаторами, так и сотрудниками сферы культуры и просвещения. В отчете от 4 июля 1942 г., составленном Северо-Осетинским обкомом ВКП(б), подчеркивалось, что в проведение лекций активно вовлекаются партийные и советские труженики, хозяйственный актив, представители интеллигенции, благодаря чему в районах республики с каждым месяцем росло и число слушателей³⁴.

В целях повышения теоретического уровня проводимых лекций органами агитации проводились регулярные совещания. К примеру, в издании «Растдзинад» от 30 марта 1943 г. упоминаются кустовые совещания агитаторов. В частности, говорится о том, что в Эльхотовском и Алагирском районах прошел ряд совещаний, в которых приняли участие лекторы, беседчики и агитаторы. В ходе совещания заведующий отделом агитации и пропаганды райкома ВКП(б) тов. Мамсурова зачитала доклад, в котором рассматривались особенности текущего момента, анализировались цели, стоявшие перед агитаторами в период весенних посевных работ. В свою очередь, участники мероприятия поделились собственным опытом проведения агитационной работы; им были вручены полевые библиотечки³⁵.

После освобождения республики от фашистов местные власти возобновили лекционную деятельность, поставив новую задачу по организации агитационных работ в освобожденных от захватчиков районах. Так, в Эльхотовском районе, после битвы у Эльхотовских ворот, агитационная бригада, в которую вошли два человека, провела 10 лекций и 74 доклада в ходе общеколхозных собраний³⁶.

Для наиболее отличившихся сотрудников был предусмотрен ряд поощрений. Например, в одном из материалов говорилось о прошедшем общегородском собрании агитаторов, созванном горкомом ВКП(б) и горисполком. В собрании приняли участие около 700 человек. Премии получили 30 агитаторов, показавших отличные результаты. В их числе упоминались: управляющий домом № 7 Алагирского района тов. Хадарцев, заведующий агитационным пунктом Моздока тов. Бурнацев, агитатор тов. Багаев, уполномоченный Эльхотовского района тов. Хутиев и другие³⁷.

Проведенный анализ материалов свидетельствует о том, что ближе к концу войны в работе агитбригад Северной Осетии все чаще поднимались темы мирного развития республики, ее культурного богатства и национальных особенностей. В частности, отделом пропаганды и агитации Ардонского района было запланировано проведение 19 марта 1944 г. агитационного совещания, посвященного 38-летию со дня смерти К.Л. Хетагурова. Тематика лекций была следующей: «Значение К.Л. Хетагурова в становлении осетинской, российской и всемирной литературы»; «Хетагуров как значимая фигура и патриот своего Отечества»; «Жизненный и творческий

³² ЦГА РСО-А. Ф. 1. Оп. 4. Д. 40. Л. 2.

³³ Там же. Л. 3.

³⁴ Там же. Д. 163. Л. 15.

³⁵ Растдзинад. 1943. 23 апреля. С. 2.

³⁶ Там же. 1943. 25 мая. С. 2.

³⁷ Там же. 1943. 9 июля. С. 2.

путь Хетагурова»; «Хетагуров – поэт, боровшийся с мещанством и пошлостью и др.»³⁸. Агитационная работа, посвященная художественному наследию писателя, проводилась в большинстве организаций республики. Например, в августе 1944 г. в отчете парторганизации хлебного завода № 1 содержалась информация о том, что в дни, посвященные писателю, на заводе прошла встреча агитаторов (с участием 44 человек), в рамках которой были проведены беседы о творчестве Хетагурова. Некоторые произведения поэта были зачитаны вслух. В общей сложности слушателями стали свыше 900 человек³⁹.

Улучшение качества лекционных материалов

На протяжении всех военных лет цель устной агитации состояла в формировании патриотических настроений и трудового энтузиазма в обществе. Во многом ее достижение зависело от качества лекционных материалов, поэтому агитаторам постоянно предоставлялась необходимая литература. Например, в 1942 г. для них был издан сборник материалов на тему «Пропагандистская и агитационная деятельность в ходе войны». В 1943 г. вышла книга И.В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза»⁴⁰, ставшая не только объектом специального изучения, но и одновременно практическим руководством к организации всей агитационной работы⁴¹.

В июле 1943 г. во Владикавказе под руководством заместителя председателя СНК А.Я. Валиева прошло заседание Лекционного бюро при Комитете по делам высшей школы при Совете народных комиссаров СССР. В ходе рассмотрения различных аспектов агитационной работы было предложено расширить спектр тем по истории России, больше внимания уделять внешней политике и особенно проблемам мирного строительства⁴².

В апреле 1944 г. Г.Ф. Алексеев, возглавивший Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б), предоставил руководителю Главного политуправления Красной армии А.С. Щербакову план, направленный на улучшение массово-воспитательной работы и усиление устной агитации. В соответствии с представленными рекомендациями на 1944 г. была запланирована публикация специального издания, разъясняющего некоторые задачи агитации и пропаганды. Предполагалось также издать книгу «Ленин и Сталин об агитационной работе». Помимо этого планировалось предоставить всем участникам пропагандистской деятельности «Библиотечку агитатора», в которую должны были войти «Краткий политический словарь», труды И.В. Сталина, статьи М.И. Калинина по вопросам пропаганды и агитации, памятка агитатора «Как должна проходить агитационная деятельность среди граждан», а также материалы для лекций.

За подготовку лекционных материалов отвечала Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), намеревавшаяся к концу 1944 г. выпустить сборник «Особенности политической агитации в транспорте». Также к изданию готовилась «Памятка агитатора в освобожденных регионах», а сотрудников агитационных отделов освобожденных территорий планировалось обеспечить специальной литературой, содержащей партийные и правительственные постановления, международные соглашения, а также материалы о героическом труде граждан в тылу и дружбе между народами. Совокупный общий тираж данных материалов был запланирован в количестве от полумиллиона до одного миллиона экземпляров⁴³.

³⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 1. Оп. 4. Д. 373. Л. 4.

³⁹ Там же. Д. 415. Л. 18.

⁴⁰ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1943.

⁴¹ ЦГА РСО-А. Ф. 1. Оп. 3. Д. 116. Л. 19.

⁴² Там же. Оп. 4. Д. 215. Л. 9.

⁴³ Там же. Оп. 3. Д. 221. Л. 28.

Проведенное исследование доказывает, что органами пропаганды и агитации в республике за годы войны были проведены различные многочисленные разъяснительные беседы с тружениками тыла, целью которых было формирование патриотических настроений и трудового энтузиазма. Конкретные советы по улучшению агитационной работы размещали на страницах республиканских печатных изданий. В одном из них руководитель оргинструкторского отдела РК ВКП(б) А. Панасюк рекомендовал следующее: «Собрание должно быть хорошо подготовленным, вопросы, стоящие на повестке должны быть сами злободневными, важными в данный момент. Докладчики должны быть хорошо подготовлены»⁴⁴.

На страницах республиканских печатных изданий обсуждались многие вопросы, связанные с организацией агитационной деятельности на местах. Так, в газете «Растдзинад» от 20 февраля 1944 г. агитатор 58 общевойсковой армии А. К. Хутиев сообщал: «Как агитатор я чувствую большую ответственность и серьезно готовлюсь к каждому выступлению. За последнее время среди своих рабочих мы изучили материалы Ардонского процесса, статьи о партизанах Осетии, печатавшиеся в газете «Растдзинад». Из материалов X сессии Верховного Совета СССР уже изучили доклад тов. Зверева. При этом основное внимание было обращено на заботу советского правительства на укрепление оборонной мощи нашего государства»⁴⁵.

Таким образом, проанализированный материал свидетельствует о том, что агитационная деятельность в Северной Осетии учитывала требования дня и находилась под жестким партийным контролем. Если в начале войны ставилась задача подготовки общества к суровым испытаниям и к самопожертвованию ради победы над фашизмом, то к ее окончанию встали вопросы перехода республики на мирные рельсы и в этой связи особого внимания заслуживала пропаганда трудового энтузиазма и культурных достижений осетинского народа.

Выводы

Подводя итоги исследования, следует отметить, что трагическое начало Великой Отечественной войны требовало от органов власти в центре и на местах активизации устной агитационно-пропагандистской работы. Адаптируясь к реалиям военного времени, агитаторы искали пути воздействия на общественное сознание, меняя методику и повышая качественный уровень доносимой до населения информации. За годы войны возросло само значение устной массовой агитации, повысились требования к подбору и обучению кадров.

Устная агитация была широко распространена на территории Северной Осетии, став одним из основных инструментов формирования общественного сознания населения. Несмотря на то, что начавшаяся война повлекла за собой расширение агитационного пространства, в республике ощущалась острая нехватка специалистов в различных областях жизни, в том числе и для проведения агитационно-лекционной работы среди мирных жителей. Многие лекторы ушли на фронт, а оставшиеся в тылу зачастую не имели достаточного уровня подготовки. Однако имеющиеся препятствия, хотя и с трудом, но преодолевались: подбирались и обучались лекторы, прорабатывались темы, менялись формы общения со слушателями.

Совместными усилиями центральных и региональных органов власти в Северной Осетии была создана эффективная система по осуществлению агитационной работы. С годами совершенствовались ее методы: появились информационные листы уменьшенного формата; осуществлялась передача печатной продукции из рук в руки; было восстановлено проводниковое радиовещание, осуществлялось переобо-

⁴⁴ Большевик. 1944. 13 февраля. С. 2.

⁴⁵ Растдзинад. 1944. 20 февраля. С. 2.

рудование в агитпункты красных уголков домоуправлений, предприятий и крупных учреждений. Кроме того, в редакторские коллективы привлекались видные партийные, научные, творческие работники, улучшалось качество лекционных материалов.

В ходе войны изменилась взаимосвязь форм устной агитации и средств массовой информации. Если на первоначальной стадии войны значимая роль перешла к устной форме, то в ходе освобождения республики и постепенного восстановления хозяйства основная роль в воздействии на сознание ее жителей вновь стала принадлежать средствам массовой информации.

Следует отметить при этом, что если до Великой Отечественной войны основное внимание уделялось количественным показателям агитационной деятельности (увеличению числа радиоточек, типографий и пр.), то после 22 июня 1941 г. – ее содержанию и совершенствованию. Можно уверенно сказать, что благодаря изменениям, которые отвечали требованиям военного времени, произошел качественный прорыв в развитии агитационной работы в стране и в отдельных республиках в частности. Применительно к Северной Осетии основным мерилom ее эффективности стал трудовой подвиг населения республики, его консолидация в борьбе с общим врагом и укрепление дружбы с русским народом.

Рукопись поступила: 18 февраля 2020 г.

Submitted: 18 February 2020

Библиографический список

- Бранденбергер Д.* Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор, 1927–1941. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 367 с.
- Волгогонов Д.А.* Оружие истины. М.: Политиздат, 1987. 207 с.
- Дубровский А.М.* Рецензия на книгу: Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941 // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 3. С. 771–778.
- Егоров А.Г., Боголюбов К.М.* КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1925–1953. М.: Воениздат, 1953. 540 с.
- Землянский К.А.* Политическая пропаганда и общественное сознание в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов н/Д: КГУ, 1978. 310 с.
- Иванов Г.П.* Коммунистическая партия – организатор разгрома немецко-фашистских войск на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны. Ростов н/Д: Ростовский университет, 1969. 46 с.
- Комков Г.Д.* Идеино-политическая работа КПСС в 1941–1945 гг. М.: Наука, 1965. 440 с.
- Кондакова Н.И.* Идеино-политическая работа коммунистической партии в освобожденных районах РСФСР, 1941–1945 гг. Воронеж: Воронежский университет, 1971. 303 с.
- Кондакова Н.И.* Идеологическая победа над фашизмом. 1941–1945 гг. М.: Политиздат, 1982. 176 с.
- Лунев В.Н.* Деятельность Коммунистической партии по организации и ведению контрпропаганды в Красной Армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вопросы Великой Отечественной войны (1941–1945): сборник научных статей. 1986. № 31. С. 56–64.
- Мазурицкий М.П.* Культурно-просветительная работа в советском тылу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах РСФСР). М.: Московский государственный институт культуры, 1969. 29 с.
- Менковский В.* Рецензия на «Кризис сталинского агитпропа» // *Ab Imperio*. 2018. № 4. С. 380–389.
- Рубцов Ю.В.* Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране. М.: Вече, 2015. 432 с.
- Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Воениздат, 1943. 207 с.
- Туаева Б.В., Атобекова Ф.И.* Вера в победу как мировоззренческая установка советского человека // Великая Отечественная война советского народа: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, Институт экономики, управления и права, 20 мая 2011 г. Казань: Познание, 2011. С. 159–161.
- Устинов Д.Ф.* История Второй мировой войны, 1939–1945 гг. М.: Воениздат, 1973–1982. 450 с.
- Храмкова Е.Л.* Изучение общественного сознания россиян в тылу в 1941–1945 гг. в новейшей отечественной историографии // Доклады Академии Военных Наук. 2005. № 3. С. 228–235.

- Храмкова Е.Л. Периодическая печать 1941–1945 гг. в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. // Известия Самарского научного центра РАН. 2007. Т. 9. № 2. С. 422–428.
- Шилин В.Ф. Деятельность партийных организаций Северного Кавказа по идейно-политическому воспитанию трудящихся в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.). Пятигорск: РГУ, 1978. 215 с.
- Brandenberger D. ‘Simplistic, Pseudo-Socialist Racism’: Ideological Debates Over the Direction of Soviet Socialism within Stalin’s Creative Intelligentsia, 1936–1939 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 2. P. 365–393.

References

- Brandenberger, D. *Krizis stalinskogo agitpropa: Propaganda, politprosveshcheniye i terror, 1927–1941*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2017 (in Russian).
- Brandenberger, D. “ ‘Simplistic, Pseudo-Socialist Racism’: Ideological Debates Over the Direction of Soviet Socialism within Stalin’s Creative Intelligentsia, 1936–1939.” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 13, no. 2 (2012): 365–393.
- Dubrovskiy, A.M. “Review on: Brandenberger D. Propaganda State in Crisis. Soviet Ideology, Indoctrination, and Terror under Stalin, 1927–1941.” *Modern History of Russia* 8, no. 3 (2018): 771–778 (in Russian).
- Ivanov, G.P. *Kommunisticheskaya partiya – organizator razgroma nemetsko-fashistskikh voysk na Severnom Kavkaze v gody Velikoy Otechestvennoy voyny*. Rostov n/D: Rostov University Publ., 1969 (in Russian).
- Komkov, G.D. *Ideyno-politicheskaya rabota KPSS v 1941–1945 gg.* Moscow: Nauka Publ., 1965 (in Russian).
- Kondakova, N.I. *Ideyno-politicheskaya rabota kommunisticheskoy partii v osvobodivshikh rayonakh RSFSR, 1941–1945 gg.* Voronezh: Voronezh University Publ., 1971 (in Russian).
- Kondakova, N.I. *Ideologicheskaya pobeda nad fashizmom. 1941–1945 gg.* Moscow: Politizdat Publ., 1982 (in Russian).
- Khramkova, Ye.L. “A study of the public consciousness of Russians in the rear in 1941–1945 in the latest domestic historiography.” *Reports of the Academy of Military Sciences*, no. 3 (2005): 228–235 (in Russian).
- Khramkova, Ye.L. “Periodicals 1941–1945 in domestic historiography at the turn of the 20th – 21th centuries of art.” *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences* 9, no. 2 (2007): 422–428 (in Russian).
- Lunev, V.N. “Deyatel’nost’ Kommunisticheskoy partii po organizatsii i vedeniyu kontpropagandy v Krasnoy Armii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)” *Voprosy Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945): sbornik nauchnykh statey*, no. 31 (1986): 56–64 (in Russian).
- Mazuritskiy, M.P. *Kul’turno-prosvetitel’naya rabota v sovetskom tylu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. (na materialakh RSFSR)*. Moscow: Moscow State Institute of Culture Publ., 1969 (in Russian).
- Menkovskiy, V. “Review of ‘The crisis of the Stalinist agitprop’.” *Ab Imperio*, no. 4 (2018): 380–389 (in Russian).
- Rubtsov, Yu.V. *Shtrafniki Velikoy Otechestvennoy. V zhizni i na ekrane*. Moscow: Veche Publ., 2015 (in Russian).
- Shilin, V.F. *Deyatel’nost’ partiynykh organizatsiy Severnogo Kavkaza po ideyno-politicheskomu vospitaniyu trudyashchikhsya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (iyun’ 1941–1945 gg.)*. Pyatigorsk: RGU Publ., 1978 (in Russian).
- Stalin, I.V. *O Velikoy Otechestvennoy voyne Sovetskogo Soyuza*. Moscow: Voenizdat Publ., 1943 (in Russian).
- Tuayeva B.V., and Atobekova, F.I. “Vera v pobedu kak mirovozzrencheskaya ustanovka sovetskogo cheloveka.” In *Velikaya Otechestvennaya voyna sovetskogo naroda: istoriya i sovremennost’. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kazan’, Institut ekonomiki, upravleniya i prava, 20 maya 2011 g.*, 159–161. Kazan’: Poznaniye Publ., 2011 (in Russian).
- Ustinov, D.F. *Istoriya Vtoroy mirovoy voyny, 1939–1945 gg.* Moscow: Voenizdat Publ., 1973–1982 (in Russian).
- Volkogonov, D.A. *Oruzhiye istiny*. Moscow: Politizdat Publ., 1987 (in Russian).
- Yegorov, A.G., and Bogolyubov, K.M. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s’yezdov, konferentsiy i plenumov TSK. Chast’ II. 1925–1953*. Moscow: Voenizdat Publ., 1953 (in Russian).
- Zemlyanskiy, K.A. *Politicheskaya propaganda i obshchestvennoye soznaniye v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* Rostov n/D: KGU Publ., 1978 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Бимбасов Руслан Георгиевич, аспирант Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова.

Ruslan G. Bimbassov, Graduate Student, North Ossetian State University named after after Kost Levonovich Khetagurov.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-374-392>

Научная статья / Research article

220-й юбилей АН СССР в победном 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи

В.П. Корзун, В.С. Груздинская

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского;
644077, Россия, Омск, пр. Мира, д. 55-А; korzunv@mail.ru

The 220th Anniversary of the Academy of Sciences of the USSR in the Victorious 1945: A Scenario of Celebration in the Sociocultural Context of the Era

Valentina P. Korzun, Victoria S. Gruzinskaya

Dostoevsky Omsk State University; 55-A, Mira Av., Omsk, 644077, Russia; korzunv@mail.ru

Аннотация: В июне 1945 г. с большим размахом была отпразднована 220-я годовщина Академии наук СССР. Академический юбилей – многосложное коммеморативное событие, которое может быть описано в многообразных контекстах. В фокусе внимания авторов оказались непосредственно сценарий праздника в корпоративно-ритуальном измерении, а также его коммуникативные потенции. Источниковая база исследования представлена опубликованными и неопубликованными делопроизводственными материалами Академии наук СССР, периодическими и научно-популярными изданиями, эго-источниками участников «праздника науки». Методологическую основу статьи составили наработки в области интеллектуальной истории, социальной истории науки, истории памяти. В праздничном сценарии авторы выделили следующие его составляющие: 1) собственно научный, 2) ритуально-приветственный, 3) концертно-развлекательный и 4) банкетный. В ходе исследования был сделан вывод о том, что сценарий празднования 220-летнего юбилея АН СССР многослоен и в то же время целостен и неделим. В нем органически сочетались разнородные социальные сущности – власть, заточенная на жесткие формы социальной инженерии и репрессивную регулируемость, ученые, пытающиеся снять с себя отлучение от отечественной дореволюционной и мировой науки, иностранные гости, ставшие «своими» на короткий исторический миг. Сценарий юбилея коррелируется с контекстуальным фоном юбилейных торжеств, который отличался особой атмосферой ожидания новой жизни после окончания Великой Отечественной войны. В коммуникативном плане юбилейные торжества рассмотрены как практики интенсивного коммуницирования, когда был сделан вывод о возрождении на короткий период идеи единой мировой науки.

Ключевые слова: Академия наук СССР, 220-летний юбилей, Великая Отечественная война, Победа, власть и наука, коммуникативное поле

Для цитирования: Корзун В.П., Груздинская В.С. 220-й юбилей АН СССР в победном 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 374–392. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-374-392>

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00264.

Abstract: In June 1945, the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences was celebrated on a grand scale. An academic anniversary is a polysyllabic commemorative action that can be described in diverse contexts. The authors focused directly on the holiday scenario in the corporate-ritual

dimension, as well as its communicative potentialities. The source of the research was published and unpublished clerical materials of the USSR Academy of Sciences, periodicals and popular science publications, ego-sources of participants in the “science festival”. The methodological optics of the article consisted of developments in the field of intellectual history, the social history of science, and the history of memory. In the festive scenario, the authors identified the following components: 1) actually scientific, 2) ritual and welcoming, 3) concert and entertainment, and 4) banquet. During the study, it was concluded that the scenario for celebrating the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences is multilayered and at the same time integral and indivisible. It organically combined heterogeneous social entities – power sharpened by rigid forms of social engineering and repressive regulation, scientists trying to remove themselves from excommunication from pre-revolutionary and world science, foreign guests who became “their own” for a short historical moment. The scenario of the anniversary correlates with the contextual background of the anniversary celebrations, which was distinguished by a special atmosphere of expectation of a new life after the Great Patriotic War. In the communicative plan, jubilee celebrations are considered as practices of intensive communication. The conclusion is made that the idea of a unified world science will be revived for a short moment.

Keywords: Academy of Sciences of the USSR, 220th anniversary, Great Patriotic War, Victory, power and science, communicative field

For citation: Korzun, Valentina P., and Gruzinskaya, Victoria S. “The 220th Anniversary of the Academy of Sciences of the USSR in the Victorious 1945: a Scenario of Celebration in the Socio-cultural Context of the Era.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 2 (May 2020): 374–392. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-374-392>

Acknowledgements and Funding: This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR). The scientific project № 19-09-00264.

Введение

Сразу после Победы в Великой Отечественной войне в июне 1945 г. с большим размахом был отпразднован 220-летний юбилей Академии наук СССР (далее – АН СССР). Названное коммеморативное событие не стало предметом специального исследования, хотя упоминание о нем и краткая хроника основных событий содержится в ряде историко-научных¹ и научно-популярных работ².

Академический юбилей может быть рассмотрен в нескольких контекстах: 1) корпоративно-ритуальном, с пристальным вниманием к сценарию; 2) внутринаучном, отражающим соотношение концепции национально-государственной науки и концепции академического интернационализма; 3) актуализированно-политическом, зада-

¹ Павлова Г.Е. 220 лет Академии наук СССР // Вопросы истории естествознания и техники. 1974. № 1 (46). С. 21–25; Кременцов Н.Л. Плоды победы // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 794–795; Орел В.М. Юбилей Российской Академии наук: история и традиции // Российская Академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 31–37; Быковская Г.А., Македонская В.А. 220-летие Академии Наук: подведение итогов деятельности в годы ВОВ // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. Серия «Социально-политическое развитие российского общества». 2015. № 2. С. 19–24; Груздинская В.С. «Академический праздник» и «праздник академикова»: к вопросу о роли В.Л. Комарова в организации 220-летнего юбилея // История науки и техники: источники, памятники, наследие: третьи чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: К 150-летию со дня рождения президента АН СССР академика Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945): Материалы межд. науч. конф., Москва, 15–17 октября 2019 г. М., 2019. С. 68–71; Корзун В.П. Юбилей АН СССР в победном 1945 году: презентация образа советской науки в выступлениях акад. В.Л. Комарова // История науки и техники: источники, памятники, наследие: третьи чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: К 150-летию со дня рождения президента АН СССР академика Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945): Материалы межд. науч. конф., Москва, 15–17 октября 2019 г. М., 2019. С. 27–31; Лиманова С.А. В.Л. Комаров и празднование 220-летнего юбилея Академии наук (обзор документов в Архиве РАН) // История науки и техники: источники, памятники, наследие: третьи чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: К 150-летию со дня рождения президента АН СССР академика Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945): Материалы межд. науч. конф., Москва, 15–17 октября 2019 г. М., 2019. С. 75–78.

² Павлов Н.В. Владимир Леонтьевич Комаров. М., 1951.

ваемом как Великой победой, так и властью, стремящейся ее инструментализировать; 4) коммуникативном, отражающим иллюзии перезагрузки и реалии реформирования международного поля науки; 5) антропологическом, позволяющим представить феномен празднования и его организацию в человеческом измерении; 6) традиционно историографическом или проблемном, раскрывающим представленный на праздновании образ советской науки, в том числе и исторической³. Комплексный анализ празднования академического юбилея на пересечении означенных контекстов представляется важной научной проблемой.

В фокусе внимания авторов статьи задачи более скромные – проследить складывание и реализацию сценария праздника, в сложном переплетении элементов научной и партийно-государственной ритуальности на поле празднования юбилея и опрелделить коммуникативный ресурс академической коммеморации.

Рассматриваемый нами момент истории науки может быть понят в историко-культурном ракурсе как отражение духа эпохи, эпического размаха жертв, усилий и результатов Великой Отечественной войны. Органичен поэтому и эпический модус презентации моментов исторического бытия, связанного с Великой Победой, в том числе, разумеется, и научного, что не исключало организующе-регламентирующей роли как властных структур, так и влияния факторов внутринаучного порядка. Сложное сочетание социального и социокультурного в феномене празднования предполагает поиск адекватного исследовательского подхода, учитывающего множество контекстов. Мы рассматриваем данный юбилей и как знаковую коммеморацию, и как форму интеллектуальной деятельности, что попадает в исследовательское поле интеллектуальной истории⁴. Коммеморация может быть понята как процесс, который мобилизует разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события, содержит в себе социальное и культурное видение памяти о событии и служит выражением солидарности группы⁵. В последнее время в отечественной науке интенсивно изучаются механизмы формирования культурной памяти, в связи с чем уделяется внимание «политике памяти». Однако в центре внимания историков и историографов оказываются проблемы формирования и функционирования памяти о знаковых событиях в отечественной и мировой истории (войны, революции и др.)⁶. В меньшей степени представлена академическая коммеморация. В работах отечественных историков и методологов преимущественно речь идет об университетской культуре и специфике формирования корпоративной памяти историков⁷. В фокусе

³ Корзун В.П. «Празднование 220-летия АН СССР: иллюзии и надежды июня 1945 года (освоение историографического пограничья)» // Мавродинские чтения 2018: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора В.В. Мавродина. СПб., 2018. С. 583–587.

⁴ Леонтьева О.Б., Репина Л.П. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // ЭНОЖ «История». 2015. Т. 6. № 9. URL: <https://history.jes.su/s207987840001259-3-1/> (дата обращения: 23.01.2020); Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 8–15.

⁵ Sherman D. *The Construction of Memory in Interwar France*. Chicago, 1999. P. 7.

⁶ Ассман А. *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М., 2014; Цимбаев К.Н. Истоки юбилейной культуры императорской России // Диалог со временем. 2019. № 67. С. 70–79; Поршинева О.С. От юбилея к юбилею: интерпретация российского военно-революционного кризиса 1914–1922 гг. в контексте двух знаменательных дат // Диалог со временем. 2018. № 64. С. 248–261; Поршинева О.С. Юбилей Первой мировой войны в раннесоветский период: проблемы современного научного осмысления // Уральский исторический вестник. 2019. № 3. С. 56–63.

⁷ Мальшова С.Ю., Сальникова А.А. Российская университетская корпорация XX века как социокультурный феномен: традиции и новации, преемственность и разрывы // Эйдос. Киев, 2009. С. 236–261; Вишленкова Е.А. Мемориальная культура российского университета XIX века // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2011. С. 81–94; Савельева И.М. «Уроки истории» ученой корпорации // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2011. С. 63–80; Репина Л.П. Юбилейные исто-

нашего внимания – академическая «институциональная коммеморация», что подразумевает юбилейную репрезентацию академической институции. В контексте парадигмы памяти эти сюжеты нашли отражение в немногочисленных работах⁸.

При этом исследование академической коммеморации требует учета фактора «большой социальности», так как политика советского государства по отношению к ученым реализовывалась властью через научные организации, «в рамках которых за выполнением директив должны были следить представители администрации институтов»⁹. Нами используется также понятие «салютационные практики», что позволяет акцентировать торжественность, особенно уважительное и признательное отношение со стороны общества к коллективной памяти об отдельных событиях и лицах¹⁰. Использование данных дефиниций при анализе «юбилейных текстов» позволит избежать редукции изучаемого события исключительно как продукта советской культуры. Мы разделяем сложившуюся максиму о том, что государство всегда контролирует коммеморативную сферу культуры («политика памяти»). Важно подчеркнуть, что эта политика в СССР не была институализирована, она была растворена в советской идеологии и пропаганде, что мы и намерены показать применительно к исследуемой коммеморации.

На широком корпусе источников, включающем делопроизводственные материалы, периодику, научно-популярные издания, эго-источники участников «праздника науки», авторы статьи намерены рассмотреть юбилей как «форму культурного выражения», как коммуникативную площадку складывания «новых солидарностей» ученых, ученых и власти в уникальных исторических условиях. Это был короткий миг, наполненный пафосом Победы, когда «холодная война» еще не началась и «железный занавес» еще не опустился.

Замысел организаторов: парад Победы в сфере науки

По поводу празднования юбилея АН СССР 21 января 1945 г. было принято постановление Совета Народных Комиссаров СССР (далее – СНК СССР) «Об именовании 220-летия существования Академии наук СССР»¹¹, о чем президент АН СССР, академик В.Л. Комаров сделал сообщение на заседании Президиума 23 января¹². По одной из версий идея празднования знаменательной даты возникла у академика В.Л. Комарова еще в дни его личного юбилея (14–15 октября 1944 г. широко отмечалось 75-летие ученого), при этом он советовался «с некоторыми своими старейшими коллегами – с академиками Н.Д. Зелинским, В.А. Обручевым, а также с членами Президиума Академии Наук СССР и решил войти с ходатайством в правительство Союза ССР о разрешении отпраздновать эту знаменательную дату»¹³.

Во время личной беседы с И.В. Сталиным, состоявшейся 13 ноября 1944 г., В.Л. Комаров предложил отметить 220-летний академический юбилей в 1945 г.

рии университетов как жанр современной российской историографии // *Диалог со временем*. 2017. № 6. С. 142–152.

⁸ *Abir-Am P.G.* Introduction (Commemorative Practices in Science: Historical Perspectives on the Politics of Collective Memory) // *Osiris*. 1999. Vol. 14. P. 1–33; *Kojewnikow A.* Die Mobilmachung der sowjetischen Wissenschaft // *Macht und Geist im Kalten Krieg*. Hamburg, 2011. P. 87–107.

⁹ *Груздинская В.С., Метель О.В.* Советские историки 1920–1930-х гг. в пространстве научных институций: границы исследовательской (не)свободы? // *Груздинская В.С., Клюев А.И., Метель О.В.* Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920–1930-х гг. Омск, 2018. С. 130.

¹⁰ *Красильникова Е.И.* Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск, 2015. С. 13.

¹¹ Архив Российской Академии наук (далее – АРАН). Ф. 596. Оп. 2. Д. 15. Л. 1–4.

¹² Там же. Ф. 519. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

¹³ *Павлов Н.В.* Владимир Леонтьевич Комаров... С. 279.

«большим научным празднеством» с приглашением иностранных ученых¹⁴. По мнению президента АН СССР, общественное значение этого праздника заключалось в демонстрации того исторического вклада, который «внесла русская наука, в частности, деятельность Академии Наук в мировую научную мысль», в том, чтобы показать «роль научного творчества в государственном строительстве СССР»¹⁵. Идея академика была поддержана. Спустя месяц (20 декабря 1944 г.) В.Л. Комаров в письменном виде изложил более детально главе советского правительства свое видение организации праздника. В первую очередь, по мнению В.Л. Комарова, следовало определиться с датой торжеств. Большое внимание было уделено историческому обоснованию даты праздника. Читаем в письме: «Дата юбилея должна быть назначена <...> с учетом одного решающего принципиального требования. Она должна подчеркивать роль Петра Первого как основателя Академии наук и связь такого важного события в истории России как основание Академии, – с Петровскими преобразованиями. Указ Петра датирован январем 1724 года. Деятельность Петра по созданию Академии Наук продолжалась до его смерти в январе 1725 года. В течение первых месяцев 1725 года практически выполнялись непосредственные указания Петра в части учреждения Академии Наук: в мае ей был передан дом, намеченный для этого Петром, приехали в Петербург первые академики, академическая библиотека получила книги из личного хранилища Петра и т.д. Позднейшие события, начиная со второй половины 1725 года уже не носили столь непосредственного отпечатка деятельности Петра. Исходя из этого (а также с учетом ряда практических удобств, которые в данном случае совпадают с принципиальными соображениями) я счел бы наиболее правильным назначить юбилейные торжества на май 1945 года»¹⁶.

Празднование юбилея стало делом государственной важности. В Постановлении СНК предусматривалось создание Всесоюзного комитета, весьма представительного по своему составу¹⁷, на который возлагалась подготовка и проведение юбилейной сессии в честь 220-летия АН СССР.

Обширной была строительно-реконструктивная программа, отразившаяся в тексте этого постановления. Она включала разработку плана капитальных работ по Академии наук на 1945 г. в объеме 30 млн рублей. Предусматривалось строительство новых и восстановительный ремонт старых зданий, входящих в структуру Академии в Москве и Ленинграде. Планировалось также создание Ботанического сада в Москве. Мобилизационный принцип проявлял себя и на академическом поле. Постановление СНК предполагало для этих целей привлечение инженерных войск Красной Армии (600 человек), Главвоенстроя при Совнаркоме и Наркомстроя, а также

¹⁴ АРАН. Ф. 277. Оп.4. Д. 197. Л. 2; *Комаров В.Л.* Волнующая беседа // Вестник Академии наук СССР. 1945. № 1–2. С. 6–11.

¹⁵ АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 197. Л. 3.

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 47. Д. 2729. Л. 32–33; *Сорокина М.Ю.* Открытая сцена или Двухсотлетний юбилей Академии наук // На переломе: Отечественная наука в конце XX–XXI вв. СПб., 2005. С. 225.

¹⁷ В состав Всесоюзного Комитета вошли: В.Л. Комаров (председатель), А.А. Байков (зам. председателя), В.П. Волгин (зам. председателя), Н.Д. Зелинский (зам. председателя), Л.А. Орбели (зам. председателя), Н.Г. Бруевич (ответственный секретарь), А.И. Абрикосов, В.М. Алексеев, И.П. Бардин, А.Н. Бах, С.Н. Бернштейн, А.А. Богомолец, Н.Н. Бурденко, С.И. Вавилов, Е.С. Варга, В.А. Веснин, Б.Е. Веденев, И.М. Виноградов, Н.А. Вознесенский, А.Я. Вышинский, Н.Ф. Гамалея, Б.Д. Греков, С.А. Зернов, А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица, С.В. Кафтанов, И.Ю. Крачковский, А.Н. Крылов, Т.Д. Лысенко, И.И. Мещанинов, Н.А. Морозов, Н.И. Мухелишвили, А.Н. Несмеянов, В.А. Обручев, И.А. Орбели, В.П. Потемкин, Л.И. Прасолов, Д.Н. Прянишников, Н.Н. Семенов, А.Н. Толстой, А.Е. Фаворский, А.Е. Ферсман, Е.А. Чудаков. См. об этом: Постановление № 128 от 21 января 1945 г. «Об ознаменовании 220-летия существования Академии наук» // Портал «Mnemosyne» [сайт]. URL: http://www.arran.ru/?q=en/exposition15_1 (дата обращения: 20.04.2019).

создание при Президиуме АН СССР Управления капитальным строительством «Академстрой». Немаловажны были и вопросы транспорта – Постановление обязывало начальника тыла Красной армии А.В. Хрулева передать «для начала» к 30 марта 1945 г. 30 легковых автомобилей с водителями, а Наркомсредмашу затем предполагалось пополнить автопарк академии 30 легковыми машинами М-1 с Горьковского автозавода в первом квартале 1945 г., 60 грузовыми машинами, с разбивкой по кварталам. В рамках мобилизационной системы и в условиях дефицита товаров и ресурсов решение новых проблем повышенной сложности предполагало постоянное включение распределительного механизма – дирижируемую из центра межведомственную кооперацию. И, соответственно, в юбилейный «список задействованных» включаются Главнефтеснаб, который должен был обеспечить бензином автотранспорт, Мосгорисполком, которому вменялось в обязанность в месячный срок представить в Совнарком свои предложения по возвращению Академии Наук ее служебных помещений, занятых другими организациями; а также в течение 1945–1946 гг. обеспечить кардинальное улучшение жилищных условий членов Академии (выделить 50 квартир) и уже к летнему сезону 1945 г. построить для академиков 30 дач под Москвой.

Последовательно включаются в процесс юбилейного строительства крупные фигуры советских администраторов. Так, зампреду Совнаркома А.Н. Косыгину предписывалось «рассмотреть и решить вопрос об обеспечении в первом полугодии 1945 года необходимой мебелью учреждений Академии наук СССР». Главснаблес, Госплан СССР и Наркомат путей сообщения обязывались «поставить в 1945 году Академии наук 10 восьмиквартирных стандартных домов, задействовав для перевозки их «необходимое количество вагонов»). Особая роль в обеспечении служителей науки денежным и вещевым довольствием отводилась Наркомторгу СССР, который должен был выделить в первом квартале 1945 г. промтоварный лимит из расчета на каждого действительного члена Академии наук СССР на 5000 рублей, для каждого члена-корреспондента – на 3000 рублей, для каждого руководителя института или лаборатории – на 1500 рублей. Регламентируется и содержательное наполнение этого лимита: «верхняя одежда, костюмы, а также материалы для них, одеяла, постельное и нательное белье». Предусматривалось «выделить Академии наук СССР дополнительно для научных сотрудников, ведущих научно-исследовательскую работу, начиная с 1 февраля 1945 г., продовольственный лимит на 20 чел. по 500 руб. каждому и 50 чел. по 300 руб. каждому». Документ подписан председателем совета народных комиссаров СССР И. Сталиным и управляющим делами совета народных комиссаров СССР Я. Чадаевым¹⁸.

Постановление СНК отражало необычайно возросший в годы войны престиж науки¹⁹. Юбилейная сессия АН СССР выполняла фактически роль парада победы в области науки, что предполагало соответствующее монументальное оформление торжества, включая «dress-code» для его участников. Напомним, что многие из них недавно вернулись с фронта или из эвакуации, что называется «разутыми и раздетыми, к разбитому корыту». Документ таким образом проливает свет и на послевоенную повседневность академического сообщества, на фоне которой особо явно ощущается помпезность задуманного юбилея.

Итак, постановление СНК задавало вектор разработки сценария празднования. Обозначенные направления становятся темами постоянного обсуждения на заседаниях юбилейного комитета. В результате чего и складывается сценарий праздника. Заметим, что некоторые члены комитета уже имели опыт участия в академической коммеморации 1925 г., когда в пространстве праздничного ритуала была апробиро-

¹⁸ АРАН. Ф. 596. Оп. 2. Д. 15. Л. 1–4.

¹⁹ *Кременцов Н.Л.* Плоды победы... С. 796–798.

вана модель презентации советской науки и сам сценарий праздника, сочетавший традиции академических юбилеев и советских партийно-государственных практик проведения массовых мероприятий с акцентированием роли государства и вождей. Что же касается традиции академических юбилеев, то она своими корнями уходит в XVIII в. Начиная с этого времени в научном сообществе формируется ритуал празднования академических юбилеев, отражавший как внутринаучные ценности корпорации, так и место науки и Академии как социального института в социальном пространстве имперской России²⁰. Президент АН и неперемный, позже главный, ученый секретарь выступали с речами, в которых характеризовали деятельность Академии за прошедший и текущий периоды, затем провозглашались имена вновь избранных членов и членов-корреспондентов, вручались памятные медали и жетоны, открывалась выставка, посвященная истории Академии. Обязательным было приглашение иностранных ученых. В ритуал также входило посещение юбилейных торжеств первыми лицами государства, избрание почетными академиками «сильных мира сего» – царствующих особ и членов их семей, отечественных и зарубежных государственных деятелей²¹. Уже применительно к первому советскому академическому юбилею 1925 г. наблюдается определенная трансформация ритуала: место царствующих особ занимают представители партийно-государственной элиты Страны Советов, юбилейные торжества раздвигают прежние границы и происходит переход от узкой локализации в рамках императорского двора к широкому социальному пространству советской эпохи, в результате «местом торжеств становятся не только дворцы, но и площади, заводы и фабрики; участниками – не только академики и вожди, а все работники науки и трудящиеся массы»²². Речь идет не только о карнавализации как «пропагандистской оболочке важнейших изменений в положении академиков и всего российского научного сообщества в целом»²³, но и о складывавшемся концепте новой «народной науки».

Коммуникативное пространство юбилея

В сценарии празднования юбилея Академии наук в 1945 г. выделим четыре блока: 1) собственно научный, 2) ритуально-приветственный, 3) концертно-развлекательный и 4) банкетный. Такой сценарий реализовывался как в пространстве торжественных заседаний, так и в рамках всего празднования, дополнялся конкретными мероприятиями, в частности, посещением научных учреждений и лабораторий, выставок, театров и музеев, участием в митингах, презентацией советской науки широким кругам обществности, в том числе на заводах и фабриках.

Сценарий праздника отражен в программах, которые разрабатывались Юбилейным комитетом. Последовательно рассмотрим указанные нами блоки сценария. Празднования проходили в двух академических центрах – в Москве и Ленинграде. Первоначально намечалось провести юбилейную сессию в период с 25 мая по 6 июня 1945 г.²⁴ Но в связи с отставанием от графика по ряду позиций (ремонт зданий, выпуск юбилейных изданий) сроки пришлось сдвинуть на 15–28 июня. В разгар празднования 18 июня программа была еще раз скорректирована – добавилось присутствие на Параде Победы на Красной площади 24 июня²⁵. Последнее отодвинуло сроки торжественных мероприятий в Ленинграде на 25–28 июня 1945 г.

²⁰ Орел В.М. Юбилей Российской Академии наук... С. 31–37.

²¹ Там же. С. 35–36.

²² Сорокина М.Ю. Открывая сцену... С. 207.

²³ Там же.

²⁴ АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 1.

²⁵ Вавилов С.И. Юбилейная сессия Академии Наук СССР, 15 июня–3 июля 1945 г. Т. 1. М., 1948. С. 151–153.

Подготовка празднования включала информационное сопровождение. Юбилейная тематика не сходилась со страниц центральной советской печати в период с 23 мая²⁶ по 4 июля 1945 г.²⁷ В преддверии открытия юбилейной сессии советские газеты пестрили заголовками: «Праздник советской науки», «Советские ученые с честью выполняют свой патриотический долг», «Академия наук СССР, 1725–1945», «Торжество советской науки», «Прославили Родину новыми научными открытиями» и др. В этих заметках транслировалась идея «народной науки», основанной на единстве советской власти, ученых и народа, великим предтечей которой рассматривался М.В. Ломоносов. Публикуются популярные очерки, посвященные «великим старым ученым» М.В. Ломоносову, И.И. Мечникову, И.П. Павлову и др., а также академическим учреждениям, в которых они трудились. Акцентируется идея единства отечественной науки, и читатель подводится к мысли о советских ученых как о достойных детях великих «академических отцов», творчество которых наконец-то обретает адекватный социальный исторический контекст. В печати формируется образ академика – «народного героя», который является «не высокомерным “жрецом”», а слугой отечества, «плоть от плоти и кость от кости рабочих и крестьян», а Академии наук – центра, в лабораториях и кабинетах которого напряженный интеллектуальный труд в течение двух столетий не останавливается ни на минуту.

В торжественных мероприятиях приняло участие 1093 человека, из них 123 – это иностранные участники из 17 государств²⁸. Самыми представительными оказались делегации из стран-союзников по Второй мировой войне: Англия – 25, Франция – 23, США – 16 участников²⁹. Подавляющее большинство составляли ученые, только пять гостей были делегированы на юбилей либо коммунистическими партиями дружественных СССР государств (Болгария, Монголия), либо посольствами своих стран, располагавшимися в Москве (Польша, Англия). Тот факт, что 28 прибывших участников получили персональные приглашения от АН СССР³⁰, безусловно, свидетельствует о намерении организаторов восстановить «разорванные» войной научные контакты. Персональных приглашений было разослано намного больше – 63, но по разным причинам некоторые ученые не смогли добраться до столицы Советского Союза³¹. В частности, в последний момент У. Черчилль запретил выезд за границу восьми представителям британской делегации, объясняя это тем, что «на современном этапе войны против Японии они нужны в Британии»³². Списки иностранных гостей предварительно согласовывались с Политбюро, НКВД и корректировались вплоть до начала праздника³³. Например, 24 мая заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский пишет ученому секретарю АН СССР академику Н.Г. Бруевичу: «Наш посол в Праге сообщил, что близкие к нам прогрессивные круги в Чехословакии обращаются с просьбами пригласить, кроме проф. Зд. Неядлы, еще двух ученых, а именно:

²⁶ К 220-летию Академии Наук СССР (беседа с президентом АН СССР, академиком В.Л. Комаровым) // Правда. 1945. 23 мая. С. 2.

²⁷ Дар Чехословацкого Правительства Академии Наук СССР (беседа с министром народного просвещения Чехословакии Зд. Неядлы) // Правда. 1945. 4 июля. С. 3.

²⁸ АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 50. Л. 241, 242.

²⁹ Там же. Л. 229–245.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Д. 39. Л. 39–41 а.

³² *Ashby E. Scientist in Russia*. New York, 1947. P. 127; В отчете о поездке на юбилей АН СССР физика Д. Кокрофта перечислены имена этих британских ученых: П. Дирак, П. Блэккетт, Д. Бернал, Н. Мотт, Э. Милн, Р. Норриш, Э. Ридил, Ч. Г. Дарвин // Churchill Archives Centre, Churchill College, Cambridge. The papers of Sir John Cockroft. СКФТ. 11/6.

³³ О приглашении зарубежных ученых на празднование 220-летия Академии Наук СССР от 5 мая 1945 г. // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1991. М., 2000. Т. 1. С. 302–303.

1) Словака проф. Ранада Даниеля, историка Братиславского университета, прогрессивного ученого, сотрудничавшего с народным фронтом; 2) Чеха проф. Горака Юрия, сторонника Бенеша, видного ученого слависта и общественного деятеля³⁴. Через несколько дней, 30 мая, Н.Г. Бруевич обращается к В.М. Молотову с ходатайством «о разрешении на приглашение этих ученых для участия в юбилейной сессии, посвященной 220-летию Академии наук СССР»³⁵. Дело закончилось благоприятным образом – профессора прибыли в СССР для участия в торжественных мероприятиях³⁶. Аналогичная ситуация сложилась с приглашениями ученых из Польши, Румынии и Югославии. И за шесть дней до начала торжеств (9 июня) список участников юбилейной сессии был дополнен десятью представителями этих стран³⁷.

Мотивация участия иностранных ученых в юбилейных торжествах частично прослеживается в интервью, которые они давали советским газетам. Так, канадские ученые Г. Иннис и А. Порсилд в беседе с корреспондентом «Известий» отметили, что юбилейные торжества «по праву можно назвать первым большим международным конгрессом ученых» после окончания войны, которые должны послужить «укреплению дружественных связей ученых Объединенных наций»³⁸. В то же время юбилейная сессия АН СССР не являлась типичной формой научной коммуникации. В организации данного мероприятия на первый план вышли отношения «хозяин – гость». При этом радушный хозяин старался создать максимально комфортные условия пребывания своих гостей. Так, для «доставки/отправки» иностранных участников юбилейной сессии было выделено несколько самолетов. Румынский профессор К. Пархон не скрывал своего восторга по поводу прекрасно организованного полета и добавил: «Я впервые летел на самолете и поражен близостью расстояния между Бухарестом и Москвой»³⁹. А в ленинградской «Астории» специально для участников сессии в вестибюле работало отделение международного телеграфа и почты⁴⁰. Большинство иностранных участников воспринимали Юбилейную сессию как «выставку» достижений советской науки. Так, нобелевский лауреат, физик Фредерик Жолио-Кюри, подчеркивая необходимость восстановления научных связей обеих стран, говорил: «Мы счастливы, что получаем возможность впервые за шесть лет ознакомиться с достижениями советской науки и установить личные связи с ее замечательными представителями»⁴¹. Со слов Президента Румынской академии наук Д. Густы следует, что целью приезда делегации стало изучение советского опыта организации научной деятельности, ставшего, по его мнению, «образцом <...> для любой страны мира»⁴². С посылом «международное сотрудничество ученых как залог мира» на юбилейные торжества прибыл американский профессор Ч. Келлог, который подчеркнул неопределимую роль интернационального языка науки в сохранении мира на планете⁴³.

³⁴ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 47. Д. 2722. Л. 168.

³⁵ Там же. Л. 169.

³⁶ АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 50. Л. 240.

³⁷ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 47. Д. 2722. Л. 166.

³⁸ Приезд иностранных делегаций на Юбилейную сессию Академии наук СССР // Известия. 1945. 14 июня. С. 2.

³⁹ Прибытие иностранных делегаций на Юбилейную сессию Академии наук СССР // Известия. 1945. 13 июня. С. 2.

⁴⁰ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее – ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-293. Оп. 2–1. Д. 1813. Л. 31.

⁴¹ Приезд иностранных делегаций на Юбилейную сессию Академии наук СССР // Известия. 1945. 14 июня. С. 2.

⁴² Прибытие иностранных делегаций на Юбилейную сессию Академии наук СССР // Известия. 1945. 13 июня. С. 2.

⁴³ Приезд иностранных делегаций на Юбилейную сессию Академии наук СССР // Известия. 1945. 14 июня. С. 2.

Начались торжества 15 июня 1945 г. приемом участников юбилейной сессии Президиумом Академии наук СССР в Нескучном Дворце. На следующий день состоялось торжественное заседание в Большом театре. Ритуально-приветственная часть начиналась с впечатляющего оформления зала заседаний. Об этом можно прочесть в воспоминаниях современников: «В глубине сцены, где собрался Президиум, огромный портрет товарища Сталина и скульптура Ленина, возвышающаяся над целой горой живых цветов. Золотом отсвечивают буквы надписи «Академия наук СССР» и «1725–1945»⁴⁴. Холл Большого театра впервые в своей истории был украшен портретами не артистов, а отечественных ученых. Портреты академиков были специально написаны к юбилейной сессии⁴⁵. Составная часть ритуала – предъюбилейное награждение большой группы ученых орденами и медалями, с которыми, как предписывал протокол для служебного пользования, им надлежало явиться на торжественное заседание⁴⁶. Другим проявлением ритуала советско-партийной культуры в пространстве академической коммеморации стало избрание Почетного президиума, в который вошли почетные академики и академики АН СССР, представители советского Правительства⁴⁷, Армии и Флота, а также партийных, научных и общественных организаций, главы зарубежных и советских делегаций⁴⁸. Стол Президиума был покрыт уже привычной красной скатертью. В этот же ритуал входило оглашение приветствий, как адресованных АН СССР со стороны власти, иностранных ученых и научной общественности страны, промышленных предприятий, так и ее ответных приветствий в адрес советского руководства. Академия наук получила свыше 470 приветствий и поздравительных телеграмм, из которых на торжественных заседаниях было зачитано 32. Широкий круг адресантов и пафос приветственных текстов является отражением «салютационных практик», подчеркивающих особую торжественность мероприятия и воздание «должного» науке и ее деятелям. Ритуал, таким образом, должен был демонстрировать единство науки, народа и власти.

Следующий акт – речь Президента Академии наук, зачитанная ввиду его недомогания вице-президентом академиком Л.А. Орбели. Речь В.Л. Комарова представляла своего рода теоретико-концептуальное обоснование/оправдание юбилейных торжеств, в которой академик заметил, что «никогда еще... не собирался такой блестящий ареопаг мыслителей в столь важный исторический момент»⁴⁹. По его мнению, момент был уникален не только в плане «большой истории – «окончилась самая великая война, которую знало человечество, начался период мирного созидания, в котором наука должна играть выдающуюся роль»⁵⁰, но и с точки зрения развития самой науки, как отечественной, так и мировой. Для Академии наук (а судя по контексту и для отечественной науки в целом) это был момент наивысшего развития, подготовленный предшествующей 220-летней ее историей. В.Л. Комаров выделяет несколько периодов в ее истории: первый – XVIII в., связанный с именами Петра I «и отца русской науки Ломоносова», второй – XIX – начало XX в. – «время блестящих ученых, <...> подлинных революционеров науки»; третий период начался с победой Великой Октябрьской социалистической революции. Что интерес-

⁴⁴ *Ashby E. Scientist in Russia...* P. 129; АРАН. Ф. Р.IX. Оп. 2. Д. 42.

⁴⁵ АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 13. Л. 11.

⁴⁶ Там же. Д. 3. Л. 86.

⁴⁷ В состав Почетного Президиума вошли следующие представители советской политической элиты: И.В. Сталин, В.М. Молотов, М.И. Калинин, К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов, Л.М. Каганович, А.А. Андреев, А.М. Микоян, Н.М. Шверник, Л.П. Берия, Н.С. Хрущев, Г.М. Маленков, Н.А. Вознесенский.

⁴⁸ *Вавилов С.И. Юбилейная сессия...* С. 56.

⁴⁹ Там же. С. 63.

⁵⁰ Там же.

но, согласно нарративной логике В.Л. Комарова, переход к этому периоду объясняется не только адекватным социальным контекстом (социалистическим строительством). Не меньшее значение имели, по мнению ученого, и внутринаучные предпосылки, в особенности выделяется научный прорыв предшествующего периода. Уникальная значимость переживаемого момента заключалась, по логике выступления В.Л. Комарова, в возможности возвращения к концепту единой науки. С одной стороны, это вытекает из того вклада, который ученые разных стран антигитлеровской коалиции внесли в общее дело борьбы с фашизмом. С другой – этот результат – продолжение традиций международного сотрудничества российской и зарубежной науки на протяжении столетий, при этом речь шла не только о влиянии европейской традиции на становление науки в России, но и о рецепции научных открытий русских ученых европейским научным сообществом, и одновременно подчеркивались базовые ценности европейской науки – «наука свободлюбивых наций выросла под знаменем демократии и прогресса». Заканчивается речь Президента здравицами в адрес советского народа, советской науки и «любимого вождя» И.В. Сталина⁵¹.

На первом заседании были заслушаны доклады академика-секретаря АН СССР Н.Г. Бруевича «Двести двадцать лет Академии наук СССР», речь академика В.А. Обручева «О деятельности Академии наук в области геологического и географического изучения нашей страны» (обозначенное в программе как речь, но по содержанию это выступление скорее можно рассматривать как доклад). Доклад Обручева собственно и означал переход от речей к докладам, от общих пафосных характеристик величия текущего момента к отраслевой конкретике.

Именно в таком ключе выдержаны и речи/доклады на торжественном заседании 17 июня в Колонном зале Дома Союзов – «Роль Академии наук в историческом развитии органической химии» (акад. Н.Д. Зелинский), «Академик Пафнутий Львович Чебышев и русская школа математики» (член-корр. Б.Н. Делоне), «Советская школа аэродинамики в Академии наук» (акад. Б.Н. Юрьев). Большая часть научных докладов на торжественных заседаниях, сделанных отечественными учеными, была представлена в Москве. В Ленинграде на заседании 26 июня 1945 г. в Большом зале ленинградской филармонии было заслушано только два доклада: «Академик Иван Петрович Павлов и русская физиологическая школа» (акад. Л.О. Орбели) и «Новое в учении о языке» (акад. И.И. Мещанинов).

Основными же площадками, где были представлены научные доклады и разворачивались дискуссии, в том числе и иностранных ученых, стали Отделения АН СССР и ученые советы ряда академических институтов. В рамках юбилейных было заслушано 93 доклада отечественных и 36 докладов зарубежных ученых⁵². Так, например, 27–28 июня в Ленинграде, в Физиологическом институте, на заседании ученого совета выступили профессора Э. Дуглас (Кэмбридж), Д. Бронк (США), Ч. Джекоб (США), Л. Гиршфельд (Польша), лауреат Нобелевской премии венгерский ученый А. Сент-Дьёрди. В Москве на заседаниях Отделения истории и философии представленные доклады отражали состояние проблемного поля советской исторической науки и, в определенной степени, советской гуманитаристики. На заседаниях были заслушаны доклады на тему: «Значение метода диалектического материализма для анализа исторической действительности советскими учеными» (вице-президент АН СССР, акад. В.П. Волгин), «Образование древнерусского государства» (акад. Б.Д. Греков), «Восточнославянские племена накануне образования Киевского государства» (проф. П.Н. Третьяков); «Проблема сознания в свете диалектического материализма» (член-корр. С.Л. Рубинштейн) и «Аграрная история Англии и русская историческая шко-

⁵¹ Вавилов С.И. Юбилейная сессия... С. 72.

⁵² Быковская Г.А., Македонская В.А. 220-летие Академии Наук... С. 20.

ла» (член-корр. Е.А. Косминский). Кроме общих заседаний в Отделении истории и философии АН СССР, «в институтах были организованы заседания с постановкой докладов на специальные темы и состоялся ряд встреч и собеседований с иностранными учеными»⁵³. Особо отметим представительность участия иностранных, равно как и отечественных, ученых-славистов в заседании сектора славяноведения Института истории. На этой же площадке созывается специальное заседание группы по истории Англии с участием отечественных и зарубежных историков. Тематика встреч и заседаний включала также проблемы византиноведения, античности, археологии, этнографии, философии, фольклористики⁵⁴.

Параллельно встречам и заседаниям работали юбилейные выставки. В Москве была открыта выставка печатных работ АН СССР. В Ленинграде работало несколько выставок: выставка документов по истории Академии наук, юбилейная выставка в залах Музея антропологии и этнографии. Предусматривалось также посещение научных учреждений и лабораторий. В Ленинграде гости посетили Биологическую станцию в с. Колтуш, Ботанический институт, Ленинградский университет, Лесотехническую академию, лаборатории Физико-технологического и Физиологического институтов.

Сценарий праздника включал в себя также культурную программу. Прежде всего участников сессии знакомили с отечественной классикой, что эмоционально придавало особую торжественность и державность празднику. В первый же день сессии участники заседания прослушали торжественную увертюру П.И. Чайковского «1812 год» в исполнении оркестра Большого театра, 18 июня – оперу М.И. Глинки «Иван Сусанин», 19 июня посмотрели спектакль по пьесе А.П. Чехова «Три сестры». Единственным спектаклем на современную тематику был спектакль «Сталинградцы» по пьесе Ю.П. Чепурина на сцене Театра Красной армии. Классическая программа была предложена гостям и в Ленинграде, где 25 июня они посмотрели балет на музыку П.И. Чайковского «Лебединое озеро». 26 июня в Большом зале Ленинградской филармонии в честь высоких гостей был дан концерт симфонического оркестра Ленинградской филармонии. Английский ботаник, профессор Сиднейского университета Э. Эшби особо отметил прием в Ленинграде. По его мнению, организация здесь была лучше, чем в Москве и в плане размещения гостей, и в плане культуры обслуживания: в отеле лежали программки торжественных мероприятий на русском, английском и французском языках, не было проблем с нехваткой транспорта для перевозки делегатов по городу. Но более всего впечатлило то, что «каждый день в комнате гостиницы появлялся новый подарок: сигареты, на пачке которых красовалось здание Академии; памятный том о Ленинграде во время войны; путеводитель по основным достопримечательностям Ленинграда на русском и английском языках»⁵⁵.

В Москве культурная программа предполагала посещение музеев и выставок, экскурсии в Кремль, музеи Октябрьской революции и Л.Н. Толстого, Государственный исторический музей, Третьяковскую галерею. Эта демонстрация шедевров советской/русской культуры порой вызывала весьма неожиданные отклики у иностранных гостей. Например, как говорят, во время посещения выставки «официальной живописи» в Третьяковской галерее французский математик Жак Адамар, остановившись перед одним из полотен, на котором были изображены Ленин, Сталин и еще кто-то, поинтересовался: “Это, наверное, Троцкий?”. “Нет, – быстро возразил гид, – это такой-то и такой-то”. У следующего полотна математик спросил: “А где

⁵³ Вавилов С.И. Юбилейная сессия... С. 553.

⁵⁴ Там же. С. 558; АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 70. Л. 3–110.

⁵⁵ Ashby E. Scientist in Russia... P. 138.

Троцкий?”. На что гид ответил: “Не здесь”. Адамар задавал свой вопрос снова и снова, «пока не услышал: “Троцкий был врагом народа”. – “Что это такое, Жолио [Фредерик Жолио-Кюри – физик, глава французской делегации – В.Г., В.К.]? – поинтересовался Адамар. – Это картины для политики или для истории? Если они здесь занимаются политикой, то это не музей”»⁵⁶.

В Ленинграде гостей также ждали экскурсии в музеи и научные учреждения: посещение Кунсткамеры, экскурсии в Пулковку, Павловск, Пушкин, Петродворец. Сильное впечатление на участников сессии произвели не только разрушенные немецкими бомбардировками и артобстрелами сооружения Академии наук, в частности, Пулковская обсерватория, но и проявленный ленинградскими учеными героизм. Так, рассматривая одну из витрин экспозиции выставки «Героическая оборона Ленинграда», американский профессор Г. Харлоу узнал на фотографии своего давнего друга и коллегу профессора астрономии К.Ф. Огородникова, который в первые дни войны отправился добровольцем на Ленинградский фронт, чтобы «с оружием в руках отстаивать любимый город»⁵⁷.

Сценарий юбилейных торжеств корректировался в ходе самого празднования. Мы уже отмечали, что в разгар праздника было принято решение о приглашении ученых на Парад Победы, что отодвинуло сроки поездки в Ленинград. В оказавшиеся свободные дни гостям была предложена прогулка на теплоходе по каналу Москва – Волга⁵⁸. Само присутствие участников юбилейной сессии на Параде Победы слабо отражено в источниках. В частности, в первом томе объемного издания «Юбилейная сессия Академии Наук СССР, 15 июня – 3 июля 1945 г.» за 1948 г. удивительно лапидарно, по существу лишь в одном абзаце, упоминается факт присутствия участников сессии «на трибунах Красной площади среди лучших представителей народа и армии, приглашенных на парад»⁵⁹.

«Сталинское изобилие»: банкет

Неотъемлемой частью торжеств стали официальные приемы, которые сопровождались банкетами. В первый же день юбилейной сессии в большом зале гостиницы «Москва» президент АН СССР дал обед в честь участников праздника. По воспоминаниям Э. Эшби, это был «потрясающий ужин», с 7 часов вчера и «глубоко за полночь», количественный состав – более чем 1000 гостей. Размах был поистине купеческий. «Одна только “закуска” состояла по меньшей мере из 17 блюд: икра, осетр, сырой лосось, курица, ветчина, краб, салаты. Были водка, бренди, грузинские вина, шампанское и лимонад. Оркестр непрерывно играл. Через пару часов после “закуски” начался ужин, состоящий из 7 блюд»⁶⁰. До этого гости гуляли по холлу, выпивая за своих друзей, к тому времени, когда жареный вальдшнеп был подан, меньше половины гостей заняли свои места. Не было никаких сомнений в исключительности русского гостеприимства и их восторга от того, что иностранные ученые находятся среди них. Поднимались тосты за исследования в каждой области, начиная от ядерной структуры до пустынных растений Австралии, и в узком пространстве перед оркестром выдающийся британский ученый исполнил без подготовки русский народный танец»⁶¹. Такой размах, естественно требовал соответствующих затрат, обед не укладывался в предусмотренную первоначально смету. Буквально за несколь-

⁵⁶ Мазья В.Г., Шапошникова Т.О. Жак Адамар – легенда математики. М., 2008. С. 246.

⁵⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-293. Оп. 2–1. Д. 1813. Л. 6.

⁵⁸ Ashby E. Scientist in Russia... P. 136.

⁵⁹ Вавилов С.И. Юбилейная сессия... С. 151.

⁶⁰ Ashby E. Scientist in Russia... P. 136–137.

⁶¹ Ibid. P. 131.

ко дней до приема в протоколе комиссии было зафиксировано следующее: «Ассигновать Управлению делами на проведение обеда дополнительно 100 тысяч рублей за счет общей сметы Академии Наук»⁶².

Во время пребывания гостей АН СССР в Ленинграде Исполкомом ленинградского Горсовета 27 июня был организован прием и банкет во дворце имени Урицкого (Таврический дворец). Об этом банкете нет такого красочного описания, как в гостинице «Москва». Известно, что в зале играл симфонический, а в холле – военный оркестр. Примечателен курьез, произошедший после банкета с двумя британскими учеными (к сожалению, нам пока не удалось установить их имена). Гости шли вдоль набережной Невы в сторону своей гостиницы. Было довольно светло, несмотря на поздний час. В этот момент перед ними явился «ленинградский херувим» – к ученым подошел мальчик и на ломаном английском спросил, который час. Это был лишь повод завязать разговор, позже гости узнали, что «он крутился несколько часов возле Урицкого дворца в надежде встретить настоящего англичанина»⁶³. С легким воодушевлением мальчик показал книгу по грамматике английского языка и сказал, что дошел до урока № 21. «И у Невы, в бледном свете ленинградской летней ночи, в 1:30 утра мальчик и два британских делегата вместе прошли урок № 21»⁶⁴. Этот казус как нельзя лучше иллюстрирует царившую атмосферу единения и праздника после долгих и мучительных лет войны и надежду на светлое будущее.

Заключительным аккордом торжеств стал прием в Кремле участников юбилейной сессии, состоявшийся 30 июня 1945 г. в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, на котором в 19 часов «появились» Сталин, Молотов, Калинин, Ворошилов, Каганович, Андреев, Микоян, Жданов, Берия, Маленков, Шверник, Вознесенский – советское руководство почти в полном составе⁶⁵. Члены Президиума Академии наук на этом приеме находились за общим столом с представителями советского Правительства. Как тут не вспомнить метафорическое выражение журналиста, освещавшего первый советский юбилей Академии: «Сливки коммунизма и науки сидели вместе за одним столом»⁶⁶. Встреча сопровождалась горячим пожатием рук, звуками оркестра, большим концертом с участием лучших артистов столицы. Были задействованы М.О. Рейзин, И.С. Козловский, М.Д. Михайлов, Д.Я. Пантофель-Нечецкая, государственный симфонический оркестр СССР и Краснознаменный ансамбль песни и пляски. На банкете тосты поднимали 16 раз – настоящий банкетный залп. Интересен он для нас тем, что позволяет представить ценности (официально-обязательные и профессионально-близкие) и надежды советского руководства и представителей научного сообщества. Пять раз провозглашались тосты за партию и правительство и как неперменная составляющая – «За великого корифея марксистско-ленинской науки, почетного академика И.В. Сталина!». Молотов и Калинин обменялись тостами в честь друг друга; небезызвестный академик Лысенко предложил тост «За колхозников, агрономов и всех других работников Наркомзема!», включив неперменное – «За здоровье товарища Сталина!». В год Великой Победы дважды подняли тост «За красную Армию и ее героев-бойцов!», шесть раз поднимался тост «За науку» как в общем плане, так и с персональным перечислением ученых – Героев Социалистического Труда. Для данной ситуации весьма показательным является тост В.М. Молотова: «В честь советских ученых, в честь дружбы между нашими и иностранными учеными, между нашей и мировой наукой!»

⁶² АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 3. Л. 81.

⁶³ *Ashby E. Scientist in Russia...* P. 139.

⁶⁴ *Ibid.*

⁶⁵ *Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Книга первая. Большие кремлевские приемы 1930-х – 1940-х годов.* М., 2019. С. 252–272.

⁶⁶ *Сорокина М.Ю. Открытая сцена...* С. 208.

За их здоровье, за их успехи, и за присутствующих среди нас гостей, участвующих в этом чествовании. За Ваше здоровье!»⁶⁷. Содержательный стержень этого тоста – довольно ясно выраженная идея единства мировой науки.

Юбилей, рассматриваемый нами как коммуникативная площадка, задавал не только академические и официальные рамки обсуждения достижений советской науки, но и создавал особый эмоциональный режим, атмосферу – «мы вместе», как выразился академик В.Л. Комаров, – «собратья по общему делу». Высказывания представителей международного научного сообщества, надежда на то, что после победы над общим врагом «ученые СССР, ученые США и всех других стран... смогут совместными усилиями победить врагов всех свободных людей – невежество, страх и нужду»⁶⁸, что предстоят долгие годы плодотворного сотрудничества, оказались, по большей части, нереализованными.

Выводы

Рассмотрение сценария в первом приближении, в координатах монументализма, характеризующего сталинскую культурную политику, не сулит больших открытий, но подтверждает уже привычные характеристики. Действительно, в сценарии, как мы представили, выражены инструменталистские интенции власти – триумф всеобъемлющ, парад Победы должен состояться и в области науки. Это также верно, как и то, что И.В. Сталин (разумеется, согласно официальным идеологемам) в тех условиях выступает корифеем наук и гениальным полководцем одновременно. Остается лишь найти повод – 220-летний юбилей Академии наук, придать ему нужное политико-идеологическое наполнение и отпраздновать с приличествующим размахом и помпезностью. Мотивация ученых – авторов идеи, соавторов сценария и непосредственных реализаторов юбилейного торжества также понятна – воспользоваться плодами победы, когда наука заняла стратегически важное место в политике советского государства.

Но в пространстве юбилейного сценария прослеживается, на наш взгляд, и не столь очевидное, но не менее важное – аксиологическое внутринаучное измерение. Повышение статуса науки в рамках советского политического дискурса способствовало и определенной реставрации внутринаучной ценностной классики, на коротком историческом отрезке благожелательно-безразлично (без идеологически-репрессивного возбуждения) воспринятой властью. Наиболее впечатляющим проявлением этого в юбилейном праздновании явилась идея «единой мировой науки», объединившая на какое-то время в здравницах, речах и тостах представителей властных и научных структур. В пространстве сталинского новоимперского мейнстрима важную роль играл принцип «На классиков равняйся!», распространявшийся, безусловно, и на отечественную науку, ее корифеев – Ломоносова, Менделеева, Павлова, Пирогова (в честь которых, напомним, предполагалось учредить особые ордена за научные достижения). Классическое/отечественное в определенной степени наделялось собственным, внеклассовым измерением – патриотизм и народность рассматривались как изначально определяющие характеристики корифеев науки. Проявляется и коррелирующая с этим идея авангардной роли советской науки с претензией на гегемонию в меняющемся коммуникативном поле.

Описанный нами феномен празднования юбилея АН СССР – содержательно многослоен и в то же время удивительно целостен и неделим: на одном юбилейном поле, в рамках одного реализуемого сценария органически сочетались разноприродные социальные сущности – власть, заточенная на жесткие формы социальной ин-

⁶⁷ Вавилов С.И. Юбилейная сессия... С. 204.

⁶⁸ АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 50. Л. 88.

женерии и репрессивную регулируемость, наука, пытающаяся снять с себя отлучение от отечественной дореволюционной и мировой «антимарксистской» науки, и ставшие, безусловно, своими (на короткий исторический миг) представители самой этой мировой науки – иностранные ученые – почетные гости своего/чужого пира, выражающие смешанные чувства восхищения и изумления, иногда иронии. Целостность процесса индуцируется ощущением «небывалой историчности переживаемого момента», финалистской завершенности его – выиграна величайшая война в истории. Сценарий юбилея коррелирует со сценарной драматургией самой жизни. Контекстуальным фоном юбилейных торжеств являются завышенные ожидания нового качества жизни (весьма характерные для психологии победителей), по сути дела новой социальности в послевоенную эпоху. «Так и будет» – в художественной литературе эта ожидаемость/уверенность была зафиксирована в приведенном названии, равно как и содержании, известной пьесы Константина Симонова, тонко уловившего умонастроение людей, находящихся в переходном состоянии от войны к миру, представляющих мирную жизнь по контрасту с жестокой военной реальностью. Применительно к нашей теме отметим, что новая социальность предполагалась прежде всего самими учеными как новая, высшая, уже достигаемая рациональность (наиболее масштабно это проявилось в учении о ноосфере В.И. Вернадского). Соответственно, сама наука как носитель этого состояния рациональности, участник перестройки мира на началах социальной разумности повышала свою субъектность. Важно понимать, что это была субъектность состояния/ожидания, а не активного социального действия. Последнее оставалось прерогативой властных структур. Деятели науки выступают главным образом не как продуцирующие самостоятельную социальную активность, а как вписывающиеся в политико-идеологический мэйнстрим (на юбилейном поле в том числе), с которым они связывали надежды на прекрасный новый мир. Степень осуществимости этих надежд катастрофически сужается с изменением общеполитической ситуации в стране и в мире и потому момент единения вскоре окажется исторически пройден.

Рукопись поступила: 20 ноября 2019 г.

Submitted: 20 November 2019

Библиографический список

- Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
- Быковская Г.А., Македонская В.А.* 220-летие Академии Наук: подведение итогов деятельности в годы ВОВ // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. Серия «Социально-политическое развитие российского общества». 2015. № 2. С. 19–24.
- Вавилов С.И.* Юбилейная сессия Академии Наук СССР, 15 июня – 3 июля 1945 г. М.: Академия наук СССР, 1948. 756 с.
- Вишленкова Е.А.* Мемориальная культура российского университета XIX века // Мир историка: историографический сборник. Омск: Омский государственный университет, 2011. С. 81–94.
- Груздинская В.С., Метель О.В.* Советские историки 1920–1930-х гг. в пространстве научных институций: границы исследовательской (не)свободы? // Груздинская В.С., Клюев А.И., Метель О.В. Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920–1930-х гг. Омск: КАН, 2018. С. 130–145.
- Груздинская В.С.* «Академический праздник» и «праздник академиков»: к вопросу о роли В.Л. Комарова в организации 220-летнего юбилея // История науки и техники: источники, памятники, наследие: третьи чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: К 150-летию со дня рождения президента АН СССР академика Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945): Материалы межд. науч. конф., Москва, 15–17 октября 2019 г. М.: Янус-К, 2019. С. 68–71.

- Корзун В.П. «Празднование 220-летия АН СССР: иллюзии и надежды июня 1945 года (освоение историографического пограничья)» // Мавродинские чтения 2018: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора В.В. Мавродина. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 583–587.
- Корзун В.П. Юбилей АН СССР в победном 1945 году: презентация образа советской науки в выступлениях акад. В.Л. Комарова // История науки и техники: источники, памятники, наследие: третьи чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: К 150-летию со дня рождения президента АН СССР академика Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945): Материалы межд. науч. конф., Москва, 15–17 октября 2019 г. М.: Янус-К, 2019. С. 27–31.
- Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск: НГТУ, 2015. 572 с.
- Кременцов Н.Л. Плоды победы // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки. СПб.: СПбГУ, 2003. С. 774–805.
- Лиманова С.А. В.Л. Комаров и празднование 220-летнего юбилея Академии наук (обзор документов в Архиве РАН) // История науки и техники: источники, памятники, наследие: третьи чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: К 150-летию со дня рождения президента АН СССР академика Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945): Материалы межд. науч. конф., Москва, 15–17 октября 2019 г. М.: Янус-К, 2019. С. 75–78.
- Мазья В.Г., Шапошникова Т.О. Жак Адамар – легенда математики. М.: МЦНМО, 2008. 528 с.
- Мальшиева С.Ю., Сальникова А.А. Российская университетская корпорация XX века как социокультурный феномен: традиции и новации, преемственность и разрывы // Эйдос. Киев: АН Украины, 2009. С. 236–261.
- Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Книга первая. Большие кремлевские приемы 1930-х–1940-х годов. М.: АИРО-XXI, 2019. 560 с.
- Орел В.М. Юбилей Российской Академии наук: история и традиции // Российская Академия наук: 275 лет служения России. М.: Янус-К, 1999. С. 31–37.
- Павлова Г.Е. 220 лет Академии наук СССР // Вопросы истории естествознания и техники. 1974. № 1 (46). С. 21–25.
- Павлов Н.В. Владимир Леонтьевич Комаров. М.: Академия Наук СССР, 1951. 292 с.
- Поршнева О.С. От юбилея к юбилею: интерпретация российского военно-революционного кризиса 1914–1922 гг. в контексте двух знаменательных дат // Диалог со временем. 2018. № 64. С. 248–261.
- Поршнева О.С. Юбилей Первой мировой войны в раннесоветский период: проблемы современного научного осмысления // Уральский исторический вестник. 2019. № 3. С. 56–63.
- Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 8–15.
- Репина Л.П. Юбилейные истории университетов как жанр современной российской историографии // Диалог со временем. 2017. № 6. С. 142–152.
- Савельева И.М. «Уроки истории» ученой корпорации // Мир историка: историографический сборник. Омск: Омский государственный университет, 2011. С. 63–80.
- Сорокина М.Ю. Открытая сцена, или Двухсотлетний юбилей Академии наук // На переломе: Отечественная наука в конце XX–XXI вв. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 206–235.
- Цимбаев К.Н. Истоки юбилейной культуры императорской России // Диалог со временем. 2019. № 67. С. 70–79.
- Abir-Am P.G. Introduction (Commemorative Practices in Science: Historical Perspectives on the Politics of Collective Memory) // *Osiris*. 1999. Vol. 14. P. 1–33.
- Ashby E. *Scientist in Russia*. New York: Penguin Books, 1947. 252 p.
- Kojewnikow A. *Die Mobilmachung der sowjetischen Wissenschaft // Macht und Geist im Kalten Krieg*. Hamburg: [S.n.], 2011. S. 87–107.
- Sherman D. *The Construction of Memory in Interwar France*. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 414 p.

References

- Abir-Am, P.G. “Introduction (Commemorative Practices in Science: Historical Perspectives on the Politics of Collective Memory).” *Osiris*, vol. 14 (1999): 1–33.
- Ashby, E. *Scientist in Russia*. New York: Penguin Books, 1947.

- Assman, A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2014 (in Russian).
- Bykovskaya, G.A., and Makedonskaya, V.A. “220th anniversary of the Academy of Sciences: summing up the activities during the Second World War.” *Modern problems of the humanities and social sciences. Series “Socio-political development of Russian society,”* no. 2 (2015): 19–24 (in Russian).
- Gruzinskaya, V.S. “«Akademicheskij prazdnik» i «prazdnik akademikov»: k voprosu o roli V.L. Komarova v organizatsii 220-letnego yubileya.” In *Istoriya nauki i tekhniki: istochniki, pamyatniki, naslediyе: tret'i chteniya po istoriografii i istochnikovedeniyu istorii nauki i tekhniki: K 150-letiyu so dnya rozhdeniya prezidenta AN SSSR akademika Vladimira Leont'yevicha Komarova (1869–1945): Materialy mezhd. nauch. konf., Moskva, 15–17 oktyabrya 2019 g.*, 68–71. Moscow: Yanus-K Publ., 2019 (in Russian).
- Gruzinskaya, V.S., and Metel', O.V. “Sovetskiye istoriki 1920–1930-kh gg. v prostranstve nauchnykh institutsiy: granitsy issledovatel'skoy (ne)svobody?” In V.S. Gruzinskaya, A.I. Klyuyev, O.V. Metel'. *Ocherki istorii institucional'noy struktury sovetskoy istoricheskoy nauki 1920–1930-kh gg.*, 130–145. Omsk: KAN Publ., 2018 (in Russian).
- Korzun, V.P. “Prazdnovaniye 220-letiya AN SSSR: illyuzii i nadezhdy iyunya 1945 goda (osvoyeniye istoriograficheskogo pogranych'ya).” In *Mavrodinskiye chteniya 2018: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya professora V.V. Mavrodina*, 583–587. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2018 (in Russian).
- Korzun, V.P. “Yubiley AN SSSR v pobednom 1945 godu: prezentatsiya obraza sovetskoy nauki v vystupleniyakh akad. V.L. Komarova.” In *Istoriya nauki i tekhniki: istochniki, pamyatniki, naslediyе: tret'i chteniya po istoriografii i istochnikovedeniyu istorii nauki i tekhniki: K 150-letiyu so dnya rozhdeniya prezidenta AN SSSR akademika Vladimira Leont'yevicha Komarova (1869–1945): Materialy mezhd. nauch. konf., Moskva, 15–17 oktyabrya 2019 g.*, 27–31. Moscow: Yanus-K Publ., 2019 (in Russian).
- Kojewnikow, A. “Die Mobilmachung der sowjetischen Wissenschaft.” In *Macht und Geist im Kalten Krieg*, 87–107. Hamburg: [S.n.], 2011 (in German).
- Krasil'nikova, Ye.I. *Pomnit' nel'zya zabyt'? Pamyatnyye mesta i kommемorativnyye praktiki v gorodakh Zapadnoy Sibiri (konets 1919 – seredina 1941 g.)*. Novosibirsk: NGTU Publ., 2015 (in Russian).
- Krementsov, N.L. “Plody pobedy.” In *Nauka i krizisy: istoriko-sravnitel'nyye ocherki*, 774–805. St. Petersburg: SPbGU Publ., 2003 (in Russian).
- Limanova, S.A. “V.L. Komarov i prazdnovaniye 220-letnego yubileya Akademii nauk (obzor dokumentov v Arkhive RAN).” In *Istoriya nauki i tekhniki: istochniki, pamyatniki, naslediyе: tret'i chteniya po istoriografii i istochnikovedeniyu istorii nauki i tekhniki: K 150-letiyu so dnya rozhdeniya prezidenta AN SSSR akademika Vladimira Leont'yevicha Komarova (1869–1945): Materialy mezhd. nauch. konf., Moskva, 15–17 oktyabrya 2019 g.*, 75–78. Moscow: Yanus-K Publ., 2019 (in Russian).
- Maz'ya, V.G., and Shaposhnikova, T.O. *Zhak Adamar – legenda matematiki*. Moscow: MTSNMO Publ., 2008 (in Russian).
- Malysheva, S.Yu., and Sal'nikova, A.A. “Rossiyskaya universitetskaya korporatsiya XX veka kak sotsiokul'turnyy fenomen: traditsii i novatsii, preymstvinnost' i razryvy.” In *Eydos*, 236–261. Kiyev: AN Ukrainy Publ., 2009 (in Russian).
- Nevezhin, V.A. *Zastol'ya Iosifa Stalina. Kniga pervaya. Bol'shiye kremlevskiyе priyemy 1930-kh – 1940-kh godov*. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2019 (in Russian).
- Orel, V.M. “Yubiley Rossiyskoy Akademii nauk: istoriya i traditsii.” In *Rossiyskaya Akademiya nauk: 275 let sluzheniya Rossii*, 31–37. Moscow: Yanus-K Publ., 1999 (in Russian).
- Pavlova, G.Ye. “220 let Akademii nauk SSSR.” *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*, no. 1 (1974): 21–25 (in Russian).
- Pavlov, N.V. *Vladimir Leont'yevich Komarov*. Moscow: Akademiya Nauk SSSR Publ., 1951 (in Russian).
- Porshneva, O.S. “The jubilee to the anniversary: interpretation of the war-revolutionary crisis of 1914–1921 in the context of two significant dates.” *Dialogue with Time*, no. 64 (2018): 248–261 (in Russian).
- Porshneva, O.S. “The First World War anniversaries in the early soviet period: problems of modern scientific comprehension.” *Ural Historical Bulletin*, no. 3 (2019): 56–63 (in Russian).
- Repina, L.P. “Historical memory and national identity approaches and research methods.” *Dialogue with Time*, no. 54 (2016): 8–15 (in Russian).
- Repina, L.P. “Jubilee histories of universities as a genre of recent Russian historiography.” *Dialogue with Time*, no. 60 (2017): 142–152 (in Russian).
- Savel'yeva, I.M. “«Uroki istorii» uchenoy korporatsii.” In *Mir istorika: istoriograficheskiiy sbornik*, 63–80. Omsk: Omskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2011 (in Russian).

- Sorokina, M.Yu. "Otkrytaya stsena ili Dvukhsotletniy yubiley Akademii nauk." In *Na perelome: Otechestvennaya nauka v kontse XX – XXI vv.*, 206–235. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2005 (in Russian).
- Sherman, D. *The Construction of Memory in Interwar France*. Chicago: University of Chicago Press, 1999.
- Tsimbayev, K.N. "The Origins of Jubilee Culture in the Russian Empire." *Dialogue with Time*, no. 67 (2019): 70–79 (in Russian).
- Vavilov, S.I. *Yubileynaya sessiya Akademii Nauk SSSR, 15 iyunya – 3 iyulya 1945 g.* Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1948 (in Russian).
- Vishlenkova, Ye.A. "Memorial'naya kul'tura rossiyskogo universiteta XIX veka." In *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik*, 81–94. Omsk: Omskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2011 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Корзун Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского.

Valentina P. Korzun, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Department of Contemporary Russian History and Historiography, Dostoevsky Omsk State University.

Груздинская Виктория Сергеевна, аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского.

Victoria S. Gruzdinskaya, Postgraduate Student of Department of Contemporary Russian History and Historiography, Dostoevsky Omsk State University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-393-402>

Научная статья / Research article

The Evolution of Ethnic Tradition Transfer among Belorussian Peasant Settlers in Siberia and Russia's Far East from 1850 to the Present

Roman Yu. Fedorov

Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences;
86, Mal'ygina St., Tyumen, 625026, Russia; r_fedorov@mail.ru

Трансформации коммуникативных механизмов трансляции этнических традиций у потомков белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XXI в.)

Р.Ю. Федоров

Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН; 625026, Россия, Тюмень,
ул. Малыгина, д. 86; r_fedorov@mail.ru

Abstract: This article examines how the transfer of ethnic traditions among Belorussian peasant settlers in Asian Russia to their descendants has evolved since 1850. Based on field data collected from different generations of Belorussian settlers born during the 20th century, the study indicates that the mechanism of this transfer went through three very distinct phases. From the second half of the 19th century until the 1920's, the children of Belorussian settlers adopted the ethnic identity and traditions of their parents, much like their forefathers back home. During the Soviet era, i.e., from the early 1920's until the late 1980's, the state sought to replace Belorussian customs and conventions among the settlers' children with its own homogenous, socialist modernity. After the USSR's collapse in 1991, the growing influence of mass media and more contemporary socio-cultural processes began to influence how ethnic traditions were transferred to the young. All three periods left their imprint on the outlook of the descendants of Belorussian settlers today. This is largely the result of the fact that practical knowledge and skills change more rapidly than deeper values and beliefs.

Keywords: Belorussians, peasant immigrations, ethnic traditions transfer, historical memory, ethnocultural identity, traditions, modern, postmodern

For citation: Fedorov, Roman Yu. "The Evolution of Ethnic Tradition Transfer among Belorussian Peasant Settlers in Siberia and Russia's Far East from 1850 to the Present." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 2 (May 2020): 393–402. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-393-402>

Acknowledgements and Funding: This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR). Grant № 18-09-00028 and the scientific project №. № AAAA-A17-117050400150-2.

Аннотация: Статья посвящена изучению трансформации коммуникативных механизмов трансляции этнических традиций у потомков белорусских крестьян-переселенцев второй половины XIX – начала XX века, проживающих на территории Сибири и Дальнего Востока. Основной эмпирической базы исследования послужили полевые материалы, собранные автором у разных поколений переселенцев, рожденных в период с 1910-х по 1990-е гг. Их представители пережили три «культурные эпохи», на протяжении которых существенным образом менялись принципы трансляции этнических традиций. Для первого периода (вторая половина XIX – 1920-е гг.) в сре-

© Федоров Р.Ю., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

де белорусских крестьян-переселенцев было типичным функционирование традиционных моделей межпоколенной передачи этнокультурной идентичности и этнических традиций. Для второго периода, пришедшегося на годы советской власти (1920–1980 гг.), стала характерной попытка заменить на уровне государственной политики межпоколенные пути трансляции этнических традиций на массовые формы инкультурации, внедряемые в процессе модернизации жизненного уклада. Для следующей эпохи, начавшейся в 1990-е гг., характерно нарастание роли средств массовой коммуникации в трансляции этнических традиций, которая сопровождается рядом социокультурных процессов, характерных для общества постмодерна. На сегодняшний день все три описанных периода в той или иной степени накладывают свой отпечаток на особенности культуры и мировоззрения потомков белорусских переселенцев. Эта ситуация во многом связана с общими принципами асинхронности трансформаций разных элементов культуры, в соответствии с которыми устаревание практических знаний и навыков происходит значительно быстрее, чем смена важнейших ценностных ориентации и верований.

Ключевые слова: белорусы, крестьянские переселения, трансляция этнических традиций, историческая память, этнокультурная идентичность, традиции, модерн, постмодерн

Для цитирования: Федоров Р.Ю. Трансформации коммуникативных механизмов трансляции этнических традиций у потомков белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XXI в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 393–402. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-393-402>

Благодарности и финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18-09-00028) и по госзаданию (проект № АААА-А17-117050400150-2).

Introduction

The last century has seen unprecedented changes in the ways ethnic traditions have been transferred from one generation to the next. Studying these processes has not only become an important focus of ethnology, but it has also strongly influenced the development of cultural studies in Russia as an independent academic discipline. In the 1970s, thanks to the work of E.S. Markarian, much research was carried on in the interplay between cultural studies and ethnology.¹ As result, today no one doubts that the integration of the methodologies of these two academic disciplines opens up new possibilities for studying ethnicity in the context of global sociocultural processes. On the one hand, it provides cultural studies with a reliable empirical base that can help avoid speculative interpretations of individual sociocultural processes in their historical retrospective. On the other hand, it also allows for ethnographic studies of local traditions to go beyond mere description, thereby deepening our understanding of their characteristics.

Russian cultural studies have become more sophisticated, and now take into account the interaction of tradition and innovation in a culture's evolution. Relevant developments include E.S. Markarian's "traditionology," A.S. Akhiezer's sociocultural interpretation of history, and A.Ia. Flier's theory of culture's historical dynamics, among other. Over the past decades, the attention of Russian ethnologists has most often been focused on the problems of preserving and reproducing the ethnic traditions of national minorities and small indigenous peoples. However, the transfer of historical memory and traditions of Russia's East Slavic population remains understudied. This is especially true for Eastern Slavic settlers of Siberia and the Far East. Among those ethnographers who have looked at this question are V.A. Lipinskaia, M.M. Gromyko, F.F. Bolonev, E.F. Fursova, A.Iu. Manichean, O.N. Shelena, M.A. Zhigunova, T.K. Shcheglova, Iu.V. Argudiaeva, and L.E. Fetisova.

¹ E.S. Makarian, "Kul'turnaia traditsiia i zadacha differentsiastii ee obshikh i local'nykh proiavlennii," in *Metodologicheskie problemy etnicheskikh issledovaniia etnicheskikh kul'tur* (Yerevan: [S.n.], 1978), 84–90; E.S. Makarian, "Uzlovye problem teorii kulturnoi traditsii," *Kul'tura i obrazovanie*, no. 2 (1981): 78–96; S.V. Lur'e, "Traditionology E.S. Makarian: difference from foreign theories of tradition," *Culture and Education*, no. 4 (2015): 5–12.

Since 2009, we have been studying the ethnocultural evolution of Belorussian peasant immigrants east of the Ural Mountains. During the agrarian migrations of the late Imperial era, the traditional cultures of Russian and Belorussian peasants were very similar. Nevertheless, there were some differences in the way Belorussian immigrants introduced specific elements of their material and spiritual culture into Asian Russia. This allowed us to identify individual markers to trace the patterns of how immigrants preserved or transformed their ethnic traditions in their new environment. The field studies we conducted in 12 regions of Siberia and the Far East included interviewing interviews and recording oral stories from descendants of immigrants born between the 1910s and the 1990s. This chronological coverage permitted us to trace how the transfer of the ethnic traditions among three to four generations of immigrants has changed.

The collected materials are unique, since over a little more than a century, the generations of immigrants went through three different phases – the late Imperial, Soviet and post-Soviet eras – during which the characteristics of their cultural transfers changed significantly. Moreover, in addition to historical developments on the national level, the growing pressure of global sociocultural and technological trends increasingly diminished the influence of ethnic traditions on younger generations. These broader phenomena intersect to some degree with the periodization of Russian cultural studies and ethnology and coincide with the main cycles of Russian history formulated by A.S. Akhiezer.² The differences between these three periods can be likened to the classical, non-classical and post-non-classical types of cultures that A.Ia. Flier proposed.³ Meanwhile, O.V. Kirichenko distinguishes between the traditional, the modern and “postmodern” (contemporary) phases in the Russian historical memory.⁴

Historical memory is one of factors that shapes ethnocultural identity. As one scholar argues, it is

the most important component of self-identification not only of an individual, but also of a social group and of society as a whole. This is because the way historical memory categorizes the past strongly influences the way social groups are constituted and integrated in the present.⁵

In short, transformations in the mechanism of historical memory transfer from one generation to the next shape the ethnocultural identity of the group being studied.

Traditional Mechanisms of Ethnic Cultural Transfer

Belorussians are generally believed to trace their origins to various East Slavic tribes, such as the Dregovichi, Radimichi, and Krivichi, who began to consolidate during the Kievan Rus at the turn of the second millennium.⁶ Many of features of their culture developed under the rule of the Grand Duchy of Lithuania, from its rise in the 13th century until its incorporation into a commonwealth along with Poland according to the Union of Lublin in 1569.⁷ From then on through their absorption into the Russian Empire toward the end of the 18th century by Empress Catherine the Great, Belorussia’s upper classes largely adopted Poland’s culture and Catholic faith while much of the peasantry maintained its Orthodox, East Slavic identity. Thus, the peasants called their religion and cul-

² A.S. Aliezer, *Rossia: Kritika istoricheskogo opyta* (Moscow: FO SSSR Publ., 1991).

³ A.Ia. Flier, “Classical, non-classical and post-non-classical culture: Experience of a new typologization (beginning),” *The Culture of Culture Journal*, no. 3 (2017): 2.

⁴ O.V. Kirichenko, “The historical memory of the Russian people: from tradition to modern and post-modern,” *Voyager: World and Man*, no. 8 (2017): 148–160.

⁵ *Istoriia i pamiat’* (Moscow: Krug Publ., 2006), 23–24.

⁶ E.F. Karskii, *Belorusy. Vedenie i izuchenie iazyka i narody slovesnosti* (Warsaw: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga Publ., 1903), 80.

⁷ O.A. Gantskaia, R.A. Grigor’eva, “Istoriko-etnograficheskii ocherk traditsionnoi kul’tury,” in *Materialy k serii Narody i kul’tury* (Moscow: IEA RAN Publ., 1992), 7.

ture Russian, in contrast to their Polonised, Catholic lords.⁸ Indeed, the ethnonym “Belorussian” only became current at the turn of the 20th century.⁹ Even then peasants rarely identified themselves as such. At the time the latter were asked about their identity, they did not know how to respond and often called themselves “tuteishimi,” or local people.¹⁰

Spurred by land shortage, at the turn of the 20th century many Belorussian peasants left their villages for the open lands beyond the Urals. Once in Asian Russia, Orthodox immigrants from Belorussia were generally considered to be Russian, while Catholics tended to see themselves as Poles. Meanwhile, the peasant immigrants identified themselves more by their region of origin, such as Mogilev, Vitebsk, or Grodno, rather than their ethnicity. When pressed, they called their homeland “Rasia.”¹¹

The first generation of newcomers initially tried to adhere to the culture of the region they had left, keeping their original language and folklore, calendar and household rituals, form of dwelling, food and clothing. Once in Siberia, however, Belorussian immigrants had to adapt to their new environment. At this stage, there were two main channels for transferring ethnic traditions to their children. One of them was within an individual family or clan, much according to the notion of the post-figurative culture formulated by the American anthropologist Margaret Mead. As she explained,

without written or other means of recording the past, people were forced to include every change in their consciousness, to store it in the memory and in the established behavior of each generation of adults.¹²

The other channel of communication was with the indigenous population, whose diversity shaped the features of the immigrants’ interethnic cooperation. For example, when Belorussians from different regions developed a new settlement, they typically merged into a single ethno-cultural community with Russian and Ukrainian newcomers. At the same time, living next to Buriats, Evenks, Udegei and other indigenous peoples, their culture often evolved autonomously as a result of economic interactions with the latter. Meanwhile, in mixed marriages, the mother’s culture had a stronger influence on intergenerational cultural transfer. Here, women usually preserved the traditions of cooking and clothing of their ancestors, whereas men preserved the features of architecture, crafts, etc. from their native places.

The interactions between Belorussian immigrants and the more established Russians in Siberia are particularly interesting. Since the immigrants identified themselves more closely with their region rather than nation of origin, regional rather than ethnic socio-cultural differences with local old-timers dominated. In studying the “armored boys” (*pantsirnie boiary*) from Vitebsk province, who had moved to Western Siberia as a result of the Count Peter Kiselev’s agrarian reforms during the latter decades of Emperor Nicholas I’s reign, M.M. Gromyko noted that when two peasant communities with different origins were forced to coexist with each other, friction resulted.¹³ Both disputes involving clashing traditions for developing the land as well as cultural differences often led to conflict.

At the end of the 19th century N.E. Karonin-Petropavlovskii described the process of adaptation of Belorussian immigrants:

⁸ S.M. Tokt, “Dinamika etnicheskoi samoidentifikatsii naseleniia Belorusi v XIX – nachale XX vv., <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=983> (accessed: 10.11.2019).

⁹ K.V. Chistov, *Etnografiia vostochnykh slavian. Ocherki traditsionnoi kul'tury* (Moscow: Nauka Publ., 1987), 18.

¹⁰ A.E. Bogdanovich, *Perezhitkii drevnego mirosozertianii u belorusov” etnogr. Ocherk* (Moscow: Slava Publ., 2009), 15.

¹¹ R.Yu. Fedorov, “Transformations of ethnic identity in descendants of Belarusian peasants-migrants in Siberia and the Far East,” *Tomsk State University Journal*, no. 423 (2017): 187–195.

¹² M. Mid, *Kul'tura i mir detstva* (Moscow: Nauka Publ., 1988), 322.

¹³ M.M. Gromyko, *Mir russkoi derevni* (Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1991), 159.

For a long time a new community did not merge with an older Siberian village, except for agricultural methods and forms of land ownership, which the newcomers quickly adopted. Until the last day, they kept the customs and practices from Russia inviolable. Being experienced workers, old men carried their bast shoes to the grave, and only the young gradually, under the pressure of those around them, obeyed the new order.¹⁴

This example illustrates how the second generation of immigrants, in accordance with Margaret Mead's post-figurative model of ethnic tradition transfer, began to shape the features of their culture. Mead observed that, for the younger generation, the cultural influence of their elders diminished while those of their contemporaries in the host society grew.¹⁵ Nevertheless, as education became increasingly accessible to immigrant children in the early 20th century, the family continued to dominate their enculturation with regard to worldview, ethnic traditions and practical skills. Furthermore, as in any traditional society, the historical memory of the immigrants relied mainly on their oral-mythological folklore. Therefore, according to E.S. Markarian's schema, the traditional ways that sociocultural traditions were transferred generally continued to prevail.¹⁶

The Soviet Period

In the 1920s, as part of its effort to consolidate its rule, the new Soviet state began attempting to regulate the ethnic and cultural identity of its citizens. The 1926 All-Union Population Census divided the USSR's East Slavic population into Russians, Ukrainians, and Belorussians. According to the census form,

To determine the Ukrainian, Great Russian and Belorussian populations in areas where members of these three ethnic groups all identify their nationality as Russian, those who state they are Russian must specify whether they are Ukrainian, Great Russian (Russian), or Belorussian.¹⁷

According to the census results, 320,320 and 41,124 Belorussians lived in Siberia and the Far Eastern Region, respectively.¹⁸

Along with its effort to promote national self-awareness among the three East Slavic peoples, the government paradoxically suppressed their religious traditions – an important element of their ethnicity. However, such utopic efforts to shape the cultural consciousness of new generations met with serious resistance in the countryside. For one, elements of traditional spirituality, which the new regime repressed, could survive because of their deep roots in traditional folklore. Thus, when officials closed churches, popular Orthodox traditions among the immigrants only grew stronger. In the absence of village priests, the laity celebrated the sacraments of baptism, funerals, among others, at home. At the same time, ritual celebrations fused traditional and Soviet elements. For example, on the calendars of many Belorussian immigrants in Western Siberia, the Orthodox Feast of the Autumn Grandfathers was renamed “October” or “November” Grandfathers as the population incorporated the Soviet holiday of November 7, which marked the Bolshevik takeover of the Russian government.¹⁹

Another factor that impeded the destruction of the ethnic traditions of Belorussian immigrants in the Soviet period was the fact that until the 1960s traditional livelihoods

¹⁴ S. Karonin, “По Иртышу и Tobolu (fragment),” in *Ishim i literatura. Vek XIX. Ocherki po literaturnoi kraevedeniia i teksty-rariteti* (Ishim: Ishim Pedagogical Institute Publ., 2004), 262.

¹⁵ Mid, *Kul'tura*, 342.

¹⁶ Makarian, “Kul'turnaia traditsiia,” 89.

¹⁷ “Vsesoiuznaia perepis' naseleeniia 1926 g.,” Poyasnitel'nye zamechaniia i instruktsionnye ukazaniya, accessed November 10, 2019, <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0267/arkiv04.php>.

¹⁸ “Vsesoiuznaia perepis' naseleeniia 1926 g.,” accessed November 10, 2019, http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php.

¹⁹ T.N. Zolotova, “Memorial's traditions among Siberian Belarusians,” *Traditional Culture*, no. 2 (2014): 24.

still dominated rural life. Unlike large Soviet cities, whose lifestyle began to be shaped by socialist innovations, the introduction of collective farming in the villages only affected socio-economic interactions with the state without altering the main foundations of traditional peasant life.

Between the 1960s and 1980s, the increasing accessibility of consumer goods, as well as more spatial and social mobility among rural residents, began to help displace the cultural traditions of the descendants of Belorussian immigrants. Another important contributor to this process was the growing availability of institutional and mass channels of enculturation, including secondary and higher education, cultural institutions, books, magazines, radio and television. As a result, the authority of traditional knowledge and practical skills that had until then been transferred from generation to generation began to diminish. In a time of rapid scientific and technological progress, youth began to see the experience of their ancestors as outdated and inadequate. This led to the growing importance of Margaret Mead's notion of prefigurative culture, according to which young people become the main carriers of relevant sociocultural experience.²⁰ The late Soviet period accordingly witnessed a rapid decline in the traditional cultural identity of the descendants of the Belorussian.

According to M.A. Zhigunova, by the middle of the 20th century the distinctive features of local, social, confessional and other factors that shaped the ethno-cultural self-consciousness of Siberia's East Slavic population of Siberia had been almost lost.²¹ While older generations carried on their various ethnic traditions during the post-World War II years, the survival of these elements became less and less certain. Against this backdrop of a fading ethnicity, there was a growing shift towards a "supra-ethnic mass culture."²² At the same time, some of the innovations of Soviet modernity during the pre-war decades, which had initially been seen as anti-traditions, now also began to acquire the features of conventional life as they replaced the traditional culture of the original Belorussian immigrants. As E.S. Markarian noted, "any innovation, if it is accepted by many people in a particular group ... turns into a tradition."²³

The Post-Soviet Period

With the collapse of the USSR in 1991, the Soviet way of village life based on collective farming began to collapse. Indeed, the liquidation of collective and state farms deprived many villages of their economic rationale. Farmers went back to their individual plots of land, and some even reverted to semi-natural forms of economic relations. Meanwhile, the precipitous outflow of able-bodied villagers in search of better jobs in the cities led to considerable demographic upheaval in the countryside, which for many descendants of Belorussian immigrants resulted in an almost complete collapse of intergenerational transfer of their ethnic traditions.

Nevertheless, the turn of the 21st centuries witnessed a strong revival of interest in the pre-Soviet way of life. As society lost its faith in progress, an important attribute of modernity, as well as in Soviet ideology, the culture and traditions of their forefathers became more appealing.²⁴ One could even speak of an "ethno-Renaissance" in contempo-

²⁰ M. Mead, *Culture and Commitment* (New York: Columbia University Press, 1970).

²¹ M.A. Zhigunova, "The East Slavic population in Siberia: ethnocultural history and identity," *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, no. 3 (9) (2015): 136–145.

²² Makarian, "Kul'turnaia traditsiia," 90.

²³ Makarian, "Uzlovnye problem teorii kulturnoi traditsii," 80.

²⁴ Aliezer, *Rossiia*, vol. 1.

rary Russia. E.F. Fursova noted that the predictions of the disappearance of cultural differences as a result of globalization were no longer valid.²⁵

Scholars believe that the choice of whether to abandon or preserve the ethnicity of their ancestors largely depends on the third generation of immigrants.²⁶ According to L.A. Abolina, with regard to Belorussians living in Siberia,

whereas the second generation of immigrants was still the bearer of traditions, sadly, the third generation will most likely be the last that understands and remembers them, while the fourth can only read about them.²⁷

Due to the high degree of similarity between the Belorussian and Russian cultures, mixed marriages, and urbanization, most of the descendants of Belorussian immigrants dissolved into a new ethno-cultural milieu and now tended to see themselves as Russian. However, among individuals interested in the traditions of their family, village or ancestral region, there was a nostalgic revival of their ethnic traditions.

The post-Soviet ethno-Renaissance simultaneously developed both at the individual and institutional level. The former involved reviving traditions by mobilizing local historical memory. Meanwhile, such restoration of ethnic traditions received support in the form of national autonomic status and by community groups. Despite the fact that the most active participants tended to be the city dwellers who came from Belorussia in the Soviet or post-Soviet period, it was the ethnic traditions of the descendants of earlier Belorussian peasant immigrants that aroused their interest. To revive them, the former set up cultural heritage museums, folklore groups, and organized the holidays and ceremonies of the past – with varying degrees of accuracy.

As in the popular culture of the current, postmodern era more generally, most of these efforts were aestheticized and playful reconstructions of their external features deprived of their original value-semantic context. At the same time, A.Ia. Flier predicted that

the fate of folklore (folk) culture will be determined by the process of reducing its social bearer – peasantry and, possibly, in some regions – its actual disappearance as a particular social layer.²⁸

The author added that

today this culture is increasingly imitated theatrically according to the recorded samples, and ‘stiffens’ in fixed forms. Not characteristic of genuine folk culture by definition, it turns into a ‘colorful, folkloric simulations.’ But, it is obvious that the social order for such imitations will to some extent be preserved in certain social strata, especially in those which are ideologically oriented toward ethno-traditional values.²⁹

Some see a greater danger in today’s playful imitation of traditions than a denial of modernity.³⁰ Nevertheless, postmodern interpretations of traditions can motivate individuals better to understand their cultural heritage. V.V. Mironov notes that

²⁵ E.F. Fursova, I.Iu. Aksenova, “Traditions and innovations in the modern festive culture: to the formulation of problems on the example of Siberia,” *Bulletin of Novosibir State University. Series: History, Philology* 12, no. 3 (2013): 292–298.

²⁶ A.Iu. Manicheva, “Diaspory i problema ‘tret’ego pokoleniia pereselentsev’ v Sibirii,” in *Etnosotsial’nye protsessy v Sibirii* (Novosibirsk: TSERIS Publ., 2006), 67–71.

²⁷ L.A. Abolina, “Krestianskoe miroponimanie i mirooshchushchenie v zhizni i fol’lore belorusskikh poselentsev (na primere sem’i Abolinykh),” in *Belorusy v Sibiri* (Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ., 2019), 267.

²⁸ A.Ia. Flier, “Kakoi budet kul’tura XXI veka: analiticheskii prognoz,” in *Problemy kul’tury v XXI veke* (Moscow: MISI Publ., 2018), 10–11.

²⁹ Ibid.

³⁰ V.V. Sluzhivtsev, “Traditsionnoe iskusstvo v sovremennoi kul’ture,” in *Iskusstvo v sovremennoi mire: materialy pervoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (7 dekabria 2004 g.)*. (Khanty-Mansiisk: Department of Culture and Art of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug Publ., 2005), 80.

the popularity of postmodernism lies in the fact that it was at the junction of tectonic shifts taking place in human culture, which paradoxically, can become the bridge that will connect us with the traditional, classical culture.³¹

Regardless, institutional measures artificially to support the traditions of the past that have survived as well as explaining their significance to the public are often the only way to preserve them in the current day. For example, the efforts of ethnographers and members of ethnic organizations in the Tyumen region village of Osinokova, keep alive the ceremony of the veneration and transfer of the “Candle” icon, which was brought to Siberia by immigrants from the Mogilev province.³² Directed by Volia Galanova, the Irkutsk choral ensemble “Kryvichy” collects folk songs from the descendants of Belorussian immigrants, paying great attention to reproducing them in their original form. And in the villages of Turgenevka and Cherchet near Lake Baikal, folk museums were established to display various traditional household implements of Belorussian immigrants.

Some public initiatives have helped to revive cultural ties between Belorussian immigrants and the homeland of their ancestors. In 2017, thanks to the “Viartanne” project of the genealogist E. L. Novikova and the Belorussian ethnographer O. A. Lobachevskaia, descendants of immigrants from Rogin in the Gomel region, living in Ermaki in the Tyumen region visited the homeland of their ancestors who had left 120 years before, and twinned their villages.

However, in general, scholars like T. A. Goncharova found that both individual and institutional efforts to revive past traditions only had a limited effect among the descendants of Belorussian immigrants.³³ On the one hand, more oriented towards the globalizing cultural outlook of modern society, the younger generation has little interest in the matter. Meanwhile, for representatives of older generations, artificial revivals often seem unnatural and false.³⁴

At the beginning of the 21st century, the Internet became increasingly influential in transferring the ethnic traditions and identity of Belorussian peasant immigrants to their descendants. In recent decades, the phenomenon of cyber ethnicity has begun to attract the ever-increasing attention of ethnologists, anthropologists and scholars of culture. As they see it,

to compensate for the lack of real territorial proximity and communication through their broader network, it is the communities, primarily diasporas and ethnic minorities, that show the greatest cyber activity.³⁵

Thus, “the Internet replaces one of the foundations of ethnicity, ‘the unity of the territory’.”³⁶

A number of Belorussian communities in Siberia and the Far East currently have their own groups in social networks ranging from a few dozen to thousands of registered members. Russia’s leading social network, “Vkontakte,” hosts the “Belorussians of Irkutsk” and “Belorussians of Krasnoyarsk,” among other. Studying Internet posts about the cultural autonomy of Belorussians in the Tomsk region, G.V. Grosheva noted that

³¹ V.V. Mironov, “Modern communicative space as a factor in the transformation of culture and philosophy,” *Moscow State University Journal. Philosophy*, no. 4 (2006): 48.

³² O.A. Lobachevskaia, R.Yu. Fedorov, “‘Svecha’ v Sibiri: Etnograficheskii i kul’turno-antropologicheskii aspekty bytovaniia obriada u belorusskikh pereselentsev,” *Vestnik arkeologii, antropologii i etnografii*, no. 1 (2020): 72–82.

³³ T.A. Goncharova, “Ethnic renaissance and ethnic identity of Slavic ethnodisperse groups in Siberia,” *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, no. 3 (2016): 55.

³⁴ *Ibid.*, 56.

³⁵ A.V. Golovnev, S.Yu. Belorussova, T.S. Kisser, “Web-ethnography and cyber-ethnicity,” *Ural Historical Journal*, no. 1 (2018): 100.

³⁶ *Ibid.*

the folk culture and history of Belorussians act as key symbols of their ethno-consolidation. Moreover, in the virtual narrative, there is almost no representation of the linguistic or confessional facets of the ethno-cultural identity, which is typical of Poles and representatives of several other national diasporas living in the region.³⁷

With the widespread use of the Internet, information about various aspects of the traditional culture of Belorussians, such as folk holidays, recipes of national dishes, recordings of folklore, photographs of folk dress, became widely available to the descendants of the immigrants. When reconstructing certain manifestations of their traditional folklore, representatives of Belorussian communities often begin by looking at “samples from the Internet,” which by their regional characteristics and chronology may not necessarily coincide with the distinctive aspects of the traditional culture of their regions of origins. This leads to the peculiar phenomenon of “rooting out traditions”, which involved updating them by the samples from the virtual environment in the wrong place and time.

Conclusion

From the traditional to postmodern, all three periods have influenced the culture and worldview of the descendants of the Belorussian immigrants in Asian Russia. This situation is largely due to the general principles of the asynchrony cultural transformation. As scholars note,

both the updating and obsolescence of modern scientific and technical knowledge and skills occur much more rapidly than changes in the most important value orientations, beliefs, etc. Consequently, the degree of intergenerational dissimilarities in these areas will be different.³⁸

To one degree or another, the situation today is reflected not only among the descendants of the Belorussian immigrants we considered in this article, but also for most other peoples of Russia. Therefore, it seems appropriate to use the methodological approaches at the intersection of cultural studies and ethnology for a deeper understanding of the mechanisms of ethnic tradition transfer within the global socio-cultural transformations taking place in society.

Рукопись поступила: 24 июля 2019 г.

Submitted: 24 July 2019

References

- Abolina, L.A. “Krestianskoe miroponimanie i mirooshchushchenie v zhizni i fol’lore belorusskikh poselentsev (na primere sem’i Abolinykh).” In *Belorusy v Sibiri*, 265–271. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ., 2019 (in Russian).
- Aliezer, A.S. *Rossia: Kritika istoricheskogo opyta*. Moscow: FO SSSR Publ., 1991 (in Russian).
- Bogdanovich, A.E. *Perezhitkii drevnego mirosozertiania u belorusov. Etnograficheskiy ocherk*. Moscow: Slava Publ., 2009 (in Russian).
- Chistov, K.V. *Etnografiia vostochnykh slavian. Ocherki traditsionnoi kul’tury*. Moscow: Nauka Publ., 1987 (in Russian).
- Fedorov, R.Yu. “Transformations of ethnic identity in descendants of Belarusian peasants-migrants in Siberia and the Far East.” *Tomsk State University Journal*, no. 423 (2017): 187–195 (in Russian).
- Flier, A.Ya. “Kakoi budet kul’tura XXI veka: analiticheskii prognoz.” In *Problemy kul’tury v XXI veke*, 8–25. Moscow: MISI Publ., 2018 (in Russian).

³⁷ G.V. Grosheva, “Slavic diasporas in the Internet space of the city of Tomsk: the experience of preserving and broadcasting ethnocultural identity,” *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, no. 3 (2015): 35.

³⁸ Mid, *Kul’tura*, 423.

- Flier, A. Ya. “Classical, non-classical and post-non-classical culture: Experience of a new typologization (beginning).” *The Culture of Culture Journal*, no. 3 (2017): 1–21 (in Russian).
- Fursova E.F., and Aksenova, I. Yu. “Traditions and innovations in the modern festive culture: to the formulation of problems on the example of Siberia.” *Bulletin of Novobosir State University. Series: History, Philology* 12, no. 3 (2013): 292–298 (in Russian).
- Gantskaia, O. A., and Grigor’eva, R. A. “Istoriko-etnograficheskii ocherk traditsionnoi kul’tury.” In *Materialy k serii Narody i kul’tury*. Moscow: IEA RAN Publ., 1992 (in Russian).
- Goncharova, T. A. “Ethnic renaissance and ethnic identity of Slavic ethnodisperse groups in Siberia.” *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, no. 3 (2016): 45–57 (in Russian).
- Golovnev, A. V., Belorussova, S. Yu., and Kissler, T. S. “Web-ethnography and cyber-ethnicity.” *Ural Historical Journal*, no. 1 (2018): 86–120 (in Russian).
- Grosheva, G. V. “Slavic diasporas in the Internet space of the city of Tomsk: the experience of preserving and broadcasting ethnocultural identity.” *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, no. 3 (2015): 33–47 (in Russian).
- Gromyko, M. M. *Mir russkoi derevni*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1991 (in Russian).
- Karonin, S. “Po Irtyshu i Tobolu (fragment).” In *Ishim i literatura. Vek XLX. Ocherki po literaturnoi kraevedenii i teksty-rariteti*, 250–270. Ishim: Ishim Pedagogical Institute Publ., 2004 (in Russian).
- Karskii, E. F. *Belorusy. Vedenie i izuchenie iazyka i narody slovesnosti*. Warsaw: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga Publ., 1903 (in Russian).
- Kirichenko, O. V. “The historical memory of the Russian people: from tradition to modern and postmodern.” *Voyager: World and Man*, no. 8 (2017): 148–160 (in Russian).
- Lobachevskaia, O. A., and Fedorov, R. Iu. “‘Svecha’ v Sibiri: Etnograficheskii i kul’turno-antropologicheskii aspekty bytovaniia obriada u belorusskikh pereselentsev.” *Vestnik arkeologii, antropologii i etnografii*, no. 1 (2020): 72–82 (in Russian).
- Lur’e, S. V. “Traditionology E. S. Makarian: difference from foreign theories of tradition,” *Culture and Education*, no. 4 (2015): 5–12 (in Russian).
- Makarian, E. S. “Kul’turnaia traditsiia i zadacha differentsiastii ee obshikh i local’nykh proiavlennii.” In *Metodologicheskie problemy etnicheskikh issledovaniia etnicheskikh kul’tur*, 84–90. Yerevan: [S.n.], 1978 (in Russian).
- Makarian, E. S. “Uzlovye problem teorii kulturnoi traditsii.” *Kul’tura i obrazovanie*, no. 2 (1981): 78–96 (in Russian).
- Manicheva, A. Iu. “Diaspory i problema ‘tret’ego pokoleniia pereselentsev’ v Sibirii.” In *Etnosotsial’nye protsessy v Sibirii*, 67–71. Novosibirsk: TSERIS Publ., 2006 (in Russian).
- Mid, M. *Kul’tura i mir detstva*. Moscow: Nauka Publ., 1988 (in Russian).
- Mironov, V. V. “Modern communicative space as a factor in the transformation of culture and philosophy.” *Moscow State University Journal. Philosophy*, no. 4 (2006): 42–60.
- Mead, M. *Culture and Commitment*. New York: Columbia University Press, 1970.
- Sluzhivtsev, V. V. “Traditsionnoe iskusstvo v sovremennoi kul’ture.” In *Iskusstvo v sovremennom mire: materialy pervoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (7 dekabria 2004 g.)*, 75–91. Khanty-Mansiisk: Department of Culture and Art of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug Publ., 2005 (in Russian).
- Zolotova, T. N. “Memorial’s traditions among Siberian Belarusians.” *Traditional Culture*, no. 2 (2014): 20–45.
- Zhigunova, M. A. “The East Slavic population in Siberia: ethnocultural history and identity.” *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, no. 3 (2015): 136–145 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Федоров Роман Юрьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук.

Roman Yu. Fedorov, Kandidat Filosofskikh nauk [PhD. in Philosophy], Senior Research Associate of the Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-403-417>

Научная статья / Research article

Курс «лицом к деревне» как проявление противоречий НЭПа в 1924–1926 гг. (по материалам Дона и Кубани)

Ю.А. Яхутль, В.В. Касьянов

Кубанский государственный университет; 350040, Россия, Краснодар,
ул. Ставропольская, 149; a075ca@yandex.ru, culture@kubsu.ru

The “Facing the Village” Policy as a Manifestation of NEP Contradictions in 1924–1926 (Based on Don and Kuban Materials)

Yuri A. Yakhutl'a, Valery V. Kasyanova

Kuban State University; 149, Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russia;
a075ca@yandex.ru, culture@kubsu.ru

Аннотация: В статье анализируется один из аспектов новой экономической политики, вызванный поиском компромисса между партийно-государственной властью и российским крестьянством. Данный курс рассматривается на примере крупных аграрных регионов страны – Дона и Кубани. С привлечением новых архивных документов и опубликованных источников авторы раскрывают причинно-следственные связи между преобразованиями и изменением статуса местных Советов в стране и в южном регионе, в частности, показывают воздействие реформ на экономическое положение и политическое поведение крестьянства Юга России. Авторы выделяют особенности реализации курса «Лицом к деревне» на Дону и Кубани, которые заключались в сочетании классовых и сословных задач гражданского примирения, замедленных темпах землеустройства при сохранении казачьих наделов, процессах активного привлечения казаков и середняцких слоев в кооперацию и Советы и др. Показано, как отказ от административного нажима в ходе избирательной кампании и предоставление права голоса части «лишенцев» привели в 1925–1926 гг. к победе на выборах казачьей оппозиции в ряде местных Советов и земельных обществ, вследствие чего возникло двоевластие в лице сельсоветов и партийных комитетов. Авторы приходят к выводу, что реформы периода НЭПа на Юге России фактически закрепили деление сельского населения на казачество и «иногородних», что противоречило целям социалистического строительства в деревне и создавало для большевиков угрозу потери контроля над местными органами власти и поддержки со стороны бедняков и «иногородних». В результате именно на Юге России отказ от курса «Лицом к деревне» был проведен большевиками значительно раньше и с большей решительностью, чем в целом по стране.

Ключевые слова: НЭП, большевики, казачья оппозиция, курс «Лицом к деревне», крестьянство, Юг России, Дон, Кубань

Для цитирования: Яхутль Ю.А., Касьянов В.В. Курс «лицом к деревне» как проявление противоречий НЭПа в 1924–1926 гг. (по материалам Дона и Кубани) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 403–417. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-403-417>

Abstract: The authors analyze one of the aspects of the New Economic Policy (NEP), which meant finding a compromise between the Bolshevik party-state power and the Russian peasantry. This policy course is studied with the example of the large agricultural regions of the Don and Kuban. Using new archival documents and published sources, the authors reveal causal relationships between trans-

formations and changes in the status of local Soviets on national level and in the southern region, and show the impact of reforms on the economic situation and political behavior of the peasantry in the South of Russia. The authors highlight the features of the implementation of the “Face to the Village” policy in the Don and Kuban, which combined class and estate tasks of civil reconciliation, a slower pace of land management while maintaining Cossack allotments, and an active attracting of Cossacks and middle peasants to cooperations and Soviets, among other things. The refusal to use administrative pressure and the provision of the voting right to “deprived people” (lishentsy) during the election campaign led to the victory of the Cossack opposition in a number of local Soviets and land societies in 1925–1926. The result was a dual power situation in which village councils (sel'skie sovety) stood opposite to party committees. The reforms of the NEP period in southern Russia brought well-to-do strata of the population the right to participate in cooperations and local authorities (Soviets); they also led to the introduction of long-term leasing of land, separated farmers from the peasant community, and started the elimination of the traditional land use order. Reforms consolidated the division of the rural population into Cossacks and “nonresidents”, which contradicted the goals of socialist construction in the countryside; the Bolsheviks saw themselves threatened by a loss of control over local authorities, and by a loss of support from the poor and “nonresidents”. As a result, in the south of Russia the Bolsheviks rejected the “Face to the Village” policy course much earlier and with more decisiveness than in the country as a whole.

Keywords: NEP, Bolsheviks, Cossack opposition, “Face to village” course, peasantry, the South of Russia, Don, Kuban

For citation: Yakhtutl', Yuri A., and Kasyanov, Valery V. “The “Facing the Village” Policy as a Manifestation of NEP Contradictions in 1924–1926 (Based on Don and Kuban Materials).” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 2 (May 2020): 403–417. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-403-417>

Введение

На современном этапе Россия решает сложные экономические и социальные задачи модернизации, и именно поэтому большой интерес представляет обращение к опыту новой экономической политики 1920-х гг., в том числе в аграрной сфере. Новая экономическая политика актуальна в качестве стратегии развития, которая потребовала обеспечения гражданского согласия и компромисса социально-классовых интересов, учета многоукладности экономики. Исторический опыт нэпа помогает лучше понять задачи и условия современных реформ в нашей стране¹. Тема анализируется на примере крупных зерновых регионов России – Дона и Кубани, показательных для выявления хода реформ в аграрных сообществах.

Завершение полномасштабной Гражданской войны в 1920 г. не означало окончательного закрепления власти РКП(б). Новый этап противостояния – малая гражданская война 1921–1923 г. – продемонстрировала наличие устойчивых противоречий в общественно-политической жизни страны, разрешение которых возможно либо посредством жестких репрессий либо путем реформ. Правящая партия вынуждена была прибегнуть к первому варианту, объективно оценивая свои возможности. Советская деревня испытывала действие противоречивых тенденций: с одной стороны, желая сохранить традиции административного регулирования, а с другой, развивать рыночные реформы. Проблема восстановительного этапа состояла в том, что желание выходить на новый уровень хозяйственной деятельности и занимать активную общественную позицию проявлял не союзник большевиков в деревне, а явный оппонент в лице активного, зажиточного крестьянина или казака. Поэтому курс реформ середины 1920-х гг. содержал в себе комплекс мер, направленных на решение крестьянского и казачьего вопроса. Необходимость преодолеть враждебность и недоверие казачества к власти в ходе новой политики большевиков в деревне приобрела особую актуальность².

¹ *Мау В.А.* Государство и экономика: опыт экономических реформ. М., 2017. С. 14.

² *Тикиджьян Р.Г.* Политика Советского государства «Лицом к деревне» и проблемы взаимоотношений казачества и иногороднего населения Дона в 1920-е годы // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 3. С. 46.

В данной статье анализируются причины, приведшие к курсу «Лицом к деревне», последствия его реализации и влияние на развитие южнороссийской станицы 1920-х гг. Провозглашение нового курса было проявлением как внутривластной борьбы за власть и поиска поддержки со стороны крестьянства, так и результатом сложных социальных процессов, происходивших внутри самого крестьянства.

В исследовании применяется синхронный и диахронный сравнительный анализ социальных и политических последствий реформ периода 1924–1926 гг. Новизна исследования заключается в изучении причинно-следственных связей, приведших к началу реформ, нового статуса Советов как органов местного самоуправления. Авторы впервые вводят в научный оборот документы из фондов Центров документации новейшей истории Ростовской области и Краснодарского края, Государственных архивов Ростовской области и Краснодарского края.

К оценке политики «Лицом к деревне» и ее влияния на результаты реформ обращались многие историки, начиная с 1920-х гг. В период нэпа были изданы публикации Н.Л. Янчевского, М. Донецкого, И.А. Гольдентула, Г.В. Ладохи, П. Горюнова³, которые сочетали черты партийной публицистики и научного анализа. В них содержатся ценные сведения о ходе реформ в деревне, социальном расслоении, политических настроениях земледельцев. В 1930–1950-х гг. исследования истории взаимодействия власти и крестьянства периода нэпа на Юге СССР практически прекратились, о них лишь бегло упоминали в связи с предпосылками коллективизации. Было невозможно и объективное изучение вариантов аграрной политики нэпа, связанной с именами многих репрессированных политиков и ученых. Нэп истолковывался в качестве подготовительного этапа строительства социализма, с фатальной неизбежностью переросшего в коллективизацию. Постепенное возобновление изучения темы наблюдается в 1960–1980-е гг., когда появляются фундаментальные и новаторские работы В.П. Данилова об экономике и социальной стратификации крестьянства в период нэпа⁴, а также монографии И.Я. Трифонова и В.А. Кукушкина, освещавшие развитие политических процессов и конфликтов в доколхозной деревне⁵. Региональный ракурс аграрных реформ нэпа на Дону и Кубани глубоко освещали Е.Н. Осколков, Я.А. Перехов, П.Г. Чернопицкий, В.Е., И.В. Устиновский⁶. Вместе с тем советские историки работали в жестких цензурных рамках и лишены были возможности цитировать многие важные документы. Так, проблематика политических настроений казачества начала обстоятельно изучаться только с начала 1980-х гг.

Мы акцентируем внимание на постсоветском периоде историографии, для которого характерна объективная оценка событий и отсутствие идеологических ограничений, повлиявших на выводы исследований предшествующего периода. Эти рабо-

---

³ Янчевский Н.Л. Как живет и чем болеет деревня (По материалам комиссии по обследованию деревни на Юго-Востоке). М., 1924; Донецкий М. Донское казачество (Историко-публицистические очерки). Ростов н/Д., 1926; Гольдентул И.А. Земельные отношения на Кубани: Краткий очерк. Краснодар, 1924; Ладоха Г.В. Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар, 1923; Горюнов П. О казачьем вопросе (Из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа). Новочеркасск, 1925.

⁴ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.

⁵ Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа. Часть 2. Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией (1921–1925 гг.). Л., 1969; Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М., 1968.

⁶ Осколков Е.Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа (Очерки истории партийного руководства коллективизацией крестьянских и казачьих хозяйств). Ростов н/Д., 1973; Перехов Я.А. Политика Коммунистической партии по вовлечению казачества Дона и Кубани в социалистическое строительство (1920–1925 гг.). Ростов н/Д., 1966; Чернопицкий П.Г. Деревня Северокавказского края в 1920–1929 гг. Ростов н/Д., 1987; Устиновский И.В. Ленинская аграрная программа и ее осуществление на Северном Кавказе (октябрь 1917–1927 гг.). Ростов н/Д., 1989.

ты позволяют переосмыслить ключевые вопросы истории нэпа⁷. В постсоветский период возрос также интерес исследователей к истории южнороссийской станицы, социально-экономической и политической истории казачества Юга России. Исследователи оценивают период острого противостояния большевистской партии и крестьянства (1921–1924 гг.) как результат неразрешенных экономических и политических проблем, итог серьезного имущественного расслоения крестьянско-казачьего сообщества. Особое место в исследованиях отведено курсу «Лицом к деревне» или, как ее иногда именовали на Юге страны, «Лицом к казачеству»⁸. Историки изучают проблемы взаимоотношений между казачеством и большевиками при избрании и функционировании местных органов власти. Современные исследователи, в частности, А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджьян, отмечают осуждение казачеством политики РКП(б) в вопросах местного самоуправления, направленной на разрушение традиций, норм самоуправления и насаждение советского порядка и общественных отношений⁹.

Таким образом, историография темы многоаспектна и активно развивается. Вместе с тем остаются дискуссионными вопросы принятия властных решений, региональной специфики политических настроений и форм активности земледельцев Дона и Кубани в 1924–1926 гг.

Источниковой основой исследования послужили документы партийных, советских, хозяйственных органов, информационные сводки и обзоры 1920-х гг., хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, Государственном архиве Ростовской области и Государственном архиве Краснодарского края. Документы партийных и советских органов власти этого периода качественно отличаются от документов начального этапа проведения реформ. В этих документах прослеживается внутривластная борьба за власть и выбор тактики и стратегии реформ, объективная оценка экономического состояния страны, социально-экономические и политические процессы в российской деревне, промежуточные итоги реформ. Следует обратить внимание на то, что в документах центральных и региональных органов власти отмечается единство проводимой политики, исчезают «местнические» элементы в выступлениях региональных руководителей. В Российском государственном архиве социально-политической истории представлены документы ЦК партии, решения пленумов, сводные информационные данные спецслужб, обращения граждан в ЦК и др., позволяющие проанализировать ход реформ в стране и особенности развития регионов в 1920-х гг. В архивах Ростовской области (Государственный архив Ростовской области) и Краснодарского края (Государственный архив Краснодарско-

⁷ Голанд Ю. Кризисы, разрушившие НЭП. Валютное регулирование в период НЭПа. М., 1998; Венер М. Лицом к деревне: Советская власть и крестьянский вопрос (1924–1925 гг.) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 86–107; Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика: Постреволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб., 1997; Кужба О.А. Местные органы власти в 1925–1927 годах // НЭП: Завершающая стадия. М., 1998. С. 160–172.

⁸ Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов н/Д., 1997; Воскобойников Г.Л., Батырев В.Д. Советская власть и казачество (1921 – июнь 1941 гг.). М., 2003; Водолацкий В.П., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Казачий Дон: очерки истории и культуры. Ростов н/Д., 2005; Баранов А.В. Тенденции гражданского примирения в политических реформах «расширения» 1924–1926 гг. на Юге России // Научная мысль Кавказа. № 3. С. 55–62; Баранов А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. СПб., 1996; Баранов А.В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 112–125; Панкова-Козочкина Т.В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы. Новочеркасск, 2014.

⁹ Скорик А.П. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д., 2010; Скорик А.П. Казаки Юга России и советская власть в 1917–1929 гг.: взаимоотношения в преддверии «великого перелома». Казачество России: прошлое и настоящее. Ростов н/Д., 2010.

го края, Центр документации новейшей истории Краснодарского края) сосредоточены материалы о результатах реформ на региональном уровне.

Хронологические рамки темы определены политическими решениями правившей большевистской партии. На пленуме ЦК РКП(б) 25–27 октября 1924 г. был рассмотрен вопрос об изменении содержания проводимой политики по отношению к крестьянству, что позволяло утверждать о начале нового этапа компромиссных соглашений, которые были в последующем свернуты в соответствии с решениями Оргбюро ЦК ВКП(б) 29 марта 1926 г. Данное решение стало основанием для прекращения реформ и перехода к жесткому государственному регулированию в экономической и политической жизни страны.

События 1924 г. были предопределены предшествующим периодом реформ: в 1921 г. была решена продовольственная проблема, но не базовые проблемы аграрного сектора экономики; в 1922 г. Земельный кодекс упорядочил земельные отношения, но не раскрепостил их. В этих условиях продовольственный налог не способствовал развитию индивидуального крестьянско-казачьего хозяйства и препятствовал накоплению средств для расширенного воспроизводства. Решение правительства о расширении гражданских прав и рыночных отношений было воспринято крестьянством и казачеством с большим энтузиазмом, так как увеличивало их представительство в Советах, способных защитить интересы крестьян и казаков. Однако и в этих реформах была двойственность, присущая идеологическим принципам большевиков, заключавшаяся в расширении полномочий Советов и участия бывших «лишенцев» в выборах, с одной стороны, а с другой, в наличии конституционных норм, устанавливавших и регулировавших многоступенчатость и непропорциональное представительство крестьян в органах власти. Реформы не разрешили проблемы взаимоотношений между земледельческой общиной – сходом и Советами как органами местного самоуправления. Переход от восстановительного роста к модернизации общества стал главной задачей партийно-государственной политики середины 1920-х гг. и темой ожесточенной политической борьбы.

Противоречия новой экономической политики в 1921–1924 гг. и предпосылки курса «Лицом к деревне»

Для большевиков крестьянский вопрос при всей его сложности и противоречивости оставался одним из приоритетных, так как был связан с продовольственной политикой и планами индустриализации.

На первом этапе восстановительного процесса (1921–1923 гг.) в экономике страны возродились рыночные отношения, которые позволили вызвать интерес крестьянства и казачества к хозяйственной деятельности. Реформы сопровождались изданием большого количества законодательных актов, которые регулировали содержание нэпа. Но отсутствие политического плюрализма в ходе обсуждения и принятия законов позволяло большевикам сохранять идеологические принципы, которые в последующем спровоцировали кризис 1923 г. Несоответствие между рыночной экономикой и политическим режимом провоцировало особое недовольство в казачьих регионах, где земельный вопрос оставался одним из приоритетных. Большевики реализовывали свою земельную политику на классовых принципах, в интересах беднейшей части «иногогородних» крестьян. Сословные отношения большевики игнорировали в силу своих классовых и идеологических принципов.

На различных этапах новой экономической политики отношение казаков и крестьян к советской власти менялось в зависимости от проводимой ею продовольственной (продналог) и земельной политики и расстановки сил в ходе выборов в Советы и возможности сохранить общинные формы самоуправления (сходы). Ста-

билизация политической обстановки как в стране, так и на Кубани и Дону способствовала восстановительному процессу индивидуального казачьего хозяйства. При этом сохранялись сословная вражда, нарастало социальное противостояние как результат землеустроительных работ и налоговой политики в деревне, которая представляла льготы беднейшей части крестьян. На начальном этапе возрождения рыночных отношений, когда по-прежнему активно применялись методы «военного коммунизма», наблюдалась упорная борьба крестьян и казаков за свои права. Крестьянское и казачье повстанческое движение, в начале 1920-х гг. ставшее одним из факторов перехода к нэпу, было насильственно подавлено, но оно трансформировалось в латентное сопротивление. Экономические возможности восстанавливаемых хозяйств хлеборобов нивелировались отсутствием политических инструментов их воздействия на органы управления.

Нарастание сопротивления со стороны крестьянства и казачества к середине 1920-х гг. приобретало форму открытого политического противоборства, требовавшего принятия превентивных мер экономического и политического характера. Восстание крестьян в Грузии (август 1924 г.) стало очередным проявлением несогласия с проводимой политикой большевиков. Доктрина «диктатуры пролетариата» не отвечала интересам хлеборобов, что негативно сказывалось и на экономических перспективах государства, ориентированных на экспорт зерна как средства модернизации. Политический аспект проявился в бойкоте крестьян выборов в Советы осенью 1924 г., что потребовало принятия превентивных мер, способных предотвратить события, аналогичные волне крестьянских мятежей 1921–1923 гг. События периода «расширения» нэпа (1924–1926 гг.) свидетельствовали о потенциале крестьянско-казачьего сообщества, возможности рыночной эволюции общественных отношений. Именно на Юге России наличие вариативности в 1924–1926 гг. проявилось с наибольшей силой, здесь сословные противоречия перешли в плоскость социального противостояния из-за роста имущественного неравенства. Правящая партия понимала необходимость вовлечения массы крестьянства и казачества в активную общественно-политическую деятельность, но боялась ее мелкобуржуазности и остро реагировала на особенности казачьих областей, требуя «осторожного» обращения «к местному населению»¹⁰. Нэп провоцировал возрастание политической активности хлеборобов. Правящей партии необходимо было эту активность направить на укрепление своего влияния в крестьянско-казачьей среде. Административное доминирование большевиков противоречило законам рыночной экономики, что приводило к формированию системных кризисов. Восстановительный «эффект», исчерпанный к 1925 г., в особенности – в сельском хозяйстве, не мог не сказаться на содержании экономических реформ. Дальнейшее развитие требовало создания политико-правовых гарантий и для индивидуального крестьянского хозяйства, и для городских нэпманов.

Нужны были экономические и политические компромиссы во взаимоотношениях государства и крестьянства. По мнению С.В. Цакунова, курс «Лицом к деревне» носил чисто политический характер и его основной целью было предотвращение раскола между рабочим классом и крестьянством и самостоятельного формирования «крестьянских союзов»¹¹. Однако, на наш взгляд, новый этап реформ был обусловлен последствиями экономического возрождения крестьянско-казачьего хозяйства, которому следовало гарантировать как экономическую, так и политическую стабильность в рамках законодательства и политической системы.

¹⁰ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИ КК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 152. Л. 6.

¹¹ Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М., 1994. С. 119.

Выбор в пользу «расширения» нэпа стал последствием борьбы группировок внутри партии за политическое лидерство (И.В. Сталина, Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева против группировки Л.Д. Троцкого) и неблагоприятной конъюнктуры на внутреннем рынке (кризис сбыта лета – осени 1923 г.). Возможность строительства социалистического общества в изолированной стране приобретала черты реальности. Но нерешенным оставался вопрос о смысле реформ сельского хозяйства и его управляемости, темпах восстановления¹². Восстановительный процесс сельского хозяйства шел интенсивно до середины 1920-х гг., но потенциал индивидуальных крестьянских хозяйств был исчерпан, в результате их дальнейший прогресс без государственной помощи был невозможен. В условиях нэпа без значительных иностранных инвестиций возрождение России было бы обречено на очень медленные темпы¹³. Летом и осенью 1924 г. умеренная часть руководства партии настояла на либерализации внутренней политики, и она касалась как экономических вопросов, так и политической жизни. Именно местные Советы стали объектом реформ, поскольку они считались способными «впитать» энергию крестьянско-казацкой массы. Советы были привлекательны для хлеборобов формами выборов, они напоминали привычные сельские сходы и методы общинного самоуправления. Советы обладали административными функциями с задачами сбора налогов и выполнения распоряжений вышестоящих органов. Негласно в ведении схода оставались вопросы экономической жизни хлеборобов, в том числе перераспределение земли. В соперничестве с Советами неформальное лидерство оставалось за сходами, так как большинство вопросов Советы согласовывали с ними. В казачьих регионах сохранялись традиции станичного схода, которые противопоставлялись сельским Советам, при том, что в сельских сходах без каких-либо ограничений принимали участие зажиточные и кулацкие слои, имевшие конституционные ограничения по выборам в Советы, т.н. «лишенцы». Такое двоевластие формировало основу для противостояния большевиков и их первичных партийных ячеек с середняцкой и зажиточной частью крестьян и казаков. Земельные общества являлись реальной властью, в отличие от сельсоветов и исполкомов, дублировавших решения земельных обществ¹⁴.

Дальнейший ход реформ в структуре многоукладной экономики требовал защиты собственности и гражданских прав и возможности политического плюрализма¹⁵. Власть вынуждена была делать выбор между претензиями крестьян на экономическую свободу, реализацию их политических амбиций и опасностью столкнуться с продовольственной проблемой и нарастающим накоплением недовольства основной массы крестьян и казаков. Правящая партия пошла на уступки и предложила комплекс масштабных мер экономической политики.

Осуществление курса «Лицом к деревне» на Дону и Кубани: достижения и проблемы

Реализация нового курса партии на Дону и Кубани имела свои особенности, связанные с остаточными явлениями Гражданской войны, сохранявшимися сословными и нарастающими земельными противоречиями. Особенно это проявилось в

¹² Каменев Л. Положение в стране и в партии. Доклад и заключительное слово на общем собрании Замоскворецкого района 6.12.1923 г. М., 1923. С. 5.

¹³ Дэй Р.Б. Лев Троцкий и политика экономической изоляции. М., 2013. С. 173.

¹⁴ Кондратьев Ю.В. Волостные реформы середины 1920-х годов (по материалам Калужской губернии) // Материалы Международной научной конференции «Общество и власть в Императорской России, СССР и современной Российской Федерации». М., 2018. С. 203.

¹⁵ Баранов А.В. Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 115.

ходе землеустроительных работ¹⁶. Казаки продолжали сохранять уверенность в своем особом статусе. Они боролись за свои земельные привилегии и формы самоуправления, активно саботируя мероприятия советской власти¹⁷. Партийные органы вынуждены были признавать наличие стихийного крестьянского движения в вопросах землеустройства¹⁸. Они утверждали, что некоторые земельные общества Дона и Кубани вопреки партийным директивам и Земельному кодексу РСФСР под видом временного распределения земли проводили землеустроительные работы с целью сокрытия излишков земли и в интересах зажиточной части хлеборобов¹⁹.

К середине 1920-х гг. нарастало не только экономическое давление со стороны крестьян и казаков, проявлявшееся в различных формах саботирования и сопротивления, но и политическое, которое было неприемлемым для РКП(б) как центра принятия политических решений, не желавшего с кем-то либо делить властные полномочия. Активными участниками движения были зажиточные и середняцкие слои, воспринимавшие реформы как политическую уступку советской власти и выступавшие с лозунгом «Советы без коммунистов»²⁰. На Дону активность проявляли бывшие офицеры Белой армии, пытавшиеся сорвать выборные собрания и требовавшие восстановления избирательных прав²¹. Их политические заявления были не столь радикальными, но выходили за рамки устоявшихся идеологических установок партии, в частности, требования создания «Союза хлеборобов», сокращения лиц, лишенных избирательных прав, расширения демократических свобод в ходе выборных кампаний в Советы.

Апогеем противостояния стал абсентеизм во время выборной кампании осенью 1924 г. На активность казачества в ходе выборов негативно влиял и тот факт, что по традиции в них принимали участие лишь главы семей. Негативное отношение хлеборобов Юга России к выборной кампании в Советы проявлялось не только в 1924 г. Уже первые выборы в станицах Дона и Кубани демонстрировали неприятие политики РКП(б). Это была естественная реакция казачества на потери своих традиционных прав самоуправления и форм землепользования. Такое уклонение от выборов стало традиционным в первой половине 1920-х гг., но его развитие могло привести к открытому противостоянию и затруднению хода реформ и в целом всего комплекса мероприятий, проводимых правительством в рассматриваемый период.

Решение Президиума ЦИК СССР (29 декабря 1924 г.) об отмене итогов выборов и проведении повторной избирательной кампании стало отправной точкой поиска компромисса между властью и обществом. Выборы прошли в 49 губерниях, в результате чего были переизбраны депутаты 70 % сельских Советов. Выборная кампания прошла в два этапа (сентябрь – декабрь 1924 г. и январь – апрель 1925 г.). Процент лишенных избирательных прав был снижен с 1,6 % до 1,3 %. По итогам выборной кампании количество сельских депутатов выросло до 700 тыс. чел. против 200 тыс. в 1923 г.²² Продолжение политики демократизации в деятельности Советов и выборных кампаний нашло отражение в решениях апрельского (1925 г.) пленума ЦК и XIV Всесоюзной партийной конференции. В октябре 1926 г. ВЦИК РСФСР утвердил новое Положение о сельских Советах. Данное решение серьезно повысило полномочия местных Советов в решении экономических и социальных вопросов

¹⁶ ЦДНИ КК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 25. Л. 7.

¹⁷ Государственный архив Ростовской области (далее – ГА РО). Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 567. Л. 9.

¹⁸ ЦДНИ КК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.

¹⁹ Государственный архив Краснодарского края (далее – ГА КК). Ф. Р. 587. Оп. 1. Д. 8. Л. 36.

²⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГА СПИ). Ф. 17. Оп. 86. Д. 916. Л. 66.

²¹ ГА РО. Ф. 1485. Оп. 1. Д. 250. Л. 29.

²² Кукушкин Ю.С. Сельские Советы... С. 119–120.

местного характера²³. Изменения продолжались в соответствии с решениями Пленума ЦК 25–27 октября 1924 г., который подтвердил основные идеи XIII съезда партии о работе в деревне по оживлению Советов. Принятые решения коснулись и экономической составляющей реформ.

В 1924 г. в сельских Советах казачество составляло до 28 % депутатов, а в ходе весенних выборов в 1925 г. этот показатель достиг 48,1 % (по итогам выборов в Северо-Кавказском крае). Увеличилось также число казаков, выдвинутых на руководящие должности в низовых структурах сельских Советов, что вызывало откровенное недовольство со стороны иногородних и беднейшей части станицы²⁴. 26 января 1925 г. Северо-Кавказский крайисполком обратился в Президиум ВЦИК РСФСР с предложением амнистировать бывших участников белого движения и восстановить в конституционных правах часть «лишенцев». На местах были предприняты меры по реализации курса «Лицом к деревне»: созданы комиссии по реабилитации, бывших «лишенцев» включили в избирательные комиссии и запретили безальтернативные списки кандидатов в депутаты²⁵. Политическая линия реформ получила свое отражение в постановлении крайисполкома № 111 от 26 августа 1925 г. «О работе Советов в бывших казачьих областях Северо-Кавказского края». Власть шла на сотрудничество с народом, активно привлекая казачество к управленческим функциям. Выборы в Советы предлагалось проводить на условиях гарантии свободы, отсутствия административного давления, расширения круга избирателей за счет отдельных групп населения. Советская избирательная система не отказалась от многоступенчатости выборов для хлеборобов, сохраняя прямые выборы только в низовых Советах²⁶. Но при наличии таких ограничений в 1924–1926 гг. формируются социально-политические и экономические основания вовлечения большинства хлеборобов в советское строительство. 13 апреля 1925 г. Кубанский окружной комитет РКП(б) в отчетном докладе на заседании Оргбюро и комиссии ЦК РКП(б) по работе в деревне уверенно излагал меры политики «Лицом к деревне», состоявшие в сотрудничестве с казачеством через советские и партийные органы, вовлечении широких масс казачества на путь развития и улучшения индивидуального хозяйства, отказа от прежних силовых методов работы²⁷.

В этот период казаки проявляли наибольший интерес к беспартийным конференциям и собраниям, требуя создания крестьянских союзов. Секретарь Кубанского окружкома РКП(б) С.Ф. Баранов признавал, что крестьянство осознало себя, пытается создать собственные, не подконтрольные партии организации; и положение было настолько серьезным, что этому явлению должно было быть уделено особое внимание²⁸. По мере развития курса «Лицом к деревне» требования зажиточной части крестьянства и казачества возрастали. В них открыто говорилось о неудовлетворительной работе местных органов власти, игнорировавших их интересы, звучали обвинения партийных ячеек в том, что те «часто командуют». Активно поднимался вопрос о создании крестьянских союзов и созыве крестьянского съезда²⁹.

Результаты реформ стали предметом обсуждения на Пленуме ЦК (23–30 апреля 1925 г.) и XIV Всероссийской конференции РКП(б). В резолюции пленума на

²³ «Положение о сельских советах». Постановление ВЦИК от 16 октября 1924 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства от 5 декабря 1924. № 82.

²⁴ ЦДНИ КК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 152. Л. 5, 6, 39.

²⁵ ГА РО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 225. Л. 3, 4, 6.

²⁶ *Саламатова М.С.* Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936). Новосибирск, 2016. С. 33.

²⁷ ЦДНИ КК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 94. Л. 27.

²⁸ Там же. Д. 35. Л. 23.

²⁹ РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 916. Л. 10, 12.

тему «Очередные задачи экономической политики партии в связи с хозяйственными нуждами деревни» признавалась необходимость устранения административных препятствий, тормозящих рост и укрепление крестьянских хозяйств (в том числе его зажиточных слоев) и законных (особенно экономических) мер борьбы против кулачества. Было принято решение о разрешении права аренды земли на 12 лет, выеления крестьянских хозяйств из общины на хутора, узаконен найм на работу батраков³⁰. В резолюции пленума «О казачестве» отражены наиболее проблемные вопросы взаимоотношения казачества и власти, в частности, вопросы активизации деятельности Советов и восстановления избирательных прав казачества, вовлечения его представителей в аппарат местных советских органов, что должно было стать основой привлечения казачества к социалистическому строительству³¹.

Само казачество проводимую политику в отношении выборов и участия в работе Советов продолжало воспринимать как проявление слабости большевиков. В кубанских станицах были зафиксированы факты убийства советских, партийных и комсомольских работников, нападения на армейские склады. Зажиточные слои станиц требовали возврата земельных наделов, переданных иногородним и красноармейцам.

Оценивая ситуацию в Северо-Кавказском крае, А.И. Микоян признавал, что к середине 1920-х гг. произошло общее укрепление сельского хозяйства «по линии усиления индивидуального хозяйства»; наметилось серьезное социальное расслоение среди крестьянско-казачьих хозяйств «в сторону мощности крупных хозяйств и середняцких при сокращении маломощных». Средняцкие слои, как отмечал А.И. Микоян, по-прежнему выжидают, но уже «склоняются к Советам и партии»; в то же время сословные противоречия сохранялись и серьезно обострялись в ходе проведения землеустроительных работ, а многие конфликты «доходили до избиения»³². Эти факты противоречиво воспринимались как региональным, так и центральными органами власти.

По мере реализации реформ члены высшего руководства партии приходили к пониманию необходимости смены курса, поскольку реформы создавали не только угрозу существованию монополии политической власти РКП(б), но и единству первичных партийных структур, членов партии, которые были подвержены негативным социальным воздействиям³³. Крестьяне и казаки, в основном беднейшая их часть и батраки, писали в ЦК партии, отмечая негативное восприятие результатов проводимой большевиками политики. Они жаловались на малоземелье и усиление влияния зажиточных слоев деревни как последствие проводимых реформ³⁴. Недовольство политикой большевиков демонстрировали также зажиточные и середняцкие слои. Казаки Донского округа откровенно высказывали недоверие существующей политической системе. Органы ОГПУ регистрировали явно враждебные высказывания: «Придет час и минуты, когда рванет сила могучая, сила казацкая»³⁵. В этих условиях большевики придерживались негласного политического неравноправия крестьянства и казачества, используя различные средства и методы – от нейтрализации до установления союзнических отношений³⁶.

³⁰ Очередные задачи экономической политики партии в связи с хозяйственными нуждами деревни. Резолюция пленума ЦК РКП(б) 23–30 апреля 1925 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1983. С. 341–342, 344.

³¹ Там же. С. 350–351.

³² ЦДНИ КК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 55. Л. 2, 3, 6.

³³ РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 917. Л. 223–224.

³⁴ Там же. Оп. 85. Д. 2. Л. 8.

³⁵ Там же. Д. 19. Л. 297.

³⁶ Шмелев Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М., 2000. С. 101.

Как известно, проблемы в хлебозаготовительной кампании послужили основанием для завершения реформ. Первый шаг был сделан на пленуме ЦК РКП(б) в октябре 1925 г., когда было принято решение о создании групп бедноты и восстановлении льгот для колхозов. Экономические основы для контрреформ были заложены, а политическое оформление они получили на очередном пленуме ЦК. Переломными стали решения, принятые на заседании Оргбюро ЦК 29 марта 1926 г.: был повышен сельскохозяйственный налог, проводились репрессии в отношении хозяйств, не уплативших налог, ужесточен курс в отношении кооперации³⁷. Резкое изменение вектора реформ объяснялось борьбой лидеров партии за власть, необходимостью выбрать стратегию модернизации. Как казалось партийным лидерам, нэп не оправдывал себя из-за низких темпов роста во всех отраслях экономики. Призывы Н.И. Бухарина изжить командные методы и переходить к методам убеждения с целью упрочения советской власти уже не находили поддержки членов Политбюро ЦК ВКП(б)³⁸.

По мере изменения политики коммунистов осенью 1926 г. в ответ стали активно звучать призывы казаков к самостоятельности и борьбе против «иногородних», красноармейцев³⁹. «Многие казаки заявляли: “Вон с нашей Кубани”. В казачьей среде распространялись слухи о возможной помощи из-за границы. Беднейшая часть казачества, крестьян, бывшие красноармейцы писали с возмущением в ЦК и краевые органы власти о присутствии в земельных комиссиях бывших активных участников белого движения, «бело-зеленых», зажиточных казаков, которые распределяли землю в пользу кулачества⁴⁰. На перевыборных собраниях большая часть казаков открыто выступала против советской власти, требуя ограничения ее полномочий и высказываясь за создание региональных казачьих органов власти, которым должны принадлежать полномочия по распределению земли⁴¹. Половинчатый характер проводимых реформ провоцировал обострение социальных противоречий в южно-российской деревне и станице. Крестьяне и казаки продолжали жаловаться на несправедливое налогообложение, дефицит промышленных товаров, низкие цены сельскохозяйственной продукции, нарушение гражданских прав, в том числе и по отношению к бедняцким слоям, рост советского бюрократизма, экономическое и отсюда политическое давление со стороны зажиточных слоев⁴².

Усиление авторитарных начал в политике большевиков послужило предпосылкой для свертывания экономических реформ. Политическое руководство СССР инициирует восстановление заградительных отрядов на транспорте, ужесточает политику ценообразования в хлебозаготовительной кампании. В политическом плане был сделан шаг назад – распущены комиссии по амнистиям. Данное решение нашло отражение в ходе подготовки и проведения выборной кампании. В Донском округе количество лишенных избирательных прав выросло с 27908 чел. до 30580 (1926–1927 гг.)⁴³. По итогам выборов в Советы 1925–1926 гг. в сравнении с выборной кампанией 1924–1925 гг. коммунисты в различных структурах были представлены следующим образом: в Советах в 1924 г. – 7 % коммунистов; 1925 г. – 3 %; 1926 г. – 6 %; в качестве председателей сельских Советов коммунисты составляли в 1924 г. – 22 %; 1925 г. – 55 %, 1926 г. – 66 %; среди членов Волисполкомов коммунистов было в 1924 г. – 55 %; 1925 г. – 28 %; 1926 г. – 47 %⁴⁴. Тенденция к увеличению и укреплению

³⁷ ГА РО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 497. Л. 41.

³⁸ Бухарин Н.И. *Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз*. М.; Л., 1927. С. 80–81.

³⁹ ГА РО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 572. Л. 1.

⁴⁰ ГА КК. Ф. Р. 371. Оп. 1. Д. 20. Л. 298.

⁴¹ РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 63. Л. 9.

⁴² Там же. Оп. 85. Д. 281. Л. 43, 44.

⁴³ ГА РО. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 1386. Л. 6.

⁴⁴ РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 19. Л. 78.

нию влияния депутатов-коммунистов в Советах различных уровней позволяло правящей партии диктовать курс политики с позиции силы.

Руководство страны предполагало в рамках курса «Лицом к деревне» увеличить прибыльность сельского хозяйства посредством легализации рыночного саморегулирования, в том числе различных форм добровольной кооперации⁴⁵, а также обеспечить законность проведения местных выборов и возможности легальной активности хлеборобов. Но реформы конца 1924 – начала 1926 г. угрожали разрушить монополию большевистской партии на власть, а также не давали ответа на вопрос об обеспечении модернизации. Как результат, руководство ВКП(б) отказывается от курса «Лицом к деревне». В начале 1926 г. утверждается новая инструкция о выборах в Советы. Одновременно принимаются решения, направленные на укрепление государственного регулирования в сфере экономики. По мере утверждения курса на сплошную коллективизацию ужесточалось и политическое давление на крестьянство и казачество со стороны правящей партии, чей контроль над обществом становился все более прочным⁴⁶. Приоритеты нэпа были разрушены, а вместе с этим были проигнорированы интересы середняцких и зажиточных слоев крестьян и казаков.

Выводы

Активные меры, предпринятые партийными структурами по разъяснению нового курса, позволили избежать открытой конфронтации, аналогичной 1920–1923 гг. Недовольство переросло в скрытое противостояние в крестьянско-казачьей среде, проявлявшееся в сопротивлении проводимому курсу реформ, выдвижении и поддержке своих кандидатов в Советы, требовании создания «крестьянского союза», «активном вхождении» крестьян во властные структуры. Российский хлебороб, оказав давление на власть и согласившись на компромиссные решения в отсутствие собственной политической партии, в очередной раз потерпел поражение. Реформы не смогли решить главных задач российского крестьянства, а именно: стимулировать производственную деятельность, расширить товарность индивидуального крестьянско-казачьего хозяйства, решив лишь частично проблемы личного потребления.

Вопрос модернизации сельского хозяйства в южно-российских станицах, как и по всей стране, являлся не только вопросом экономическим, но и политическим. Здесь «расширение» нэпа усугублялось наличием противоречий между иногородней массой и казачеством, перераставшее в социально-имущественное противостояние. В регионе не было создано условий для расширения арендных отношений, кооперативного движения, эффективной налоговой политики, а командные методы управления и игнорирование рыночных механизмов со стороны партийно-государственного руководства изначально закладывали противоречия, которые привели к свертыванию очередного этапа реформирования советского общества. Политическая составляющая нэпа, связанная с оживлением деятельности Советов, могла стать альтернативой для вовлечения огромной массы хлеборобов в социалистические преобразования в деревне. Однако допустить подобный уровень политического плюрализма в жизни страны большевики не могли. В результате ограничительный характер проводимых реформ не обеспечил поддержки со стороны большей части хлеборобов, спровоцировав в последующем срыв модернизационных процессов и начало насильственной коллективизации. Политическая и экономическая составляющие периода 1924–1926 гг. не

⁴⁵ Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1926. С. 124.

⁴⁶ Бакшеев А.И. Проблемы советской государственности в Сибири периода НЭПа. Красноярск, 2013. С. 5.

были реализованы в полном объеме и их незавершенность спровоцировала дальнейшее усиление административно-командных методов руководства страной и формирование политической монополии РКП(б).

Рукопись поступила: 24 сентября 2019 г.

Submitted: 24 September 2019

Библиографический список

- Баранов А.В.* Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. СПб.: Нестор, 1996. 354 с.
- Баранов А.В.* Тенденции гражданского примирения в политических реформах «расширения» 1924–1926 гг. на Юге России // Научная мысль Кавказа. 2013. № 3. С. 55–62.
- Баранов А.В.* Политические настроения земледельцев казачьего Юга России в условиях «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. (по материалам информационных сводок ОГПУ) // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 112–125.
- Бакшеев А.И.* Проблемы советской государственности в Сибири периода НЭПа. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2013. 345 с.
- Бухарин Н.И.* Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. М. Л.: Государственное издательство, 1927. 107 с.
- Венер М.* Лицом к деревне: Советская власть и крестьянский вопрос (1924–1925 гг.) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 86–107.
- Водолацкий В.П., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Казачий Дон: очерки истории и культуры. Ростов н/Д: Терра, 2005. 448 с.
- Воскобойников Г.Л., Батырев В.Д.* Советская власть и казачество (1921 – июнь 1941 гг.). М.: ООО Принт, 2003. 196 с.
- Голанд Ю.М.* Кризисы, разрушившие НЭП. Валютное регулирование в период НЭПа. М.: Фонд экономической книги «Начало», 1998. 154 с.
- Гольденкул И.А.* Земельные отношения на Кубани: Краткий очерк. Краснодар: Буревестник, 1924. 96 с.
- Горюнов П.* О казачьем вопросе (Из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа). Новочеркасск: Агитпроп. отдел Донского комитета РКП(б), 1925. 32 с.
- Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. 319 с.
- Донецкий М.* Донское казачество (Историко-публицистические очерки). Ростов н/Д: Севкавказ, 1926. 69 с.
- Дэй Р.Б.* Лев Троцкий и политика экономической изоляции. М.: «Дело» РАНХ и ГС, 2013. 473 с.
- Зубов А.Б.* История России. XX век. Эпоха сталинизма (1923–1953). М.: Э, 2016. 752 с.
- Янчевский Н.Л.* Как живет и чем болеет деревня (По материалам комиссии по обследованию деревни на Юго-Востоке). М.; Ростов н/Д: Прибой, 1924. 96 с.
- Каменев Л.Б.* Положение в стране и в партии. Доклад и заключительное слово на общем собрании Замоскворецкого района 6.12.1923 г. М.: Красная новь, 1923. 48 с.
- Кондратьев Ю.В.* Волостные реформы середины 1920-х годов (по материалам Калужской губернии). Материалы Международной научной конференции «Общество и власть в Императорской России, СССР и современной Российской Федерации». М.: МПГУ, 2018. 336 с.
- Кужба О.А.* Местные органы власти в 1925–1927 годах // НЭП: Завершающая стадия. М.: ИРИ РАН, 1998. С. 160–172.
- Кукушкин Ю.С.* Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М.: Московский университет, 1963. 295 с.
- Ладоха Г.В.* Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар: Буревестник, 1923. 122 с.
- Мау В.А.* Государство и экономика: опыт экономических реформ. М.: Дело; РАНХ и ГС, 2017. 624 с.
- Осколков Е.Н.* Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа (Очерки истории партийного руководства коллективизацией крестьянских и казачьих хозяйств). Ростов н/Д: Ростовский университет, 1973. 304 с.
- Панкова-Козочкина Т.В.* Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы. Новочеркасск: Лик, 2014. 308 с.
- Перехов Я.А.* Политика Коммунистической партии по вовлечению казачества Дона и Кубани в социалистическое строительство (1920–1925 гг.). Ростов н/Д: Ростовский университет, 1966. 270 с.

- Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов н/Д: Гефест, 1997. 140 с.
- Саламатова М.С. Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936). Новосибирск: НГУЭУ, 2016. 340 с.
- Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М.: Партийное издательство, 1933. 614 с.
- Скорик А.П. Донцы в 1920-х годах: очерки истории: монография. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. 244 с.
- Скорик А.П. Казаки Юга России и советская власть в 1917–1929 гг.: взаимоотношения в преддверии «великого перелома». Казачество России: прошлое и настоящее. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 320 с.
- Тикиджьян Р.Г. Политика Советского государства «Лицом к деревне» и проблемы взаимоотношений казачества и иногороднего населения Дона в 1920-е годы // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 3. С. 46–50.
- Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа. Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией (1921–1925 гг.). Л.: Ленинградский университет, 1969. 288 с.
- Устиновский И.В. Ленинская аграрная программа и ее осуществление на Северном Кавказе (октябрь 1917–1927 гг.). Ростов н/Д: Ростовский университет, 1989. 184 с.
- Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М.: «Россия молодая», 1994. 186 с.
- Чернопицкий П.Г. Деревня Северокавказского края в 1920–1929 гг. Ростов н/Д: Ростовский университет, 1987. 232 с.
- Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика: Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб.: Российская академия наук, Институт российской истории, 1997. 399 с.
- Шмелев, Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М.: Наука, 2000. 255 с.

References

- Baranov, A.V. “Trends in Civil Reconciliation in the Political Reforms of “Enlargement” 1924–1926 in the south of Russia.” *Scientific Thought of Caucasus*, no. 3 (2013): 55–62 (in Russian).
- Baranov, A.V. *Sotsial'noye i politicheskoye razvitiye Severnogo Kavkaza v usloviyakh novoy ekonomicheskoy politiki*. St. Petersburg: Nestor Publ., 1996 (in Russian).
- Baranov, A.V. “The Political Mood of the Peasantry in the Cossack Regions of Southern Russia during the NEP “Extension”, 1924–1926 (on the Basis of OGPU Information Digests).” *Modern History of Russia*, no. 3 (2013): 112–125 (in Russian).
- Baksheyev, A.I. *Problemy sovetskoj gosudarstvennosti v Sibiri perioda NEPa*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ., 2013 (in Russian).
- Bukharin, N.I. *Put' k sotsializmu i raboche-krest'yanskiy soyuz*. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo Publ., 1927 (in Russian).
- Chernopitskiy, P.G. *Derevnya Severokavkazskogo kraja v 1920–1929 gg*. Rostov n/D: Rostov University Publ., 1987 (in Russian).
- Danilov, V.P. *Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: naseleniye, zemlepol'zovaniye, khozyaystvo*. Moscow: Nauka Publ., 1977 (in Russian).
- Donetskiy, M. *Donskoye kazachestvo (Istoriko-publitsisticheskiye ocherki)*. Rostov n/D: Sevkavkniga Publ., 1926 (in Russian).
- Dey, R.B. *Lev Trotskiy i politika ekonomicheskoy izolyatsii*. Moscow: Delo Publ., RANKH i GS Publ., 2013 (in Russian).
- Goland, Yu.M. *Krizisy, razrushivshiy NEP. Valyutnoye regulirovaniye v period NEPa*. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala» Publ., 1998 (in Russian).
- Gol'dentul, I.A. *Zemel'nyye otnosheniya na Kubani: Kratkiy ocherk*. Krasnodar: Burevestnik Publ., 1924 (in Russian).
- Goryunov, P. *O kazach'yem voprose (Iz nablyudeniy i opyta raboty po Yeyskomu rayonu Donskogo okruga)*. Novochoerkassk: Agitprop. otdel Donskogo komiteta RKP(b) Publ., 1925 (in Russian).
- Kamenev, L.B. *Polozheniye v strane i v partii. Doklad i zaklyuchitel'noye slovo na obshchem sobranii Zamoskvoretskogo rayona 6.12.1923 g*. Moscow: Krasnaya nov' Publ., 1923 (in Russian).
- Kondrat'yev, Yu.V. *Volostnyye reform y serediny 1920-kh godov (po materialam Kaluzhskoy gubernii). Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “Obshchestvo i vlast' v Imperatorskoy Rossii, SSSR i sovremennoy Rossiyskoy Federatsii”*. Moscow: MPGU Publ., 2018 (in Russian).
- Kuzhba, O.A. “Mestnyye organy vlasti v 1925–1927 godakh.” In *NEP: Zavershayushchaya stadiya*, 160–172. Moscow: IRI RAN Publ., 1998 (in Russian).

- Kukushkin, Yu.S. *Sel'skiye Sovety i klassovaya bor'ba v derevne (1921–1932 gg.)*. Moscow: University of Moscow Publ., 1963 (in Russian).
- Ladokha, G.V. *Ocherki grazhdanskoj bor'by na Kubani*. Krasnodar: Burevestnik Publ., 1923 (in Russian).
- Mau, V.A. *Gosudarstvo i ekonomika: opyt ekonomicheskikh reform*. Moscow: Delo Publ.; RANKH i GS Publ., 2017 (in Russian).
- Oskolkov, Ye.N. *Pobeda kolkhoznogo stroya v zernovykh rayonakh Severnogo Kavkaza (Ocherki istorii partiynogo rukovodstva kollektivizatsiyey krest'yanskikh i kazach'ikh khozyaystv)*. Rostov n/D: Rostov University Publ., 1973 (in Russian).
- Pankova-Kozochkina, T.V. *Kazach'ye-krest'yanskoye samoupravleniye epokhi nepa: problemy modernizatsii vlastnykh otnošeniy na Yuge Rossii v 1920-ye gody*. Novocherkassk: Lik Publ., 2014 (in Russian).
- Perekhov, Ya.A. *Politika Kommunisticheskoy partii po vovlecheniyu kazachestva Dona i Kubani v sotsialisticheskoye stroitel'stvo (1920–1925 gg.)*. Rostov n/D: Rostov University Publ., 1966 (in Russian).
- Perekhov, Ya.A. *Vlast' i kazachestvo: poisk soglasiya (1920–1926 gg.)*. Rostov n/D: Gefest Publ., 1997 (in Russian).
- Salamatova, M.S. *Vybory v Sovetskoy Rossii: zakonodatel'stvo i praktika realizatsii (1918–1936)*. Novosibirsk: NGUEU Publ., 2016 (in Russian).
- Shishkin, V.A. *Vlast'. Politika. Ekonomika: Poslerevoljutsionnaya Rossiya (1917–1928 gg.)*. St. Petersburg: Russian Academy of Sciences Publ., Institute of Russian History Publ., 1997 (in Russian).
- Shmelev, G.I. *Agrarnaya politika i agrarnyye otnošeniya v Rossii v XX veke*. Moscow: Nauka Publ., 2000 (in Russian).
- Skorik, A.P. *Dontsy v 1920-kh godakh: ocherki istorii: monografiya*. Rostov n/D: SKNTS VSH YUFU Publ., 2010 (in Russian).
- Skorik, A.P. *Kazaki Yuga Rossii i sovetskaya vlast' v 1917–1929 gg.: vzaimootnošeniya v preddverii "velikogo pereloma". Kazachestvo Rossii: proshloye i nastoyashcheye*. Rostov n/D: YUNTS RAN Publ., 2010 (in Russian).
- Stalin, I.V. *Voprosy leninizma*. Moscow: Partiynoye izdatel'stvo Publ., 1933 (in Russian).
- Tsakunov, S.V. *V labirinte doktriny. Iz opyta razrabotki ekonomicheskogo kursa strany v 1920-ye gody*. Moscow: Rossiya molodaya Publ., 1994 (in Russian).
- Tikidzh'yan, R.G. "The policy of the Soviet state 'Face to the village' and the relationship between the Cossacks and the non-resident population of the Don in the 1920s." *University News. North-Caucasian Region. Social Sciences*, no. 3 (2011): 46–50 (in Russian).
- Trifonov, I.Ya. *Klassy i klassovaya bor'ba v SSSR v nachale NEPa. Bor'ba s vooruzhonnoy kulatskoy kontrrevolyutsiyey (1921–1925 gg.)*. Leningrad: Leningrad University Publ., 1969 (in Russian).
- Ustinovskiy, I.V. *Leninskaya agrarnaya programma i yeyo osushchestvleniye na Severnom Kavkaze (oktyabr' 1917–1927 gg.)*. Rostov n/D: Rostov University Publ., 1989 (in Russian).
- Vener, M. "Litsom k derevne: Sovetskaya vlast' i krest'yanskiy vopros (1924–1925 gg.)." *Otechestvennaya istoriya*, no. 5 (1993): 86–107 (in Russian).
- Vodolatskiy, V.P., Skorik, A.P., and Tikidzh'yan, R.G. *Kazachiy Don: ocherki istorii i kul'tury*. Rostov n/D: Terra Publ., 2005 (in Russian).
- Voskoboynikov, G.L., and Batyrev, V.D. *Sovetskaya vlast' i kazachestvo (1921 – iyun' 1941 gg.)*. Moscow: OOO Print Publ., 2003 (in Russian).
- Yanchevskiy, N.L. *Kak zhivot i chem boleyet derevnya (Po materialam komissii po obsledovaniyu derevni na Yugo-Vostoke)*. Moscow; Rostov n/D: Priboy Publ., 1924 (in Russian).
- Zubov, A.B. *Istoriya Rossii XX vek. Epokha stalinizma (1923–1953)*. Moscow: «Е» Publ., 2016 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Яхтуль Юрий Асланбевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета.

Yuri A. Yakhutl, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Associate Professor of the Department of Russian History, Kuban State University.

Касьянов Валерий Васильевич, доктор исторических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета.

Valery V. Kasyanov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Doktor Sotsiologicheskikh Nauk [Dr. habil. soc.], Professor, Head of the Department of Russian History, Kuban State University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-418-437>

Научная статья / Research article

Реакция КНР на усилия советской дипломатии по разрешению тайваньского вопроса в 1949–1985 гг.

А.С. Бельченко, М.Г. Новоселова

Российский университет дружбы народов;
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; belchenko-as@rudn.ru

The reaction of the Chinese Government to Soviet Diplomatic Efforts to Resolve the Taiwan Question, 1949–1985

Andrey S. Belchenko, Maya G. Novoselova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University);
6, Mikloukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia; belchenko-as@rudn.ru

Аннотация: В статье исследуется феномен тайваньского вопроса как международной проблемы. В ней рассматриваются особенности реакции руководства КНР на действия, предпринимаемые советской дипломатией с целью разрешения тайваньского вопроса; в этой связи анализируется динамика взаимодействия двух стран в период 1949–1985 гг. в контексте данной геополитической проблемы. Статья основана на широком комплексе исторических источников, включающем официальные документы и заявления лидеров КНР и СССР, материалы ООН, дипломатическую переписку, мемуарную литературу. Статья содержит анализ истории советско-китайского взаимодействия по тайваньскому вопросу на разных его этапах: в 1950-е гг. (период положительной динамики сотрудничества между КНР и СССР) и в 1960–1985 гг. (период напряженности в двусторонних отношениях). В исследовании рассматриваются позиция СССР в отношении Тайваня, политические шаги советской дипломатии, направленные на урегулирование проблемы, и реакция на них материкового Китая, которая заключалась преимущественно в резкой критике советских инициатив по разрешению тайваньского вопроса и демонстрации непримиримой позиции по поводу установления официальных отношений между СССР и Тайванем. Отмечается, что Пекин мог сознательно затягивать процесс урегулирования проблемы, используя тайваньский вопрос в своих внешнеполитических интересах. В статье высказывается предположение, чем была обусловлена подобная позиция Пекина в сфере урегулирования тайваньского вопроса. Авторы приходят к выводу о том, что КНР рассматривала тайваньский вопрос как один из способов давления на Соединенные Штаты Америки и оказания влияния на состояние отношений в рамках «дипломатического треугольника» Пекин – Москва – Вашингтон в целом. Истинные цели Пекина в отношении проблемы политического статуса острова во многом отличались от тех, которые были официально провозглашены руководством КНР.

Ключевые слова: тайваньский вопрос, СССР, КНР, внешнеполитический курс КНР, советская дипломатия, советско-китайские отношения, советско-тайваньские отношения

Для цитирования: Бельченко А.С., Новоселова М.Г. Реакция КНР на усилия советской дипломатии по разрешению тайваньского вопроса в 1949–1985 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 418–437. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-418-437>

Abstract: The article studies Beijing's reaction to the activities of Soviet diplomacy related to the Taiwan issue. The authors examine the dynamics of Sino-Soviet interaction in 1949–1985 within the context of this geopolitical problem. The article is based on historical sources (including proclama-

tions and speeches of Chinese and Soviet representatives at official meetings and within the framework of the General Assembly, as well as diplomatic correspondence) and on the Russian and foreign historiography. The paper covers the period of cooperation between Beijing and Moscow (1950s) and the time of high tension in bilateral relations (1960–1985). The PRC government's harsh criticism of Soviet diplomacy, together with its rigid position with regard to the establishment of official relations between the Soviet Union and Taiwan, lead to the conclusion that Beijing could have been deliberately delaying the solution of the issue, using the Taiwan question in its political interests. The authors make suggestions concerning what could have influenced such a position of Beijing towards the Taiwan issue. The real aims of Beijing concerning Taiwan were different from those that Beijing officially proclaimed.

Keywords: the Taiwan question, the USSR, the PRC, Chinese foreign policy, the Soviet diplomacy, Sino-Soviet relations, Sino-Taiwanese relations

For citation: Belchenko, Andrey S., and Novoselova, Maya G. "The reaction of the Chinese Government to Soviet Diplomatic Efforts to Resolve the Taiwan Question, 1949–1985." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 2 (May 2020): 418–437. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-418-437>

Введение

Тайваньский вопрос – уникальное политическое явление, которое включает в себя проблему политического статуса острова и степени его зависимости от материкового Китая. В наши дни, в условиях лидерства континентального Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, сильной экономической взаимозависимости Тайваня и КНР, а также политического доминирования КНР в процессе восточноазиатской интеграции, с особой остротой стоит проблема определения статуса Тайваня. Неразрешенность тайваньского вопроса усиливает напряженность в Восточноазиатском регионе и на международной арене в целом. Тайваньский вопрос со времени своего формирования накладывал существенный отпечаток на взаимодействие КНР с другими странами мира. По этой причине изучение влияния, оказываемого тайваньским вопросом на внешнеполитический курс КНР, и динамики изменения подходов к нему администрации КНР имеет большое значение для стран, выстраивающих отношения с КНР на современном этапе. Для Российской Федерации в начале XXI в. поддержание взаимовыгодных партнерских отношений с КНР представляется одной из первостепенных задач внешней политики. При этом взаимодействие любого государства с КНР неизбежно приводит к необходимости определения его позиции по тайваньскому вопросу и действиям на мировой арене с учетом особенностей внешнеполитического курса КНР в отношении Тайваня. Это обуславливает необходимость изучения и анализа исторической роли фактора Тайваня в российско-китайских отношениях, действий, предпринимаемых по тайваньскому вопросу Советским Союзом, и реакции администрации КНР на политику СССР в контексте тайваньской проблемы.

Актуальность темы заключается также в том, что вопрос о политическом статусе Тайваня недостаточно разрабатывался в отечественной историографии. Жесткая приверженность Советского Союза позиции КНР по тайваньскому вопросу диктовала и подходы к нему отечественной науки. До 1960-х гг., в период московско-пекинской «дружбы», Тайвань рассматривался в СССР как регион, оккупированный США. Кроме того, практически не существовало отдельных трудов, посвященных тайваньскому вопросу, а исследования Тайваня проводились только в рамках изучения всего Китая¹. Лишь с 1960-х гг., по мере охлаждения советско-китайских отношений, в работах советских специалистов тема тайваньского вопроса стала освещаться более объективно, а политический курс Пекина по тайваньскому вопросу получает в ряде случаев критическую оценку. Так, в работе В.Н. Барышникова

¹ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007. С. 412.

«Тайваньский вопрос в китайско-американских отношениях» была высказана идея об использовании Пекином статуса острова Тайвань в качестве инструмента для достижения своих целей на международной арене. Автор критикует Пекин за использование «остроты и нерешенности тайваньской проблемы в своих политических интересах»². Более поздние труды советских и российских исследователей предоставляют детальную информацию об истории острова и эволюции тайваньской проблемы. Например, в монографии «Россия и Китай: четыре века взаимодействия» (под редакцией А.В. Лукина) в отдельной главе, посвященной отношениям России с Тайванем, Гонконгом и Макао³, представлены обширные данные о динамике советско-китайских и российско-китайских отношений и истории взаимодействия СССР (России) и Тайваня. А.В. Лукину принадлежит также монография «Медведь наблюдает за драконом»⁴, где, в частности, проанализирован образ Тайваня в советской и постсоветской литературе, в отечественных СМИ. Тайваньскому вопросу, развитию ситуации на острове и реакции со стороны КНР посвящен и труд Ю.М. Галеновича «Самоутверждение сыновей Тайваня»⁵. В другой своей работе («Глобальная стратегия Китая»)⁶ автор анализирует влияние тайваньского фактора на советско-китайские отношения. В этой связи другой автор В.Н. Барышников высказал мысль о том, что Мао Цзэдун сознательно не предпринимал решительных шагов по окончательному решению тайваньского вопроса, используя его в качестве рычага давления на США⁷. Однако эта идея, прозвучавшая в отдельных работах отечественных исследователей, не получила широкого освещения.

Тайваньский вопрос и проблемы советско-китайских отношений в контексте анализируемой проблемы нашли отражение в общих работах по истории Китая.⁸

Зарубежная историография представлена в значительной степени трудами по истории советско-китайских отношений, в которых затрагивались противоречия двух стран по тайваньскому вопросу. В их числе работы З. Бжезинского, Джеймса Б. Стокдейла, Чеслава Тубилевича и др. Особо следует назвать в этом ряду рассекреченный отчет ЦРУ «The Sino-Soviet Dispute on World Communist Strategy»⁹. Большое внимание тайваньскому вопросу уделяют исследователи из КНР и Республики Китай, однако проблема взаимодействия между КНР и СССР по тайваньскому вопросу не получила со стороны этой группы зарубежных исследователей достаточного освещения. Среди китайских авторов можно назвать работы Ли Джуан, Ксиан Жайа, Рупинг Ксяо.

² Барышников В.Н. Тайваньский вопрос в китайско-американских отношениях (1949–1958). М., 1969. С. 223.

³ Лукин А.В. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. М., 2013. С. 513–610.

⁴ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом...

⁵ Галенович Ю.М. Самоутверждение сыновей Тайваня. М., 2002.

⁶ Галенович Ю.М. Глобальная стратегия Китая. М., 2016.

⁷ Там же. С. 266.

⁸ Непомнин О.Е. История Китая. XX век. М., 2011; Тихвинский С.Л. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. М., 2013; Гудошников Л.М., Степанова Г.А. Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), зарубежная китайская диаспора. М., 2014.

⁹ Brzezinski Z.K. The Soviet Bloc: Unity and Conflict – Ideology and Power in the Relations among the USSR, Poland, Yugoslavia, China, and other Communist States, with an Introduction by Robert R. Bowie. Cambridge, 1960; Stockdale J.B. Taiwan and the Sino-Soviet dispute // core.ac.uk [сайт]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/36706585.pdf> (дата обращения: 17.12.2019); Tubilewicz C. Taiwan and the Soviet Bloc, 1949–1991 // Maryland Series in Contemporary Asian Studies. 2005. № 4. P. 76–95; Tubilewicz C. Taiwan and the Soviet Union During the Cold War: Enemies or Ambiguous Friends? // Cold War History. 2005 № 5. P. 75–86; Tubilewicz C. The Little Dragon and the Bear: Russian-Taiwanese Relations in the Post-Cold War Period // The Russian Review. 2002. Vol. 61. № 2. P. 276–297; The Sino-Soviet Dispute on World Communist Strategy // Central Intelligence Agency [сайт]. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/esau-10.pdf> (дата обращения: 11.11.2019).

При этом авторы из КНР традиционно продвигают идею «одного государства – двух систем», в то время, как ученые из Республики Китай видят Тайвань независимым государством, способным самостоятельно проводить внешнюю политику¹⁰.

Источниковая база статьи представлена официальными документами (заявлениями первых лиц КНР и СССР, выступлениями представителей двух стран на Генеральной Ассамблее ООН), дипломатической перепиской, а также мемуарами современников событий, в том числе бывшего министра иностранных дел СССР А.А. Громыко¹¹, американского дипломата и бывшего Государственного секретаря США Генри Киссинджера¹².

Целью статьи является выявление общих тенденций взаимодействия КНР и СССР по тайваньскому вопросу в 1949–1985 гг., особенностей внешнеполитического курса КНР по данной проблеме и позиции Китая в отношении действий советской дипломатии, направленных на урегулирование тайваньской проблемы.

Хронологические рамки статьи обусловлены тем, что возникновение тайваньского вопроса как геополитического феномена относится к 1949 г., когда партия Гоминьдан, потерпевшая поражение в вооруженном противостоянии с КПК, была вынуждена обосноваться на острове Тайвань. Верхняя граница хронологических рамок совпадает с началом периода перестройки в Советском Союзе, который ознаменовал новый этап отношений между СССР и Тайванем.

Советско-китайские отношения в контексте тайваньского вопроса в 1950-е гг.

С момента возникновения тайваньского вопроса (1949 г.) у Пекина существовало много объективных причин стремиться разрешить тайваньский вопрос в свою пользу. Среди них – причины геополитического и экономического характера: остров Тайвань благодаря своему географическому положению часто использовался Китаем в историческом прошлом для решения военно-стратегических задач, а контроль над Тайваньским проливом, являющимся крупнейшей международной транспортной магистралью с интенсивным трафиком сырьевых и промышленных потоков между Азией и Америкой, имел бы большое влияние на внешнюю торговлю материкового Китая. Кроме того, Тайбэй, позиционируя себя на международной арене как независимого от Пекина игрока, на протяжении всего времени существования тайваньского вопроса вызывал опасения у правительства Пекина, в определенной степени способствуя росту сепаратистских настроений в регионах проживания национальных меньшинств в самом Китае¹³. Необходимо упомянуть и об идеологическом значении тайваньского вопроса для Пекина. Остров Тайвань, в прошлом оккупированный Японией, в глазах китайского руководства символизировал эру унижения со стороны западных интервентов¹⁴. Именно эти причины приводятся в традиционной историографии тайваньской проблемы в качестве доказательства тезиса о том, что Пекин был заинтересован в разрешении тайваньского вопроса путем возвращения «мятежного» острова континентальному Китаю. Данную точку зрения разделяет профессор Корнелльского университета Цзян Чэн, считающий, что КПК на протяжении второй половины XX в. рассматривала освобождение Тайваня от сил

¹⁰ *Li Jian*. Secret Record of Contacts Between Taiwan and the Former Soviet Union. Beijing, 1995; *Xiang Zhai, Ruping Xiao*. Shifting political calculation: the secret Taiwan-Soviet talks, 1963–1971 // *Cold War History*. 2015. № 15. P. 533–551.

¹¹ *Громыко А.А.* Памятное. Испытание временем // Памятное. М., 2016.

¹² *Киссинджер Г.* О Китае. М., 2017.

¹³ *Kuntić D.* The Ominous Triangle: China-Taiwan-the United States relationship // *Croatian International Relations Review*. 2015. Vol. 21. № 72. P. 248.

¹⁴ *Ibid.*

Гоминьдана как задачу первостепенной важности, выполнение которой необходимо было для становления КНР в качестве весомого игрока в Восточной Азии и на мировой арене¹⁵. Ряд исследователей отмечают, что и в наши дни КНР демонстрирует заинтересованность в возвращении Тайваня, а вопрос подчинения острова в рамках политической стратегии Пекина рассматривается им как этап достижения собственных целей по распространению контроля как на региональные морские коридоры, так и на окружающее пространство¹⁶.

Следует заметить, что официально руководство КНР, действительно, всегда демонстрировало решимость найти способ урегулирования проблемы, а также определенную бескомпромиссность в отношении методов достижения этой цели. Однако специфическая реакция Пекина на деятельность советских дипломатов, рассматривавших разрешение тайваньской проблемы в качестве одной из важных задач, заставляет нас задуматься о том, насколько подобные заявления КНР совпадали с ее истинными намерениями.

Во второй половине XX в. советская дипломатия во внешнеполитическом курсе относительно Азиатско-Тихоокеанского региона видела своим главным приоритетом выстраивание дружественных отношений с КНР, поддержание тесных экономических и политических связей с крупнейшим территориальным соседом и динамично развивающейся социалистической страной. В частности, подтверждение этому мы находим в мемуарах бывшего министра иностранных дел СССР А.А. Громыко, который отмечал, что Советский Союз проводил «линию на нормализацию советско-китайских отношений», а советская дипломатия считала, что «улучшение этих отношений явилось бы крупным событием, отвечающим интересам СССР и Китая, социализма в целом, интересам мира во всем мире»¹⁷.

В связи с этим политический курс СССР по отношению к Тайваню с самого возникновения тайваньского вопроса диктовался официальной позицией КНР по вопросу о статусе острова, а формирование динамики советско-тайваньских отношений происходило в рамках взаимодействия Москвы и Пекина. После провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 г. Советский Союз сразу признал ее существование¹⁸. Одновременно Советским Союзом была признана зависимость Тайваня от КНР, несамостоятельность политического статуса острова. 3 октября 1949 г. дипломатические отношения между СССР и Китайской Республикой были прекращены¹⁹. После установления официальных контактов с КНР именно Китайская Народная Республика рассматривалась СССР и его союзниками как единственный легитимный представитель китайского народа²⁰. Официально СССР также придерживался позиции КНР по тайваньскому вопросу, занимая сторону Пекина в его территориальных притязаниях относительно Тайваня и выступая за членство КНР в ООН и исключение представительства в ней Китайской Республики²¹.

¹⁵ *Chen Jian*. *China's Road to the Korean War: The Making of the Sino-American Confrontation*. New York, 1994. P. 96.

¹⁶ *Lin E.S., Yi-Hua Wu, Ta-Sheng Chou*. *Country Survey: Defense Policy and Military Spending in Taiwan, 1952–2009* // *Defence and Peace Economics*. 2012. Vol. 23. P. 349; *Dreyer J.T.* *Why Taiwan matters* // *Foreign Policy Research Institute* [сайт]. URL: <https://www.fpri.org/article/2011/07/why-taiwan-matters/> (дата обращения 18.11.2019).

¹⁷ *Громыко А.А.* *Памятное. Испытание временем...* С. 223.

¹⁸ *Непомнин О.Е.* *История Китая. XX век...* С. 481.

¹⁹ *Лукин А.В.* *Россия и Китай...* С. 520.

²⁰ *Лычагин А.И., Комаров И.Д.* Тайваньский вопрос: внешние и внутренние детерминанты // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 3. С. 531.

²¹ *Tubilewicz C.* *Taiwan and the Soviet Bloc, 1949–1991* // *Maryland Series in Contemporary Asian Studies*. 2005. № 4. P. 47.

Вместе с тем проблема Тайваня объективно не имела первостепенного значения для внешнеполитического курса СССР по причинам географической удаленности острова и идеологии его руководства, а вопрос о политическом статусе Тайваня никогда не являлся болезненным аспектом советско-китайских отношений, как это было в отношениях между КНР и США²². Однако стремление к поддержанию добрососедских отношений с КНР и необходимость снижения международной напряженности подталкивали советское руководство к активному участию в дискуссии по тайваньскому вопросу. СССР призывал к разрешению проблемы дипломатическим путем, демонстрируя решимость не допустить ее перерастания в новую мировую войну, в которую неизбежно был бы вовлечен Советский Союз²³. Однако руководители СССР не раз официально заявляли и о готовности принять участие в потенциальной войне на стороне КНР, если дипломатический конфликт, связанный с проблемой неясного политического статуса острова, выльется в вооруженное противостояние²⁴.

Намерение Москвы развивать добрососедские и дружественные отношения с Пекином, в частности, нашло отражение в активной демонстрации официальной позиции Москвы по вопросу о легитимности власти КПК и Гоминьдана. В интервью газете «Правда» от 17 февраля 1951 г. остров Тайвань был назван И.В. Сталиным «китайской территорией», «захваченной» США²⁵, а сами Соединенные Штаты – агрессором, угрожающим материковому Китаю. И.В. Сталин упомянул о праве Китая «защищать свою безопасность у границ»²⁶. И.В. Сталин также критиковал решение ООН о сохранении членства Китайской Республики, непредоставлении КНР права участия в ООН, из-за чего, по его мнению, ООН переставала «быть всемирной организацией равноправных наций»²⁷. Такие заявления советского лидера свидетельствуют о том, что Москвой в качестве официальной позиции в отношении тайваньской проблемы была признана позиция Пекина. Важно отметить при этом, что И.В. Сталин в интервью подчеркивал приверженность Москвы политическому, а не военному методу разрешения тайваньской проблемы.

Позиция Москвы неоднократно озвучивалась советской стороной в двустороннем диалоге с КНР, отмечалась необходимость быстрого урегулирования ситуации в Тайваньском проливе. Так, 29 июля 1954 г. состоялся прием председателем Совета Министров СССР Г.М. Маленковым министра иностранных дел КНР Чжоу Эньляя, на котором советская сторона выразила поддержку планам ЦК КПК в условиях, когда «правительство США пытается спровоцировать конфликты» на Дальнем Востоке, «чанкайшистские пираты нарушают свободу судоходства в открытом море», а «гоминьдановские самолеты совершают налеты на китайское побережье». Была выражена решимость предпринять ряд мер, направленных на предотвращение подписания США и Тайванем Договора об обороне²⁸. 30 сентября 1954 г. Первый секретарь

²² Верченко А.Л. Четвертое поколение руководства КПК: отношения через Тайваньский пролив и позиция России // Общество и государство в Китае: XLIV научная конференция. М., 2014. С. 283.

²³ Gao Xintao. Zhong Su guanxi zhong de Taiwan wenti (1949–1959) // Guangxi Social Sciences. 2002. № 1. P. 45; Zhang Wei. Lun Su lian zai di er ci Tai wan hai xia wei ji zhong de jue ce // Li shi jiao xue wen ti. 2008. № 2. P. 65.

²⁴ Wilson Center // Digital Archive [сайт]. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/117028> (дата обращения: 17.11.2019); Telegram From the Embassy in the Soviet Union to the Department of State. September 7, 1958 // Office of the Historian [сайт]. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v19/d74> (дата обращения: 17.11.2019).

²⁵ Сталин И.В. Беседа с корреспондентом Правды. М., 1951. С. 9.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 11.

²⁸ Wilson Center // Digital Archive [сайт]. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/111272> (дата обращения: 17.11.2019).

ЦК КПСС Н.С. Хрущев в своем выступлении в Пекине на заседании, посвященном пятой годовщине образования КНР, в ярко идеологизированной манере заявил, что «советский народ выражает свое глубокое сочувствие великому китайскому народу в его благородном деле и поддерживает его решимость освободить своих братьев, еще томящихся под ярмом гоминьдановской клики на острове Тайвань, ликвидировать окопавшуюся там предательскую банду Чан Кайши»²⁹. Н.С. Хрущев назвал решение вопроса о политическом статусе острова Тайвань «осуществлением суверенитета Китая», выразил надежду и уверенность в том, что «правда восторжествует» и Тайвань будет «воссоединен со всей своей великой страной»³⁰. 13 февраля 1955 г. в своем выступлении на торжественном собрании в Пекине, посвященном пятой годовщине подписания Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между КНР и СССР, Хрущев открыто критиковал действия Чан Кайши и позицию США по тайваньскому вопросу. Он заявил о надежде «советского народа» на то, что «великий китайский народ освободит Тайвань», «добьется осуществления над ним своего суверенитета»³¹. Борьбу КНР за возвращение Тайваня материковому Китаю Я.М. Ломакин называл «правым делом китайского народа». Примечательно, что в выступлении председателя Общества китайско-советской дружбы Сун Цинлин на том же мероприятии не прозвучало ни слова по тайваньскому вопросу³². Даже в конце 1950-х гг., во время начала охлаждения отношений между Пекином и Москвой, советская сторона официально придерживалась прежней позиции. Так, в письме ЦК КПСС к КПК от 27 сентября 1958 г. во время второго кризиса в Тайваньском проливе говорилось о готовности Москвы к участию в конфликте на стороне Пекина в случае использования против КНР ядерного оружия третьей стороной (в первую очередь США)³³. Подобные обещания также были озвучены Н.С. Хрущевым 6 октября 1958 г.³⁴

Проблему неопределенности статуса Тайваня СССР поднимал не только в рамках двустороннего диалога с КНР, но и на различных международных площадках, в частности, в годы Корейской войны. В 1950 г. Москва бойкотировала Совет Безопасности ООН в знак протеста против нежелания его членов принять КНР в ООН. 10 января 1950 г. представитель СССР в ООН Я.А. Малик заявил о незаконности членства в Совете Безопасности «гоминьдановского представителя», поскольку он не представлял «собой ни Китай, ни китайский народ». Советская сторона отказалась от участия в заседаниях, «пока гоминьдановский представитель не будет устранен из состава Совета Безопасности»³⁵. Позднее, в сентябре того же года, Я.А. Маликом также было сделано заявление о необходимости вывода с территории Тайваня американских войск и возвращении острова в состав КНР в соответствии с Потсдамской декларацией 1945 г.³⁶ На совещании министров иностранных дел в Женеве

²⁹ Выступление Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева на торжественном заседании в Пекине, посвященном пятой годовщине образования КНР, 30 сентября 1954 г. // Советско-китайские отношения. 1952–1955: Сборник документов. Ижевск, 2015. С. 208.

³⁰ Там же.

³¹ Выступления на торжественном собрании в Пекине, посвященном пятой годовщине подписания Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Китайской Народной Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик 13 февраля 1955 г. // Советско-китайские отношения. 1952–1955: Сборник документов. Ижевск, 2015. С. 279.

³² Там же. С. 270–277.

³³ Letter, Central Committee of the Communist party of the Soviet Union to the Chinese Communist Party, on the Soviet Union's readiness to provide assistance to China in the event of an attack, September 27, 1958.

³⁴ Лукин А.В. Россия и Китай... С. 525.

³⁵ Официальный отчет о Заседании S/PV.459 Совета Безопасности ООН. 10 января 1950 года // Организация Объединенных Наций [сайт]. URL: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf/home.xsp> (дата обращения: 18.11.2019).

³⁶ Лукин А.В. Россия и Китай... С. 520.

в 1954 г. министр иностранных дел СССР В.М. Молотов привлек внимание к роли США в формировании тайваньского вопроса и росте напряженности в Тайваньском проливе. Он утверждал, что «Соединенные Штаты Америки захватили остров Тайвань, сделав хозяином этого острова последышей чанкайшистской клики», «неповолительными методами» мешая КНР вступить в ООН, «занять ее законное место»³⁷. В.М. Молотов также заявил о готовившейся агрессии США против Китайской Народной Республики, о том, что США «постоянно угрожают» китайским границам «нападением с Тайваня и с Корейского полуострова, создавая все новые военные базы поблизости от территории Китая»³⁸.

Во время первого кризиса в Тайваньском проливе, связанного с обстрелом КНР островов Цзиньмэнь, Ицзяншань и Дачэнь в 1954–1955 гг., советская сторона выдвинула предложение созвать совместную конференцию с участием СССР, Англии, Индии, Китая, США и Франции для поиска путей решения кризиса³⁹. На пленарном заседании IX сессии Генеральной Ассамблеи ООН 21 сентября 1954 г. постоянный представитель СССР при ООН А.Я. Вышинский в своем выступлении говорил о законности членства КНР в ООН, критиковал Вашингтон за создание искусственных препятствий передаче места Китайской Республики в ООН КНР⁴⁰.

Позиция советской дипломатии по вопросу о политическом статусе Тайваня прозвучала и в заявлении Министерства иностранных дел СССР от 15 декабря 1954 г., после заключения США и Тайванем Договора об обороне. В заявлении договор был назван «грубым нарушением международных договорённостей, суверенитета и территориальной целостности КНР»⁴¹; в нем открыто критиковались действия США в Тайваньском проливе и звучали обвинения в их адрес в создании дипломатической проблемы. «...Правительство США рассматривает Тайвань и острова Пэнхуледао как один из плацдармов для дальнейших агрессивных действий против Китайской Народной Республики и других миролюбивых государств Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии»⁴², – говорилось в заявлении. Советские дипломаты поддержали «требования правительства Китайской Народной Республики о выводе американских войск с Тайваня, островов Пэнхуледао и из Тайваньского пролива», «о прекращении агрессивных действий против Китайской Народной Республики»⁴³.

Вопрос о восстановлении «законных прав Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций» был поднят также В.М. Молотовым на пленарном заседании X сессии Генеральной Ассамблеи ООН 20 сентября 1955 г., где он подчеркнул, что Китайская Республика, «незаконно» обладая членством в ООН, «никого не представляет»⁴⁴. 22 сентября 1958 г. новый министр иностранных дел СССР А.А. Громыко в своем выступлении в рамках пленарного заседания Генассамблеи ООН назвал непредоставление КНР права членства в ООН «недостойным фарсом»,

³⁷ Из выступления министра иностранных дел СССР В.М. Молотова на совещании министров иностранных дел в Женеве 29 апреля 1954 г. // Советско-китайские отношения. 1952–1955: Сборник документов. Ижевск, 2015. С. 181.

³⁸ Там же.

³⁹ *Галенович Ю.М.* Глобальная стратегия Китая... С. 471.

⁴⁰ Выступление заместителя министра иностранных дел СССР, постоянного представителя СССР при ООН А.Я. Вышинского на пленарном заседании IX сессии Генеральной Ассамблеи ООН 21 сентября 1954 г. // Советско-китайские отношения. 1952–1955: Сборник документов. Ижевск, 2015. С. 197.

⁴¹ Заявление министерства иностранных дел СССР 15 декабря 1954 г. // Советско-китайские отношения. 1952–1955: Сборник документов. Ижевск, 2015. С. 238.

⁴² Там же. С. 239.

⁴³ Там же. С. 240.

⁴⁴ Заявление министра иностранных дел СССР В.М. Молотова на пленарном заседании X сессии Генеральной Ассамблеи ООН 20 сентября 1955 г. // Советско-китайские отношения. 1952–1955: Сборник документов. Ижевск, 2015. С. 310.

противоречившим «нормам международного права» и «здравому смыслу»⁴⁵. А.А. Громыко в своей речи привлек внимание к «враждебной» по отношению к материковому Китаю политике Вашингтона, проявлением которой стал захват острова Тайвань и архипелага Пэнхуледао⁴⁶. Несмотря на значительное охлаждение отношений между Пекином и Москвой в конце 1950-х гг., в докладе А.А. Громыко Тайвань по-прежнему рассматривался как «неотъемлемая часть китайской территории», находящаяся под «оккупацией» США⁴⁷.

Помимо двустороннего диалога с Пекином и попыток привлечь внимание к тайваньскому вопросу на международном уровне советская сторона затрагивала проблему невыясненного политического статуса Тайваня и в двустороннем диалоге с другими странами (как с непосредственным участником событий в Тайваньском проливе (США), так и с теми, кто напрямую не участвовал в них). В частности, в официальном заявлении правительства СССР правительству Великобритании от 31 января 1955 г. советская сторона выступила за вынесение вопроса о кризисе в Тайваньском проливе на обсуждение Совета Безопасности ООН⁴⁸. После того, как предложение Москвы не получило поддержки Великобритании и США, советской стороной была выдвинута идея провести обсуждение сложившейся в Тайваньском проливе ситуации в рамках специальной международной конференции заинтересованных в урегулировании проблемы стран (что также не было осуществлено)⁴⁹.

В 1950-е гг. острота ситуации вокруг Тайваня неоднократно обсуждалась в дипломатической переписке Н.С. Хрущева с Президентом США Д.Д. Эйзенхауэром, в которой советский лидер прибегал к прямой критике действий Вашингтона. Так, в письме от 7 сентября 1958 г. он напрямую назвал политику США в отношении тайваньского вопроса главной причиной напряженной обстановки в дальневосточном регионе⁵⁰. Н.С. Хрущев обвинил Вашингтон в «оккупации» исконно китайской территории (островов Тайваня и Пэнхуледао) и проведении военных учений с целью использования Тайваня в качестве американской военной базы. В очередной раз советской стороной было обращено внимание на игнорирование «законных прав» материкового Китая на членство в ООН. В этом письме Н.С. Хрущев выразил приверженность СССР позиции признания «одного Китая» в лице КНР. В письме Д.Д. Эйзенхауэру от 12 октября 1959 г. Н.С. Хрущев продолжил критику политического курса Вашингтона в отношении острова Тайвань, прибегнув к сравнению американской поддержки Гоминьдана на Тайване с поддержкой, оказанной иностранными державами белому движению во время Гражданской войны в России⁵¹. Советская сторона в письме в очередной раз заявляла о стремлении Москвы защитить законные права КНР, а территория острова вновь была названа внутренней провинцией КНР как единой и «неделимой» страны⁵².

Однако активные действия СССР по разрешению тайваньского вопроса, особенно по мере охлаждения советско-китайских отношений, как правило, встречали все более резкую критику со стороны администрации КНР. Попытки участия советской

⁴⁵ Восстановить законные права Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций. Выступление министра иностранных дел А.А. Громыко на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 22 сентября // *Правда*. 1958. 24 сентября. С. 5.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Заявление правительства СССР правительству Великобритании. 31 января 1955 г. // *Советско-китайские отношения. 1952–1955: Сборник документов*. Ижевск, 2015. С. 251.

⁴⁹ Там же. С. 253.

⁵⁰ Telegram from the Embassy in the Soviet Union to the Department of State. September 7, 1958.

⁵¹ Letter from Chairman Khrushchev to President Eisenhower. October 12, 1958 // Office of the Historian [сайт]. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v19/d307> (дата обращения: 20.11.2019).

⁵² Там же.

стороны в дискуссии по поводу тайваньской проблемы зачастую пресекались Пекином. Правительство КНР стремилось подчеркнуть, что воспринимает тайваньский вопрос как внутреннюю проблему Китая и не считает правомерными действия советской дипломатии, направленные на его разрешение. Так, советское руководство даже не было заранее уведовлено китайской стороной, когда в августе 1958 г. Народно-освободительная армия Китая (НОАК) обстреляла островов Цзиньмэнь и Мацзу, что спровоцировало второй кризис в Тайваньском проливе⁵³. Москва выразила недовольство подобными действиями китайской стороны. При этом правительство КНР заявило, что не собирается «втягивать» СССР в события, связанные с тайваньским вопросом. В Пекин с тайной миссией срочно прибыл А.А. Громыко, в беседе с которым Мао Цзэдун заявил, что в случае возникновения войны КНР не будет привлекать СССР к участию в боевых действиях на начальном ее этапе. Прибегнуть к помощи Москвы планировалось только после того, как подразделения США проникнут вглубь страны⁵⁴. Это свидетельствовало о намерении Пекина действовать самостоятельно, откладывая взаимодействие с Москвой в рамках единой коалиции на отдаленную перспективу. Некоторые исследователи склонны расценивать это заявление Мао Цзэдуна как отказ КНР от союзнических обязательств с СССР, закрепленных договором 1950 г.⁵⁵ В этих условиях предложение Москвы об оказании военной помощи и направлении в Тайваньский пролив советских ракетных войск и ВВС было отвергнуто китайским руководством⁵⁶.

Также, если в 1954 г. китайская сторона горячо поддержала предложение Москвы о созыве международной конференции для обсуждения ситуации в Тайваньском проливе⁵⁷, то в сентябре 1958 г., когда советское правительство в очередной раз предложило созвать международное совещание с участием представителей Китая, США, СССР и Индии для обсуждения и решения тайваньской проблемы, это предложение было отвергнуто Пекином⁵⁸. Попытка убедить КНР договориться с США о мирной передаче островов Цзиньмэнь и Мацзу КНР была предпринята 1 октября 1958 г. в письме Н.С. Хрущева Мао Цзэдуну. В ответ на это правительство КНР заявило, что не заинтересовано в возвращении островов и со 2 октября 1958 г. собирается начать обстрелы Цзиньмэнь и Мацзу⁵⁹. В 1959 г., во время визита Н.С. Хрущева в КНР, советский лидер указал на то, что обстрел островов Цзиньмэнь и Мацзу не рассматривается правительством СССР как правильный «метод» решения тайваньской проблемы⁶⁰. В ответном заявлении представители КНР назвали единственным способом урегулирования тайваньского вопроса вывод американских войск с территории острова, а решение о том, какими методами добиваться освобождения Тайваня, назвали «внутренним делом Китая»⁶¹. Во время визита Н.С. Хрущева в КНР Мао Цзэдун неоднократно подчеркивал, что СССР может влиять только на состояние отношений КНР с США, но не имеет права участвовать в решении внутренних для Китая вопросов. Подобные действия Мао Цзэдуна дают основания полагать, что администрация КНР намеренно затягивала разрешение вопроса о политическом статусе Тайваня, искусно используя его в своих внешнеполитических интересах.

⁵³ *Gao Xintao*. Zhong Guo guanxi zhong de Taiwan wenti... P. 46.

⁵⁴ *Громыко А.А.* Памятное. Испытание временем... С. 220.

⁵⁵ *Галенович Ю.М.* Глобальная стратегия Китая... С. 267.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 471.

⁵⁸ *Лукин А.В.* Россия и Китай... С. 526.

⁵⁹ Там же. С. 525.

⁶⁰ *Галенович Ю.М.* Глобальная стратегия Китая... С. 275.

⁶¹ *Zhang Wei*. Lun Su lian zai di er ci Tai wan hai xia wei ji zhong de jue ce... P. 66.

Для существования и успешного развития КНР как социалистического государства его руководству было необходимо выстроить выгодные двусторонние отношения с США⁶². Вероятно, администрация Пекина стремилась использовать тайваньский вопрос, в первую очередь, в целях оказания влияния на политический курс Вашингтона. Выдающийся американский дипломат Г. Киссинджер отмечает, что в 1954–1955 гг., во время первого кризиса в Тайваньском проливе, все участники тех событий – КНР, СССР и США – не питали стратегических интересов в отношении этих островов⁶³. Не рассматривая возвращение островов как самоцель акций по обстрелу Цзиньмэнь, Ицзяншань и Дачэнь, Мао Цзэдун использовал их как инструмент международной политики, оказывая давление на США. По словам Г.В. Зиновьева, Мао Цзэдун стремился «обострить ситуацию ради ее последующего урегулирования на выгодных условиях»⁶⁴. Китайский партийный деятель и журналист У Лэнси в своих мемуарах также утверждает, что во время второго кризиса в Тайваньском проливе Мао Цзэдун намеренно стремился превратить Тайваньский пролив в очаг международного напряжения, а обстрелы островов велись «с целью преподать урок американцам»⁶⁵. Как пишет автор, Мао Цзэдун утверждал, что США долгое время «задирали» КНР, а теперь у Пекина появилась возможность ответить Вашингтону тем же⁶⁶. Во время второго кризиса в Тайваньском проливе администрация Пекина придавала особое значение международной реакции на обстрелы, проведенные КНР⁶⁷ (в первую очередь, реакции Вашингтона), что также доказывает то, что обстрелы были в большей степени направлены на создание напряженности и манипулирование США, чем на непосредственное возвращение территорий. В письме Мао Цзедуна Чжоу Эньлаю и начальнику Генерального штаба НОАК Хуан Кэчэну от 13 сентября 1958 г. содержится инструкция, как следует обстреливать острова, чтобы вызвать панику у США. В письме Мао Цзэдун пишет, что КНР не следует «выкладывать карты на стол» в ближайшее время, Пекину надо «протестировать» американцев⁶⁸. С идеей о том, что весь тайваньский вопрос рассматривался китайским руководством в качестве рычага давления на стороны дипломатического треугольника Пекин – Москва – Вашингтон, согласуется и заявление главы Госсовета КНР Чжоу Эньлая в беседе с советником посольства СССР в КНР Н.Г. Судариковым в августе 1958 г. Чжоу Эньлай заявил, что КНР при обстреле Цзиньмэнь и Мацзу не ставила своей целью освободить Тайвань⁶⁹. По его словам, Пекин лишь собирался «наказать его за беспорядки в прибрежном море»⁷⁰. Чжоу Эньлай сообщил советской стороне, что Мао Цзэдун не собирался окончательно решать сложившийся тайваньский вопрос, считая, что «лучше не освобождать Тайвань, чем освобождать...»⁷¹. Мао Цзэдун открыто признавал, что целью акции по обстрелу островов было недопущение создания Соединенными Штатами двух Китаев и что КНР хотела «заставить пошевелиться американцев»⁷².

⁶² Young S.M. U.S.–China Relations // American Foreign Policy Interests. 2015. № 37. P. 270.

⁶³ Киссинджер Г. О Китае... С. 173.

⁶⁴ Лукин А.В. Россия и Китай... С. 526.

⁶⁵ Wilson Center // Digital Archive [сайт]. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/117009> (дата обращения: 18.11.2019).

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Wilson Center // Digital Archive [сайт]. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/117017> (дата обращения: 20.11.2019).

⁶⁹ Zhang Wei. Lun Su lian zai di er ci Tai wan hai xia wei ji zhong de jue ce... P. 66.

⁷⁰ Галенович Ю.М. Глобальная стратегия Китая... С. 265.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

В отношении Советского Союза как лидера социалистического блока КНР проводил политику, направленную на недопущение политического доминирования СССР в двусторонних отношениях, поскольку Пекин не был готов играть роль «младшего брата» Москвы⁷³. КНР стремилась выступить в социалистическом блоке равноправным с СССР партнером и не допустить первенства Советского Союза и его влияния на политический курс Китая. О подобных тенденциях во внешнеполитическом курсе КНР по отношению к СССР А.А. Громыко писал следующее: «Советский Союз, советское руководство, как об этом неоднократно заявлялось, не желали ухудшения советско-китайских отношений. Делалось все возможное, чтобы уберечь достигнутое в их развитии. Но было видно, что руководство другой страны взяло стратегическую линию на расстройство этих отношений»⁷⁴.

Действительно, китайское руководство использовало тайваньский вопрос в качестве рычага дипломатического давления. В действиях Мао Цзэдуна неоднократно проявлялось желание обострить советско-американские отношения и при этом оставить для КНР возможность дипломатического лавирования и развития контактов с США. Проявилось нежелание правительства КНР лишиться методов воздействия на СССР и США, окончательно закрыв вопрос о политическом статусе острова, отсюда – затягивание решения тайваньского вопроса путем критики вмешательства СССР в ситуацию, его неприятия военных методов решения проблемы.

Опасаясь укрепления международного влияния СССР и критики в свой адрес (из-за желания применить военную силу на Тайване), КНР не раз демонстрировала советской стороне, что Пекин рассматривает тайваньский вопрос как внутреннюю проблему Китая и считает вмешательство в нее СССР неуместным.

При этом следует отметить, что в конце 1950-х гг. по причине осложнения советско-китайских отношений Москвой были предприняты первые попытки смягчения своей позиции по тайваньскому вопросу. Однако подобные действия советской стороны тут же встречали резко негативную реакцию со стороны администрации КНР, которая зачастую называла позицию Москвы по Тайваню недостаточно бескомпромиссной. Наглядным примером подобной позиции КНР могут служить события, произошедшие на Международной геологической конференции в 1958 г. в Москве, куда были приглашены и делегация КНР, и делегация Тайваня. В ответ руководство КНР приняло решение бойкотировать конференцию. Речь главы советской делегации Д. Пушкина, которая содержала приглашение к участию делегаций и материкового Китая и Тайваня, была встречена негативно, а позиция Москвы была оценена китайской делегацией как «двуличная»⁷⁵.

Реакция КНР на политику СССР в отношении Тайваня в 1960–1985 гг.

В конце 1950-х гг. произошел раскол в двусторонних советско-китайских отношениях. Исследователи, как правило, выделяют такие факторы, приведшие к советско-китайскому расколу, как соперничество стран в рамках международного коммунистического движения, внутривосточная ситуация в КНР и СССР (в частности, развенчание культа личности И.В. Сталина), личная неприязнь Мао Цзэдуна и Н.С. Хрущева, территориальные споры стран⁷⁶. При этом иногда наиболее важными причи-

⁷³ Zofka J., Vámos P., Urbansky S. Beyond the Kremlin's reach? Eastern Europe and China in the Cold War era // *Cold War History*. 2018. Vol. 18. № 3. P. 251.

⁷⁴ Громыко А.А. Памятное. Испытание временем... С. 221.

⁷⁵ Лукин А.В. Россия и Китай... С. 528.

⁷⁶ Roberts P., Levine S.I., Vámos P., Kaple D., Friedman J., and Stiffler D.A. Forum: Mao, Khrushchev, and China's Split with the USSR. Perspectives on The Sino-Soviet Split. Review of The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World // *Journal of Cold War Studies*. 2010. Vol. 12. № 1. P. 153.

нами раскола между Пекином и Москвой называют вопросы идеологического характера – разные точки зрения на социально-экономическую политику своих стран, на выстраивание отношений с Западом (в связи с предложением Москвы о реализации политики «мирного сосуществования»), а также негативное восприятие Пекином политики десталинизации в Советском Союзе⁷⁷. Некоторые исследователи склонны придавать особое значение и влиянию событий в Тайваньском проливе на характер советско-китайских отношений, в частности, приверженность Москвы политическим методам устранения кризисной ситуации, несогласие советской стороны с концепцией применения военной силы Пекином в отношении Тайваня и близлежащих островов. Все это могло в значительной степени способствовать ухудшению советско-китайских отношений⁷⁸. Обострению противоречий между странами способствовало и то, что Пекин продолжал руководствоваться в своем внешнеполитическом курсе идеей недопущения верховенства Москвы и нежеланием играть роль младшего экономического партнера.

В 1960-е гг. разработчики китайского внешнеполитического курса стали развивать идею враждебности СССР по отношению к КНР, высказывались предположения о существовании советско-американского сговора, направленного против Китайской Народной Республики⁷⁹. В качестве официальной доктрины Пекина концепцию «биполярного» мира сменила концепция «промежуточных зон»: к первой относились страны Азии, Африки и Латинской Америки, ко второй – страны Европы, Канада, Океания и Япония, выделенные на основании идеологических интересов⁸⁰. Данная концепция была направлена на противостояние как «американскому империализму», так и «советскому ревизионизму». В рамках теории «промежуточных зон» Китаю отводилась ведущая роль в решении судьбы холодной войны в качестве лидера «промежуточной зоны» в едином фронте борьбы с империализмом и ревизионизмом⁸¹.

В целом, в рамках десятилетия 1960–1970-х гг. происходило дальнейшее усиление антисоветской риторики из уст правительства КНР. После IX съезда КПК (апрель 1969 г.) во внешней политике Китая постепенно начинает превалировать тезис об «угрозе с севера», в силу чего «советский ревизионизм» рассматривался как большая опасность, чем американский империализм⁸². Внешнеполитические шаги СССР на международной арене в это время также встречали критику со стороны КНР. После 1974 г. развитие получила концепция «трех миров», представлявшая собой продолжение концепции «промежуточных зон». Согласно ей СССР и США относились к «первому миру», развитые государства Европы и Азии – ко второму, а развивающиеся страны – к третьему, куда была отнесена и КНР⁸³. Подобная дифференциация на различные «миры», в частности, строилась на основании наличия у стран ядерного оружия и уровня развития их экономик⁸⁴. Данная концепция подра-

⁷⁷ Roberts P., Levine S.I., Vámos P., Kaple D., Friedman J., and Stiffler D.A. Forum: Mao, Khrushchev, and China's Split with the USSR. Perspectives on The Sino-Soviet Split. Review of The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World // *Journal of Cold War Studies*. 2010. Vol. 12. № 1. P. 154.

⁷⁸ Vradiy S.Yu. Russia's Unofficial Relations with Taiwan // *Slavic Eurasian Studies*. 2007. № 16–2. P. 221.

⁷⁹ Цвык А.В. Эволюция внешнеполитических доктрин КНР (1950–1990-е гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 54.

⁸⁰ Трушкин А.Г. Идеологические основания нового внешнеполитического курса КНР (1978–2001 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2019. Т.18. № 4. С.109.

⁸¹ Chen Jian. China's Road to the Korean War... P. 20.

⁸² Цвык А.В. Эволюция... С. 55.

⁸³ Wilson Center // Digital Archive [сайт]. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/119307> (дата обращения: 20.11.2019).

⁸⁴ Ibid.

зумежала использование китайским руководством противоречий между двумя сверхдержавами, а также получение Пекином определенной политической выгоды за счет столкновения интересов Вашингтона и Москвы⁸⁵. Рассматривалась и возможность создания «единого фронта для борьбы против СССР» с целью «срыва глобального плана, вынашиваемого СССР», как заявил Дэн Сяопин в интервью агентству «Франс-Пресс»⁸⁶.

Кроме того, в 1960-е гг. происходило постепенное сближение между КНР и Соединенными Штатами Америки, что приводило к росту напряженности в советско-китайских отношениях⁸⁷. В начале 1970-х гг. в связи с началом осуществления «пинг-понговой дипломатии» и после визита Р. Никсона в Китай американско-китайские отношения продолжали налаживаться, что, в свою очередь, отдаляло КНР от СССР⁸⁸.

В условиях растущей напряженности в советско-китайских отношениях и недоверия со стороны правительства КНР к Советскому Союзу советское руководство было вынуждено искать пути развития контактов с Тайванем, в связи с чем наблюдался рост интереса к установлению экономических и дипломатических связей не только с материковым Китаем, но и с островом. В конце 1960-х гг. активное сближение КНР с Соединенными Штатами Америки и одновременный спад в советско-китайских отношениях привели к тому, что в Москве начали обсуждать возможность смены политического ориентира с материковой части на Тайвань и отказу от прежней принципиальной позиции относительно тайваньского вопроса.

Правительство СССР стало склоняться к постепенному отдалению от принципа «одного Китая». Так, критика политического курса КНР, отказавшейся от участия в работе ООН, пока Тайвань имел членство в ней, прозвучала в письме советника посольства СССР в Пекине Ф.В. Мочульского и третьего секретаря Г.В. Киреева в адрес китайского правительства в 1961 г.⁸⁹ На протяжении всего десятилетия 1960-х гг. имели место контакты представителей СССР с оппозиционными силами Тайваня, выступавшими за независимый статус острова⁹⁰.

В этих условиях СССР и Тайвань искали возможности для установления неофициальных двусторонних связей⁹¹. Большую роль в процессе их взаимного сближения сыграл советский журналист В.Е. Луи, впервые прибывший на Тайвань в октябре 1968 г. и работавший для развития неофициальных контактов под псевдонимом Ван Пин⁹². Была достигнута договоренность обмена между Москвой и Тайбэем секретными сведениями о положении в КНР (за один только 1968 г. было организовано 30 обменов подобной информацией). Обсуждалась возможность того, что Советский Союз будет придерживаться нейтралитета в случае нападения Тайваня на КНР⁹³. В 1969 г. СССР с полуофициальным визитом посетил заместитель министра образования Тайваня⁹⁴. Неофициальные контакты между Москвой и Тайбэем продолжились и в 1970-е гг., в частности, за пределами Тайваня (в Вашингтоне) с участием тайваньского представителя⁹⁵.

⁸⁵ Трушкин А.Г. Идеологические основания... С. 110.

⁸⁶ Цвык А.В. Эволюция внешнеполитических доктрин КНР... С. 56.

⁸⁷ Zhang Jianhua. "Taiwan" and "Taiwan factor" in Sino-Soviet relations // Issues of Contemporary World Socialism. 2009. № 13. P. 42

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Лукин А.В. Россия и Китай... С. 528.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Zhang Jianhua. "Taiwan" and "Taiwan factor" in Sino-Soviet relations // Issues of Contemporary World Socialism. 2009. № 13. P. 43.

⁹² Tubilewicz C. Taiwan and the Soviet Bloc, 1949–1991... P. 30.

⁹³ Лукин А.В. Россия и Китай... С. 528.

⁹⁴ Там же. С. 531.

⁹⁵ Там же. С. 532.

Советско-тайваньские контакты осуществлялись преимущественно через третьи страны и на неофициальном уровне. Так, с 1970-х гг. Советским Союзом начала осуществляться торговля с Тайванем через Гонконг, Японию, ФРГ, а также через восточноевропейские страны⁹⁶.

После подписания в 1972 г. Шанхайского коммюнике между США и КНР, ставшего значительным шагом в налаживании китайско-американских отношений, Москва в очередной раз задумалась о необходимости расширения контактов с Тайванем и поиска почвы для сотрудничества с островом⁹⁷.

Однако при всех попытках установить дипломатические и экономические связи с Тайванем советская дипломатия официально продолжала придерживаться в отношении статуса острова прежних политических установок. При наличии интереса со стороны Тайваня в установлении официальных экономических отношений между Москвой и Тайбэем СССР проявлял сдержанность⁹⁸. Отсутствие прямых официальных контактов между Москвой и Тайбэем с одновременным поддержанием связей на неофициальном уровне привело к формированию своеобразной ситуации в двусторонних отношениях, которую советский историк-китаист П.М. Иванов охарактеризовал как «отношения без отношений»⁹⁹. Вероятно, советская сторона опасалась окончательного разрыва дипломатических отношений с Пекином и дальнейшего сближения КНР с США, а также перспектив возможного создания американско-китайской коалиции. Подобные соображения вынуждали СССР официально придерживаться позиции Пекина по тайваньскому вопросу, выстраивать дипломатические контакты с островом в рамках отношений с материковым Китаем. Даже после раскола в отношениях между Москвой и Пекином советская дипломатия не раз призывала к восстановлению мира в Тайваньском проливе и улаживанию конфликта¹⁰⁰. Подобная позиция Москвы находила отражение и в официальных заявлениях представителей советской стороны, и в конкретных действиях, предпринимаемых СССР. Так, 17 октября 1961 г. в выступлении Н.С. Хрущева на XXII съезде КПСС прозвучали слова критики в адрес «империалистов», создающих «напряженность в районе Тайваня»¹⁰¹. В конце 1962 г. в выступлении перед Верховным Советом СССР Н.С. Хрущев говорил о необходимости восстановления «законных прав КНР в ООН» и возвращении КНР «законной земли» – Тайваня¹⁰². В 1963 г. СССР отказался признать подпись Китайской Республики в международном соглашении о прекращении испытаний ядерного оружия в атмосфере, под водой и в космосе, выражая тем самым приверженность позиции существования лишь одного Китая – в лице Китайской Народной Республики. В течение 1960-х гг. СССР и другие страны социалистического блока выступали против участия Тайваня в международных организациях и мероприятиях, включая Метрическую конвенцию, Правовую конвенцию и Всемир-

⁹⁶ *Врадий С.Ю.* Российско-тайваньские отношения: история и перспективы // Известия Восточного института. 2017. № 2. С.72.

⁹⁷ *Лукин А.В.* Россия и Китай... С. 533.

⁹⁸ *Врадий С.Ю.* Российско-тайваньские отношения... С. 72.

⁹⁹ *Лукин А.В.* Россия и Китай... С. 533.

¹⁰⁰ *Xiang Zhai, Ruping Xiao.* Shifting political calculation: the secret Taiwan-Soviet talks, 1963–1971 // *Cold War History*. 2015. Vol. 15. № 4. P. 545.

¹⁰¹ Отчет Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII Съезду КПСС. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Н.С. Хрущева 17 октября 1961г. // Материалы XXII Съезда КПСС. М., 1962. С. 26.

¹⁰² Современное международное положение и внешняя политика Советского Союза. Доклад товарища Н.С. Хрущева на Сессии Верховного Совета СССР 12 декабря 1962 года // Правда. 1962. 13 декабря. С. 4.

ный почтовый союз¹⁰³. В 1971 г. Москвой вновь было поддержано решение о включении КНР в состав ООН и Совета Безопасности вместо Китайской Республики¹⁰⁴.

В начале 1980-х гг. администрацией Дэн Сяопина была разработана новая концепция «мирного объединения» Тайваня и материковой части Китая, известная как «одно государство – два строя». Концепция предполагала образование «единого Китая» при одновременном сохранении на материковой части социалистического, а на Тайване – капиталистического строя¹⁰⁵. Дэн Сяопин заявлял, что считает подобное решение тайваньского вопроса единственно возможным в условиях сложившейся ситуации в Тайваньском проливе¹⁰⁶. Концепция «одно государство – два строя», несомненно, представляла собой определенное смягчение прежней, более жесткой позиции Пекина по вопросу о политическом статусе Тайваня и способам разрешения проблемы. Интересно, что при постепенной трансформации политического курса КНР под руководством Дэн Сяопина и распространении концепции «одно государство – два строя» советские дипломаты не верили в возможность мирного воссоединения Тайваня и материкового Китая на основании новой концепции¹⁰⁷.

При этом в период 1960–1980-х гг. по мере охлаждения советско-китайских отношений действия советской дипломатии в рамках дискуссии о тайваньском вопросе встречали все более жесткую критику со стороны Пекина. Так, крайнее недовольство Пекина вызвали визиты на Тайвань В.Е. Луи¹⁰⁸.

Несмотря на то, что по мере охлаждения советско-китайских отношений и постепенного неофициального отдаления Москвы от прежних позиций в отношении Тайваня критика Пекином действий советской дипломатии была обращена в большей мере именно на «двуличность» и непринципиальность Москвы, чем на излишнюю активность СССР в дискуссии по тайваньскому вопросу. Однако даже в это время Пекин продолжал подчеркивать, что тайваньский вопрос воспринимается администрацией КНР исключительно как внутренняя проблема КНР. Это подчеркивалось и в заявлении Дэна Сяопина на расширенном заседании Военного Совета: «Мы, китайцы, не играем чужой картой и не позволяем никому другому играть китайской»¹⁰⁹.

Таким образом, после охлаждения отношений с КНР и до периода перестройки СССР в развитии связей с Тайванем был ограничен позицией Пекина и был вынужден привлекать внимание крупнейших игроков на международной арене к неразрешенному тайваньскому вопросу, официально придерживаясь позиции Китая в этом вопросе. Но после 1985 г. начинается период либерализации на Тайване, что создало условия для дальнейшего сближения Москвы и Тайбэя.

Представляется важным сравнение динамики диалога Москвы и Пекина по тайваньскому вопросу в 1950-х и в период 1960–1980-х гг. Если в 1950-е гг. активные действия советской дипломатии по разрешению тайваньского вопроса зачастую встречали критику со стороны Пекина, рассматривавшего тайваньский вопрос как внутреннее дело Китая, то в 1960–1980-е гг. (когда СССР стал допускать определенные послабления в следовании принципу «одного Китая» и предпринимать попытки налаживания контактов с Тайванем) КНР демонстрировала советской дипломатии неприятие подобных действий, расценивая их как проявление «двуличности» Москвы.

¹⁰³ Лукин А.В. Россия и Китай... С. 529.

¹⁰⁴ Резолюция A/RES/2758 (XXVI) Генеральной Ассамблеи ООН. Восстановление законных прав Китайской Народной Республики в ООН. 25 октября 1971 года // Организация Объединенных Наций [сайт]. URL: <http://undocs.org/ru/A/RES/2758%28XXVI%29> (дата обращения: 20.11.2019).

¹⁰⁵ Дэн Сяопин. Избранное. Пекин, 1994. С. 68.

¹⁰⁶ Там же. С. 79.

¹⁰⁷ Лукин А.В. Россия и Китай... С. 534.

¹⁰⁸ Там же... С. 530.

¹⁰⁹ Дэн Сяопин. Избранное... С. 165.

Возможной причиной для подобной специфики политического курса КНР могли быть опасения материкового Китая о потенциальном усилении позиций Тайваня на международной арене вследствие установления и развития советско-тайваньских отношений. Правительство материкового Китая могло также опасаться неблагоприятных последствий расширения советско-тайваньских контактов для экономики КНР. А окончательное угасание дискуссий на международной арене вокруг политического статуса острова не только нанесло бы удар по позициям материкового Китая на мировой арене, но и лишило бы государство рычага давления на отношения с такими крупнейшими международными игроками, как США и СССР. Нельзя исключать и вероятность того, что правительство КНР могло быть обеспокоено возможностью окончательного разрыва отношений с Советским Союзом в результате установления тесных связей между СССР и Тайванем.

Цзян Чэн в труде «Китай на пути к Корейской войне» обращает внимание на то, что для стратегической мысли Китая характерно рассматривать любую кризисную ситуацию одновременно и как опасность, и как возможность¹¹⁰. Подобное восприятие кризисных ситуаций отражается и в иероглифике китайского языка: двуслог, обозначающий понятие «кризис» (*weiji*) состоит из иероглифов *wei* (опасность) и *ji* (возможность)¹¹¹. Несмотря на то, что авторы в целом склонны к традиционному восприятию интересов и целей Пекина по тайваньскому вопросу, идея о том, что тайваньский вопрос использовался КНР в собственных внешнеполитических интересах, укладывается в концепцию восприятия кризиса как потенциальной возможности.

Если рассматривать тайваньский вопрос как инструмент влияния Пекина на динамику взаимодействия в рамках дипломатического треугольника Москва – Пекин – Вашингтон, то следует отметить, что в изучаемый период КНР использовала его достаточно успешно. С помощью этого своеобразного рычага давления КНР удавалось оказывать определенное влияние на политический курс СССР, не допуская главенства Москвы над собой.

Выводы

Таким образом, несмотря на формальные заявления Китайской Народной Республики о значимости тайваньского вопроса для материкового Китая и о необходимости немедленного его разрешения, в действительности руководство страны в рассматриваемый период стремилось извлекать определенную выгоду из этой дипломатической проблемы, намеренно затягивая процесс ее урегулирования. На протяжении всего существования тайваньского вопроса КНР удавалось искусно использовать проблему статуса и принадлежности Тайваня в своих политических интересах. КНР рассматривала тайваньский вопрос как один из способов влияния на динамику отношений в рамках «дипломатического треугольника» КНР – США – СССР. Занятая китайским руководством позиция по тайваньскому вопросу определяла его отношение к линии советской дипломатии, направленной на снижение напряженности в Тайваньском проливе и окончательное урегулирование проблемы. КНР не раз обращала внимание советского руководства на то, что рассматривает действия СССР в отношении вопроса о политическом статусе острова как неприемлемое вмешательство во внутренние дела материкового Китая. Критика с его стороны в адрес СССР звучала и после того, как Москва начала предпринимать попытки определенного пересмотра собственной позиции по тайваньскому вопросу. В свою очередь, попытки СССР установить отношения с Тайванем в условиях дипломатического кризиса с

¹¹⁰ *Chen Jian*. *China's Road to the Korean War...* P. 128.

¹¹¹ *Ibid.*

КНР приводили к обвинению советской стороны в «двуличности», отказе от прежних принципов. Таким образом, действия КНР по тайваньскому вопросу, как и реакция на усилия советской дипломатии по урегулированию проблемы, являются примером стратегаемного политического мышления, свойственного китайской дипломатии.

Рукопись поступила: 8 января 2020 г.

Submitted: 8 January 2020

Библиографический список

- Барышников В.Н.* Тайваньский вопрос в китайско-американских отношениях (1949–1958). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1969. 270 с.
- Верченко А.Л.* Четвертое поколение руководства КПК: отношения через Тайваньский пролив и позиция России // Общество и государство в Китае: XLIV научная конференция. М.: ИВ РАН, 2014. С. 281–291.
- Врадий С.Ю.* Российско-тайваньские отношения: история и перспективы // Известия Восточного института. 2017. № 2. С. 68–82.
- Галенович Ю.М.* Самоутверждение сыновей Тайваня. М.: Муравей, 2002. 200 с.
- Галенович Ю.М.* Глобальная стратегия Китая. М.: НП ИД «Русская панорама», 2016. 1176 с.
- Громько А.А.* Памятное. Испытание временем. М.: Центрполиграф, 2016. 560 с.
- Гудошников Л.М., Степанова Г.А.* Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), зарубежная китайская диаспора. М.: Наука, 2014. 764 с.
- Дэн Сяопин.* Избранное. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1994. 537 с.
- Киссинджер Г.* О Китае. М.: АСТ, 2017. 640 с.
- Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007. 598 с.
- Лукин А.В.* Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. М.: «Весь Мир», 2013. 704 с.
- Лычагин А.И., Комаров И.Д.* Тайваньский вопрос: внешние и внутренние детерминанты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 530–538.
- Непомнин О.Е.* История Китая. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2011. 736 с.
- Сталин И.В.* Беседа с корреспондентом Правды. М.: Госполитиздат, 1951. 340 с.
- Тихвинский С.Л.* История Китая с древнейших времен до начала XXI века. М.: Наука, 2013. 942 с.
- Трушкин А.Г.* Идеологические основания нового внешнеполитического курса КНР (1978–2001 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2019. Т.18. № 4. С. 107–114.
- Цвык А.В.* Эволюция внешнеполитических доктрин КНР (1950–1990-е гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 53–59.
- Brzezinski Z.K.* The Soviet Bloc: Unity and Conflict – Ideology and Power in the Relations among the USSR, Poland, Yugoslavia, China, and other Communist States, with an Introduction by Robert R. Bowie. Cambridge: Harvard University Press, 1960. 470 p.
- Chen Jian.* China's Road to the Korean War: The Making of the Sino-American Confrontation. New York: Columbia University Press, 1994. 339 p.
- Gao Xintao.* Zhong Su guanxi zhong de Taiwan wenti (1949–1959) // Guangxi Social Sciences. 2002. № 1. P. 40–56.
- Kuntić D.* The Ominous Triangle: China-Taiwan-the United States relationship // Croatian International Relations Review. 2015. Vol. 21. № 72. P. 239–280.
- Lin E.S., Yi-Hua Wu, Ta-Sheng Chou.* Country Survey: Defense Policy and Military Spending in Taiwan, 1952–2009 // Defence and Peace Economics. 2012. № 23. P. 343–364.
- Li Jian.* Secret Record of Contacts Between Taiwan and the Former Soviet Union. Beijing: Beijing University Press, 1995. 264 p.
- Roberts P., Levine S.I., Vámos P., Kaple D., Friedman J., Stiffler D.A.* Forum: Mao, Khrushchev, and China's Split with the USSR. Perspectives on The Sino-Soviet Split. Review of The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World // Journal of Cold War Studies. 2010. Vol. 12. № 1. P. 120–165.

- Tubilewicz C.* Taiwan and the Soviet Bloc, 1949–1991 // Maryland Series In Contemporary Asian Studies. 2005. № 4. P. 39–50.
- Tubilewicz C.* Taiwan and the Soviet Bloc, 1949–1991 // Maryland Series in Contemporary Asian Studies. 2005. № 4. P. 76–95.
- Tubilewicz C.* Taiwan and the Soviet Union During the Cold War: Enemies or Ambiguous Friends? // Cold War History. 2005 № 5. P. 75–86.
- Tubilewicz C.* The Little Dragon and the Bear: Russian-Taiwanese Relations in the Post-Cold War Period // The Russian Review. 2002. Vol. 61. № 2. P. 276–297.
- Vradiy S.Yu.* Russia's Unofficial Relations with Taiwan // Slavic Eurasian Studies. 2007. № 16-2. P. 219–234.
- Xiang Zhai, Ruping Xiao.* Shifting political calculation: the secret Taiwan-Soviet talks, 1963–1971 // Cold War History. 2015. Vol. 15. № 4. P. 533–551.
- Young S.M.* U.S. – China Relations // American Foreign Policy Interests. 2015. № 37. P. 264–272.
- Zhang Jianhua.* “Taiwan” and “Taiwan factor” in Sino-Soviet relations // Issues of Contemporary World Socialism. 2009. № 13. P. 37–51.
- Zhang Wei.* Lun Su lian zai di er ci Tai wan hai xia wei ji zhong de jue ce // Li shi jiao xue wen ti. 2008. № 2. P. 61–85.
- Zofka J., Vámos P., Urbansky S.* Beyond the Kremlin's reach? Eastern Europe and China in the Cold War era // Cold War History. 2018. Vol. 18. № 3. P. 251–256.

References

- Baryshnikov, V.N. *Tayvan'skiy vopros v kitaysko-amerikanskikh otnosheniyakh (1949–1958)*. Moscow: Nauka Publ., Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ., 1969 (in Russian).
- Brzezinski, Z.K. *The Soviet Bloc: Unity and Conflict – Ideology and Power in the Relations among the USSR, Poland, Yugoslavia, China, and other Communist States, with an Introduction by Robert R. Bowie*. Cambridge: Harvard University Press, 1960.
- Chen, Jian. *China's Road to the Korean War: The Making of the Sino-American Confrontation*. New York: Columbia University Press, 1994.
- Den, Syaopin. *Izbrannoye*. Beijing: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ., 1994 (in Russian).
- Galenovich, Yu.M. *Samoutverzhdeniye synovey Tayvanya*. Moscow: Muravey Publ., 2002 (in Russian).
- Galenovich, Yu.M. *Global'naya strategiya Kitaya*. Moscow: NP ID «Russkaya panorama» Publ., 2016 (in Russian).
- Gao, Xintao. “Zhong Su guanxi zhong de Taiwan wenti (1949–1959).” *Guangxi Social Sciences*, no. 1 (2002): 40–56.
- Gromyko, A.A. *Pamyatnoye. Ispytaniye vremenem*. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2016 (in Russian).
- Gudoshnikov, L.M., and Stepanova, G.A. *Tayvan', Syangan (Gonkong), Aomen' (Makao), zarubezhnaya kitayskaya diaspora*. Moscow: Nauka Publ., 2014 (in Russian).
- Kissindzher, G. *O Kitaye*. Moscow: AST Publ., 2017 (in Russian).
- Kuntić, D. “The Ominous Triangle: China-Taiwan-the United States relationship.” *Croatian International Relations Review* 21, no. 72 (2015): 239–280.
- Lin, E.S., Yi-Hua, Wu, and Ta-Sheng, Chou. “Country Survey: Defense Policy and Military Spending in Taiwan, 1952–2009.” *Defence and Peace Economics*, no. 23 (2012): 343–364.
- Li, Jian. *Secret Record of Contacts Between Taiwan and the Former Soviet Union*. Beijing: Beijing University Press, 1995.
- Lukin, A.V. *Medved' nablyudayet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII – XXI vekakh*. Moscow: Vostok-Zapad Publ., AST Publ., 2007 (in Russian).
- Lukin, A.V. *Rossiya i Kitay: chetyre veka vzaimodeystviya. Istoriya, sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya rossiysko-kitayskikh otnosheniy*. Moscow: «Ves' Mir» Publ., 2013 (in Russian).
- Lychagin, A.I., and Komarov, I.D. “The Taiwan Question: External and Internal Determinants.” *Vestnik RUDN. International Relations* 17, no. 3 (2017): 530–538 (in Russian).
- Nepomnin, O.Ye. *Istoriya Kitaya. XX vek*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS Publ., Kraft+ Publ., 2011 (in Russian).
- Roberts, P., Levine, S.I., Vámos, P., Kaple, D., Friedman, J., and Stiffler, D.A. “Forum: Mao, Khrushchev, and China's Split with the USSR. Perspectives on The Sino-Soviet Split. Review of The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World.” *Journal of Cold War Studies* 12, no. 1 (2010): 120–165.
- Stalin, I.V. *Beseda s korrespondentom Pravdy*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1951 (in Russian).
- Tikhvinskiy, S.L. *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka*. Moscow: Nauka Publ., 2013 (in Russian).

- Trushkin, A.G. “The ideological foundations of the new foreign policy of the PRC (1978–2001).” *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology* 18, no. 4 (2019): 107–114 (in Russian).
- Tsyvk, A.V. “The evolution of the conceptual basis of the foreign policy of the PRC (1950–1990).” *Vestnik RUDN. International Relations*, no. 1 (2015): 53–59 (in Russian).
- Tubilewicz, C. “Taiwan and the Soviet Bloc, 1949–1991.” *Maryland Series in Contemporary Asian Studies*, no. 4 (2005): 39–50.
- Tubilewicz, C. “Taiwan and the Soviet Bloc, 1949–1991.” *Maryland Series in Contemporary Asian Studies*, no. 4 (2005): 76–95.
- Tubilewicz, C. “Taiwan and the Soviet Union During the Cold War: Enemies or Ambiguous Friends?” *Cold War History*, no. 5 (2005): 75–86.
- Tubilewicz, C. “The Little Dragon and the Bear: Russian-Taiwanese Relations in the Post-Cold War Period.” *The Russian Review* 61, no. 2 (2002): 276–297.
- Verchenko, A.L. “Chetvortoye pokoleniye rukovodstva KPK: otnosheniya cherez Tayvan'skiy proliv i pozitsiya Rossii.” In *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye: XLIV nauchnaya konferentsiya*, 281–291. Moscow: IV RAN Publ., 2014 (in Russian).
- Vradyi, S.Yu. “Russian-Taiwanese Relations: History and Prospects.” *Oriental Institute Journal*, no. 2 (2017): 68–82 (in Russian).
- Vradyi, S.Yu. “Russia’s Unofficial Relations with Taiwan.” *Slavic Eurasian Studies*, no. 16–2 (2007): 219–234.
- Xiang, Zhai, and Ruping, Xiao. “Shifting political calculation: the secret Taiwan-Soviet talks, 1963–1971.” *Cold War History* 15, no. 4 (2015): 533–551.
- Young, S.M. “U.S. – China Relations.” *American Foreign Policy Interests*, no. 37 (2015): 264–272.
- Zhang, Jianhua. “Taiwan” and “Taiwan factor” in Sino-Soviet relations.” *Issues of Contemporary World Socialism*, no. 13 (2009): 37–51.
- Zhang, Wei. “Lun Su lian zai di er ci Tai wan hai xia wei ji zhong de jue ce.” *Li shi jiao xue wen ti*, no. 2 (2008): 61–85 (in Chinese).
- Zofka, J., Vámos, P., and Urbansky, S. “Beyond the Kremlin’s reach? Eastern Europe and China in the Cold War era.” *Cold War History* 18, no. 3 (2018): 251–256.

Информация об авторах / Information about the authors

Бельченко Андрей Станиславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Andrey S. Belchenko, Kandidat Istoricheskikh Nauk [PhD. in History], Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University.

Новоселова Майя Георгиевна, магистрант направления зарубежного регионоведения факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

Maya G. Novoselova, Master student of the direction of foreign regional studies, the faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-438-447>

Научная статья / Research article

The Idea of a “Greater Europe” in Russian Foreign Policy: Past and Present

Anatoly V. Tsvyk^a, Konstantin P. Kurylev^b

^aUnaffiliated researcher, Moscow, Russia; a.tsvyk91@mail.ru

^bRUDN University, 10, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia,
Email: kurylev-kp@rudn.ru

Идея «Большой Европы» во внешней политике России: история и современность

А.В. Цвык^а, К.П. Курылев^б

^аНеаффилированный исследователь, г. Москва, Россия; a.tsvyk91@mail.ru

^бРоссийский университет дружбы народов, 117198, Россия, Москва,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Email: kurylev-kp@rudn.ru

Abstract: This article examines the notion of a “Greater Europe” in Russian foreign policy from the 1990s to the present. The idea developed as the Russian government sought to establish its national and civilizational identity in the wake of the USSR’s dissolution. At the turn of the 21st century, Moscow embraced the idea of a rapprochement with the rest of Europe. Pursuing the notion of “Greater Europe,” to create a single continental economic, political and cultural space, became a major diplomatic objective as it developed a strategic partnership with the European Union. However, in more recent years its outlook on the world has changed. Furthermore, after relations with Brussels deteriorated in the wake of the Ukrainian crisis and the latter’s imposition of sanctions has also affected Russian foreign policy. This article considers the emergence and evolution of the idea of a “Greater Europe”, and examines possible ways to realize this ambition. It argues that a EAEU-EU “combination” could become a basis for implementing this concept. However, any potential rapprochement can only be possible when the political barriers the EU established in its relations with Russia and the EAEU are removed.

Keywords: Russia, foreign policy, Greater Europe, Eurasian Economic Union, European Union

For citation: Tsvyk, Anatoly V., and Kurylev, Konstantin P. “The idea of a “Greater Europe” in Russian Foreign Policy: Past and Present.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 2 (May 2020): 438–447. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-438-447>

Acknowledgements and Funding: This research was supported by the Russian Science Foundation. The scientific project № 19-18-00165.

Аннотация: Развитие российского государства исторически сопровождалось поиском национально-цивилизационной идентичности, что проецировалось на его внешнюю политику. В конце XX – начале XXI в. Россия обратилась к идее сближения с европейскими странами и выдвинула концепцию «Большой Европы» как проект создания единого общеевропейского экономического, политического гуманитарного пространства. Реализация проекта «Большой Европы» стала одним из главных направлений российской внешней политики конца XX – начала XXI в. Однако с начала 2000-х гг. международная обстановка значительно изменилась. После событий 2014 г. на Украине и последующих санкций со стороны ЕС отношения между Россией и Евро-союзом оказались в состоянии глубокого кризиса, что значительно осложнило осуществление идеи о единой и неделимой «Большой Европе». В данной статье авторы прослеживают историю возникновения и развития идеи «Большой Европы», выявляют проблемы ее реализации в новом

формате взаимодействия между Евразийским экономическим союзом и Европейским союзом. Авторы приходят к выводу, что эффективное взаимодействие между евразийской и европейской интеграциями может придать новый импульс идее «Большой Европы» только в случае преодоления политического барьера в отношениях между ЕС и Россией.

Ключевые слова: Россия, внешняя политика, Большая Европа, Евразийский экономический союз, Европейский союз

Для цитирования: Цвык А.В., Курьлев К.П. Идея «Большой Европы» во внешней политике России: история и современность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 438–447. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-438-447>

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00165).

Introduction

As it evolved, the Russian state sought to establish its national and civilizational identity, an endeavor that was reflected in its foreign policy. At the turn of the 21st century, Moscow embraced the idea of a rapprochement with the rest of Europe and advocated a “Greater Europe” to create a single pan-European economic, political and cultural space. As a result, implementing a Greater Europe became one of its main foreign policy goals, as it developed a strategic partnership with the European Union. However, since the early 2000s, the global environment has changed dramatically. After the events of 2014 in Ukraine, relations between Russia and the EU entered into a deep crisis, which made it much more difficult to establish a single and undivided Greater Europe. At the same time, Moscow’s diplomatic priorities also changed as it developed Eurasian orientation and integrating its states in this space now became a major priority. As a result, it now sought closer ties not only with the EU, but also with China, which also has integration initiatives in Eurasia.

In his speech in 2015 at the 20th annual conference of the Baltic Forum, “The U.S., the European Union (EU) and Russia – the New Reality,” Russia’s former Foreign Minister Igor Ivanov acknowledged the failure of the Greater Europe project. As he put it, “Russia is no longer the eastern flank of the abortive Greater Europe and is becoming the western flank of the emerging Greater Eurasia”¹. Nevertheless the question remains relevant: Does the rise of “Greater Eurasia” mean the end of a “Greater Europe”?

This article traces the emergence and evolution of the idea of a Greater Europe. It will go on to analyze possible ways of implementing it according to the example of interaction between the Eurasian Economic Union (EAEU) and the EU, and concludes by considering the prospects for a Greater Europe.

The History of the Idea of “Greater Europe”

In 1959, French President Charles de Gaulle proclaimed: “Europe – from the Atlantic Ocean to the Ural Mountains – it is Europe that will determine the future of the world”². Scholars still debate the meaning of his phrase. Not a proponent of Atlanticism, the French leader went on to use the expression “Europe from the Atlantic Ocean to the Urals” on multiple occasions and in different contexts, to effect a rapprochement between France and Germany in promoting European integration, and establish a dialog with the USSR. At a meeting with Soviet Ambassador S.A. Vinogradov, De Gaulle said: “Time will come when we will be building Europe together with the Soviet Union”³.

¹ I. Ivanov, “Zakat bolshoi Evropy,” *Russian International Affairs Council*, accessed November 4, 2019, <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/zakat-bolshoy-evropy/>.

² E.Iu. Il’in, “The concept of Greater Europe from Lisbon to Vladivostok: problems and perspectives,” *MGIMO Review of International Relations* 4, no. 2 (2015): 77–85.

³ A. Oganessian, “Evropa: ot Lissabona do Vladivostoka,” accessed December 4, 2019, <http://www.geopolitics.ru/2012/12/evropa-ot-lissabona-do-vladivostoka-2/>.

As he expanded the geopolitical contours of single Europe all the way to the Urals, including the European part of the USSR, the president was probably the first European politician to consider continental unity in the context of closer ties with Moscow. In effect, he hoped to enlarge the boundaries of the European Economic Community's "Smaller Europe." However, his endeavor to tie Europe's leading nations more closely with Russia culturally, economically, politically, as well as in defence, has deep roots in history.

Over the centuries, Russia relationship with the West has been seen in the context of its own national identity. It was a question that occupied the minds of Russia's elite beginning with Peter the Great's reforms in the early 18th century, when the empire was seen as backward compared to Europe. The quest to become an equal of the West was an important element of its transformation into a European great power. And in taking the European path of modernization championed by the "Westernizers," Russia sought closer ties with the continent's other powers.⁴

Western scholars have seen Russia's relations with the rest of Europe in different ways. Sir Halford Mackinder, the most prominent representative of the Anglo-Saxon school of geopolitics, introduced the notion of the "Heartland" in his landmark article of 1904, "The Geographic Pivot of the History."⁵ This was his term for northwestern Eurasia, rich in natural resources and geographically inaccessible to Great Britain or any other maritime nation. Sir Halford noted that the Heartland had strongly influenced European events throughout history. In his opinion, Europe was the home of modern civilization. However, the Heartland, controlled by Russia (or the USSR) was a force that made a direct impact on the continent. Therefore, joining it with Russia might create the most powerful combination in the world, thereby eclipsing the British Empire.

Subsequently, the German school of geopolitics saw the Soviet Union as a potential ally to oppose the Anglo-Saxon maritime powers, i.e. the U.K. and the U.S. In the 1920's and 30's, Karl Haushofer, one of its most prominent advocates, advocated a Berlin – Moscow – Tokyo continental bloc. More recently, the neo-fascist Belgian politician Jean-François Thiriart proposed a "Euro-Soviet Empire from Vladivostok to Dublin," to liberate the continent from the American "thalassocracy" (rule by the sea).⁶

During the Cold War, when Western – above all British and American – strategists saw the Soviet Heartland as their main ideological rival, any serious attempt to create a European political and military common space with the USSR was virtually impossible.⁷ Nevertheless, some European statesmen, most notably De Gaulle, as well as Soviet leaders, held out hopes for such a combination. According to I. Timofeev,

Europe was divided into two military and political camps. But their equivalence, as well as the internal consolidation and stability of virtually all players made it possible to have common rules of the game.⁸

In 1985, the signing of the final act of the Conference on Security and Co-operation (CSCE) in Europe, or Helsinki Accords, which defined the underlying principles of Soviet cooperation with the West, was an important step towards a Greater Europe.

⁴ R. Taras, *Russian Identity in International Relations: Images, Perceptions, Misperceptions* (London: Routledge, 2013), 305.

⁵ H.J. Mackinder, "The Geographical Pivot of History," *The Geographical Journal* 23, no. 4 (1904): 421–437.

⁶ Edouard Rix, "Jean Thiriart, the Machiavelli of United Europe, accessed November 20, 2019, https://www.academia.edu/12121122/Jean_Thiriart_the_Machiavelli_of_United_Europe.

⁷ C. Crouch, D. Marquand, *Towards Greater Europe? A Continent without an Iron Curtain* (Oxford: Blackwell Publishers, 1992), accessed 12 December, 2019, http://books.google.com/books?id=MzYIgAACAAJ&dq=%22Greater+Europe%22&as_br=0.

⁸ I. Timofeev, "An unbalanced Europe and a new order in the OSCE area," *Paper of "Valdai" International Discussion Club*, accessed November 20, 2019, <http://ru.valdaiclub.com/files/23949/>.

During the Perestroika era of the 1980's, Soviet leader Mikhail Gorbachev raised the idea of a rapprochement with the West through a "Common European Home."⁹ During his visits to France in 1985 and Czechoslovakia two years later, he explained that his initiative was to help overcome the Cold War by eliminating the military and political hostility between the continent's socialist and capitalist systems.¹⁰ However, according to I. Maksimychev,

weaknesses of an updated political system of the USSR/Russia were effectively used by the West to impose its own pattern of a 'New World Order' on the global community, a pattern that did not take into account Russia's security needs.¹¹

The Charter of Paris for a New Europe adopted at a 1990 CSCE summit in Paris "set forth guidelines for realization of a community of free and democratic States from Vancouver to Vladivostok" – a Greater Europe, which were reaffirmed by the 1992 Helsinki Declaration of the CSCE. But those documents were not binding.

The Soviet Union and, afterwards, Russia, diligently abided by all the clauses of the resolutions, without heeding any possible domestic political repercussions; other parties carefully selected what suited them and what did not. It is perfectly obvious that a true 'Greater Europe' was not among their priorities,¹²

I. Maksimychev justly notes.

The Soviet leadership's controversial actions in domestic and foreign policy, followed by the disintegration of the USSR in 1991 and subsequent collapse of a bipolar system of international relations did not bring about the Common European Home that Gorbachev so ardently desired. On the contrary, notes A.V. Vinogradov,

the West, by inertia, perceived its victory in Europe as a victory on global scale, a triumph in the Cold War, as it haughtily ignored not only the defeated Russia but the rising East¹³.

Kuznetsov adds,

The 1990s were essentially a time when an EU-centric model of 'Greater Europe' was beginning to dominate. It is not by chance that the term 'Greater Europe' in Western academic papers was increasingly substituted with 'Wider Europe' (etymologically close to 'Expanded Europe,' which implies the presence of a nucleus of some sort).¹⁴

The Wider Europe included the former members of the Eastern bloc, which were to be integrated with the European Union.

In 1994, the EU signed an Agreement on Partnership and Cooperation with Russia. While it was a step ahead in bettering relations between the two parties, as F. Lukianov noted, Russia was not going to be integrated with the EU. However, the idea of "strategic partnership" became the conceptual basis of relations between Russia and Union during the entire post-Soviet period.¹⁵

It was becoming increasingly evident that the approach in Brussels to building a Greater Europe remained vastly different from Russia's. The former's policy with regard to Eastern Europe was to predicate its relations on the EU's dominance. For instance, in March 2003

⁹ T. Hopf, *Understandings of Russian Foreign Policy* (Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1999), 205.

¹⁰ I.M. Busygina, *Osnovy Bol'shoi Evropy* (Moscow: Spetskniga Publ., 2014), 31–62.

¹¹ *Ibid.*, 115.

¹² *Ibid.*, 115.

¹³ A.V. Vinogradov, "Russia in Eurasia: between China and the West. Identity, Ideology and Geopolitics," *Outlines of global transformations: politics, economics, law* 12, no. 2 (2019): 228–246.

¹⁴ A. Kuznetsov, "Rethinking the concept of Greater Europe due to the Ukrainian crisis," *International Affairs*, no. 12 (2014): 6–17.

¹⁵ F. Lukianov, "Nebol'shaya Evropa," *Rossiiskaia gazeta*, accessed November 3, 2019, <https://rg.ru/2016/08/16/fedor-lukianov-evrosoiuz-vpal-v-konceptualnyj-stupor.htm>.

the European Commission released a report titled “Wider Europe – Neighborhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbors,” which unveiled a new European neighborhood policy and emphasized the EU’s importance in strengthening ties with neighboring countries.

The primary objective of this neighborhood policy was establishing “special relations” with CIS nations to prevent a regional union under Russia’s auspices. As M. Lagutina notes, the EU *de facto* started knowingly to exclude Russia from participating in its neighborhood policy, despite the latter’s central geopolitical role in the post-Soviet space. In declaring its goal to be creating a Europe “without dividing lines,” Brussels was actually producing new divisions between Russia and other CIS countries. Moscow, in turn, sought to keep its influence in the region by developing its own integration initiatives and projects. At the same time, as N. Arbatova notes, “The space to the east of the EU is treated as a single unit, though Russia is seen to occupy a special position because its resources are important for Europe as a whole.”¹⁶ R. Sakwa agrees: “on a range of structural and ideological issues Russia and Europe were increasingly mutual dependent, as in the energy sector, as well as in security matters”¹⁷.

However, Atlanticism was growing stronger, and NATO continued its eastward expansion. It was not only gradually eliminating the idea of Russia as a guarantor of common European security but also suggested a policy of more active military and political confrontation with Moscow. By contrast, the idea of building a Greater Europe of Russia and the EU largely determined the former’s foreign policy in the early 21st century.

In 2005, at a Russia-EU summit in Moscow, the parties adopted “roadmaps” towards building a common economic space, as well as common spaces of freedom, security, justice, external security, scientific research, and education. Going forward, implementing these roadmaps was linked to the idea of building a common economic space from Lisbon to Vladivostok.¹⁸ Speaking at a top-level meeting within the framework the summit’s framework, Russian President Vladimir Putin referred to a Greater Europe, which, in his view, had been under construction since the Berlin Wall had come down.¹⁹

Many scholars see the “Partnership for Modernization” initiative proposed in 2009 at a Russia-EU summit as a way to strengthen their strategic partnership and create a common economic space. The partnership’s priorities included encouraging investment in key sectors driving growth and innovation; enhancing and deepening bilateral trade and economic relations; promoting small and medium-sized enterprises; sponsoring harmonization of technical regulations and standards, as well strictly enforcing intellectual property rights, among other.²⁰

However, during the next decade Russia’s foreign policy priorities shifted away from the West towards Eurasian integration²¹. The political conflict between Russia and the EU that resulted from the Ukrainian crisis of 2014 and the latter’s subsequent sanctions put significant obstacles in the way of a of a Greater Europe. One result was the Treaty on

¹⁶ N. Arbatova, “Cooperation or Integration? Russia and Greater Europe,” *Osteuropa* 53, no. 9 (2003): 1492–1500.

¹⁷ R. Sakwa, “Looking for a Greater Europe: From Mutual Dependence to an International Regime,” *Communist and Post-Communist Studies* 45, no. 3–4 (2012): 315–325.

¹⁸ V.V. Putin, “Po itogam sammita Rossiya – ES utverzhdenny „dorozhnye karty” chetyrekh obshchikh prostranstv,” accessed November 25, 2019, <http://kremlin.ru/events/president/news/33331>.

¹⁹ V.V. Putin “Vstupitel'noe slovo na vstreche na vysshem urovne Rossiya – Evropeiskii soyuz,” accessed 7 November, 2019, <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22966>.

²⁰ “Initsiativa Rossiya-ES’Partnerstvo dlya modernizatsii,” accessed November 3, 2019, http://eu-russiacentre.ru/wp-content/sklad/2009/10/EURC_review_XV_RUS.pdf.

²¹ A.V. Tsvyk, “‘Greater Europe’ or ‘Greater Eurasia’? In Search of New Ideas for the Eurasian integration,” *RUDN Journal of Sociology*, 18, no. 2 (2018): 262–270.

the Eurasian Economic Union, which took effect in 2015. A. Lukin notes that “Russia began to demonstrate its desire to act as a “collector” of the single geopolitical space of the Eurasian continent.”²²

The Eurasian Economic Union and the European Union: The End or New Possibilities for the Greater Europe?

This new diplomatic orientation eastwards did not mean abandoning the idea of a Greater Europe, but the EAEU’s emergence has nevertheless changed it. In a 2011 article in the Moscow daily *Izvestia*, Vladimir Putin revisited the notion. As he saw it, the future EAEU was meant to be an integral part of Greater Europe united by shared values of freedom, democracy, and market laws. The Russian president emphasized that the dialogue with the EU was to be carried out on behalf of the Customs Union (later the EAEU), not Russia alone.²³ A few weeks later, the paper published a piece by Belarus’ President Alexander Lukashenko discussing the prospects for Eurasian integration. Also advocating an undivided Greater Europe, he introduced the term “integration of integrations” into the discourse.²⁴

Since its creation, the EAEU has attempted to open a dialogue with the European Union. In October 2015, the Eurasian Economic Commission (EAEC) approached the European Commission to establish official contacts and begin discussions to create a common economic space.²⁵ However, the official reply from Brussels in November was to Moscow rather than the EAEC (and, consequently, to the EAEU). Jean-Claude Juncker, who then headed the Commission, did reply that he supported developing relations between the EU and the EAEU, noting that he had instructed his staff to consider possible areas of cooperation with the latter. At the same time, he pointed out that any decisions would have to be adopted by a consensus of all EU member nations and must be linked to the Minsk Accords on Ukraine. Russia reacted by expressing its doubts about tying any collaboration between the two unions and settling the Ukrainian imbroglio, since, in its view, implementing the Minsk Accords largely depended on Kiev.

N. Kondrateva argues that the EU’s inability to pursue a better relationship with the EAEU is quite understandable. First, there are a number of formerly socialist East European countries among its members, some of whom are hostile to Russia. At the same time, the post-Soviet space is an area of special interest for the EU’s Eastern Partnership initiative,²⁶ and establishing EAEU exacerbated their rivalry. As has been pointed out, the European neighborhood policy and the Eastern Partnership are only feasible in the absence of any alternatives to European integration. Indeed, in pursuing the former, EU officials disregard the EAEU and are unwilling to consider mechanisms for developing relations between the two entities.²⁷

Moreover, according to Russian scholars, the EU often prefers to deal with the EAEU’s members on a bilateral basis, such as its “Eastern Partnership” involving Belarus and Armenia. For example, on the back of an Eastern Partnership summit in Brussels in

²² A. Lukin, D. Novikov, “From Greater Europe to Greater Eurasia: What Brings the World a Fundamental Geopolitical Shift,” *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost*, no. 5 (2018): 60–76.

²³ V. Putin “A new integration project for Eurasia—the future that is emerging today,” *Izvestia*, accessed November 6, 2019, <https://iz.ru/news/52761>.

²⁴ A.O. Lukashenko, “About the destiny of our integration,” *Izvestia*, accessed November 8, 2019, <https://iz.ru/news/504081>.

²⁵ “The Eurasian Economic Union proposes to start a dialogue on the creation of a common economic space,” TASS, accessed November 7, 2019, <http://tass.ru/ekonomika/2380019>.

²⁶ N. Kondrateva, “EU-EAEU Relations: Features of the Present Stage,” *Sovremennaya Evropa*, no. 3 (2018): 62.

²⁷ *Ibid.*, 64.

late November 2017, the EU and Armenia signed a Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement, which includes provisions on trade and economic cooperation, liberalization of the visa regime, etc.²⁸ At the same time, work is under way for the EU to enter into a similar agreement with Belarus.

In both cases, the initiative to deepen bilateral cooperation came from the EU, which, according to Irina Gurova, was motivated by a desire to compete with Russia over closer links with former Soviet republics.²⁹ M. Entin suggests that Brussels hopes to profit from controversies within the EAEU, adding that its members must work towards establishing common ground and be wary of setting up any free trade zone with the EU.³⁰

As a result, integrating the EAEU with the EU remains on the drawing board, despite its promise of building a common economic, political and cultural space within the framework of Greater Europe. One obstacle is the fact that politics tend to take precedence over economic interests. As N. Zaslavskaya observed, political and conceptual differences, competing geopolitical priorities, clashing values, as well as diverging conceptions of possible interaction impede cooperation between the two groups.³¹

According to A. Gromyko, the EAEU and the EU walk a fine line between co-existence and confrontation. The idea of common space from Lisbon to Vladivostok remains an important goal for the future, because the EU needs it no less than the EAEU.³² In considering the relationship between the two institutions, A. Bazhan discerns three elements: Military and political confrontation; co-existence, regardless of that confrontation; and there is cooperation since they interact economically through trade and investment.³³

The model of the EU's domestic market has become a benchmark for identifying priorities of the Eurasian economic model, in Kondrateva's opinion. She explains that during a short period, the EAEU adopted many institutional and legal elements of the European model. As a result, from the very start, similarities between the way the two unions have developed have encouraged their congruence in the future. Indeed, they share many mutual interests. First, the EU could play a pivotal role promoting technological development and digitalization in the EAEU's member nations. Second, EAEU members could provide energy security to the EU. Most important, their interaction could be the foundation of a new security system, one that is Eurasian rather than Atlantic, without U.S. involvement.

Conclusion

At the turn of the 21st century, better relations with European governments became a top priority for Russia's leaders. To realise this ambition, they suggested the idea of a Greater Europe to build a common pan-European economic, political and cultural space. The concept of single, undivided Greater Europe with the USSR/Russia had deep historical roots. However, during the Cold War closer ties with Western Europe were virtually

²⁸ "Evrosoyuz i Armeniya podpisali soglasenie o partnerstve," Deutsche Welle, accessed November 29, 2019, <http://www.dw.com/ru/evrosoyuz-i-armeniya-podpisali-soglasenie-o-partnerstve/a-41524625>.

²⁹ I. Gurova, "Eastern Partnership: Trade Integration of the EU Target Countries," *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* 62, no. 3 (2018): 86–97.

³⁰ "Evraziiskii ekonomicheskii soyuz i Evrosoyuz: sotrudnichestvo, sosushchestvovanie ili konfrontatsiya," accessed October 30, 2019, <https://eurasia.expert/evraziyskiy-ekonomicheskii-soyuz-i-evrosoyuz-sotrudnichestvo-sosushchestvovanie-ili-konfrontatsiya>.

³¹ N.G. Zaslavskaya, "Challenges to Interaction between EAEU and EU," *Administrative Consulting*, no 11 (2017): 38–39.

³² A.I.A. Gromyko, "Greater Europe: Internal and External Security Threats," *Herald of the Russian Academy of Sciences* 88 (2018): 185–191.

³³ "Evraziiskii ekonomicheskii soyuz i Evrosoyuz: sotrudnichestvo, sosushchestvovanie ili konfrontatsiya," accessed October 21, 2019, <https://eurasia.expert/evraziyskiy-ekonomicheskii-soyuz-i-evrosoyuz-sotrudnichestvo-sosushchestvovanie-ili-konfrontatsiya>.

impossible due to the ideological, military and political confrontation between the capitalist and socialist blocks.

As democratic reforms unfolded in the late 1980s, the Soviet Union took concrete steps to bring about a rapprochement of the Soviet Union and West European nations. Among other, the Soviet Union's leaders consented to abolishing the GDR and its subsequent unification with its capitalist counterpart into a united Germany, while Gorbachev proposed a "Common European Home." However, none of these initiatives helped integrate the USSR into a united Europe. Although the Soviet Union disintegrated in 1991, these moves still evoke controversy.

As V. Inozemtsev notes, the Russian Federation that succeeded it was not ready to join the EU because of its own worldview,³⁴ and in the 1990s it relied on the 1994 Agreement on Partnership and Cooperation to interact with the body. Meanwhile, Brussels continued to promote its own model of integration, with the EU at the center and Russia on the periphery. Nevertheless, their strategic partnership continued to thrive during the next decade, which resulted in adopting "roadmaps" and a "Partnership for modernization."

The years 2010s were a turning point in relations between Moscow and Brussels. The Ukrainian crisis and the EU's sanctions encouraged an eastward redirection in Russian foreign policy as it focused instead on Eurasian integration, and the concept of a Greater Eurasia began to replace that of a Greater Europe in the government's political discourse. Some scholars have noted that the same officials who had worked on the latter earlier on now turned their attention to the Greater Eurasia. As a result, the new model is similar to its predecessor in some respects. Furthermore, this development did not extinguish hopes for a Greater Europe, since the EAEU is open to cooperation and integration with similar groups in the West as well as in the East.

Any rapprochement between the two unions will only become possible the political barriers mounted by the EU in its relations with Russia and the EAEU are lowered. Brussels should stop perceiving the EAEU as a Russian project *par excellence*, aimed at reviving Moscow's hegemony in the post-Soviet space. Instead, it should realize that Eurasian integration in its current form is essential for promoting pan-European integration, i.e., the Greater Europe. The EAEU, in turn, should strengthen its international legal standing and the economies of its member nations, to stop merely following the EU's rules and standards, and move away from being its disciple towards establishing a level playing field with Brussels.

The idea of a Greater Europe has not lost its relevance. Despite some skepticism, French President Emmanuel Macron's declaration in August 2019 that he strongly advocates "a Europe stretching from Lisbon to Vladivostok," is evidence that a Greater Europe is still on the minds of Western Europe's leaders.

Рукопись поступила: 28 декабря 2019 г.

Submitted: 28 December 2019

References

- Arbatova, N. "Cooperation or Integration? Russia and Greater Europe." *Osteuropa* 53, no. 9 (2003): 1492–1500.
- Busygina, I.M. *Osnovy Bol'shoi Evropy*. Moscow: Spetskniga Publ., 2014 (in Russian).
- Gromyko, A.I.A. "Greater Europe: Internal and External Security Threats." *Herald of the Russian Academy of Sciences* 88 (2018): 185–191 (in Russian).

³⁴ V. Inozemtsev, "Vozvrashchenie 'Bol'shikh strategii'," *Russian International Affairs Council*, accessed October 9, 2019, <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-bolshikh-strategy/>.

- Gurova, I. "Eastern Partnership: Trade Integration of the EU Target Countries." *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* 62, no. 3 (2018): 86–97.
- Hopf, T. *Understandings of Russian Foreign Policy*. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1999.
- Il'in, E.Iu. "The concept of Greater Europe from Lisbon to Vladivostok: problems and perspectives." *MGIMO Review of International Relations* 4, no. 2 (2015): 77–85 (in Russian).
- Kondrateva, N. "EU-EAEU Relations: Features of the Present Stage." *Sovremennaya Evropa*, no. 3 (2018): 60–70 (in Russian).
- Kuznetsov, A. "Rethinking the concept of Greater Europe due to the Ukrainian crisis." *International Affairs*, no. 12 (2014): 6–17 (in Russian).
- Lukin, A., and Novikov, D. "From Greater Europe to Greater Eurasia: What Brings the World a Fundamental Geopolitical Shift." *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost*, no. 5 (2018): 60–76 (in Russian).
- Mackinder, H.J. "The Geographical Pivot of History." *The Geographical Journal* 23, no. 4 (1904): 421–437.
- Sakwa, R. "Looking for a Greater Europe: From Mutual Dependence to an International Regime." *Communist and Post-Communist Studies* 45, no. 3–4 (2012): 315–325.
- Taras, R. *Russian Identity in International Relations: Images, Perceptions, Misperceptions*. London: Routledge, 2013.
- Tsvyk, A.V. "'Greater Europe' or 'Greater Eurasia'? In Search of New Ideas for the Eurasian integration." *RUDN Journal of Sociology* 18, no. 2 (2018): 262–270 (in Russian).
- Vinogradov, A.V. "Russia in Eurasia: between China and the West. Identity, Ideology and Geopolitics." *Outlines of global transformations: politics, economics, law* 12, no. 2 (2019): 228–246 (in Russian).
- Zaslavskaya, N.G. "Challenges to Interaction between EAEU and EU." *Administrative Consulting*, no 11 (2017): 38–39 (in Russian).

Библиографический список

- Бусыгина И.М. Основы Большой Европы. РСМД. М.: Спецкнига, 2014. 350 с.
- Виноградов А.В. Россия в Евразии: между Китаем и Западом. Идентичность, идеология и геополитика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 2. С. 228–246.
- Гурова И. Восточное партнерство: торговая интеграция "целевых" стран Евросоюза // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 3. С. 86–97.
- Громыко Ал.А. Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы. М.: Весь Мир; Ин-т Европы РАН, 2014. 704 с.
- Заславская Н.Г. Проблемы взаимодействия ЕАЭС и ЕС // Управленческое консультирование. 2017. № 11. С. 38–39.
- Ильин Е.Ю. Концепция Большой Европы от Лиссабона до Владивостока: проблемы и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2. С. 77–85.
- Кондратьева Н. Отношения ЕС-ЕАЭС: особенности современного этапа // Современная Европа. 2018. № 3. С. 60–70.
- Кузнецов А. Переосмысление концепции Большой Европы в связи с украинским кризисом // Международные отношения. 2014. № 12. С. 6–17.
- Лукин А., Новиков Д. «От Большой Европы к Большой Евразии: что приносит миру фундаментальный геополитический сдвиг». Восток // Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. № 5. С. 60–76.
- Цвык А.В. «Большая Европа» или «Большая Евразия»? В поисках новых идей для евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2. С. 262–270.
- Arbatova N. Cooperation or Integration? Russia and Greater Europe // *Osteuropa*. 2003. Т. 53. № 9. С. 1492–1500.
- Hopf T. *Understandings of Russian Foreign Policy*. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1999. 294 p.
- Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // *The Geographical Journal*. 1904. Vol. 23. № 4. P. 421–437.

Sakwa R. Looking for a Greater Europe: From Mutual Dependence to an International Regime // Communist and Post-Communist Studies. 2012. Vol. 45. № 3–4. P. 315–325.

Taras R. Russian Identity in International Relations: Images, Perceptions, Misperceptions. London: Routledge, 2013. 155 p.

Информация об авторах / Information about the authors

Цвык Анатолий Владимирович, кандидат исторических наук.

Anatoly V. Tsyk, Kandidat Istoricheskikh Nauk [PhD. in History].

Курылев Константин Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов

Konstantin P. Kurylev, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil hist.], Professor at the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-448-467>

Научная статья / Research article

Дискуссия вокруг книги Е.Е. Колосова «Народовольческая журналистика» в 1930–1932 гг.

О.В. Шемякина

Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева;
125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 9; shemiakina@yandex.ru

The Discussion about the Book “The People’s Will Party’s Journalism” by E.E. Kolosov in 1930–1932

Olga V. Shemyakina

Dmitry Mendeleev University of Chemical Technology of Russia;
9, Miusskaya Sq., Moscow 125047, Russia; shemiakina@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается дискуссия о книге Д. Кузьмина (Е.Е. Колосова) «Народовольческая журналистика» (1930), центральным вопросом которой была роль Н.К. Михайловского и Л.А. Тихомирова в журналистике и идеологии «Народной Воли». Данная дискуссия представляет интерес, так как в ней приняли участие одновременно и историки-марксисты, и старые народovolьцы, и бывшие эсеры в лице самого Колосова. Первая часть статьи посвящена биографии Колосова и анализу его книги в контексте историографии народничества 1920-х гг. В ней также рассматривается история появления и содержание критического «Послесловия» В.Н. Фигнер и причины ее резкой реакции на «Народовольческую журналистику». Особое внимание уделено отношению Фигнер и других старых народovolьцев к Тихомирову и его воспоминаниям, которые частично были изданы в 1920-е гг. На основе опубликованных работ и архивных материалов анализируются позиции в дискуссии старых народovolьцев (А.П. Прибылевой-Корба, М.Ф. Фроленко, А.В. Якимовой, П.С. Ивановской, Н.С. Русанова) и историков-марксистов (И.А. Теодоровича, Б.П. Козьмина, Б.И. Горева, П.И. Анатольева). В завершении рассматривается заключительный этап дискуссии, в рамках которого Е.Е. Колосов пытался отстоять свою точку зрения, прибегнув к языку политических обвинений, характерному для большевистской публицистики начала 1930-х гг. На материалах дискуссии автор предпринимает попытку выявить различия в подходах основных ее участников к изучению прошлого. Автор приходит к выводу, что историки-марксисты уделяли внимание преимущественно вопросам идеологии и генеалогии революционного движения. Фигнер и другие старые народovolьцы стремились сохранить память о революционном поколении 1870-х гг. с его особым практическим опытом, психологией и этикой. Все это Колосов пытался собрать воедино и, актуализировав собственные политические взгляды и исследовательские интересы, встроить их в непростой историографический контекст начала 1930-х гг. При этом в отличие от В.Н. Фигнер он не мог сохранять автономию по отношению к «марксистской» литературе и продолжал искать место своим убеждениям в современном контексте.

Ключевые слова: «Народная Воля», народничество, В.Н. Фигнер, историография революционного движения, Л.А. Тихомиров, советская историография, Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, народническая мемуаристика, Н.К. Михайловский

Для цитирования: Шемякина О.В. Дискуссия вокруг книги Е.Е. Колосова «Народовольческая журналистика» в 1930–1932 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 448–467. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-448-467>

Abstract: The article considers the discussion of the book “The People’s Will Party’s Journalism” by D. Kuzmin (E.E. Kolosov). Its key question was the role of N.K. Mikhailovskii and L.A. Tikhomirov in the journalism and ideology of the “People’s Will”. The discussion is of interest because it involved Marxist historians, old populists, and former Socialist Revolutionaries (Kolosov himself). The first part of the article focuses on the biography of Kolosov and analyses his book in the context of the historiography of populism of the 1920s. The article then scrutinizes the origins and content of the critical “Afterword” by V.N. Figner and the reasons of her negative reaction to “The People’s Will Party’s Journalism”. The author pays a special attention to the attitude of V.N. Figner and other old revolutionaries to Tikhomirov and his memoirs which were published in an abridged version in the 1920s. On the basis of published and archival sources the author analyses the opinions of old revolutionaries (A.P. Pribyleva-Korba, M.F. Frolenko, A.V. Yakimova, P.S. Ivanovskaia, N.S. Rusanov) and Marxist historians (I.A. Teodorovich, B.P. Koz’min, B.I. Gorev, P.I. Anatol’ev). Finally, the article reviews the final stage of the discussion, when Kolosov strove to prove his point, using the language of political accusations, characteristic to the Bolsheviks’ journalism of the early 1930s. On the basis of the materials of the discussion, the author attempts to discern different approaches to the study of the past of all abovementioned parties. Marxist historians paid a special attention to ideology and genealogy of the revolutionary movement. Figner and other old populists sought to preserve the memory of the revolutionary generation of the 1870s with their distinctive practical experience, psychology and ethics. Kolosov was eager to combine his political views and research interests, putting them in a highly volatile historiographical context of the 1930s. Unlike Figner, Kolosov could not be indifferent to the Marxist literature, so he was trying to find a place for his politics in contemporary context.

Keywords: People’s Will, populist movement, Vera Figner, historiography of revolutionary movement, L.A. Tikhomirov, soviet historiography, Society of Former Political Prisoners and Exiles, populists’ memoirs, N.K. Mikhailovskii

For citation: Shemyakina, Olga V. “The Discussion about the Book ‘The People’s Will Party’s Journalism’ by E.E. Kolosov in 1930–1932.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 2 (May 2020): 448–467. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-448-467>

Введение

История народничества была одной из самых обсуждаемых и неоднозначных тем в советской историографии и публицистике 1920-х – первой половине 1930-х гг. С одной стороны, делались попытки вписать народников с их героическим прошлым в предысторию большевизма. С другой – народническая тема приобретала опасную актуальность в связи с такими событиями, как коллективизация, борьба с «правым уклоном» и «кондратьевщиной», убийство С.М. Кирова. С середины 1930-х гг. официальной стала однозначно негативная оценка народничества, вследствие чего изучение этой темы было прекращено и возобновилось только в период «оттепели». Эта идеологическая сторона советской историографии народничества исследована в работах М.Г. Седова, А.И. Алаторцевой, В.Ф. Антонова, М. Юнге и др.¹

Историки-марксисты, выступавшие за или против присвоения себе народнического наследия, были не единственными участниками процесса формирования исторической памяти о народничестве в 1920–1930-е гг. Важной особенностью этого процесса было то, что он проходил при непосредственном участии самих деятелей народнического движения. Те немногие представители поколения революционеров 1870–1880-х гг., которые стали свидетелями революции и создания новой советской России, считали своим долгом сохранить память о народническом движении и об ушедших товарищах. Они издавали и переиздавали свои воспоминания, писали примечания и предисловия к работам друг друга, постоянно уточняя между

¹ Седов М.Г. Советская литература о теоретиках народничества // История и историки. М., 1965. С. 246–269; Алаторцева А.И. Дискуссия о Народной воле в советской исторической науке конца 1920-х – начала 1930-х годов // История и историки. М., 1990. С. 209–230; Антонов В.Ф. Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 5–19; Юнге М. Революционеры на пенсии: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев: 1921–1935. М., 2015. С. 301–363.

собой какие-то детали прошлого, активно обсуждая в переписке как сам процесс, так и результат собственного мемуарного творчества. В итоге старым народникам удалось создать большой комплекс литературы, который можно назвать «коллективной автобиографией».

Третьим участником дискуссии были бывшие эсеры и анархисты, вступившие на революционный путь на рубеже XIX–XX вв. (среди них – Ф.И. Витязев-Седенко, Е.Е. Колосов, И.С. Книжник-Ветров, А.А. Боровой и др.), т.е. представители той части революционного движения, которая традиционно выступала в качестве преемника народничества. В 1920-е – начале 1930-х гг. им удавалось публиковать статьи, книги, сборники, несмотря на то что они подвергались репрессиям.

В 1930 г. выходит книга Е.Е. Колосова (псевдоним – Дмитрий Кузьмин) «Народовольческая журналистика». Она вызвала дискуссию, в рамках которой можно наблюдать уникальную ситуацию столкновения взглядов все трех сторон: бывших эсеров (Е.Е. Колосов), историков-марксистов (И.А. Теодорович, П.И. Анатольев, Б.И. Горев) и старых народовольцев (В.Н. Фигнер, А.П. Прибылева-Корба, М.Ф. Фроленко и др.). Анализ содержания данной дискуссии и посвящена настоящая статья.

Наибольший вклад в изучение истории дискуссии был внесен И.С. Вахрушевым, К.С. Юрьевым, Я.В. Леонтьевым и В.В. Блохиным. Ими был обнаружен ряд важных документов, проливающих свет на историю дискуссии и взаимоотношения между ее участниками². Отдельные попытки сформулировать суть и причины дискуссии можно встретить также в современной литературе о Н.К. Михайловском³. В настоящей статье на основе широкого круга архивных материалов делается попытка рассмотреть дискуссию в историографическом контексте 1920–1930-х гг., выявить цели и мотивы главных ее участников, особенности их подходов к изучению и изложению прошлого.

Е.Е. Колосов (Дм. Кузьмин) и его книга «Народовольческая журналистика»

Евгений Евгеньевич Колосов (1879–1937) в возрасте 19 лет вступил в Северный союз социалистов-революционеров. Занимался пропагандой, нелегальной журналистикой, неоднократно подвергался арестам. В 1905 г. принимал участие в Декабрьском вооруженном восстании в Москве. В 1906 г., бежав из тюрьмы, эмигрировал. За границей Колосов занимался в основном литературной деятельностью, изучая наследие Н.К. Михайловского – «властителя дум» народнической интеллигенции, который оказал сильнейшее влияние на становление личности Колосова (они были лично знакомы и состояли в переписке с конца 1890-х гг.)⁴. По воспоминани-

² *Вахрушев И.С.* Очерки истории русской революционно-демократической печати 1873–1886 годов. Саратов, 1980. С. 155–157; *Леонтьев Я.В., Юрьев К.С.* Незапечатленный труд: из архива В.Н. Фигнер // Звенья. М.; СПб., 1992. С. 464–465. *Блохин В.В.* На переломе 1881–1904: Н.К. Михайловский в идейно-политической борьбе в 80–90-е годы XIX века. М., 2004. С. 22–27. *Блохин В.В., Соловьев Е.А.* Н.К. Михайловский и демократическое движение в России во второй половине XIX века: политическая доктрина и деятельность (к 175-летию со дня рождения) // Былые годы. 2017. № 4. С. 1448–1449.

³ *Зверев В.В.* Идеал, но не идол (социалистическая доктрина Н.К. Михайловского) // Н.К. Михайловский: человек, мыслитель, общественный деятель. Воронеж, 2017. С. 88; *Блохин В.В., Милевский О.А.* «Кольцо сиротства» Н.К. Михайловского (идеолог народничества в личной жизни) // Н.К. Михайловский: человек, мыслитель, общественный деятель. Воронеж, 2017. С. 68; *Зверев В.В.* Драматическая история историографического феномена: как «мирные народники» превратились в «мелкобуржуазных реакционеров» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 3. С. 6–7.

⁴ *Шереметьева Д.Л.* Политические взгляды Е.Е. Колосова в годы революции и гражданской войны (март 1917 – январь 1920 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период револю-

ям Е.Л. Олицкой, которая встретила с Колосовым в Суздальском политизоляторе в 1933 г., он «мог говорить о Михайловском часами», рассказывать «о его привычках, костюме, манере речи»⁵.

В 1909 г. Колосов вышел из партии эсеров. В годы Первой мировой войны занимал оборонческую позицию. В 1916 г. Колосов вернулся в Россию, но на границе был задержан и выслан в Красноярск. Во время революции и Гражданской войны он вел активную политическую деятельность в Сибири, вернувшись в ряды ПСР. Он отстаивал эсеровские лозунги социализации земли и Учредительного собрания, яростно критиковал большевиков. На протяжении всей революционной эпохи Колосов продолжал быть идеалистом, убежденным народником и патриотом. «Будем же все бороться, будем с народом, во имя народа, понимает он нас или нет, идти на гибель за отечество, и мы спасем народ, спасем культуру, спасем цивилизацию, родину и свободу!»⁶, – писал Колосов зимой 1918 г. За время своей бурной журналистской работы в Сибири Колосов нажил себе личных врагов среди большевиков. Главными объектами нападок Колосова были Б.З. Шумяцкий (будущий руководитель советского кинематографа 1930-х гг.) и А.И. Окулов, которых он обвинял в аморальности, клевете и предательстве.

После окончания Гражданской войны Колосов переехал в Петроград и посвятил себя изучению истории революционного движения. Он написал множество статей и рецензий, книгу о Шлиссельбургской крепости, высоко оцененную самими шлиссельбуржцами. Колосов внес большой вклад в издание и изучение литературного наследия народовольцев и шлиссельбуржцев (Н.С. Тютчева, М.Ю. Ашенбреннера, М.Ф. Фроленко, М.В. Новорусского, Ф.Н. Юрковского). К сожалению, вклад этот остается недооцененным и до конца не известным, так как имя Колосова в отредактированных им или при его участии изданиях могло отсутствовать. Так, в полностью подготовленном Колосовым издании воспоминаний М.В. Новорусского (1933) на титульном листе в качестве редактора значится Н.А. Морозов, взявший на себя эту роль по просьбе самого Колосова⁷. Анонимной осталась редакция «Записок семидесятника» Фроленко, в публикации которых Колосов также принимал участие, как это следует из его переписки⁸.

В 1925 г. Колосов был арестован вместе с женой Валентиной Павловной Колосовой, и с этого момента для обоих супругов началась бесконечная череда заключений и ссылок. В августе 1937 г. Колосов и его супруга были расстреляны по обвинению в контрреволюционной деятельности и реабилитированы лишь в 1989 г. В 1922 г. в автобиографическом предисловии к книге «Сибирь при Колчаке» Колосов писал о себе: «Моя жизнь прошла вся в революции, и если бы я ее снова начал, я встал бы на ту же стезю. Правда, теперь мы часто слышим сетования: – чего же ради мы боролись столько лет и для чего приносили такие жертвы? – Я понимаю такое настроение, но я чужд ему. <...> Я слишком свылся с мыслью, что на земле царит закон борьбы, и для меня нет жизни без борьбы, как нет борьбы вне революции»⁹.

Главной целью исследования Колосова «Народовольческая журналистика» было установление авторства анонимных статей в газете и «Летучем листке» «Народной воли», поэтому он скромно называл себя библиографом. Однако попутно в книге затрагивался и ряд принципиальных вопросов. Прежде всего, Колосов хотел пока-

ции и гражданской войны. Новосибирск, 2012. С. 37–94; Хроника двух жизней: Евгений и Валентина Колосовы. URL: memorial.krsk.ru/Articles/Kolosov/0.htm.

⁵ Олицкая Е. Л. Мои воспоминания. Франкфурт-на-Майне, 1971. С. 146.

⁶ Шереметьева Д.Л. Политические взгляды Е.Е. Колосова... С. 56.

⁷ Шикман А. Николай Морозов: мистификация длиною в век. М., 2016. С. 231.

⁸ ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 520. К. 45. Ед. 19. Л. 2–2 об.

⁹ Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. Пг., 1923. С. 6.

зять влияние Михайловского на народовольцев, утверждая, что он был редактором газеты «Народная воля» с самого первого ее номера, т.е. с осени 1879 г., причем редактором наиболее влиятельным по сравнению с другими. Для подкрепления этого тезиса было необходимо развенчать традиционное представление о Л.А. Тихомирове как главном редакторе и авторе «Народной воли». Такую возможность Колосову предоставили его воспоминания, опубликованные в 1927 г. На их основе у Колосова сложился образ Тихомирова как человека, не способного к самостоятельному мышлению, который находился под влиянием идей Михайловского и транслировал их через свои статьи. Более того, как считал Колосов, идейное влияние Михайловского простиралось не только на Тихомирова, но и на всю партию.

В ходе своего библиографического исследования Колосов неоднократно прибегал к помощи старых народовольцев, в том числе и Фигнер, а наиболее значимую роль в подготовке книги сыграли А.П. Прибылева-Корба и А.В. Прибылев. Колосов даже писал, что его работу можно считать коллективной. Тем не менее в «Народовольческой журналистике» можно встретить и ряд критических замечаний в адрес народовольцев-мемуаристов. Так, Колосов упрекал их в идеализации Тихомирова, многократно ставил под сомнение отдельные факты и оценки, данные в их мемуарах, и саму ценность мемуарной литературы как достоверного источника¹⁰.

В книге была затронута также актуальная для историографии 1920–1930-х гг. тема «якобинских» тенденций в идеологии «Народной воли», роль которых Колосов старался преуменьшить. В этой части своей работы Колосов вступил в полемику с историками-марксистами – С.И. Мицкевичем, И.А. Теодоровичем и В.О. Левицким (Цедербаумом), которые, как отмечалось в книге, в своих построениях опирались на «якобинскую» передовую статью № 8–9 «Народной Воли», не учитывая, что она была написана В.С. Лебедевым под влиянием М.Н. Ошаниной (Оловенниковой) и отражала только ее взгляды, но не народовольцев в целом, а также приписывали авторство передовой № 2 Тихомирову, в то время как, по мнению Колосова, она была написана Морозовым¹¹. Скрытый за библиографическими замечаниями смысл этой полемики был хорошо понятен читателям, знакомым с дискуссиями о народничестве того времени.

Мицкевич писал, что предшественниками большевизма были «якобинцы-бланкисты» – П.Г. Зайчневский, П.Н. Ткачев, «ишутинцы», С.Г. Нечаев и левое крыло «Народной Воли», которые в своих программах предвосхитили идею захвата власти революционной партией, способной от имени народа провести социалистические преобразования¹². Подобный подход к истории революционного движения 1860–1880-х гг. был распространен в советской историографии и публицистике 1920-х гг. Однако среди историков-марксистов были и противники подобной «модернизации» народничества.

Финальной точкой столкновения двух позиций стала знаменитая дискуссия о «Народной воле» 1929–1930 гг., начало которой было положено статьей И.А. Теодоровича¹³. Выступая против представления о народовольцах как «либералах с бомбой», Теодорович утверждал, что они «опирались на массы» и боролись не только за политические свободы, но и за социализм, объективно являясь отражением интересов разоряемого капитализмом мелкого товаропроизводителя. Теодорович считал главной заслугой народников правильную постановку вопроса о революционной роли крестьянства, а также накопленный большой политический опыт, использо-

¹⁰ Кузьмин Д. Народовольческая журналистика. М., 1930. С. 34–39, 70, 71, 78, 107, 113, 115.

¹¹ Там же. С. 27, 43, 100, 110.

¹² Мицкевич С. Русские якобинцы // Пролетарская революция. 1923. № 6–7. С. 3–26.

¹³ Теодорович И.А. Историческое значение партии «Народной Воли» // Катгорга и ссылка. 1929. № 8–9. С. 7–53.

ванный затем большевиками. «Якобинские» мотивы в народовольческой публицистике также были взяты на вооружение Теодоровичем как оправдание разгона Учредительного собрания. Колосов же, напротив, старался показать народовольцев сторонниками идеи Учредительного собрания.

Меньшевик В. Левицкий (В.О. Цедербаум, брат Ю.О. Мартова) использовал отрывки из передовых № 2 и № 8–9 также для подтверждения якобинских тенденций в идеологии «Народной воли», однако в его построениях это обрело совершенно иной смысл. Несмотря на общий благожелательный тон книги, народовольцам был вынесен суровый приговор: они представляли интересы разночинной и дворянской интеллигенции и боролись с самодержавием за «утверждение своей личности и ее прав», лишь субъективно считая себя социалистами и борцами за народное счастье. Истинный – интеллигентский и либеральный – смысл движения, таким образом, скрывался за социалистической фразой, но все равно периодически давал о себе знать, в том числе и через якобинские мотивы в публицистике народовольцев¹⁴.

Таким образом, «Народовольческая журналистика», вышедшая в 1930 г., в разгар дискуссии о «Народной Воле», носила полемический характер, прятаясь за узкими библиографическими вопросами. Первоначальный текст книги готовился Колосовым, конечно, задолго до 1930 г. Однако начало дискуссии заставило автора заострить полемику с историками-марксистами, которые критиковали на одном фланге искусственное «возвышение» народовольчества до истоков большевизма, на другом – «меньшевистское» «низведение» его к либерализму. С теми же противоположными полюсами спорил и Колосов, но с совершенно иных позиций.

«Послесловие» В.Н. Фигнер

Начало дискуссии вокруг «Народовольческой журналистики» содержалось уже внутри самой книги: она была издана с резко критическим «Послесловием» Фигнер. Первоначально книга предназначалась для издания в серии «К 50-летию партии Народная Воля» (1930) издательства Общества политкаторжан (далее – ОПК). Однако готовый текст категорически не устроил представителей Кружка народовольцев ОПК в Москве, а Колосов отказался его исправлять. Издательство ОПК согласилось напечатать книгу Колосова, но только вместе с комментарием, который и было поручено написать Фигнер¹⁵. Таким образом, «Послесловие» Фигнер было призвано отразить коллективное мнение Кружка народовольцев.

Фигнер и Колосова связывали личные отношения, их жизненные пути не раз пересекались в прошлом. Оба вышли из партии эсеров после разоблачения Азефа, вернулись в Россию из эмиграции в годы Первой мировой войны. В 1918 г. оба были депутатами Учредительного собрания и членами Общества «Культура и свобода». В 1923 г. Колосов сам обращался к Фигнер с просьбой написать предисловие к его книге о Шлиссельбурге¹⁶. Книга была издана с предисловием Морозова, но Фигнер откликнулась на нее восхищенной рецензией¹⁷. В одном из писем В. Фигнер от 1928 г. находим ее восторженный отзыв о выступлении Е.Е. Колосова, посвященном Михайловскому¹⁸. В 1925 г. Фигнер подписывала обращение во ВЦИК о смяг-

¹⁴ Левицкий В. Партия «Народная Воля»: возникновение, борьба, гибель. М.; Л., 1928. Глава I, IV.

¹⁵ Леонтьев Я.В., Юрьев К.С. Незапечатленный труд... С. 464; Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 1185. Оп. 1. Д. 681 л. 1; Ф. 234. Оп. 5. Д. 288. Л. 254–255 об, 299–300.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 485. Л. 1–2.

¹⁷ Фигнер В. Новая книга о Шлиссельбургской крепости // Былое. 1924. № 24. С. 279–280.

¹⁸ Леонтьев Я.В., Юрьев К.С. Незапечатленный труд... С. 444–445, 463.

чении участи Колосова и его жены¹⁹, помогала ему материально и при помощи своих связей пыталась облегчить его положение в ссылке²⁰.

Узнав о намерениях издательства, Колосов обратился к Фигнер с такими словами: «Я не стану возражать, если предисловие будет писать кто бы то ни было из членов редакции – коммунистов “Каторги и ссылки”: – пусть пишут, что им угодно! Но против Вашего предисловия при данных условиях, я категорически возражаю»²¹.

В 1920–1930-е гг. Фигнер довольно редко отзывалась на современную ей литературу о «Народной воле». «Полемика не мой жанр»²², – признавалась она. Однако выступить с критикой Колосова она посчитала важным. В письме к П.С. Ивановской Фигнер называла позицию Колосова в вопросе о роли Михайловского и Тихомирова «смертельным оскорблением всего прошлого» «Народной Воли», а его критику – «своим долгом перед погибшими товарищами». В этой связи она писала: «И сколько нервов потратила я! Нервов, п[отому] ч[то] все время, пока рукопись К[олосова] была в моих руках – кровь у меня кипела от гнева и раздражения от лжи, лжи, бессознательным источником которой было поклонение М[ихайловскому], нелепое и болезненное <...>, упрямое до крайних пределов»²³. О значимости полемики для Фигнер свидетельствуют и ее слова в письме к Б.П. Козьмину: «Я думаю, что, может быть, это последний случай, когда я скажу свое слово о “Народной воле”»²⁴. «Послесловие» тщательно готовилось Фигнер, по спорным вопросам она консультировалась с другими народолюбцами (Прибылевой-Корба, Морозовым), стремясь выразить коллективную точку зрения²⁵.

В «Послесловии» Фигнер подвергла книгу Колосова уничтожающей критике: «Легче было сделать вместо этой заупокойной новую работу на ту же тему. Здесь, что ни шаг, серьезнейшим тоном говорят вещи, совершенно не соответствующие действительности»²⁶. На уровне фактографии Фигнер была не согласна с тремя утверждениями Колосова. Она указывала, что А.Д. Михайлов не был редактором «Народной Воли», что передовая № 2 написана Тихомировым, а Михайловский не был редактором и не играл какой-либо значимой роли при издании первых номеров газеты (до лета 1880 г., когда он, действительно, был приглашен стать одним из редакторов). В чем же состояли принципиальные разногласия между Фигнер и Колосовым, вызвавшие столь резкую реакцию с ее стороны?

Книга Колосова построена на противопоставлении «хороших народников» (большинство Исполнительного комитета «Народной Воли» и Михайловский) и «плохих якобинцев» (Ошанина и Тихомиров). Казалось бы, здесь Колосов мог рассчитывать на поддержку Фигнер, так как отрицание стремления «Народной Воли» к захвату власти мы встречаем и в «Запечатленном труде», и в других ее выступлениях. Однако в «Послесловии» мы находим довольно неожиданную критику «неякобинства» Временного правительства и эсеров и их «преданности» идее Учредительного собрания, отсылающую к позиции самого Колосова в период революции:

Читаем в «Послесловии»: «<...> В некоем царстве, в некотором государстве совершилось падение монархии, образовалось временное правительство, но оно не

¹⁹ Хроника двух жизней...

²⁰ РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 265. Л. 5–5 об.

²¹ Леонтьев Я.В., Юрьев К.С. Незапечатленный труд... С. 464; РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 485. Л. 5.

²² РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Ф. 265. Л. 6–6 об.

²³ Там же.

²⁴ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 520. Картон 48. Ед. 89. Л. 1.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 675. Л. 82–83; Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 543. Оп. 4. Д. 1966. Л. 2–4 об.

²⁶ Фигнер В.Н. Послесловие // Кузьмин Д. Народолюбческая журналистика. М., 1930. С. 231–232.

объявляет республики... Что же мы, революционеры, хвалить будем? Вот настоящие широко-общественные деятели – не какие-нибудь якобинцы! Или, несмотря на народный вековой взгляд, что земля ничья, божья, и должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает, несмотря на полувековой стон народа: «земли, земли!», в разгар революции, когда фактически он уже владел землей, – временное правительство, из боязни узурпировать права будущего народного представительства, не решается и не декретирует, что частная собственность на землю упраздняется... Что? Это не якобинство тоже наиболее соответствует истинно-революционному сознанию? <...>²⁷.

Эти слова скромно вынесены Фигнер в постраничные примечания. Видимо, она не хотела акцентировать внимание на этой теме, но ей не понравилась попытка Колосова выражать собственные политические взгляды за счет истории «Народной Воли».

«Послесловие» построено на другом противопоставлении – либералов и революционеров, легальной и нелегальной жизни, которое Фигнер формулирует преимущественно на уровне практики, а не идеологии. Ошибочность призыва Михайловского к союзу «Народной воли» с либералами Фигнер объясняла тем, что «нелегальные члены организации на практике знали, до какого предела эти лица идут или могут идти на рискованное дело, бывшее для нас самих обычным порядком дня»²⁸. Серьезной ошибкой Колосова Фигнер считала его одинаковый подход к изучению легальной и нелегальной публицистики: в последней авторы выражали не свою собственную точку зрения, а настроения всего коллектива революционной партии. Апофеозом противопоставления либералов и революционеров было сравнение образов жизни не имевшего определенных средств к существованию, ютившегося с семьей в маленькой квартирке Тихомирова и уважаемого Михайловского, который вел спокойный образ жизни обеспеченного легального публициста. Противопоставила Фигнер народовольцев и Михайловского и по тяжести постигшего их наказания. С идеологической точки зрения Фигнер оценивала взгляды Михайловского как либеральные, так как он не был противником частной собственности на землю. Похожее отношение к Михайловскому мы находим в выступлении Фигнер на вечере, посвященном 25-летию со дня его смерти, в 1929 г.: «Для моего молодого фанатизма, он был слишком от мира сего, и я не могла принять его. Как человек – он был далек от меня»²⁹. Для Фигнер существовал сплоченный коллектив людей, решивших отдать и, действительно, отдавших свою жизнь в революционной борьбе. Между ним и остальным миром существовали четкие границы, которые Фигнер считала своим долгом оберегать.

В.Н. Фигнер и Л.А. Тихомиров

Вторым лейтмотивом «Послесловия» была защита Тихомирова. Фигнер утверждала, что Тихомиров не был якобинцем, искренне придерживался тех же взглядов, что и большинство народовольцев, а в своей публицистике был рупором не Михайловского, а всего Исполнительного комитета (далее – ИК) «Народной Воли».

Для правильного понимания полемики вокруг роли Тихомирова обратимся к предыстории этого вопроса. Переход Тихомирова на сторону монархии был тяжелым ударом для его товарищей по революционному движению. Можно было подумать, что ренегатство Тихомирова должно было отразиться на воспоминаниях о нем. Однако в основном бывшие соратники Тихомирова, знавшие его по кружку «чайков-

²⁷ Фигнер В.Н. Послесловие // Кузьмин Д. Народовольческая журналистика. М., 1930. С. 239–240.

²⁸ Там же. С. 268.

²⁹ Фигнер В.Н. Полное собрание сочинений. М., 1929. С. 483–484.

цев» и «Народной Воле», в своих мемуарах признавали его роль как главной интеллектуальной силы и литературного рупора ИК «Народной Воли», описывали его как умного, рассудительного, начитанного человека, убежденного и искреннего революционера, отмечая при этом его некоторые странности – шпиономанию и религиозность³⁰. Особняком стоят мемуары Морозова и Люботович, считавших Тихомирова человеком без прочных убеждений, а его репутацию наилучшего выразителя взглядов ИК мифом, которым народовольцы «гипнотизировали сами себя, а вместе с собою и публику»³¹. Но даже Люботович сочувственно писала: «Горше доли, как доля Тихомирова, придумать трудно...»³².

Таким образом, вспоминая о Тихомирове, его бывшие соратники стремились описать его таким, каким они его знали и воспринимали в свое время, не позволяя его ренегатству затмить сохранившийся в памяти образ. Разумеется, они не могли не думать о последующем переходе Тихомирова на сторону монархии, однако в их мемуарах мы не найдем осуждения поступка Тихомирова, а лишь попытки разобраться в его причинах.

Однажды, в 1923–1925 гг., народовольцам пришлось даже выступить в защиту Тихомирова в полемике с Л.Г. Дейчем. В выступлении Прибылевой³³ тогда звучали те же мотивы, которые позже встретятся в «Послесловии» Фигнер – настойчивое утверждение неотделимости Тихомирова от всего ИК, его верности идеям народовольчества, отрицание его «якобинских» взглядов. Удивительным в истории этой полемики было то, что автором «Письма ИК к заграничным товарищам» с изложением планов захвата власти (декабрь 1881 г.), вокруг которого и разразился конфликт между Дейчем и старыми народовольцами, оказался все же именно Тихомиров³⁴. Но ни Фигнер, ни Прибылева об этом уже не узнали, так как подлинник письма был обнаружен только в 1960-е гг.

Дальнейшая история тихомировской темы связана с его собственным мемуарным творчеством. Первые воспоминания о революционном прошлом были написаны Тихомировым еще в конце XIX в. Тихомиров прожил в России вплоть до своей смерти в 1923 г., и уже в советское время им был задуман и частично реализован цикл мемуарных очерков «Тени прошлого», к чему его побудила, в том числе, публикация «Запечатленного Труда» Фигнер³⁵. Он лично позаботился о том, чтобы его рукописи сохранились для истории, передав их в Румянцевский музей.

В воспоминаниях Тихомирова критическую оценку получили и террор, и народническая идеология в целом, и личные качества его бывших соратников. Он подчеркивал свою идейную отстраненность от товарищей, рисуя себя сторонником государственного переворота и захвата власти. При этом Тихомиров позиционировал себя как наиболее осведомленного из оставшихся в живых участников революционного движения 1870-х – начала 1880-х гг. Надо также отметить, что его воспоминания советского периода несколько отличались от предыдущих и свидетельствовали о появлении у него в конце жизни интереса и симпатии к собственному революционному прошлому.

³⁰ Фроленко М. Комментарий к статье Н. А. Морозова «Возникновение Народной Воли» // Былое. 1906. № 12. С. 30–31; *Он же*. Записки семидесятника. М., 1927. С. 182–183; Чарушин Н.А. О далеком прошлом. М., 1926. С. 117. Фигнер В.Н. Запечатленный труд. М., 1921. С. 243–244.

³¹ Морозов Н.А. [Комментарии к статье М.Ф. Фроленко] // Былое. 1906. № 12. С. 27, 28, 31, 32.

³² Люботович О. Далекое и недавнее. М., 1930. С. 64–65.

³³ Прибылева-Корба А. Мнимое письмо Исполнительного Комитета «Народной Воли» // Былое. 1925. № 6 (34). С. 80–81.

³⁴ Волк С.С. Письмо ИК «Народной воли» к заграничным товарищам // Исследования по отечественному источниковедению: сб. ст., посвящ. 75-летию С.Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 178–185.

³⁵ Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011. С. 504.

С 1924 г. началась публикация материалов из архива Тихомирова, и таким образом бывший редактор «Московских ведомостей» уже после смерти встал в один ряд с другими народниками-мемуаристами³⁶. Однако бывшие товарищи Тихомирова сразу же поставили под сомнение осведомленность автора и ценность его мемуаров. Очерк Тихомирова о Степане Халтурине был опубликован с комментариями Фроленко, который своими фактическими замечаниями рушил всю картину, созданную Тихомировым³⁷. Тот же Фроленко в специальной статье оспаривал описание Тихомировым попытки освобождения Войнаральского³⁸. Чарушин опубликовал письмо С.С. Синегуба к Тихомирову 1896 г., в котором он критиковал статью Тихомирова «Пропагандисты» в «Московских ведомостях» за искажение образа «чайковцев» и массу серьезных фактических неточностей. Написанное почти тридцать лет назад письмо Синегуба оказалось актуальным в связи с началом публикации архива Тихомирова, о чем Чарушин прямо пишет в своем предисловии³⁹.

В 1927 г. отдельной книгой были опубликованы воспоминания и дневники Тихомирова со вступительной статьей В. Фигнер, работа над которой далась ей нелегко⁴⁰. «Работа, в моих глазах, ответственная, и она у меня не ладится, п[отому] ч[то] материал громадный, сложный и для меня душепотрясающий»⁴¹, – писала она Новорусскому. Своими переживаниями Фигнер также поделилась с Чарушиным: «Материал как человеческий документ имеет большую ценность: меня он потряс и морально сделал больной. Это очень сложная история, к которой следует подойти не с тем отношением, какое возбудила его брошюра “Почему я перестал быть революционером?”»⁴². Фигнер также просила Чарушина, лично знавшего Тихомирова по кружку «чайковцев», прислать свое мнение о нем и его отступничестве⁴³. В процессе работы у нее возникла идея издания сборника с воспоминаниями о Тихомирове, в котором, кроме нее, должны были принять участие Н.А. Чарушин, А.Н. Бах и А. Прибылева-Корба⁴⁴.

Во вступительной статье к «Воспоминаниям» Тихомирова В. Фигнер пыталась разобраться в причинах его ренегатства: «заболел психически» или «всегда можно было ожидать»? Сама Фигнер первоначально придерживалась первой версии и объясняла случившийся с ним переворот сумасшествием, так же, как и Н.А. Чарушин⁴⁵, А. Прибылева⁴⁶ и А.В. Якимова⁴⁷. Однако прочтение дневников и воспоминаний Л. Тихомирова заставили Фигнер усомниться в собственной проницательности. Пойдя вслед за образом, созданным самим Тихомировым, и не пытаясь ему противопоставить собственные воспоминания, В. Фигнер нашла подкрепление и для второй точки зрения. Особое внимание она уделила рассказу Л. Тихомирова о своем детстве и юношестве, который показывал, по ее мнению, что в революционное движение он был втянут бессознательно.

³⁶ Из архива Л. Тихомирова // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 124–194; *Тихомиров Л.* Плеханов и его друзья: из личных воспоминаний. Л., 1925; Неизданные записки Л. Тихомирова // Красный архив. 1928. Т. 4. С. 139–174.

³⁷ *Тихомиров Л.* Тени прошлого: Степан Халтурин // Каторга и ссылка. 1926. № 4. С. 82–96.

³⁸ *Фроленко М.Ф.* Попытка освобождения Войнаральского 1 июля 1878 г. (по поводу «Воспоминаний» Л. Тихомирова) // Каторга и ссылка. 1928. № 4. С. 82.

³⁹ Письмо С.С. Синегуба Льву Тихомирову // Каторга и ссылка. 1925. № 4. С. 80–85.

⁴⁰ *Фигнер В.* По поводу записок Л. Тихомирова // Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л., 1927. С. 22–36.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 239. Л. 229.

⁴² Там же. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 77. Л. 6.

⁴³ Там же. Л. 9; Ф. 1185. Оп. 1. Д. 817. Л. 11–19 об, 21–22.

⁴⁴ Там же. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 77. Л. 7–8.

⁴⁵ Там же. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 817. Л. 21–22.

⁴⁶ Там же. Д. 675. Л. 49, 72, 97–104.

⁴⁷ Там же. Ф. 234. Оп. 5. Д. 288. Л. 92 об.

В целом, можно сказать, что литературное наследие Тихомирова вызвало большой интерес у его бывших товарищей, так как они по-прежнему хотели понять и объяснить его переход на сторону монархии. В то же время содержание воспоминаний Л. Тихомирова об их общем революционном прошлом вызвало у старых революционеров внутренний протест, который они предпочли не выносить в публичное пространство. Так, Прибылева, прочитав первую публикацию воспоминаний Тихомирова в «Красном архиве» в 1924 г., в письме к Фигнер воскликнула: «Такой мерзости я все-таки не ожидала! Это насквозь прогнившая душа»⁴⁸. При этом в печати мнение Прибылевой никакого отражения не нашло. Сохранились также подробные замечания Фроленко на эту же публикацию, где воспоминания Тихомирова рассматривались с точки зрения их достоверности⁴⁹. Однако из них была опубликована лишь малая и не самая существенная часть. Фигнер в своем предисловии вопросов достоверности мемуаров Тихомирова не поднимала, сосредоточившись на его личной судьбе. Бережное отношение к памяти о Тихомирове и вся болезненность темы его ренегатства отразилась также и в той удивительной настойчивости, с которой бывшие соратники Тихомирова повторяли в переписке между собой невероятную версию о его сумасшествии.

С этой точки зрения резкая реакция Фигнер на книгу А.А. Колосова вполне объяснима. Она так и не смогла внутренне согласиться с той версией о личности Тихомирова, которая вытекала из его воспоминаний, и спорила не только с Колосовым, но и с самим Тихомировым и даже отчасти со своей вступительной статьей 1927 г. История с Тихомировым была для нее глубоким личным переживанием, но и была использована Колосовым для собственной цели – выявления роли Н.К. Михайловского в «Народной Воле».

Резкая реакция Фигнер, очевидно, удивила Колосова, так как ему казалось, что он опирался на ее работы. Отвечая Фигнер в журнале «Каторга и ссылка», он даже в доказательство своей позиции привел цитату из ее собственной статьи к «Воспоминаниям» Л. Тихомирова⁵⁰. Влияние работ Фигнер и Прибылевой заметно еще по тому значению, которое Колосов придал А.Д. Михайлову. Это было сделано, видимо, под впечатлением в 1925 г. как от воспоминаний Тихомирова, так и от сборника Фигнер и Прибылевой о Михайлове. Отрицание Колосовым якобинских мотивов в идеологии «Народной Воли» опиралось на «Запечатленный труд» и другие выступления Фигнер и Прибылевой. А попытка представить народовольцев пророками Учредительного собрания находит прямую аналогию со статьей А. Прибылевой 1918 г.⁵¹

Реакция старых народовольцев на книгу Е.Е. Колосова

Кроме Фигнер, в дискуссии приняли участие и другие старые народовольцы, чье мнение не было отражено тогда в печати, но отложилось в архивах. Больше всего свидетельств сохранилось о позиции А. Прибылевой. По прочтении еще неопубликованного варианта «Народовольческой журналистики» она писала Фигнер: «Разумеется, что значение Михайловского преувеличено. Совершенно отсутствует влияние выдающихся людей, окружавших Тихомирова. Жаль, что потрачено столько труда и энергии»⁵². Книга Колосова побудила Прибылеву написать статью с личными воспоминаниями о Тихомирове и Михайловском, которая хотя и не была опубликована.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 675. Л. 49.

⁴⁹ Там же. Д. 891.

⁵⁰ Кузьмин Д. Газета «Народная Воля» и ее редакторы // Каторга и ссылка. 1932. № 1. С. 115–116.

⁵¹ Прибылева-Корба А.П. Исполнительный Комитет партии «Народная Воля» и Учредительное собрание // Былое. 1918. № 4–5. С. 83–85.

⁵² РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 675. Л. 85.

ликована (и сохранилась в письме к Фигнер)⁵³, но возможно была использована при подготовке «Послесловия», с которым уж очень близка по интонации.

Большая часть статьи была посвящена доказательству того, что причиной ре-негатства Тихомирова было его сумасшествие, вызванное целым рядом факторов и обстоятельств, а в народовольческий период он был искренним и убежденным революционером. О Михайловском А. Прибылева писала, что он не был настолько близок к «Народной воле», как это изображает Колосов, и приводила два эпизода. Первый связан с присутствием Михайловского на свадьбе Тихомирова:

«(...) Даже на этой свадьбе Михайловский держал себя не как товарищ и близкий человек, иначе он понял бы, что меньше всего следует поднимать шума по ее поводу. Но ему захотелось внести в это довольно бессмысленное торжество обычаи буржуазного празднования свадеб. В ресторане Палкина он спросил: «А где же шампанское?». В ответ на что Александр Михайлов открыл свой тощий кошелек, вынул из него десятирублевку, позвонил лакею и, вручая ему деньги, заказал бутылку шампанского. Это вино пришлось распить Михайловскому одному, потому что никто из народовольцев не пил шампанского. Вообще, можно сказать, что Михайловский в нашем обществе держал себя скорее барином, чем другом или товарищем»⁵⁴.

Второй рассказ повествует о том, как Прибылева уже после 1 марта обратилась к Михайловскому за финансовой помощью для партии, но получила отказ, мотивированный тем, что все свои средства тот тратит на обустройство собственной дачи в Крыму. В этой связи она писала: «Покидая дом, в котором жил Николай Константинович, я подумала, что преданный друг партии поступил бы иначе, но у всякого барона своя фантазия, и этого не переделаешь»⁵⁵. Таким образом, если Фигнер еще уделила какое-то внимание идеологическим расхождениям между Михайловскими и народовольцами, то в статье Прибылевой речь шла исключительно о разнице в образе жизни.

И все-таки «Послесловие» показалось Прибылевой слишком резким. Она писала В. Фигнер: «<...> Я скажу: “И он не прав, и ты не права”. Он галлюцинирует; и это неудивительно при тех тяжелых условиях, в которых он работает. А ты, моя дорогая Верочка, не отнеслась к его труду достаточно хладнокровно и спокойно»⁵⁶. Неприемлемым по форме показалось «Послесловие» Фигнер и П.С. Ивановской⁵⁷. По принципиальным соображениям она не вступала в ОПК и, проживая в Полтаве, была оторвана от жизни Кружка народовольцев. Судя по ее переписке, она была взволнована критикой Колосова, пыталась его защитить и даже написала по просьбе Фигнер замечания на ее «Послесловие»⁵⁸.

Очевидно, что «московские» старые народовольцы должны были выступить на стороне Фигнер, так как ее «Послесловие» было призвано отразить коллективное мнение московского Кружка народовольцев. Так, Якимова в письмах к Ивановской резко критиковала Колосова и писала о поддержке Фигнер: «С В[ерой] видимся мы очень редко, особой близости нет, в “единоверчестве” не состоим, но принимать участие в фальсификации прошлого обе одинаково не можем»⁵⁹. Фроленко на обсуждении доклада Колосова в ОПК в Москве решил отойти от персональной критики Колосова и выступил против навязывания народникам каких-либо идеологов – не только Михайловского, но и Ткачева, Бакунина, Лаврова. Он считал, что народ-

⁵³ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 675. Л. 90–104.

⁵⁴ Там же. Л. 93–94.

⁵⁵ Там же. Л. 95.

⁵⁶ Там же. Л. 114.

⁵⁷ Леонтьев Я.В., Юрьев К.С. Незапечатленный труд... С. 464.

⁵⁸ РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 288. Л. 254–255 об, 299–300; Там же. Д. 265. Л. 5–7 об.

⁵⁹ Там же. Л. 255 об.

ничество развивалось не на основе каких-то идей и влияния идеологов, а тех практических задач, которые ставились обстоятельствами: «Нас обвиняли в том, что мы бакунисты, другие в том, что мы лавристы, – все это чепуха. Мы были просто революционеры»⁶⁰.

Иную картину мы видим на обсуждении полемики Фигнер и Колосова в Кружке народовольцев в Ленинграде, где большинство участников принадлежали к более молодому поколению народовольцев, а позже – эсеров, для которых Михайловский как идеолог имел гораздо большее значение. Основным мотивом обсуждения стала защита Н.К. Михайловского. Критике подверглись не конкретные положения статьи Фигнер, а общая тональность, звучавшая в оценке Михайловского как хорошо обеспеченного легального публициста, чуждого конспиративной жизни «Народной воли». Выступавшие постоянно подчеркивали, что написание Михайловским статей для органа народовольцев, участие в его редакционных делах, в составлении письма Александру III свидетельствуют о большом мужестве публициста⁶¹. Прибылева, жившая в Ленинграде, также выступила на этом заседании и попыталась выразить срединную точку зрения:

«Кузьмин, конечно, преувеличил роль Михайловского в “Н.В.”, руководствуясь *bona fide* заранее взятой целью умалить значение Тихомирова, ставшего потом ренегатом. Сам Михайловский на такую роль никогда не претендовал. А В.Н. Фигнер в полемике с Кузьминым лишила Михайловского даже и заслуг, которые у него, несомненно, имеются и будут признаны за ним историей, как неоспоримые. Между тем истории не нужны ни чрезмерные похвалы, ни незаслуженные развенчания. Истории нужна только истина»⁶².

Критика «Народовольческой журналистики» историками-марксистами

В дискуссии о «Народовольческой журналистике» приняли участие также историки-марксисты, прежде всего старый большевик И. Теодорович. В 1920-е гг. он работал в Наркомземе на посту заместителя наркома, также был генеральным секретарем Крестинтерна и директором Международного аграрного института. С 1928 г. Теодорович фактически возглавил ОПК, а со следующего года – редакцию журнала «Каторга и ссылка». В конце 1920-х – начале 1930-х гг. Теодорович подвергся резкой критике в ходе кампании против «кондратьевщины» и «чаяновщины» и был снят с поста в Наркомземе. В 1929–1930 гг. Теодорович был главным действующим лицом и объектом критики в ходе дискуссии о «Народной воле». Попытка Теодоровича воздать должное народнической вере в революционность крестьянства на фоне его связей с Н.Д. Кондратьевым и А.В. Чаяновым стали основанием для его обвинений в «правом оппортунизме» и «неонародничестве». Критике за «гнилой либерализм» подверглись также журнал и издательство ОПК. В конце 1930 г. в «Правде» было опубликовано «покаянное» письмо Теодоровича, однако оно касалось только его работы в Наркомземе. В споре о «Народной воле» он продолжал настаивать на своей правоте, столь же упорно он защищал издательство ОПК и журнал «Каторга и ссылка». В 1937 г. И. Теодорович был расстрелян по обвинению в участии в антисоветской террористической организации (реабилитирован в 1956 г.).

⁶⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 533. Оп. 1. Д. 101. Л. 1–2.

⁶¹ РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 19; Блохин В.В. На переломе... С. 22–27.

⁶² Блохин В.В. На переломе... С. 26; ОР РГБ. Ф. 678. Картон 1. Ед. 29. Л. 1–5.

О крайне неравнодушной реакции Теодоровича на работы Колосова свидетельствует, прежде всего, объем его критической статьи – 100 страниц⁶³, а также эмоциональное письмо к В. Фигнер: «Когда я прочел ответ его на Ваше послесловие – я буквально несколько месяцев провел с лупой над каждой его строчкой. Под конец своей работы я был охвачен таким негодованием, что у меня дрожали руки...»⁶⁴.

Статья И. Теодоровича в основном была посвящена анализу идеологии Михайловского и трех течений внутри «Народной Воли», которые соответствовали трем вариантам судьбы мелкого товаропроизводителя (бабувизм, политический радикализм и предсоциалдемократизм, по терминологии самого Теодоровича). В итоге Теодорович пришел к выводу, что Михайловский не был социалистом, а лишь «правым утопистом», не верил ни в народ, ни в революцию, надеялся на государство, а не боролся с ним. Идейно его пути с «Народной волей», действительно, пересеклись, но только с ее самым правым «политрадикалистским» течением (в лице Морозова, Любатович), боровшимся исключительно за политические свободы. Высказывания Колосова, связанные с отрицанием якобинства народовольцев, были расценены Теодоровичем как завуалированная критика политики большевиков, разогнавших Учредительное собрание и проводивших социалистические преобразования «сверху». Значительная часть критики была также построена на разборе конкретных примеров «недобросовестного» использования источников, на некоторые из которых указывала и Фигнер.

Мотивы вступления Теодоровича в эту полемику ясны. В ходе дискуссии о «Народной воле» он настаивал на том, что народники и народовольцы были социалистами, и постоянно указывал на разницу между «старым» и «новым» (либеральным) народничеством, символом которого и был Михайловский. Идея Колосова о близости политических взглядов Михайловского и «Народной воли» компрометировала революционное народничество и была выгодна оппонентам Теодоровича. Кроме того, Теодорович воспользовался полемикой Колосова и Фигнер, чтобы взять себе в союзники одного из наиболее авторитетных представителей старых народовольцев, никто из которых, как известно, в дискуссии о «Народной Воле» участия не принял.

Еще более отчетливо политические мотивы в критике Колосова звучали у молодого историка П.И. Анатольева, который выступил на заседании в ОПК в Москве и написал рецензию на «Народовольческую журналистику» для журнала «Историк-марксист», которой автор обвинил Колосова в идеализации народовольцев и «эсеровщине»⁶⁵. Преувеличение влияния Михайловского расценивалось как попытка свести народовольцев к либеральному народничеству и сделать из них основоположников партии эсеров. В оценках Анатольева видно, как «генеалогический подход» большевистской историографии, мысливший историю революционного движения в категориях предшественников и последователей, натолкнулся на препятствие. Как и другие молодые историки, П. Анатольев критиковал попытки Теодоровича представить народовольцев предшественниками большевиков. Однако «отдать» «Народную Волю» с ее блистательным героическим прошлым эсерам было также, по его мнению, невозможно.

На заседании в ОПК Колосов подвергся критике со стороны Б.П. Козьмина – авторитетного исследователя истории революционного движения 1860–1870-х гг., фактического руководителя журнала «Каторга и ссылка», научного редактора изда-

⁶³ Теодорович И. По поводу полемики В.Н. Фигнер с Е. Колосовым // Каторга и ссылка. 1932. № 1. С. 5–104.

⁶⁴ ОР РГБ. Ф. 520. Картон 36. Ед. 41. Л. 1.

⁶⁵ Анатольев П. Эсеровщина в советской исторической литературе // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 128–132; ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 101. Л. 8 об. – 11 об.

тельства ОПК. Он привел множество примеров «перелицовывания действительности» и недобросовестного использования источников Колосовым. С большой тщательностью Козьмин подошел к вопросу о близости Михайловского к «Народной воле» на уровне идеологии. По мнению Козьмина, отношение Михайловского к террору было ближе Южно-русскому рабочему союзу, чем «Народной воле», так как он считал, что террор должен быть направлен против тех лиц, устранение которых будет понятно народу. Союз с либералами народовольцы рассматривали как тактически выгодный для себя, а Михайловский «старался доказать народовольцам, что они гораздо ближе к либералам, чем думают это сами». Неверие в народную революцию тоже было различным по своей сути: народовольцы не верили в ее осуществимость в ближайшее время, Михайловский не верил, что революция приведет к нужным результатам. Подводя итог, Козьмин отмечал: «Там революционеры – а здесь человек, который готов был использовать революционеров для своей личной цели, чтобы при помощи их заставить правительство пойти на уступки»⁶⁶.

С близкой позиции на заседании выступил Б.И. Горев – бывший меньшевик, автор работ по истории социализма, в том числе отдельной книги о Михайловском. Он также указал на различные ошибки и искажения в докладе Колосова и отметил принципиальное различие между народовольцами и Михайловским в их отношении к террору, который понимался последним как способ запугать правительство и вынудить его пойти на либеральные реформы. Такая позиция была близка лишь правому крылу «Народной воли». Горев отводил Михайловскому в «Народной воле» роль «околопартийного консультанта», приглашенного в качестве опытного литератора и «лучшего выразителя интеллигентских мнений Петербурга».

Завершение дискуссии

Несмотря на жесточайшую критику, Колосов продолжал защищать свою точку зрения. Он написал обстоятельный ответ на критику Фигнер, опубликованный в «Каторге и ссылке», посвященный в основном возражениям по поводу отдельных случаев «передержек» в использовании фактов и трактовке источников, указанных Фигнер⁶⁷. Однако дальнейшие выступления Колосова содержали новые мотивы и аргументы. В своей речи на заседании в ОПК⁶⁸ Колосов обратился к статье В.И. Ленина 1914 г. с признанием заслуг Михайловского, а взгляды Фигнер назвал меньшевистскими. Он, в частности, сказал:

«В 14-м году я слышал от Фигнер сам такую вещь: <...> “Если я кому-нибудь из соц. партий сочувствую, то это с.д. меньшевикам”. Вот две концепции: концепция Ленина с борьбой против ликвидаторов, привела к признанию всеми исторической роли Михайловского, и концепция Фигнер с признанием с.д. меньшевиков, прямо с ликвидаторским уклоном, привела к отрицанию Михайловского. Вы с Фигнер, я с Лениным»⁶⁹.

Когда Колосову было отказано в публикации ответа на статью Теодоровича, он обратился с письмом-заявлением в редакцию «Каторги и ссылки». По его собственной версии отказ в публикации был связан с появлением письма И.В. Сталина

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 101. Л. 2 об – 8.

⁶⁷ Козьмин Д. Газета «Народная Воля» и ее редакторы...// Каторга и ссылка. 1932. № 1; РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 288. Л. 254–255 об.

⁶⁸ По собственной инициативе Колосов выступил с докладом сначала на Кружке народовольцев, а затем – на заседании Секции по изучению истории революционного движения. Его доклад не стенографировался, но частично о его содержании можно судить по ходу обсуждения и заключительному слову Колосова, зафиксированному в стенограмме заседания. Фигнер на обоих заседаниях отсутствовала.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 101. Л. 14–14 об.

в журнал «Пролетарская революция» и тем, что редакция опасалась обвинений в «гнилом либерализме». Действительно, в начале 1930-х гг. на Теодоровича и журнал «Каторга и ссылка» обрушилась волна критики. Неожиданным образом Колосов решил воспользоваться этой кампанией и настоящим проявлением «гнилого либерализма» назвал публикацию работ Фигнер и Теодоровича. Фигнер он продолжал обвинять в меньшевизме, ссылаясь теперь уже и на «Запечатленный труд»⁷⁰, а Теодоровича – в отступлении от указаний Ленина, защите «плехановски-фигнеровской точки зрения на Михайловского», идеализации и реабилитации «рenegата и самого крупного из всероссийских подаванцев» Тихомирова⁷¹.

Однако Колосову так и не удалось добиться поставленной цели. Решением редколлегии ему было отказано в возможности напечатать ответ Теодоровичу⁷². Сам главный редактор, правда, был не против продолжения столь захватившей его дискуссии. Сохранилось письмо Теодоровича, где от имени редакции он предлагает Колосову опровергнуть все 106 (!) установленных им «случаев шулерства»⁷³. Однако затем по требованию Е.М. Ярославского полемика была прекращена⁷⁴. Колосов, тем не менее, продолжал отстаивать свою точку зрения и в апреле 1932 г. выступил в Ленинграде с докладом о Тихомирове, в котором защищал свою позицию, однако снова не получил поддержки⁷⁵.

Возвращаясь к Фигнер, надо сказать, что роль союзника Теодоровича ее не устроила. В письмах находим крайнее возмущение его статьей: «Статья Теодоровича ужасна – это настоящее хулиганство и гаерство. Прямо стыдно! <...> Никогда еще наш журнал не печатал таких статей»⁷⁶. Судя по сохранившемуся черновику адресованного ей письма Теодоровича с дополнениями Козьмина, Фигнер все-таки попыталась защитить Колосова если не от содержащейся в статье Теодоровича критики, то хотя бы от той манеры, в которой она была написана. Однако даже авторитет Фигнер не заставил Теодоровича сложить оружие. В письме в свойственной ему крайне эмоциональной манере он пытался объяснить Фигнер необходимость в столь резкой критике, объяснив это борьбой с «общественным бедствием» – «литературным шулерством». Особое негодование Теодоровича и Козьмина вызвали заявления А.А. Колосова о меньшевизме В. Фигнер: «<...> В разговоре с т. Ярославским <...> он говорил, что Вы – контрреволюционная меньшевичка, а он – ленинец!!! Зрелище для богов!»⁷⁷.

Выводы

Современный исследователь истории реформаторского народничества В.В. Зверев, рассматривая дискуссию, считал, что в ее основе лежало «смещение понятий, когда социалистическими признавались только революционные взгляды»⁷⁸. По нашему мнению, сами подходы участников дискуссии были настолько разными, что их нельзя свести к какому-либо общему знаменателю.

На одном полюсе мы видим историков-марксистов, которые были заняты прежде всего вопросами идеологии и генеалогии революционного движения. Революционное и общественное движение домарксистского периода представлялось им как неодно-

⁷⁰ Фигнер В.Н. Запечатленный труд... С. 283–284.

⁷¹ ОР РГБ. Ф. 520. Картон 36. Ед. 40.

⁷² РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 135. Оп. 1. Д. 188. Л. 23.

⁷³ Там же. Ф. 135. Оп. 1. Д. 188. Л. 22.

⁷⁴ Там же. Ф. 89. Оп. 5. Д. 59. Л. 10.

⁷⁵ Вахрушев И.С. Очерки истории... С. 156.

⁷⁶ Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. 2241. Оп. 1. Д. 133. Л. 2 об.

⁷⁷ ОР РГБ. Ф. 520. Картон 36. Ед. хран. 41. Л. 3.

⁷⁸ Зверев В.В. Идеал, но не идол... С. 88.

родное поле, в котором сосуществовали совершенно различные взгляды, но в еще непроявленном виде, вместе с недостаточно дифференцированной классовой структурой. Позже эти течения приобретали более четкие очертания. Подобный взгляд постоянно приводил к пересмотру (своеобразной модернизации) истории революционного движения, которое рассматривалось через призму современности. Работу А.А. Колосова историк-марксисты расценили как «эсеровщину», то есть как ту же модернизацию, только с иных политических позиций. Даже Горев, которого принято считать одним из наиболее «объективных» историков революционного движения 1920-х гг., на заседании в ОПК воспринял выступление В. Фигнер против преувеличения роли Михайловского в «Народной Воле» как способ политического самоопределения: «Я думаю, что Фигнер в этом вопросе безусловно права, потому что из группы “Русского Богатства”⁷⁹ вышли те Н.С.⁸⁰, которые возглавляют все белое правительство. Фигнер нельзя к ним относить, и она имела полное основание отречься от них»⁸¹.

Противоположный подход можно встретить у самой В. Фигнер, для которой история «Народной Воли» представляла самостоятельную ценность вне ее связи с другими идеологиями, партиями и последующими событиями. Ее целью было сохранение памяти о революционном поколении 1870-х гг. с его особым практическим опытом, психологией и этикой. Фигнер не просто фиксировала прошлое, а постоянно находилась в процессе его детального изучения и осмысления. Свою литературную работу она воспринимала как долг перед погибшими товарищами и стремилась отразить в ней коллективную точку зрения. От реакции на идеологические оценки народнического движения с позиции современности Фигнер сознательно воздерживалась, имея четкое представление о том, в чем заключаются ее задачи как одного из немногих деятелей «Народной Воли», которым судьба подарила возможность донести свою «правду жизни» до потомков⁸². Книга Колосова с преувеличением роли Михайловского, не являвшегося в понимании Фигнер частью революционной среды и принижением роли Тихомирова, дальнейшая судьба которого крайне болезненно была воспринята всеми народолюбцами, оказалась для Фигнер нарушением неких предустановленных ею границ.

Положение самого Колосова в ходе дискуссии было столь же сложным и драматичным, какими были его отношения с настоящим. В «Народовольческой журналистике» он попытался собрать единую картину из своего политического опыта, любви к Михайловскому, собственных исторических разысканий и обширной народовольческой мемуарной литературы, а затем встроить свои выводы в современные исторические дискуссии. В стремлении актуализировать Михайловского Колосову пришлось опираться не на современность, а на прошлое – на историю «Народной Воли», которая, казалось, заново оживала благодаря выходявшим тогда в большом количестве мемуарам и приближавшемуся 50-летнему юбилею. Колосов то изображал из себя беспристрастного «библиографа», углубившегося в скрупулезные исследования, то снова возвращался к критике большевиков и отстаиванию эсеровских лозунгов. В отличие от Фигнер А.А. Колосов не смог сохранить автономию по отношению к «марксистской» литературе и продолжал искать место своим убеждениям в современном контексте.

Рукопись поступила: 17 июля 2019 г.

Submitted: 17 July 2019

⁷⁹ В 1890-е гг. Михайловский был одним из идейных руководителей и авторов журнала «Русское богатство».

⁸⁰ Н.С. – Партия народных социалистов.

⁸¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 101. Л. 11 об – 13.

⁸² АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1967. Л. 41–42.

Библиографический список

- Алаторцева А.И.* Дискуссия о Народной воле в советской исторической науке конца 1920-х – начала 1930-х годов // История и историки. М.: История, 1990. С. 209–230.
- Анатольев П.* Эсеровщина в советской исторической литературе // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 128–132.
- Антонов В.Ф.* Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 5–19.
- Блохин В.В.* На переломе 1881–1904: Н.К. Михайловский в идейно-политической борьбе в 80–90-е годы XIX века. М.: РУДН, 2004. 240 с.
- Блохин В.В., Милевский О.А.* «Кольцо сиротства» Н.К. Михайловского (идеолог народничества в личной жизни) // Н.К. Михайловский: человек, мыслитель, общественный деятель. Воронеж: ВГУ, 2017. С. 63–80.
- Блохин В.В., Соловьев Е.А.* Н.К. Михайловский и демократическое движение в России во второй половине XIX века: политическая доктрина и деятельность (к 175-летию со дня рождения) // Былые годы. 2017. № 4. С. 1448–1449.
- Вахрушев И.С.* Очерки истории русской революционно-демократической печати 1873–1886 годов. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1980. 233 с.
- Волк С.С.* Письмо ИК «Народной воли» к заграничным товарищам // Исследования по отечественному источниковедению: сб. ст., посвящ. 75-летию С.Н. Валка. М.; Л.: Наука, 1964. С. 178–185.
- Зверев В.В.* Идеал, но не идол (социалистическая доктрина Н.К. Михайловского) // Н.К. Михайловский: человек, мыслитель, общественный деятель. Воронеж: ВГУ, 2017. С. 88–112.
- Зверев В.В.* Драматическая история историографического феномена: как «мирные народники» превратились в «мелкобуржуазных реакционеров» // Вестник РУДН. Серия: История России. 2009. № 3. С. 5–18.
- Колосов Е.Е.* Сибирь при Колчаке. Пг.: Былое, 1923. 190 с.
- Кузьмин Д.* Народовольческая журналистика. М.: Д. Кузьмина, 1930. 284 с.
- Кузьмин Д.* Газета «Народная Воля» и ее редакторы // Каторга и ссылка. 1932. № 1. С. 115–116.
- Леонтьев Я.В., Юрьев К.С.* Незапечатленный труд: из архива В.Н. Фигнера // Звенья. М.; СПб.: Наука, 1992. С. 464–465.
- Левцкий В.* Партия «Народная Воля»: возникновение, борьба, гибель. М.; Л.: Государственное изд-во, 1928. 210 с.
- Любатович О.* Далекое и недавнее. М.: Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930. 144 с.
- Морозов Н.А.* Комментарии к статье М.Ф. Фроленко // Былое. 1906. № 12. С. 21–40.
- Мицкевич С.* Русские якобинцы // Пролетарская революция. 1923. № 6–7. С. 3–26.
- Олицкая Е.Л.* Мои воспоминания. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1971. 273 с.
- Прибылева-Корба А.* Мнимое письмо Исполнительного Комитета «Народной Воли» // Былое. 1925. № 6 (34). С. 80–81.
- Прибылева-Корба А.П.* Исполнительный Комитет партии «Народная Воля» и Учредительное собрание // Былое. 1918. № 4–5. С. 83–85.
- Репников А.В., Милевский О.А.* Две жизни Льва Тихомирова. М.: «Academia», 2011. 560 с.
- Седов М.Г.* Советская литература о теоретиках народничества // История и историки. М.: История, 1965. С. 246–269.
- Теодорович И.А.* Историческое значение партии «Народной Воли» // Каторга и ссылка. 1929. № 8–9. С. 7–53.
- Теодорович И.А.* По поводу полемики В.Н. Фигнера с Е. Колосовым // Каторга и ссылка. 1932. № 1. С. 5–104.
- Тихомиров Л.* Плеханов и его друзья: из личных воспоминаний. Л.: Колос, 1925. 51 с.
- Тихомиров Л.* Тени прошлого: Степан Халтурин // Каторга и ссылка. 1926. № 4. С. 82–96.
- Фигнер В.* Новая книга о Шлиссельбургской крепости // Былое. 1924. № 24. С. 279–280.
- Фигнер В.Н.* Послесловие // Кузьмин Д. Народовольческая журналистика. М.: Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930. С. 231–232.
- Фигнер В.Н.* Полное собрание сочинений. М.: Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. С. 483–484.
- Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. М.: Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921. С. 243–244.
- Фигнер В.Н.* По поводу записок Л. Тихомирова // Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. С. 22–35.

- Фроленко М. Комментарий к статье Н.А. Морозова «Возникновение Народной Воли» // *Былое*. 1906. № 12. С. 30–31.
- Фроленко М. Записки семидесятника. М.: Каторга, 1927. 339 с.
- Фроленко М.Ф. Попытка освобождения Войнаральского 1 июля 1878 г. (по поводу «Воспоминаний» Л. Тихомирова) // *Каторга и ссылка*. 1928. № 4. С. 80–95.
- Чарушин Н.А. О далеком прошлом. М.: Каторга, 1926. 222 с.
- Шереметьева Д.Л. Политические взгляды Е.Е. Колосова в годы революции и гражданской войны (март 1917 – январь 1920 г.) // *Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны*. Новосибирск: Параллель, 2012. С. 37–94.
- Шикман А. Николай Морозов: мистификация длиною в век. М.: Весь мир, 2016. 288 с.
- Юнге М. Революционеры на пенсии: Всеоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев: 1921–1935. М.: АИРО-XXI, 2015. 636 с.

References

- Alatortseva, A.I. “Diskussiya o Narodnoy vole v sovetskoj istoricheskoj nauke kontsa 1920-kh – nachala 1930-kh godov.” In *Istoriya i istoriki*, 209–230. Moscow: Istoriya Publ., 1990 (in Russian).
- Anatol'yev, P. “Eserovshchina v sovetskoj istoricheskoj literature.” *Istoriik-marksist*, no. 21 (1931): 128–132 (in Russian).
- Antonov, V.F. “Narodnichestvo v Rossii: utopiya ili otvergnutyje vozmozhnosti.” *Voprosy istorii*, no. 1 (1991): 5–19 (in Russian).
- Blokhin, V.V. *Na perelome 1881–1904: N.K. Mikhaylovskiy v idejno-politicheskoj bor'be v 80–90-ye gody XIX veka*. Moscow: RUDN Publ., 2004 (in Russian).
- Blokhin, V.V., and Milevskiy, O.A. “«Kol'tso sirotstva» N.K. Mikhaylovskogo (ideolog narodnichestva v lichnoy zhizni).” In *N.K. Mikhaylovskiy: chelovek, myslitel', obshchestvennyy deyatel'*, 63–80. Voronezh: VGU Publ., 2017 (in Russian).
- Blokhin, V.V., and Soloviev, E.A. “N.K. Mikhailovski and the Democratic Movement in Russia in the second half of the XIX century: Political Doctrine and Activity (to the 175th Anniversary of Birthday).” *Bylye Gody*, no. 4 (2017): 1448–1449.
- Charushin, N.A. *O dalekom proshlom*. Moscow: Katorga Publ., 1926 (in Russian).
- Figner, V.N. “Novaya kniga o Shlissel'burgskoy kreposti.” *Byloye*, no. 24 (1924): 279–280 (in Russian).
- Figner, V.N. “Poslesloviye.” In *Kuz'min D. Narodovol'cheskaya zhurnalistika*, 231–232. Moscow: Society of Former Political Prisoners and Exiles Publ., 1930 (in Russian).
- Figner, V.N. *Polnoye sobraniye sochineniy*. Moscow: Society of Former Political Prisoners and Exiles Publ., 1929 (in Russian).
- Figner, V.N. *Zapechatlennyy trud*. Moscow: Society of Former Political Prisoners and Exiles Publ., 1921 (in Russian).
- Figner, V.N. “Po povodu zapisok L. Tikhomirova.” In *Vospominaniya L'va Tikhomirova*, 22–35. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo Publ., 1927 (in Russian).
- Frolenko, M. “Kommentarii k stat'ye N.A. Morozova «Vozniknoveniye Narodnoy Voli.»” *Byloye*, no. 12 (1906): 30–31 (in Russian).
- Frolenko, M. *Zapiski semidesyatnika*. Moscow: Katorga Publ., 1927 (in Russian).
- Frolenko, M.F. “Popytka osvobodzheniya Voynaral'skogo 1 iyulya 1878 g. (po povodu «Vospominaniy» L. Tikhomirova).” *Katorga i ssylka*, no. 4 (1928): 80–95 (in Russian).
- Kolosov, Ye.Ye. *Sibir' pri Kolchake*. Petrograd: Byloye Publ., 1923 (in Russian).
- Kuz'min, D. *Narodovol'cheskaya zhurnalistika*. Moscow: D. Kuz'mina Publ., 1930 (in Russian).
- Kuz'min, D. “Gazeta «Narodnaya Volya» i yeye redaktory.” *Katorga i ssylka*, no. 1 (1932): 115–116 (in Russian).
- Leont'yev, Ya.V., and Yur'yev, K.S. “Nezapechatlennyy trud: iz arkhiva V.N. Figner.” In *Zven'ya*, 464–465. Moscow; St. Petersburg: Nauka Publ., 1992 (in Russian).
- Levitskiy, V. *Partiya «Narodnaya Volya»: vozniknoveniye, bor'ba, gibel'*. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoye izd-vo Publ., 1928 (in Russian).
- Lyubatyovich, O. *Dalekoye i nedavneye*. Moscow: Society of Former Political Prisoners and Exiles Publ., 1930 (in Russian).
- Morozov, N.A. “Kommentarii k stat'ye M.F. Frolenko.” *Byloye*, no. 12 (1906): 21–40 (in Russian).
- Mitskevich, S. “Russkiye yakobintsy.” *Proletarskaya revolyutsiya*, no. 6–7 (1923): 3–26 (in Russian).
- Olitskaya, Ye. L. *Moi vospominaniya*. Frankfurt am Main: “Posev” Publ., 1971 (in Russian).
- Pribyleva-Korba, A. “Mnimoye pis'mo Iсполnitel'nogo Komiteta ‘Narodnoy Voli.’” *Byloye*, no. 6 (1925): 80–81 (in Russian).

- Pribyleva-Korba, A.P. "Ispolnitel'nyy Komitet partii «Narodnaya Volya» i Uchreditel'noye sobraniye." *Byloye*, no. 4–5 (1918): 83–85 (in Russian).
- Repnikov, A.V., and Milevskiy, O.A. *Dve zhizni L'va Tikhomirova*. Moscow: Academia Publ., 2011 (in Russian).
- Sedov, M.G. "Sovetskaya literatura o teoretikakh narodnichestva." In *Istoriya i istoriki*, 246–269. Moscow: Istoriya Publ., 1965 (in Russian).
- Sheremet'yeva, D.L. "Politicheskiye vzglyady Ye.Ye. Kolosova v gody revolyutsii i grazhdanskoj vojny (mart 1917 – yanvar' 1920 g.)." In *Politicheskiye sistemy i rezhimy na vostoке Rossii v period revolyutsii i grazhdanskoj vojny*, 37–94. Novosibirsk: Parallel' Publ., 2012 (in Russian).
- Shikman, A. *Nikolay Morozov: mistifikatsiya dlinoyu v vek*. Moscow: Ves' mir Publ., 2016 (in Russian).
- Teodorovich, I.A. "Istoricheskoye znachenie partii 'Narodnoy Voli'." *Katorga i sсыlka*, no. 8–9 (1929): 7–53 (in Russian).
- Teodorovich, I. "Po povodu polemiki V.N. Figner s Ye. Kolosovym." *Katorga i sсыlka*, no. 1 (1932): 5–104 (in Russian).
- Tikhomirov, L. *Plekhanov i yego druž'ya: iz lichnykh vospominaniy*. Leningrad: Kolos Publ., 1925 (in Russian).
- Tikhomirov, L. "Teni proshlogo: Stepan Khalturin." *Katorga i sсыlka*, no. 4 (1926): 82–96 (in Russian).
- Vakhrushev, I.S. *Ocherki istorii russkoj revolyutsionno-demokraticheskoj pečati 1873–1886 godov*. Saratov: Saratov University Publ., 1980 (in Russian).
- Volk, S.S. "Pis'mo IK «Narodnoy voli» k zagranichnym tovarishcham." In *Issledovaniya po otechestvennomu istochnikovedeniyu*, 178–185. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1964 (in Russian).
- Yunge, M. *Revolyutsionery na pensii: Vsesoyuznoye obshchestvo politkatorzhan i sсыlnoposelentsev: 1921–1935*. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2015 (in Russian).
- Zverev, V.V. "Ideal, no ne idol (sotsialisticheskaya doktrina N.K. Mikhaylovskogo)." In *N.K. Mikhaylovskiy: chelovek, myslitel', obshchestvennyy deyatel'*, 88–112. Voronezh: VGU Publ., 2017 (in Russian).
- Zverev, V.V. "The image of reformative populism (narodnichestvo) in Russian historiography from the 20s years of the 20th to the beginning of the 21st." *RUDN Journal of Russian History* 8, no. 3 (2009): 5–18 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Шемякина Ольга Владимировна, старший преподаватель кафедры истории и политологии Российского химико-технологического университета имени Д.И. Менделеева.

Olga V. Shemyakina, Senior Lecturer at the Department of History and Politology of Dmitry Mendeleev University of Chemical Technology of Russia.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-468-482>

Научная статья / Research article

Трансформация советских идеологических установок в работах А.Н. Яковлева в 1985–1991 гг.

А.Н. Сивов

Московский педагогический государственный университет; 115571, Россия, Москва,
Проспект Вернадского, д. 88; sivov.tolya@mail.ru

Transformation of Soviet Ideological Attitudes in the Works of A.N. Yakovlev in 1985–1991

Anatoly N. Sivov

Moscow State Pedagogical University; 88, Vernadsky Av., Moscow, 115571, Russia;
sivov.tolya@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению особенностей формирования и эволюции взглядов секретаря ЦК КПСС Александра Николаевича Яковлева в период перестройки в СССР во второй половине 1980-х гг. Проанализированы исходные позиции А.Н. Яковлева по вопросам советской идеологии, его взгляды на проблемы совершенствования идеологической работы в стране, которые тем не менее не отличались от аналогичных заявлений представителей партийного руководства в начальный период перестройки. Отмечается значительное влияние на отношение к событиям отечественной истории XX в. фактов биографии самого А.Н. Яковлева, в том числе его участие в Великой Отечественной войне, в работе XX съезда КПСС, в деятельности комиссии ЦК КПСС по реабилитации жертв политических репрессий. Определенное влияние на политическую позицию А.Н. Яковлева оказал критика его деятельности в ЦК КПСС и личного влияния на М.С. Горбачева, исходившая от руководства создаваемой Коммунистической партии РСФСР, а также консервативной части членов КПСС. Анализируется отношение А.Н. Яковлева к социалистической формации, идеологии марксизма и политико-правовой структуре КПСС. Автор указывает на непосредственную связь между эволюцией взглядов А.Н. Яковлева и проблемами общественно-политической жизни в Советском Союзе рассматриваемого периода. На основе привлечения новых источников (опубликованных статей и публичных выступлений А.Н. Яковлева, архивных материалов из его личного фонда в ГА РФ) автор приходит к выводу о том, что с начала 1991 г. влияние А.Н. Яковлева на Президента СССР М.С. Горбачева стало заметно снижаться, и накануне августовского «путча» оказалось наименьшим.

Ключевые слова: А.Н. Яковлев, М.С. Горбачев, перестройка, идеология, социализм, марксизм-ленинизм, СССР, внешняя политика, внутренняя политика, ЦК КПСС, реабилитация, репрессии

Для цитирования: Сивов А.Н. Трансформация советских идеологических установок в работах А.Н. Яковлева в 1985–1991 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 468–482. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-468-482>

Abstract: The present article studies the views of the “godfather of Glasnost,” CPSU Central Committee Secretary Alexander N. Yakovlev (1923–2005), and how they evolved during the Perestroika period in the second half of the 1980s. The author analyzes Yakovlev's positions on issues of Soviet ideology at the beginning of Perestroika, arguing that at that time his statements on the need for radical

improvement of ideological work did not differ from the views of other party leaders. Yakovlev's personal biography shaped his interpretation of important events of twentieth-century Russian history; he had fought in the Great Patriotic war and participated in the work of the 20th Party Congress and in the Commission of the CPSU Central Committee for the rehabilitation of victims of political repression. Yakovlev became the target of critique from the leaders of the newly created Communist party of the RSFSR, as well as from conservative CPSU members, in particular during the XVIII Party Congress in the summer of 1990; they criticized Yakovlev's work in the Central Committee of the CPSU and the extent of his influence on M.S. Gorbachev. The article traces changes in Yakovlev's assessments of the socialist formation, of Marxism, and of the political and legal structure of the CPSU. The author identifies a direct link between the problems of social and political life in the Soviet Union and changes in Yakovlev's public statements. This analysis leads to the conclusion that Yakovlev's influence on the President of the USSR, M.S. Gorbachev, was not as big as sometimes assumed. Since the beginning of 1991, Yakovlev's influence was gradually declining, and on the eve of the August putsch it reached its lowest point. The article is based on Yakovlev's published articles and public speeches as well as on archival materials from his personal fund that is preserved in the State Archive of the Russian Federation.

Keywords: A.N. Yakovlev, M.S. Gorbachev, perestroika, ideology, socialism, Marxism-Leninism, USSR, foreign policy, internal policy, Central Committee of the CPSU, rehabilitation, repression

For citation: Sivov, Anatoly N. "Transformation of Soviet ideological attitudes in the works of A.N. Yakovlev in 1985–1991." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 2 (May 2020): 468–482. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-468-482>

Введение

В связи с необходимостью изучения социально-политических и социально-экономических предпосылок распада СССР актуализируется задача рассмотрения общественных настроений и социальной психологии тех лет, изучения биографий представителей советской политической элиты, в том числе тех, кого в 1980-е гг. называли «прорабами перестройки».

Одним из них был Александр Николаевич Яковлев, занимавший в 1985–1991 гг. ключевые должности в административных структурах КПСС, а также в аппарате управления Президента СССР М.С. Горбачева, чья общественно-политическая деятельность до сих пор вызывает неоднозначные оценки в современной отечественной и зарубежной историографии. Целью статьи является реконструкция взглядов А.Н. Яковлева на необходимость обновления идеологических установок в стране, их модернизацию в условиях перемен в советском обществе. Актуальность рассматриваемой темы имеет большое значение для понимания особенностей развития нашей страны в условиях радикальных изменений.

Историография истории СССР периода перестройки довольно значительна. Ее комплексный анализ дан в ряде исследований, увидевших свет в последние годы¹, в которых идеологические перемены рассматриваются как часть более глобальных политических и экономических трансформаций. При этом экономические вопросы рассматриваются в контексте подготовки общих перемен в стране. В частности, в монографии М.Ф. Польшова экономические и политические предпосылки перестройки связываются с принципиально новыми нормами общественной жизни, прежде всего с осознанием актуальности «нового мышления»².

¹ Казьмина М.В., Казьмин В.Н. Отечественная историография 1970-х годов – начала XXI века об идейно-политической жизни России 1971–1991 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 50–57; Величко А. Освещение перестройки в СССР (1985–1991 годов) в зарубежной историографии // Вопросы истории. 2005. № 6. С. 162–166; Логвенков И.С. Демонтаж СССР: историография причин, условий и факторов // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2017. № 4. С. 129–145.

² Польшов М.Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940 – первая половина 1980-х гг. СПб., 2010.

Большой интерес в изучении проблематики «перестройки» вызывают вопросы, связанные с причинами дезинтеграционных процессов конца 1980-х гг. в СССР. Классическим трудом по изучению политических предпосылок горбачевских реформ можно считать монографию В.В. Согрина, выдержавшую ряд переизданий, в которой дана периодизация перемен второй половины 1980-х гг., отмечено, что в условиях экономических преобразований, не приносивших ожидавшегося эффекта, советское руководство пошло на признание возможности радикальных политических изменений. Хронологическим рубежом данного перехода автор считает 1987 год. В 1987–1991 гг. М.С. Горбачевым предпринимались попытки синтеза рыночных и плановых элементов в экономике и расширения принципов демократических реформ при стремлении сохранить политический авторитет КПСС³.

Идеологические аспекты происходивших в стране преобразований в контексте судьбы союзного государства рассматривались в монографии А.С. Барсенкова⁴. Автор показал, как развернувшееся политическое противостояние центральной союзной власти и региональных элит вело к идеологическому противостоянию и, в конечном итоге, к росту националистических настроений в советских республиках. Весьма интересны оценки противостояния центра и регионов в монографии А.В. Шубина. Централизованный характер управления экономикой и распределения ресурсов предопределил острое столкновение союзной и республиканских элит. Это не могло не отразиться и на идеологии⁵.

Примечательна оценка идеологических трансформаций в монографии Р.А. Медведева. Автор правомерно отмечал деформации марксистско-ленинской идеологии в условиях падения общественного доверия к правящей партии и к тем официальным заявлениям, которые делались в конце 1980-х гг. Для советской элиты, по мнению автора, идеология марксизма-ленинизма оказалась чуждой, а адекватной новой системы ценностей, призванной заменить «устаревшие» концепции, выработать так и не удалось⁶. Комплексный анализ факторов «перестройки», в том числе идеологических, дан в работе В.П. Попова «Причины, последствия и оценки «перестройки» и распада СССР»⁷.

Однако специальных научных исследований, посвященных изучению идеологических предпосылок и идеологических трансформаций советской политической системы периода перестройки, еще недостаточно. В этой связи следует назвать работы, в той или иной степени затрагивающих непосредственное или А.А. Вилкова и В.А. Пивоварова

В ней выделяется значение существовавшего в стране «мощнейшего пропагандистского аппарата», структуры которого оказались переориентированы с принципов апологетики социализма и марксизма-ленинизма на «дезориентацию и раскол советского общества»⁸. Достаточно актуальным представляется использование контент-анализа официальных выступлений «первых лиц государства», посвященных обоснованию «перестройки» как «продолжения революции», революционной традиции 1917 года. Тот же метод применим и к обоснованию «общечеловеческих

³ Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985–1994. От Горбачева до Ельцина. М., 1994.

⁴ Барсенков А.С. Реформы Горбачева и судьба союзного государства 1985–1991. М., 2001.

⁵ Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1978–1985 гг. М., 2001.

⁶ Медведев Р.А. Советский Союз. Последние годы жизни. М., 2010.

⁷ Попов В.П. Причины, последствия и оценки «перестройки» и распада СССР // Трудные вопросы истории России. XX – начало XXI века. Учебное пособие. Выпуск 1. М., 2016.

⁸ Вилков А.А., Пивоваров В.А. Пропагандистский фактор дезориентации и раскола советского общества и распада СССР // Известия Саратовского университета. Серия: Социология, политология. 2016. Т. 16. № 4. С. 432–438.

ценностей», лежащих в основе новой социальной идеологии⁹. Идеологические формы и методы работы в 1980-е годы рассматриваются в работе В.Ж. Цветкова¹⁰.

Интересны материалы «юбилейных сборников», вышедших в свет в годы, отмеченные началом и окончанием «перестройки»¹¹. Примечательна статья О. Гаман-Голутвиной, охарактеризовавшей «перестройку» как «новое издание российской версии политического идеализма». По мнению автора, неудачный синтез «частной» и «политической» морали оказался «спусковым механизмом геополитического краха» СССР¹².

Что касается историографии, непосредственно отражающей жизнь и деятельность А.Н. Яковлева, то она явно незначительна. Показательно, что большее внимание ему уделяют зарубежные ученые, в частности Р. Пайпс¹³. Отечественные авторы в значительной степени рассматривают личность Яковлева лишь как соратника М.С. Горбачева, наделяя его при этом весьма не лестными эпитетами, определяющими не только неприятие самого А.Н. Яковлева, но и негативное отношение к перестройке в целом¹⁴.

Особое значение в изучении биографии А.Н. Яковлева имеют публикации, довольно однозначно характеризующие его деятельность как «предательскую», «направленную на разрушение Советского Союза». Популярность получила и такая версия, что Яковлев – «агент ЦРУ», «агент влияния»¹⁵. Приоритет в распространении данной версии принадлежит бывшим сотрудникам КГБ СССР. Большое внимание уделяется также его роли как «серого кардинала» (термин, введенный в широкий оборот Е.К. Лигачевым)¹⁶. А.Н. Яковлев стал даже героем литературного произведения¹⁷.

Но очевидно, что чрезмерно политизированный подход не должен определять вектор изучения политических жизнеописаний ведущих участников того или иного исторического этапа. Однозначные суждения нельзя признать продуктивными, и они мало что могут добавить к объективному и беспристрастному анализу как периода «перестройки» в целом, так и деятельности отдельных ее «творцов» и «архитекторов»¹⁸. Гораздо большее значение могут иметь исторические источники, издание и переиздание которых способно открыть малоизвестные страницы жизни А.Н. Яковлева. Здесь необходимо отметить выход в свет двухтомника «Александр Яковлев» (редактор и составитель – его сын – А.А. Яковлев), в котором содержится значительный объем документов, отражающих его политическую биографию¹⁹. В «Предисло-

⁹ Артемов А.В. Идеология обновления в риторике М.С. Горбачева как базовый элемент образа перестройки (на примере подготовки выступления на февральском Пленуме ЦК КПСС 1988 г.) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2017. № 2. С. 106–114.

¹⁰ Цветков В.Ж. Актуальность опыта идеологической работы в период подготовки и начала «перестройки» в СССР: нереализованные возможности и роковые ошибки // Cliо-science: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза. Сборник научных трудов. М., 2016. С. 204–258.

¹¹ Десять лет, которые потрясли... 1991–2001 годы. М., 2002; Толстых В.И. Перестройка. Двадцать лет спустя. М., 2005.

¹² Гаман-Голутвина О. Политика и мораль: уроки перестройки // В.И. Толстых. Перестройка. Двадцать лет спустя. М., 2005. С. 62–63.

¹³ Pipes R. Alexander Yakovlev: The Man Whose Ideas Delivered Russia from Communism. IL., 2015; Shulgan C. The Soviet Ambassador: The Making of the Radical Behind Perestroika. Toronto, 2008.

¹⁴ Спицын Е.Ю. Хрущевская слякоть. Советская держава в 1953–1964 годах. М., 2020. С. 574.

¹⁵ Крючков В.А. Личное дело. М., 2003; Широкин В.С. Агенты перестройки. Рассекреченное досье КГБ. М., 2016; Бобков Ф.Д. Как готовили предателей. Начальник политической контрразведки свидетельствует. М., 2011.

¹⁶ Лигачев Е.К. Кто предал СССР? М., 2011. С. 89.

¹⁷ Минутко И.А. Провидец. М., 2010.

¹⁸ Выражение «архитектор перестройки» стало использоваться по отношению к А.Н. Яковлеву после статьи Г.А. Зюганова «Архитектор развалин», опубликованной в газете «Советская Россия» в 1991 г.

¹⁹ Яковлев А.Н. Перестройка: 1985–1991. М., 2008; Яковлев А. Избранные интервью: 1992–2005. М., 2009.

вии» к первому тому, полностью посвященному периоду перестройки, А.А. Яковлев отметил очевидную важность и малую изученность влияния позиции своего отца на формирование идеологии внешней политики страны второй половины 1980-х гг. и концепции «нового политического мышления» для международных отношений. Этот аспект мог бы предметом отдельной статьи, но уже сейчас необходимо заметить, что после отставки Э.А. Шеварднадзе с поста министра иностранных дел СССР именно А.Н. Яковлев предлагался в качестве наиболее вероятного его преемника²⁰. Тем не менее, его участие в формировании и эволюции идеологии «перестройки» заслуживает последующего изучения.

В данной статье не рассматривается эволюция взглядов А.Н. Яковлева, произошедшая в его мировоззрении уже в 1992–2000-х гг. Перенос его откровенно антисоветских высказываний, сделанных уже после распада СССР, на период перестройки был бы не вполне корректен и объективен. В данной статье автором анализируются взгляды А.Н. Яковлева именно в 1985–1991 гг.

Начало переоценки идеологических концепций, форм и методов работы. 1985–1987 гг.

Деятельность А.Н. Яковлева в идеологической сфере отнюдь не ограничивалась периодом второй половины 1980-х гг. Он имел большой опыт такой работы еще с конца 1950-х гг., с периода «оттепели». В своих интервью А.Н. Яковлев неоднократно отмечал, что становление его политических взглядов во многом оказалось под влиянием решений XX съезда КПСС, осуждения «культы личности» И.В. Сталина²¹. Но, помимо сугубо теоретических представлений, немаловажное значение имела его работа на разных должностях в аппарате ЦК КПСС с 1960 по 1973 гг. Правомерно считать А.Н. Яковлева профессионально подготовленным идеологическим работником, хорошо знакомым с методами агитации и пропаганды. Поэтому не случайно уже в августе 1985 г., во время выступления на партийном собрании в Отделе пропаганды ЦК КПСС по вопросам партийного просвещения и экономического образования, он заявлял о важности перемен в системе «политпросвещения», считая, что «от сознательности народа зависит очень многое». Он говорил, что «мы ходим по кругу, не в силах оторваться от форм и методов пропаганды, сохранившихся с тех пор, когда народ был темный, а к интеллигенции не было доверия», «мы создаем мифы и живем среди них», «мы проспали полтора десятилетия», «главное сейчас – убедить людей, что на работе нужно работать»²².

Основной акцент был сделан А.Н. Яковлевым на несовершенстве форм и методов идеологической работы, на отсутствии актуальности, малой доступности предлагаемых пропагандистских материалов (особенно учебной литературы). Эти заявления вполне вписывались в провозглашенные ранее официальные тезисы Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова об улучшении идейно-политической практики в стране (в докладе на Пленуме ЦК КПСС, июнь 1983 г.). Он, в частности, говорил: «...Мы ясно видим, какой серьезный ущерб приносят изъяды в этой работе, недостаточная зрелость сознания людей, когда она имеет место. И наоборот, мы уже сегодня хорошо чувствуем, насколько возрастают темпы продвижения вперед, когда идеологическая работа становится более эффективной, когда массы лучше понимают политику партии, воспринимая ее как свою собственную, отвечающую кров-

²⁰ Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 400–401.

²¹ Яковлев А.Н. Из интервью Хедрику Смигу // А.Н. Яковлев. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М., 1991. С. 29–30.

²² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 10063. Оп. 1. Д. 116. Л. 10.

ным интересам народа...»²³. Для пропагандистского аппарата тех лет явно не хватало также и научности, в целом ряде случаев преобладало сугубо схоластическое, формальное изложение фактов, с опорой на цитаты «классиков марксизма», уже ставшие хрестоматийными и не вызывавшие желания глубже изучать труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина. При этом не подвергались существенной ревизии ни основные постулаты марксистско-ленинской идеологии, ни тот опыт «социалистического строительства», который был приобретен СССР во второй половине XX столетия.

Никаких кардинально иных, отличных от традиционных оценок капиталистической системы и ее противоречий не было в выступлениях А.Н. Яковлева по вопросам международной политики СССР. В статье «Межимпериалистические противоречия – современный контекст» он писал: «...Положительные для капитализма моменты на одних направлениях неизбежно компенсируются осложнениями на каких-то других. В частности, за ограничение амплитуды циклических колебаний пришлось платить, как сегодня совершенно очевидно, колоссальным нарастанием совокупной задолженности, обострением противоречий в валютно-финансовой сфере. Точно так же переносом противоречий на более “высокий”, труднорегулируемый уровень капитализму приходится расплачиваться за социальную политику и за многое другое...»²⁴.

Но в то же время А.Н. Яковлев не мог не обратить внимания на необходимость изменения сложившихся стереотипов, оценок «стран капитала». В редактируемом им сборнике «Капитализм на исходе столетия» (подготовленным Институтом мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР в 1985–1987 гг.) отмечалось: «...Было бы глубокой ошибкой недооценивать военную мощь империализма, его агрессивность, накопленный опыт социального лавирования, космополитическую солидарность буржуазии в борьбе против социализма и освободительных движений, усиливающуюся решимость сообща тушить революционные пожары, вспыхивающие в разных частях планеты, совместно преодолевать трудности в капиталистической экономике...»²⁵.

От переоценки форм и методов идеологической работы к переоценке «социалистических ценностей». 1988–1990 гг.

Трудно определить изначально переходный период во взглядах А.Н. Яковлева на позиции более критического отношения не только к формальной стороне идеологической работы в СССР, но и к ее содержанию. Несомненно, важным этапом во взглядах ведущего идеолога ЦК КПСС стало формирование концепции «нового политического мышления». Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев наиболее полно выразил данную идею в книге «Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и для всего мира». «Человечество должно признать жизненную необходимость приоритета общечеловеческого, как главного императива эпохи», – писал он. – «...Ядром нового мышления является признание приоритета общечеловеческих ценностей и еще точнее – выживания человечества... Появился объективный предел для классовой конфронтации на международной арене: это угроза уничтожения...»²⁶. Неоднократно при этом М.С. Горбачев ссылался на авторитет В.И. Ле-

²³ Андропов Ю.В. Речь на Пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 года // Андропов. Ю.В. Избранные речи и статьи. М., 1983. С. 285.

²⁴ Яковлев А.Н. Межимпериалистические противоречия – современный контекст // Яковлев А.Н. Реализм – земля перестройки: избранные выступления и статьи. М., 1990. С. 167.

²⁵ Яковлев А.Н. Капитализм на исходе столетия. М., 1987. С. 442.

²⁶ Горбачев М.С. Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 148–150.

нина, отмечая, правда не точно, что лидер партии большевиков, обосновавший учение о «диктатуре пролетариата», на самом деле был сторонником превосходства «общечеловеческих интересов над классовыми».

Признание многообразного, но целостного мира в конечном итоге выводило на идею многообразия и в системе ценностей советского общества. Для Александра Николаевича, полностью поддержавшего принципы «нового политического мышления», данные утверждения М.С. Горбачева становились доказательством правоты высказанных им еще в 1985–1986 гг. тезисов о диалектическом развитии марксистско-ленинской философии. На самых различных публичных мероприятиях того периода А.Н. Яковлев постоянно находился рядом с М.С. Горбачевым, что красноречиво подтверждают многочисленные фотографии тех лет²⁷.

Но, очевидно, это не могло бы произойти без решений, принятых на XIX партийной конференции (июнь – июль 1988 г.), утвердившей политику «демократизации и гласности». Начало временного рубежа переосмысления идеологии А.Н. Яковлевым, очевидно, пришлось на 1987–1988 гг. Например, в докладе Генерального секретаря М.С. Горбачева на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС и в итоговом Постановлении Пленума был сделан вывод о важности нового подхода к изучению обществоведческих дисциплин. Признавалось необходимым «вырабатывать у молодежи диалектическое мышление». Считалось, что «вся практика преподавания обществоведческих дисциплин должна вырабатывать способность к самостоятельным суждениям, помогать учащимся осознанно усваивать научные выводы, отражающие диалектику жизни...»²⁸.

Неоднократно с партийных трибун подчеркивалась также актуальность нового подхода к оценке событий Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года (70-летний юбилей которой отмечался в 1987 г. и тогда же М.С. Горбачев выступил с докладом «Великий Октябрь и перестройка: революция продолжается»). Революционные перемены, тем не менее, предполагали не радикальную ломку сложившихся общественно-политических и экономических отношений, а их постепенное и последовательное изменение. С этой точки зрения, революция рассматривалась в качестве бесспорно положительного примера активизации «человеческого фактора», о важности которого постоянно говорилось в официальных докладах. Поэтому гуманистические принципы морали и нравственности соизмерялись с возможностями расширения самостоятельности, личной ответственности и активности человека. Именно в этом представлялся созидательный потенциал перестройки в целом и ее отдельных направлений в частности.

В общей динамике перестройки Александр Николаевич также акцентировал внимание на роли гуманитарных и общественных наук. На смену ведомственному, во многом технократическому подходу «погони за показателями» должны были прийти взвешенные, стратегически продуманные решения, призванные определить основное направление дальнейшего развития советского общества. Примечателен в этом отношении его доклад на заседании секции общественных наук Президиума Академии наук СССР, когда одновременно с критическими высказываниями в адрес тех, кто стремился отказаться от «завоеваний социализма», от «ленинского наследия», А.Н. Яковлевым были расставлены важные акценты в отношении появления нового подхода к изучению теоретического наследия К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и реализации их идей на практике.

«...На определенном этапе, – говорил А.Н. Яковлев, – предпочтение стало отдаваться не творческому развитию теории, а схоластике, догматическому истолко-

²⁷ Михайлов Н.Н. Революция продолжается. М., 1987.

²⁸ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 17–18 февраля 1988 г. М., 1988. С. 70–72.

ванию марксизма-ленинизма. Некоторые ленинские положения о социализме трактовались упрощенно, выхолащивалась их теоретическая глубина и значимость. Получили распространение легковесные представления о социализме и коммунизме, надуманные пророчества, оторванные от жизни и ее реальных процессов. Например, навязывалось представление о нарастающем единообразии по мере продвижения к коммунизму, об исчезновении, отмирании многообразия. В экономике – одна только государственная собственность, одна схема управления ею. В социальной сфере – стирание всех и всяческих различий. В политической – неизменность политических структур... Весь известный опыт свидетельствует: история никогда, ни на одном направлении не достигала прогресса через упрощение. И нет оснований считать социализм и коммунизм в этом смысле исключением...»²⁹.

Уместно привести для сравнения две оценки, сделанные А.Н. Яковлевым по одному и тому же вопросу, но с разницей в десять лет. Об отношении к марксизму и В.И. Ленину в беседе с «молодыми коммунистами» в кулуарах XXVIII съезда КПСС (июль 1990 г.) он говорил: «...Мое отношение очень хорошее... У Ленина была величайшая черта политика – умение менять свою точку зрения в зависимости от сложившихся обстоятельств. Но он многого не доделал, не успел. Если в марксизме очень ценен ранний Маркс, то Ленин – поздний. Он шел к переосмыслению своей точки зрения и не успел...»³⁰.

А вот как он же оценивал марксизм в 2001 г., отмечая, что «это совершенно пустое, противоречивое культурологическое учение... маразм революционизма, навеянный французской революцией...». Свое разочарование в марксизме он связывал «с таким философским состоянием, как сомнение». «Но сомнения по частностям – в справедливости того или иного действия, в правильности поведения того или иного лица, в искренности речи того или иного кремлевского вождя... – заявлял А.Н. Яковлев. – Ведь я участвовал в написании этих речей. И все мы прекрасно понимали, что многое из написанного – чушь собачья...». И показательны его слова в качестве вывода: «...Фашистом номер один в прошлом веке был не Гитлер, а Ленин. Он был организатором фашистского государства. В российском, разумеется, исполнении. Сталинский режим – это дальнейшее развитие фашистского государства...»³¹.

Обращаясь в период перестройки к опыту построения социализма в СССР, к идеологическим дискуссиям времен НЭПа, А.Н. Яковлев особо выделял возможности использования «элементов рынка» в структуре социалистической экономики. Это также было характерно для периода 1987–1989 гг., когда «опыт новой экономической политики, разработанной В.И. Лениным», представлялся многим ученым и публицистам единственной реальной альтернативой модели «сталинской индустриализации»³². Экономические перспективы СССР считались более важными в сравнении с политическими преобразованиями. А.Н. Яковлев выступал за постепенный отказ от тотального государственного регулирования социально-экономической сферы, за внедрение в народное хозяйство таких «элементов рынка», как кооперативы, совместные с иностранным участием предприятия, аренда земли и фермерские хозяйства в земледелии, зарождение и развитие банковского сектора, изменение системы оплаты труда и др.

²⁹ Яковлев А.Н. Новое качество социального развития и обществоведение // Яковлев А.Н. Реализм – земля перестройки: избранные выступления и статьи. М., 1990. С. 217.

³⁰ ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 2. Д. 310. Л. 15.

³¹ Яковлев А.Н. У нас был фашизм почище гитлеровского // Десять лет, которые потрясли... 1991–2001 годы. М., 2002. С. 204–208.

³² Абалкин Л.И. Новое экономическое мышление – потребность времени // Перестройка управления экономикой: проблемы, перспективы. М., 1989. С. 9–10.

Следует учесть, что А.Н. Яковлев не принадлежал к числу профессиональных экономистов и вряд ли мог предвидеть возможные негативные последствия введения «рыночных элементов». В целом же в отношении развития частного сектора экономики (в качестве альтернативы государственному) его точка зрения была оптимистичной. Он был убежден, что экономические преобразования «явно отстают» от политических, из-за чего реформы «тормозятся», и «перестройка» не решает проблем населения. Вследствие этого, по мнению А.Н. Яковлева, усиливается и необоснованное недовольство властью.

В 1990 г. Александр Николаевич в довольно решительной, свойственной ему манере высказывался в защиту рынка от «бюрократизма», выступал за отмену ограничений «сверху». На встрече со студентами и преподавателями МГУ в феврале 1990 г. он заявил: «...Рынок у нас есть и без него не обойтись. Но идеологическим его неприятием и бюрократической травлей мы загнали рынок в такое положение, когда он работает не на общество и человека, а против них. Работает на теневую экономику и теневую политику. Рынок – одно из средств регулирования хозяйственной жизни. И не капитализм его придумал, он был и раньше. Это лишь средство, а не идеологическая платформа и не политический принцип. Надо его легализовать и поставить в естественные условия (политические, правовые, экономические, общественные)...»³³.

Эти заявления о пересмотре базовых экономических установок были сделаны А.Н. Яковлевым уже в контексте переосмысления основных положений господствовавшей в СССР марксистской идеологии.

Для А.Н. Яковлева несомненно важным аспектом переосмысления советских идеологических установок было отношение к политике «сталинских репрессий». Именно в них он видел первичную причину отказа от ленинского наследия, превращения «живого, творческого учения» о социализме в «догму», в «сталинизм», абсолютно неприемлемый для советского общества. Отсюда далеко не случайным было его резкое неприятие позиции Н.А. Андреевой, высказанной в известной статье «Не могу поступиться принципами», опубликованной в газете «Советская Россия» 13 марта 1988 г.

Последний этап: отказ от традиционных идеологических установок. 1990–1991 гг.

Среди интервью и публичных выступлений А.Н. Яковлева в 1990–1991 гг. все чаще звучат высказывания об отсутствии сколько-нибудь определенной программы «перестройки». Как ни парадоксально это выглядело, но именно заявления о том, что советское общество находится еще в «начале пути», о том, что «перестройка еще только начинается» (на пятом году после ее провозглашения), по существу дискредитировали идеологическую программу власти на тот момент. «Проблема сложная, до крайности запутанная», – отвечал Александр Николаевич на тезис о том, что «реальный социализм не выдержал проверки времени», в интервью газете «Рабочая трибуна» (16 мая 1991 г). «Социалистическая идея» уже гораздо шире рассматривалась А.Н. Яковлевым в качестве продолжения традиций философии эпохи Возрождения, трудов французских философов-просветителей, русской философской традиции начала XX столетия. Социалистические или даже социал-демократические идеи закономерно связывались им с мировой историей политических учений, а «марксизм-ленинизм» отнюдь не выделялся в качестве «единственно верной» идеологии. Более того. В интервью А.Н. Яковлев говорит о «социалистическом экстремизме», о его

³³ Яковлев А.Н. Социализм: от мечты к реальности // Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М., 1991. С. 99–100.

так называемой “сталинистско-троцкистской версии”, которая привела к отчуждению власти и общества, к массовым «преступным» репрессиям...»³⁴.

Весьма значимым для эволюции мировоззрения А.Н. Яковлева стал последний в истории КПСС XXVIII съезд. Александр Николаевич несколько раз выступал на его заседаниях, причем одно из его выступлений было связано с «разоблачением» распространявшейся среди делегатов фальшивки о якобы сделанных им заявлениях (на встрече с представителями молодежных секций КПСС) против М.С. Горбачева и Е.К. Лигачева. Съезд должен был завершиться принятием новой политической платформы, призванной объединить сторонников и противников «дальнейшего развития», «углубления перестройки». Однако на съезде произошел фактический раскол прежде единой партии на «демократический центр» и тех, о ком А.Н. Яковлев говорил, как о «реакционной части делегатов», поднявших «реваншистскую волну». В свою очередь, он и его сторонники получили название «непримиримой оппозиции».

Регулярно публиковавшиеся в прессе отчеты о работе последнего форума КПСС показывают неоднозначную оценку деятельности Александра Николаевича и его коллег, занимавших руководящие партийные должности. Например, в выступлении первого секретаря ЦК Компартии РСФСР И.К. Полозкова говорилось, что «непримиримая оппозиция» стремится отказаться «от социалистического выбора, коммунистической перспективы, демократического централизма». По его мнению, это выглядело не как «инакомыслие», а уже как «полное неприятие наших основополагающих ценностей». «Съезд должен занять четкую позицию. Если же верх возьмет опять размытость оценок, подходов, мер, думаю, народ, и прежде всего коммунисты, не получат удовлетворения от нынешнего форума», – заявлял в докладе руководитель российских коммунистов.

А в сообщении «Хроника съезда. День первый», опубликованном в газете «Правда», отмечалось: «...На вечернем заседании делегаты успели заслушать отчеты трех членов Политбюро: Н.И. Рыжкова, В.А. Медведева и А.Н. Яковлева. Реакция на них была неоднозначной. В одной из записок, которую зачитал председательствующий (М.С. Горбачев – *прим. А.С.*), говорилось, что, видимо, у членов Политбюро нет опыта подобных отчетов. Авторы этой и других записок предлагали в отчетах держаться ближе к теме и больше внимания уделять личному вкладу в решение тех или иных вопросов...»³⁵.

Действительно, в отчетном докладе А.Н. Яковлев гораздо больше внимания уделил общим рассуждениям на тему о том, какая должна быть «обновленная КПСС», действующая в условиях отмены ее «монополии» в виде 6-й статьи Конституции СССР, утверждавшей «руководящую и направляющую» роль коммунистической партии в структуре советского общества. По сути предлагалось на основе КПСС создать многопартийную систему. В частности, он говорил: «...Партия идеи, революционной идеи, превратилась в партию власти. В сущности, они всегда сосуществовали: партия служения народу и партия непрекословия, комчванства и комбратства. Именно партия идеи и начала перестройку, чтобы отвести погибель Отечества. И если говорить об основном противоречии острых процессов сегодня, то оно – в жесткой ошибке вдохновляющей идеи народовластия и разлагающей практики народоподавления. В этих условиях считаю, что только обновленная, полевевшая и помолодевшая партия способна повести страну и дальше по пути серьезных преобразований. Движение это неостановимо, оно пойдет – с партией или без нее. Консерва-

³⁴ Яковлев А.Н. Борьба существует ради мира, но не мир ради борьбы // Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М., 1991. С. 145–148.

³⁵ Хроника съезда. День первый // Правда. 1990. 3 июля.

тивные настроения и тенденции, которые выразительно заявили о себе в последнее время, – следствие и свидетельство того, что партия еще в значительной степени остается пленницей системы общественного застоя, порожденной режимом личной власти...»³⁶.

Эти слова А.Н. Яковлева, а также проведенные им во время работы партийного форума встречи с молодыми коммунистами, членами так называемых «Демократической платформы» и «Марксистской платформы» (именно на их основе предполагалось создание новых партийных структур), послужили причиной распространения слухов о существовании якобы «подлинной» стенограммы проведенных им на съезде кулуарных бесед. В ней он представал в качестве уже убежденного противника официальных идеологических догматов, едва ли не интригана против партийного руководства. В результате ему пришлось выступать с опровержением данного текста, заявляя об отсутствии личной неприязни к конкретным членам ЦК, включая самого М.С. Горбачева.

Следует отметить, что накануне и во время работы съезда, весной – летом 1991 г., против Яковлева лично, его суждений и оценок разворачивается довольно активная пропаганда, особенно на страницах газеты «Советская Россия». В созданной в это время КП РСФСР А.Н. Яковлев видел опасную структуру, которая, по его мнению, могла привести к возрождению «сталинизма».

Противостояние с «консерваторами» завершилось для самого А.Н. Яковлева накануне «августовского путча». 15–17 августа 1991 г. ЦКК партии обсуждал возможность исключения Александра Николаевича из рядов КПСС, на что он ответил о собственном намерении выйти из партии. Он не был избран в состав руководящих органов КПСС и большую часть первой половины 1991 г. посвятил контактам с иностранными журналистами, выступал с программными заявлениями и интервью, а отнюдь не занимался «черновой» партийной работой.

Заметным становится и некоторое отчуждение А.Н. Яковлева от М.С. Горбачева в этот же период. Перемены в системе управления, введение поста Президента СССР, учреждение должности вице-президента Советского Союза (им стал Г.А. Янаев) не оставляли, казалось, места для особого статуса Александра Николаевича. Он входил в состав Президентского Совета, но эта должность предполагала гораздо меньшее влияние в сравнении с членством в Политбюро ЦК КПСС. Разгон антисоветских демонстраций ОМОНОм в Риге и в Вильнюсе, откровенный саботаж союзного договора со стороны многих политиков требовали сильной, авторитетной власти, а это представлялось А.Н. Яковлевым как «возврат к тоталитаризму». Правда, после августа 1991 г. бывшее доверие между ними восстановилось.

Как следует из имеющихся документальных материалов, главной причиной постановки вопроса об исключении Яковлева А.Н. из партии могли послужить его заявления о развитии многопартийности, основой для которой, как отмечалось выше, и могла стать КПСС. Это давало возможность трактовать его деятельность как направленную на «раскол партии», на нарушение «партийной дисциплины». Но формального исключения не произошло. Спустя несколько дней Яковлев безоговорочно встал на сторону противников Государственного Комитета по чрезвычайному положению СССР (ГКЧП), и его заявления стали еще более категоричными и неприемлемыми в отношении многих прежних соратников по партии³⁷. В последние месяцы 1991 г. уже никакого сочувствия со стороны А.Н. Яковлева к оказавшейся в глу-

³⁶ Яковлев А.Н. Партия комчванства или комбратства? // Аргументы и факты. 1990. 7–13 июля.

³⁷ Яковлев А.Н. Об опасности реваншизма. Я поступил по совести. Выступление на митинге протеста против государственного переворота // Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М., 1991. С. 341–364.

боком кризисе КПСС не было. Хотя он лично был противником «Беловежских соглашений» и выступал за необходимость сохранения Советского Союза, при этом он исключал единомыслие на основе общепризнанной идеологической монолитности.

Выводы

Как показал рассмотренный материал, за достаточно короткий период времени с 1985–1991 гг. (всего семь лет) произошла радикальная эволюция идеологических представлений А.Н. Яковлева о социалистических «ценностях», что нашло отражение в его многочисленных заявлениях и публикациях. Проще всего это объяснить некоей заранее спланированной, тонкой «политической игрой», «идеологической диверсией», которую он якобы проводил, или его сугубо «конъюнктурными предпочтениями». Примечательна, например, оценка из воспоминаний члена Политбюро ЦК КПСС М.С. Соломенцева: «...В 1988 году М.С. Горбачев и А.Н. Яковлев продолжали разрушать партию. Ими был разработан план реорганизации работы ЦК... Прекращение заседаний Секретариата и утверждение главным идеологом партии Медведева означало, что истинным вершителем политики партии становился Яковлев...»³⁸. Все же следует отметить, что здесь неправомерно упрощение, равно как и утверждения о «вербовке ЦРУ», «агенте влияния» нуждаются, прежде всего, в тщательной, взвешенной, документированной юридической, а не в идеологической оценке.

Важно обратить внимание на высказывание А.Н. Яковлева (правильность которого не подвергалась сомнению) о том, что марксистско-ленинское учение должно развиваться, что ему необходима «диалектика», а не «догматика». Поэтому переоценка и переосмысление в идеологии, с точки зрения А.Н. Яковлева, закономерны и неизбежны. Являясь членом-корреспондентом Академии наук СССР, он стремился к философскому обобществлению социал-демократических постулатов XIX–XX столетий, но заметных исследований в этой сфере им не было сделано.

Наиболее существенной причиной «перемены взглядов» оказался, по нашему мнению, субъективный фактор, заключавшийся в однозначно негативном отношении Александра Николаевича к непримиримости, жестокости, силовому решению проблем, политическому экстремизму. Заметную роль в этом играли и его личные обиды, воспоминания о драматических событиях 1920–1930-х гг., о коллективизации, сталинских репрессиях в судьбах членов его семьи, его односельчан – крестьян Ярославской губернии.

Заметное влияние на перемену его взглядов оказало ознакомление с документальными материалами, относящимися к жертвам политических репрессий (руководство специально созданной комиссией ЦК по реабилитации), а также подготовка к рассекречиванию советско-германского пакта Молотова – Риббентропа 1939 г. и его републикация. И здесь имели место и его личные переживания («шок» после доклада Н.С. Хрущева о «культе личности» на XX съезде КПСС, непримиримые столкновения с так называемыми «реваншистами», националистами в середине 1970-х и в конце 1980-х гг.).

Нужно помнить и об «аппаратном опыте» самого А.Н. Яковлева. В интервью газете «Комсомольская правда» в июне 1990 г. он говорил о «жесткой силе» аппарата, о том, что работа в нем заметно влияет на формирование не столько взглядов, сколько характера, «стиля поведения» человека, при котором не последнее место занимает возможность вовремя сориентироваться в меняющемся идеологическом пространстве³⁹. Не стоит, очевидно, считать это «конъюнктурным поведением», но в об-

³⁸ Соломенцев М.С. Зачистка в Политбюро. Как Горбачев убирал «врагов перестройки». М., 2011. С. 208–209.

³⁹ Яковлев А.Н. Политика интересна в переломные времена // Комсомольская правда. 1990. 5 июня.

становке стремительных перемен конца 1980-х гг. понятие «вектор развития» ему удалось не всегда.

В результате, в период с 1990–1991 гг., когда от политики «перестройки» ожидалось ясное, понятное обществу определение новых целей и задач, «нового курса», не только КПСС, но и высшая власть в СССР в целом (а на республиканском уровне тем более) оказались, по существу, «деидеологизированными», лишёнными четкой общественно-политической программы действий. Стала преобладать та самая «размытость», о которой говорилось на XXVIII съезде КПСС. Политический плюрализм привел к размыванию сложившейся в СССР системы ценностей, что сыграло самую негативную роль накануне распада СССР. Намерения же вписаться в мировую систему идеологических и политических ценностей оказались несостоятельными. От прежней идеологии отказались, а новой разработать не удалось. И в этом отношении роль А.Н. Яковлева не следует преуменьшать или преувеличивать.

Рукопись поступила: 12 января 2020 г.

Submitted: 12 January 2020

Библиографический список

- Андропов Ю.И.* Избранные речи и статьи. М.: Политиздат., 1983. 319 с.
- Артемов А.В.* Идеология обновления в риторике М.С. Горбачева как базовый элемент образа перестройки (на примере подготовки выступления на февральском Пленуме ЦК КПСС 1988 г.) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2017. № 2. С. 106–114.
- Барсенков А.С.* Реформы Горбачева и судьба союзного государства 1985–1991. М.: Издательство Московского университета, 2001. 364 с.
- Бобков Ф.Д.* Как готовили предателей. Начальник политической контрразведки свидетельствует. М.: Эксмо, 2011. 240 с.
- Величко А.* Освещение перестройки в СССР (1985–1991 годов) в зарубежной историографии // Вопросы истории. 2005. № 6. С. 162–166.
- Вилков А.А., Пивоваров В.А.* Пропагандистский фактор дезориентации и раскола советского общества и распада СССР // Известия Саратовского университета. Серия: Социология, политология. 2016. Т. 16. № 4. С. 432–438.
- Горбачев М.С.* Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1987. 270 с.
- Казьмина М.В., Казьмин В.Н.* Отечественная историография 1970-х годов – начала XXI века об идейно-политической жизни России 1971–1991 годов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 50–57.
- Крючков В.А.* Личное дело. М.: Эксмо, 2003. 480 с.
- Лигачев Е.К.* Кто предал СССР? М.: Алгоритм-Эксмо, 2011. 285 с.
- Логвинков И.С.* Демонтаж СССР: историография причин, условий и факторов // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2017. № 4. С. 129–145.
- Медведев Р.А.* Советский Союз. Последние годы жизни. М.: АСТ, 2010. 637 с.
- Минутко И.А.* Провидец. М.: Независимое издательство «ПИК», Российская политическая энциклопедия, 2010. 560 с.
- Михайлов Н.Н.* Революция продолжается. М.: Планета, 1987. 48 с.
- Польнов М.Ф.* Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940 – первая половина 1980-х гг. СПб.: Алетейя, 2010. 512 с.
- Согрин В.В.* Политическая история современной России. 1985–1994. От Горбачева до Ельцина. М.: Прогресс-Академия, 1994. 192 с.
- Соломенцев М. С.* Зачистка в Политбюро. Как Горбачев убирал «врагов перестройки». М.: Эксмо-Алгоритм, 2011. 224 с.
- Спицын Е.Ю.* Хрущевская слякоть. Советская держава в 1953–1964 годах. М.: Концептуал, 2020. 292 с.
- Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
- Широнин В.С.* Агенты перестройки. Рассекреченное досье КГБ. М.: Алгоритм, 2016. 241 с.

- Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1978–1985 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 689 с.
- Яковлев А.Н. Капитализм на исходе столетия. Сборник материалов под научной редакцией. М.: Политиздат, 1987. 461 с.
- Яковлев А.Н. Реализм – земля перестройки: избранные выступления и статьи. М.: Политиздат, 1990. 544 с.
- Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М.: «Новости», 1991. 364 с.
- Яковлев А.Н. Перестройка: 1985–1991. М.: Международный фонд «Демократия», 2008. 867 с.
- Яковлев А.Н. Избранные интервью: 1992–2005. М.: Международный фонд «Демократия», 2009. 476 с.
- Pipes R. Alexander Yakovlev: The Man Whose Ideas Delivered Russia from Communism. IL: NIU Press, 2015. 151 p.
- Shulgan C. The Soviet Ambassador: The Making of the Radical Behind Perestroika. Toronto: McClelland & Stewart, 2008. 288 p.

References

- Andropov, Yu.I. *Izbrannyye rechi i stat'i*. Moscow: Politizdat Publ., 1983 (in Russian).
- Artemov, A.V. “The ideology of renewal in the rhetoric of M.S. Gorbachev as the basic element of the image of Perestroika (on the example of preparing a speech at the February Plenum of the Central Committee of the CPSU of 1988).” *Vestnik of Perm University. History*, no. 2 (2017): 106–114 (in Russian).
- Barsenkov, A.S. *Reformy Gorbacheva i sud'ba soyuznogo gosudarstva 1985–1991*. Moscow: Moscow University Publ., 2001 (in Russian).
- Bobkov, F.D. *Kak gotovili predatelye. Nachal'nik politicheskoy kontrrazvedki svidetel'stvuyet*. Moscow: Eksmo Publ., 2011 (in Russian).
- Chernyayev, A.S. *Shest' let s Gorbachevym. Po dnevnikovym zapisyam*. Moscow: Progress Publ., 1993 (in Russian).
- Gorbachev, M.S. *Perestroika i novoye politicheskoye myshleniye dlya nashey strany i dlya vsego mira*. Moscow: Politizdat Publ., 1987 (in Russian).
- Kaz'mina, M.V., and Kaz'min, V.N. “Russian historiography of the 1970-s – early XXI century on the ideological and political life of Russia in 1971–1991.” *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2017): 50–57 (in Russian).
- Kryuchkov, V.A. *Lichnoye delo*. Moscow: Eksmo Publ., 2003 (in Russian).
- Ligachev, Ye.K. *Kto predal SSSR?* Moscow: Algoritm-Eksmo Publ., 2011 (in Russian).
- Logvenkov, I.S. “Dismantling the USSR: Historiography of Causes, Conditions and Factors.” *Moscow University Public Administration Bulletin*, no. 4 (2017): 129–145 (in Russian).
- Medvedev, R.A. *Sovetskiy Soyuz. Posledniye gody zhizni*. Moscow: AST Publ., 2010 (in Russian).
- Minutko, I.A. *Providets*. Moscow: «PIK» Publ., Russian Political Encyclopedia Publ., 2010 (in Russian).
- Mikhaylov, N.N. *Revolyutsiya prodolzhayetsya*. Moscow: Planeta Publ., 1987 (in Russian).
- Polynov, M.F. *Istoricheskiye predposylki perestroiki v SSSR. Vtoraya polovina 1940 – pervaya polovina 1980-kh gg.* St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2010 (in Russian).
- Pipes, R. *Alexander Yakovlev: The Man Whose Ideas Delivered Russia from Communism*. IL: NIU Press, 2015.
- Sogrin, V.V. *Politicheskaya istoriya sovremennoy Rossii. 1985–1994. Ot Gorbacheva do Yel'tsina*. Moscow: Progress-Akademiya Publ., 1994 (in Russian).
- Solomentsev, M.S. *Zachistka v Politbyuro. Kak Gorbachev ubiral «vragov perestroiki»*. Moscow: Eksmo-Algoritm Publ., 2011 (in Russian).
- Spitsyn, Ye.Yu. *Khrushchevskaya slyakot'. Sovetskaya derzhava v 1953–1964 godakh*. Moscow: Kontseptual Publ., 2020 (in Russian).
- Shironin, V.S. *Agenty perestroiki. Rassekrechennoye dos'ye KGB*. Moscow: Algoritm Publ., 2016 (in Russian).
- Shubin, A.V. *Ot “zastoya” k reformam. SSSR v 1978–1985 gg.* Moscow: ROSSPEN Publ., 2001 (in Russian).
- Shulgan, C. *The Soviet Ambassador: The Making of the Radical Behind Perestroika*. Toronto: McClelland & Stewart, 2008.
- Velichko, A. “Coverage of perestroika in the USSR (1985–1991) in foreign historiography.” *Issues of History*, no. 6 (2005): 162–166 (in Russian).
- Vilkov, A.A., and Pivovarov, V.A. “The Propaganda Factor in the Disorientation and the Split of the Soviet Society and the Collapse of the USSR.” *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology* 16, no. 4 (2016): 432–438 (in Russian).

- Yakovlev, A.N. *Kapitalizm na iskhode stoletiya. Sbornik materialov pod nauchnoy redaktsiyey*. Moscow: Politizdat Publ., 1987 (in Russian).
- Yakovlev, A.N. *Realizm – zemlya perestroyki: izbrannyye vystupleniya i stat'i*. Moscow: Politizdat Publ., 1990 (in Russian).
- Yakovlev, A.N. *Muki prochteniya bytiya. Perestroyka: nadezhdy i real'nosti*. Moscow: Novost Publ., 1991 (in Russian).
- Yakovlev, A.N. *Perestroyka: 1985–1991*. Moscow: Mezhdunarodnyy fond «Demokratiya» Publ., 2008 (in Russian).
- Yakovlev, A.N. *Izbrannyye interv'yuy: 1992–2005*. Moscow: Mezhdunarodnyy fond «Demokratiya» Publ., 2009 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Сивов Анатолий Никитович, аспирант кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета.

Anatoly N. Sivov, Postgraduate Student of the Department of modern Russian history, Moscow State Pedagogical University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-483-485>

Рецензия / Book Review

Sahadeo, Jeff. *Voices from the Soviet Edge: Southern Migrants in Leningrad and Moscow*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2019. 273 p.

Ирена Владимирски (рецензент)

Академический колледж Ахва; 79800, Израиль, Беэр-Тувия, Шикмим РОВ;
irena@achva.ac.il

Sahadeo, Jeff. *Voices from the Soviet Edge: Southern Migrants in Leningrad and Moscow*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2019. 273 p.

Irena Vladimirska (reviewer)

Achva Academic College; Shikmim ROV, Beer Tuvia, 79800, Israel; irena@achva.ac.il

Волны нелегальных мигрантов из африканских стран в государства Западной Европы в немалой степени способствовали появлению исследований, в центре внимания которых проблемы внешней и внутренней миграции, анализ опыта многонациональных и многоэтнических государств, таких как Канада и США. Данное исследование профессора Джеффа Сахадео, директора Института изучения Европы, России и Евразии (ERUS) университета Карлтон (Carleton university) в Оттаве, затрагивает вопросы миграции на основе анализа опыта Советского Союза и Российской Федерации. Следует заметить, что это одно из немногих исследований, рассматривающих в широкой исторической перспективе опыт национальной политики Советского государства как положительный и заслуживающий должного внимания. Канадская школа исследования России всегда отличалась более умеренным и рациональным подходом к изучению ее истории. Не случайно, что она сформировалась в период холодной войны с целью лучше понять СССР, его место и роль в период противостояния двух великих держав.

В качестве эпиграфа к книге Джеффа Сахадео выбраны слова известной песни: «Мой адрес не дом и не улица. Мой адрес – Советский Союз», что само по себе очерчивает географические рамки того, уже не существующего государства, опыт национальной политики которого и является предметом анализа. Данная книга представляет обобщение результатов проекта устной истории (oral history), основанной на интервью нескольких десятков людей, родившихся в Советском Союзе и имевших опыт проживания в одной из двух столиц – Москве или Ленинграде. Проект осуществлялся в течение 2005–2011 гг., опросы респондентов проводились в Оттаве, Нью-Йорке, Санкт-Петербурге, Москве, Баку, Ленкорани, Алматы, Ташкенте, Бишкеке, Тбилиси, Кутаиси, маленьких аулах Киргизии, а также по телефону. Группа респондентов включала в себя жителей Армении, Азербайджана, Бурятии, Грузии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Северного Кавказа.

© Владимирски И., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Задачей исследования было составление карты мобильности представителей различных национальных групп разных республик СССР в рамках формальных и неформальных структур экономической занятости населения, а также анализ сложившихся отношений периферии и центра и статус двух столиц как символа больших возможностей достижения успеха и самореализации. Знакомство с содержанием интервью позволяет проследить факторы, влияющие на степень толерантности местного населения по отношению к мигрантам, использование негативной терминологии и стереотипов как на бытовом («черные», «черномазые», «черножопые»), так и на более высоком уровне («лица кавказской национальности») в разные хронологические рамки (1920–2000-е гг.).

Первая (*Global, Soviet Cities*) и вторая (*Friendship, Freedom, Mobility and the Elder Brother*) главы затрагивают вопросы формирования национальной и кадровой политики СССР в период с 1917 по 1991 гг. В рамках задаваемых вопросов не ставилась задача дать оценку экономических, политических, культурных и прочих факторов как составляющих государственной политики СССР, а скорее услышать это в ответах респондентов на личном, эмоциональном уровне. В меньшей степени респонденты упомянули в интервью необходимость наличия прописки в качестве сдерживающего фактора временного проживания в Москве или Ленинграде (Санкт-Петербурге) или степень владения русским языком как фактора социальной мобильности. В гораздо большей степени была дана оценка критериям при выборе одной из двух столиц как предпочтительному месту учебы или карьеры. Ленинград воспринимался как культурная столица европейского типа, в то время как Москва сравнивалась со вселенским Вавилоном, куда стекались люди со всех окраин СССР и всех стран мира. Особенно подчеркивалась московская атмосфера гостеприимства, национального и этнического разнообразия начиная с аэропортов, железнодорожных вокзалов, метро, улиц, институтов, университетов, советских и государственных учреждений. Предметом особой эмоциональной гордости и даже взволнованности были упоминания об участии в днях, неделях и декадах национальных культур, в спортивных соревнованиях, комсомольских, партийных и профсоюзных съездах, молодежных фестивалях. Даже названия улиц – Ташкентская, имени 26-ти Бакинских комиссаров, воспринимались как символ дружбы и братства.

Третья глава (*Making a place in the two capitals*) анализирует опыт тех, кто выбрал Москву или Ленинград в качестве места учебы или работы. Не секрет, что диплом московского или ленинградского вуза ценился гораздо выше дипломов республиканских вузов, и потому многие молодые люди из союзных республик приезжали попытаться счастья в столицы. Опыт совместного обучения и общения воспринимался как важный и необходимый этап в формировании личного мировоззрения, культурных ценностей, межнациональных контактов. Институтское или университетское общежитие рассматривалось не с бытовой точки зрения, а именно как совместное пространство с многообразными возможностями общения. Командированные по производственным или общественным делам также с волнением вспоминали подготовку к поездке в столицу, адреса друзей или родственников, проживавших там, заказы членов семьи привезти какие-то «московские» вещи. Перевод на рабочее место в одну из столиц воспринимался как шанс стать как «наш Алиев» или как «наш Шеварднадзе».

Четвертая (*Race and Racism*) и пятая (*Becoming Svoi: Belonging in the two capitals*) главы книги рассматривают два противоположных по сути процесса: образование землячеств выходцами из национальных республик, с одной стороны, и интеграцию в столичную среду, – с другой. Образование в столицах землячеств и их стремление к сохранению национального колорита (внешние признаки, элементы национальной одежды, язык, культура) вызывали неоднозначную реакцию, варьирующуюся

ся в зависимости от культурного и образовательного уровня окружающего населения. Некоторые респонденты подчеркивали, что временно меняли имя на более русифицированное, чтобы меньше выделяться. Негативное отношение к землячествам начинает усиливаться с начала 1990-х гг., когда национальная принадлежность могла стать достаточным основанием для задержания полицией или нападения со стороны местных националистов. С другой стороны, отмечались многочисленные примеры полной интеграции в столичное пространство через трудовую деятельность, образование, межнациональные и даже интернациональные браки, воспитание детей.

Шестая (*Life on the Margins*) и седьмая (*Perestroika*) заключительные главы хронологически затрагивают последние годы перед распадом СССР и первые годы после (1986–1990-е гг.). Для некоторых они стали возможностью проявить инициативу в распавшейся экономической системе (челночная торговля), для других наступило время принятия решений (остаться или вернуться). Характеризуя трудности перестроечного времени, почти все без исключения респонденты с ностальгией вспоминают СССР как страну дружбы народов, «которую мы потеряли».

Данное исследование заслуживает внимания, написано ярким языком и читается на одном дыхании. Опыт проживания в рамках единого СССР простых людей, не знакомых с теоретическими моделями социалистических обществ и попыток создать *homo soveticus* заслуживает внимания и изучения исследователями советского и постсоветского пространства. Результаты опроса, свидетельствующие о накопленном в СССР положительном опыте внутренней миграции, межнациональной интеграции, кооперации и культурного обмена заслуживают серьезного отношения и могут быть использованы в контексте современной глобальной миграционной политики и предлагаемых в этой связи странами практик адаптации и интеграции иностранных граждан.

Рукопись поступила: 25 ноября 2019 г.

Submitted: 25 November 2019

Информация об авторе / Information about the author

Ирена Владимирски, доктор исторических наук (PhD in History), профессор, заведующий кафедрой истории Академического колледжа Ахва, Израиль.

Irena Vladimirska, Ph.D. in History, Professor, Head of the History Department, Achva Academic College, Israel.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-486-489>

Рецензия / Book review

**Канукова З.В. Традиция в современном осетинском обществе.
Монография. Владикавказ: Ир, 2018. 135 с.**

Б.В. Туаева (рецензент)

Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова; 362025, Россия, Владикавказ, ул. Ватутина, 46; Северо-Осетинский институт гуманитарных социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН; 362040, Россия, Владикавказ, пр. Мира, д. 10; ms.amaga@mail.ru

**Kanukova Z.V. *Traditsiya v Sovremennom Osetinskom Obshchestve*
[Tradition in Modern Ossetian Society]. Vladikavkaz: Ir, 2018. 135 p.**

Berta V. Tuueva (reviewer)

North Ossetian State University after K.L. Khetagurov; 46, Vatutina St., Vladikavkaz, 362025, Russia; V.I. Abayev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies; 10, Mira Ave., Vladikavkaz, 362040, Russia; ms.amaga@mail.ru

Современное развитие политических, социально-экономических взаимоотношений между государствами и народами актуализировали активное обращение этносов к своим историческим корням, культуре, традиционным устоям и социальному опыту предков. Социокультурное наследие, бережно хранимое и передаваемое из поколения в поколения, часто трансформируется, обогащается новыми формами, но до сих пор представляет собой уникальный механизм адаптации, участвуя в формировании мировоззренческих практик человека и целых сообществ.

К анализу функционирования традиции, ее роли в жизни современного кавказского общества обращается известный ученый-кавказовед З.В. Канукова в недавно изданном монографическом труде «Традиция в современном осетинском обществе». Объектами исследования в контексте ресурсного и инновационного потенциала стали природные памятники, элементы культуры жизнеобеспечения, такие как архитектурные сооружения, храмы, традиционные постройки, ритуальная и повседневная пища и напитки, одежда, народные промыслы, институты социальной культуры, а также формы гуманитарной культуры.

Автор, кроме теоретической значимости исследования сохранения традиционной культуры, рассматривает проблему и с прикладной точки зрения, акцентируя внимание на формировании брендинга территории, направленного на достижение узнаваемости региона, повышение его имиджа в общественном сознании, укрепление экономики и этнополитической позиции. По мнению З.В. Кануковой, возрождение народных промыслов, технологии производства качественной и экологически чистой сельскохозяйственной продукции и пр. может способствовать повышению инвестиционной привлекательности региона, развитию туризма, стимулированию малого бизнеса и решению многих социальных проблем (С. 9). Все эти тезисы находят

отражение в Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г. В разделе, посвященном культурной сфере, отмечается важность сохранения культурного наследия, развития культурного потенциала, популяризации народного художественного творчества (центров народного творчества, домов ремесел, центров традиционной народной культуры); создания равных возможностей для населения различных территорий и представителей разных этнических групп для получения доступа к культурным ценностям¹.

Интересный этнографический пласт представлен в рецензируемой монографии в главе «Этнокультурные бренды, связанные с традиционной культурой жизнеобеспечения осетин», в основу которой легли полевые материалы научной экспедиции Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (СОИГСИ ВНИЦ РАН), включающие сбор полевого этнографического материала и проведение социологических опросов, в рамках которых был выявлен уровень современного потребления национальной кухни и степени ее востребованности. Экспедиционная работа включала в себя экспертный и массовый опрос (С. 11–13). Исследование показывает, что традиционные практики питания в повседневной жизни жителей республики представляют неотъемлемую часть современной культуры ее народа, а ритуальная пища обладает потенциалом, способствующим сохранению не только национальной идентичности, но и оживлению рекреационной, туристической, этнокультурной деятельности в регионе.

З.В. Кануковой представлен сравнительный анализ традиционных и современных видов народных промыслов осетин, включая женское рукоделие, деревообработку и художественную резьбу по дереву. В работе раскрывается феномен осетинской войлочной шляпы. Важным, на наш взгляд, в этой главе является и раздел «О способах сохранения народных промыслов и ремесел», где автором предлагается создание базы данных «Народные художественные промыслы и ремесла осетин». Основой для ее создания могут стать фундаментальный труд «Осетинская этнографическая энциклопедия»², подготовленный учеными СОИГСИ, коллективная монография «Осетины» серии «Народы и культуры»³ и ряд других этнокультурных исследований. База данных должна быть основана на продуманной системе, включающей конкретные мероприятия по сохранению и возрождению исчезающих народных художественных промыслов, их популяризации. Она, несомненно, будет содействовать организации государственно-частного партнерства с продвижением промысла на рынке, поддержке комплекса мероприятий по модернизации технологий, разработке критериев и показателей статуса сохранности художественного промысла. База может стать средством научного обоснования сохранения и развития народных художественных промыслов. С этой целью, по мнению автора, в комплексе научных мероприятий необходимо проведение научных экспедиций, включающих сбор полевого этнографического материала и проведение социологических опросов, которые могут определить современное состояние и востребованность отдельных предметов традиционной культуры жизнеобеспечения (С. 35–38).

Отдельно хотелось бы остановиться на главе «Традиция в современной социальной культуре», где исследователем раскрываются универсалии практик сохранения в Осетии некоторых традиционных форм гражданской общины. На примере соседских сообществ, фамильных объединений показаны традиционная культура осетин как часть действенного механизма адаптации к городской культурной среде, модель воспроизводства и функционирования традиции в современном обществе.

¹ Стратегия социально-экономического развития СКФО до 2025 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 6 сентября 2010 г. N 1485-р) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [сайт]. URL: <http://docs2.kodeks.ru/document/902238361> (дата обращения: 21.11.2019).

² Дзидзоев В.Д. Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ, 2013.

³ Тишков В.А. Осетины. М., 2012.

Автор монографии, анализируя опыт поколений, констатирует, что попытки запретить или подавить традицию, которые, как правило, предпринимаются в ходе включения традиционных обществ в широкое инокультурное социально-экономическое и правовое пространство, могут привести только к нивелированию активных и многообразных, чаще всего визуальных форм бытования традиции. Развиваясь в течение многих веков, традиция приобретает безупречный механизм адаптации в изменяющихся объективных условиях, в значительной степени основанный на сочетании консервативности со способностью к постоянному обновлению (С. 66–67).

Ярким примером может служить институция, центр жизни соседской общины – *хæдзар* (термин, означающий главное жилое помещение, весь комплекс жилых и хозяйственных построек, хозяйство всей семьи, а также всю семью или семейную общину)⁴. Это – явление современной городской повседневности, капитальное строение во дворе многоквартирного дома или нескольких домов, центр общественной жизни соседских сообществ, ставший формой кристаллизации культурной традиции, ее адаптации к современному быту (С. 67). По мнению исследователя, современный *хæдзар* аккумулировал функции и свойства нескольких традиционных институтов – общинного схода *ныхас*, кунацкой *узаæгдон*, кладовой *къæбиц*, летней кухни под распространенным названием *хæдзар* и приобрел новые социальные задачи. Долгое время изучая этот феномен⁵, З.В. Канукова приводит данные о том, что широкое распространение *хæдзар* получил со второй половины 1980-х гг., когда строились новые микрорайоны, в которых активно поселялись горожане «первого поколения» – недавние выходцы из сельской местности. Они принесли в город традиции организации обрядовой жизни и пытались приспособить их к новой среде обитания. Впоследствии *хæдзар*'ные практики распространились и на центр города. В современной *хæдзар*'ной проксемике наблюдаются попытки воспроизведения знаковой специфики организации пространства, в частности, соблюдение половозрастной иерархии. Соблюдение, закрепление и трансляция системы устойчивых моральных ценностей *æгъдау* выражается в определенных поведенческих стереотипах: безоговорочном приоритете старших, почтительном поведении младших, регламентированном женском участии, отсутствии детского пространства (С. 71–72).

Кроме того, авторскую концепцию подтверждает представленный в монографии сравнительный анализ роли общественного совета (народного собрания – *ныхас*) в Осетии, его историко-культурных и инновационных форм; традиционных миротворческих практик и их перспектив в современном обществе. И, конечно, пристальное внимание в монографии уделяется традиционному обряду и этикету в современной социальной культуре осетин.

В современном быстроменяющемся мире складываются новые институции и трансформируются исконные, но бесспорно то, что национальная идентичность формируется из многочисленных историко-культурных элементов. Обрядовая традиция несет в себе мировоззренческие установки и социокультурную память разных поколений, восприятие окружающей действительности, природы и места человека в нем. Можно также выделить ресурсную значимость обряда как части культуры любого этноса. Современные осетины сохранили и практикуют значительный пласт обрядовых традиций во время свадеб, похорон, рождения детей и пр. В своем исследовании З.В. Канукова на многочисленных примерах тщательно раскрывает роль и значимость этих традиций.

Так, одним из древнейших и сакральных обрядов является похоронный, который сохранился у многих народов. В рецензируемой монографии похоронно-поминальный

⁴ Гаглоева З.Д. Осетинский «рвадалта» (к структуре родственных объединений у осетин). М., 1964. С. 1.

⁵ Канукова З.В., Кулумбеков Р.П. Осетинский хæдзар как модель воспроизводства и функционирования традиции в современном обществе // Известия СОИГСИ. 2015. № 16. С. 65–72.

обряд как аккумулятор элементов духовной и материальной культуры раскрывается через призму участия в городской среде соседских сообществ и роли «хадзаров» как на территории Южной, так и Северной Осетии (С. 106–107). Интересные факты приводятся о похоронной традиции и в зарубежных осетинских диаспорах, о чем автор пишет следующее: «В Стамбуле также сохраняется коллективная солидарность, разработана система смс-оповещения и трансфер участников, в том числе проживающих в сельской местности. В декабре 2017 года впервые был проведен похоронный обряд в Стамбуле в семье Албеговых по аналогии с современной осетинской традицией, с митингом на родном языке» (С. 108).

Новый виток интереса к национальной этнической культуре, своим корням можно расценивать как позитивный социокультурный феномен современности. Но, как показывает опыт последних десятилетий, не исключается и одновременное проявление нетерпимости по отношению к другим культурам, неприятия способа мышления, менталитета и этических ценностей. Поэтому знание собственной традиционной культуры должно прививать и понимание, уважительное отношение к другим культурам.

В заключение следует отметить, что книга З.В. Кануковой «Традиция в современном осетинском обществе» вносит важный вклад в научную дискуссию о сущности и роли традиций в жизни современного этноса и человека, раскрывает перспективы развития национальных культур. Актуализацию культурного наследия, определение его как ресурсного основания инновационного развития необходимо не только изучать, но и передавать как функцию самосохранения и адаптации в условиях глобализации и внешних вызовов.

Рукопись поступила: 17 августа 2019 г.

Submitted: 17 August 2019

Библиографический список

- Гаглоева З.Д. Осетинский «рвадалта» (к структуре родственных объединений у осетин). М.: Наука, 1964. 8 с.
- Дзидзоев В.Д. Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ: Проект-Пресс, 2013. 686 с.
- Канукова З.В., Кулумбеков Р.П. Осетинский хадзар как модель воспроизводства и функционирования традиции в современном обществе // Известия СОИГСИ. 2015. № 16. С. 65–72.
- Тишков В.А. Осетины. М.: Наука, 2012. 605 с.

References

- Gagloyeva, Z.D. *Osetinskiy "rvadalta" (k strukture rodstvennykh ob'yedineniy u osetin)*. Moscow: Nauka Publ., 1964 (in Russian).
- Dzidzoyev, V.D. *Osetinskaya etnograficheskaya entsiklopediya*. Vladikavkaz: Proyeckt-Press Publ., 2013 (in Russian).
- Kanukova, Z.V., and Kulumbekov, R.P. "Osetinskiy khædzar kak model' vosproizvodstva i funktsionirovaniya traditsii v sovremennom obshchestve." *Izvestia SOIGSI*, no. 16 (2015): 65–72 (in Russian).
- Tishkov, V.A. *Osetiny*. Moscow: Nauka Publ., 2012 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Туаева Берта Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова (СОГУ); ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН.

Berta V. Tuaeva, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor at the Department of Contemporary Russian History, North Ossetian State University after K.L. Khetagurov; Leading Researcher of the V.I. Abayev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-490-502>

Рецензия / Book review

Прошлое для будущего: история российской Гражданской войны в нарративах 1930-х гг.

Я.А. Голубинов^а, О.С. Поршнева^б, Н.В. Суржикова^{вс}

^аИнститут истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук; 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; i.golubinov@gmail.com

^бУральский федеральный университет имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина; 620002 Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; porshneva@yandex.ru

^вЮжно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76; snvplus@mail.ru

The Past for the Future: A History of the Russian Civil War in Narratives of the 1930s

Iaroslav A. Golubinov^a, Olga S. Porshneva^b, Natalya V. Surzhikova^{ac}

^aInstitute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 16 S. Kovalevskoy St., Yekaterinburg, 620990 Russia; i.golubinov@gmail.com

^bUral Federal University; 19, Mira St., Yekaterinburg, 620002 Russia; porshneva@yandex.ru

^cSouth Ural State University (National Research University);

76, Prospect Lenina, Chelyabinsk, 454080, Russia; snvplus@mail.ru

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено Я.А. Голубиновым за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00221).

Для цитирования: Голубинов Я.А., Поршнева О.С., Суржикова Н.В. Прошлое для будущего: история российской Гражданской войны в нарративах 1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 490–502. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-490-502>

Acknowledgements and Funding: Iaroslav A. Golubinov completed his study at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00221).

For citation: Golubinov, Iaroslav A., Porshneva, Olga S., and Surzhikova, Natalya V. “The Past for the Future: A History of the Russian Civil War in Narratives of the 1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 2 (May 2020): 490–502. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-490-502>

Сборник документов «Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных материалов»¹, подготовленный коллективом московских исследователей, является примером многожанровой подборки документов, объединенных общей проблематикой. Путем сосредоточения под одной обложкой материалов литературных институций начала 1930-х гг. и воспоминаний современников создатели книги стремились представить основные риторические стратегии и ракурсы интерпретации событий в России 1917–1922 гг. По мысли авторов-составителей сборника, эти стратегии и ракурсы были самым тесным образом связаны с актуальным

¹ Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных материалов / отв. ред., сост. Д.С. Московская. М., 2018. 560 с.

политическим запросом 1930-х гг. – задачами индустриализации, коллективизации и «культурного строительства». Образ «нового человека», активно создававшийся в то время, был призван стать жизненным ориентиром для миллионов людей, о чем не раз говорил и писал М. Горький², благодаря которому инструментом для конструирования этого образа одновременно стали и история, и литература, и искусство, и память. Их мобилизация позволяла надеяться на решение задачи концептуализации прошлого, в том числе истории Гражданской войны, именно в таком ключе, в котором требовалось. Будучи чрезвычайно важным для «большой» истории Страны Советов, опыт выработки единственно верной истории Гражданской войны, безусловно, повлиял на все дальнейшее советское историописание, продемонстрировав, как шел отбор «нужного» и «ненужного» для этой истории. Замысел настоящего сборника, собственно, и определила задача показать этот отбор, а также актуализировать то «ненужное», которое не вписалось в рамки официального советского военно-революционного мифа. В связи с этим структура сборника вполне закономерно оказалась построена на принципе отличия публикуемых документов: в первом разделе книги это документы официального делопроизводства и деловой переписки, во втором – эго-источники, в основном мемуарного характера.

Первый раздел сборника «Мы даем миллионам точку зрения» открывают материалы, посвященные издательскому проекту по созданию многотомной «Истории гражданской войны» (далее – ИГВ), предложенному М. Горьким. Напомнив его историю, которая уже неплохо изучена³, авторы-составители этой части книги, О.Б. Быстрова, З.С. Закружная и Д.С. Московская, поддержали историков М. Зеленова и Д. Бранденбергера в том, что ИГВ прежде всего была важна политически. По сути, она стала инструментом, позволившим включить историю «в политическое поле на равных основаниях с другими объектами политики»⁴, а также внедрить в сознание масс идею перманентной Гражданской войны, к началу первой пятилетки вступившей в свою очередную фазу⁵. Мобилизационный потенциал ИГВ авторы настоящего раздела, однако, не особенно подчеркивают, подвергнув акцентуации прежде всего дидактическую нацеленность горьковского детища. Между тем нам представляется важным заметить, что публикуемые здесь документы особенно интересны тем, что показывают, как в процессе реализации проекта ИГВ мобилизована, «военизирована» оказалась не только история, но и литература, а также то, как они сплетались друг с другом. Горький, как указано в одном из приводимых источников, считал, что поскольку исторический нарратив в рамках проекта создания ИГВ должен был приобрести качество политического, «привлечение к этой работе литераторов будет опытом вовлечения их в серьезную политработу, и можно думать, послужит к пользе нашей литературы»⁶.

Публикуемые документы фиксируют, что «художников слова» горьковский подход к их труду озадачил, поскольку они, в частности, Вс. Иванов, не были безусловно готовы к потере авторства над обработанными ими текстами, или же, подобно Л. Леоно-

² Горький А.М. О старом и новом человеке // Правда. 1932. 27 апреля.

³ «История гражданской войны в СССР» (1935 г.): история текста и текст истории / сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. М., 2017. 606 с.; *Ирошников М.П., Зеленов М.В., Бранденбергер Д., Пивоваров Н.Ю.* Некоторые теоретические проблемы изучения истории гражданской войны и варианты их решения в 1930–1935 гг. // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 2. С. 487–506; *MacKinnon E.* Writing History for Stalin: Isaak Izrailevich Mints and the Istoriiia grazhdanskoi voiny // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2005. Vol. 6. № 1. P. 5–54.

⁴ «История гражданской войны в СССР»... С. 7.

⁵ *Быстрова О.В., Закружная З.С., Московская Д.С.* «История Гражданской войны»: издательский проект эпохи реконструкции // *Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных материалов* / отв. ред., сост. Д.С. Московская. М., 2018. С. 18.

⁶ Там же. С. 20.

ву, не понимали, как историческое повествование может соседствовать с литературно-художественным и, наоборот⁷. Даже с утверждением плана ИГВ в августе 1931 г. единого понимания своей роли в ее создании у писателей так и не возникло. Л. Леонов полагал, что беллетристу должна принадлежать «окончательная лепка материалов; его задача ввести туда художественность, как способ наибольшей выразительности и впечатляемости»⁸. К. Горбунов же считал, что «участие писателя в составлении Истории можно сравнить с ролью иллюстратора фактического материала» и не более того⁹. С ним соглашалась Л.Н. Сейфуллина, исходившая из того, что роль литератора при написании истории – это роль подсобная. В свою очередь Вс. Иванов полагал, что «писатель может писать историю», придавая ей художественное лицо, но не превращая ее в беллетристику¹⁰. Материалы рецензируемого издания, демонстрируя все эти противоречия в среде привлеченных к созданию ИГВ литераторов, позволяют заключить, что отсутствие консенсуса между ними стало одним из тех факторов, который подточил ее первичный замысел.

Но решающим фактором, трансформировавшим план М. Горького по созданию ИГВ, стали материалы, поступившие в редакцию издания от непосредственных участников и очевидцев Гражданской войны. В массе своей, по мнению создателей ИГВ, это оказались схематичные и поверхностные, исторически не выверенные «частные» рукописи, дававшие главным образом «бытовой материал». Поскольку московские коллеги никак не прокомментировали эти оценки, позволим себе предположить, что полученные с мест свидетельства современников, действительно, вряд ли представляли интерес для такого труда, как ИГВ М. Горького. Будучи произведенными на свет людьми, жившими до революции, как «ходячие растения» (М. Зощенко), эти свидетельства стали, скорее, данью «своеобразной графомании соцреализма» (Ю. Мурашов), нежели свидетельством сознательности масс. Поэтому решение редколлегии ИГВ о том, что в дальнейшей работе «99,999 % полученных рукописей не могут быть использованы», было вполне закономерным. При этом 30–40 рукописей из 1050, полученных к марту 1932 г., при условии их дополнительной обработки, были признаны пригодными для печати в виде отдельных брошюр, статей, очерков и т.п.¹¹

Именно таким образом, как явствует из документов, и родилась идея издать в дополнение к основным томам ИГВ серию литературно-художественных сборников, а сам проект ИГВ окончательно перестал быть делом только исторической политики, став еще и делом политики литературной, а если говорить точнее, политики историко-художественной или художественно-исторической.

О том, как в рамках этой политики осуществлялся поиск образа положительного героя Гражданской войны, свидетельствует следующий раздел рецензируемого издания. Одной из инстанций, взявшихся за синтезирование искомого образа, стало Литературное объединение Красной армии и флота (далее – ЛОКАФ). Несмотря на краткость своего существования (1930–1932 гг.), по мысли З.С. Закружной и Д.С. Московской, именно ЛОКАФ преуспел в формировании системы требований к «правильному» герою Гражданской войны. Эта система была объективирована в выступлении члена ЦК ЛОКАФ Л.М. Субоцкого на втором расширенном пленуме организации в феврале 1932 г. и обязывала сознательных литераторов видеть в своем герое

⁷ Быстрова О.В., Закружная З.С., Московская Д.С. «История Гражданской войны»: издательский проект эпохи реконструкции // *Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных материалов* / отв. ред., сост. Д.С. Московская. М., 2018. С. 29.

⁸ Труды редколлегии «Истории Гражданской войны» в архивных документах // *Историография Гражданской войны в России...* С. 78.

⁹ Там же. С. 81.

¹⁰ Там же. С. 82.

¹¹ Там же. С. 93–97, 98, 101–110.

героя коллективного, «выдвинутого из самой глуши рабочего класса», но при этом не лишённого человеческих черт и свойственных любой личности «диалектических противоречий»¹². Сообразно с этим образцовый герой Гражданской войны (будь то рядовой красноармеец или профессиональный революционер-комиссар) не мог быть ни героем-одиночкой, ни сверхчеловеком. Основой героизма такого персонажа виделось «правильное понимание сознания классового долга и, вместе с тем, преодоление страха смерти»¹³. Как отмечают Ю.С. Закружная и Д.С. Московская, все это фактически повторяло те установки, исходя из которых в ретроспективную эпоху формировался образ героя-ударника: это также должен был быть собирательный тип героя, при том – не обезличенный, и в нем должны были воплотиться черты всего рабочего класса с его подлинно классовым сознанием и мотивами¹⁴. Остается только пожалеть, что авторы-составители этой части книги, констатировав схожесть подходов к конструированию типажей героев вчерашней войны и сегодняшнего труда, не сочли нужным выявить различия между ними. Это же, в свою очередь, способствует схематизации представлений о динамике положительного образа героя Гражданской войны, при том, что «герой в его разных представлениях – самая динамичная фигура советского мифа»¹⁵.

«Здесь нельзя дать твердых рецептов»¹⁶, – признавал Л.М. Субоцкий в своем выступлении, что уже не позволяет свести его к перечню «четких методологических указаний к изображению героя Гражданской войны»¹⁷. Речь Л.М. Субоцкого, как нам представляется, была лишь эпизодом актуального для литературы 1930-х гг. процесса развития, развития противоречивого и многогранного. Сказанное Субоцким засвидетельствовало кристаллизацию в рамках этого развития риторики соцреализма, под знамена которого оратор и призывал оборонных¹⁸ писателей. Как известно, под те же знамена уже с мая 1931 г. «Правда» призывала и тех, кто писал о героях-ударниках социалистической стройки¹⁹, активно шедшей по всем фронтам и даже на литературном «фронте» получившей соответствующее злобе дня оформление через лозунг «За Магнитострой оборонной литературы!»²⁰. Герои вчерашней войны и сегодняшнего труда, таким образом, если и напоминали друг друга на риторическом уровне, то только потому, что поиск их моделей в какой-то момент синхронизировался, став частью одного и того же процесса – процесса «изобретения» соцреализма и соцреалистического героя. Но быть повторением друг друга положительные образы героев Гражданской войны и героев периода реконструкции не могли просто потому, что, когда второй из этих образов только родился и искал своих прототипов, первый уже был образом «пожившим», со своей историей, опиравшейся на

¹² *Московская Д.С., Закружная З.С.* К вопросу о показе героя Гражданской войны // *Историография Гражданской войны в России...* С. 170–172.

¹³ Там же. С. 171.

¹⁴ Там же. С. 166–167.

¹⁵ *Гюнтер Х.* Архетипы советской культуры // *Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко.* СПб., 2000. С. 744.

¹⁶ *Московская Д.С., Закружная З.С.* К вопросу о показе героя Гражданской войны // *Историография Гражданской войны в России...* С. 172.

¹⁷ Там же. С. 167.

¹⁸ Слово «оборонный», «начиная с 1930 г., неизменно употреблялось как синонимичное выражению “на военную тему” и включало в себя как значение “оборонительный”, так и “революционно-наступательный”, то есть “справедливый” с точки зрения советской идеологии» (*Литовская М.А.* Мобилизационный пафос (1930–1940-е годы) // *Семиотика и поэтика отечественной культуры 1920–1950-х годов / отв. ред. С.А. Комаров.* Ишим, 2012. С. 126).

¹⁹ Страна должна знать своих героев // *Правда.* 1931. 18 мая.

²⁰ См., напр.: *За Магнитострой оборонной литературы!* (На Втором Всесоюзном Пленуме ЦС ЛОКАФ) // *Марксистско-ленинское искусствознание.* 1932. № 3. С. 122–132; *О перестройке РАПП* // На литературном посту. 1932. № 1. С. 1–9; и др.

опыт целого поколения реальных людей, с отголосками мотивов братской героики и коллективного подвига 1920-х гг., с отпечатками «психологической чепухи» теории «живого человека» начала 1930-х гг. Образ героя-ударника создавался здесь и сейчас, а образ героя Гражданской надо было «передельывать», что оказалось сложнее. Непременно учитывать при разборе диалектики образа героя Гражданской войны следует и то, что в «официальном резервуаре государственных мифов» (К. Кларк) военно-революционный миф был куда значимее любого другого, имея статус советского «космогонического» мифа и являясь первоосновой всего советского «архива» (в понимании М. Фуко).

Очевидно таким образом, что в данной части рецензируемого сборника, наряду с очерком стремительной истории ЛОКАФа, во многом уже известной²¹, было необходимо дать более широкий контекст создания образа положительного героя Гражданской войны или хотя бы обозначить этот контекст посредством отсылки к тематически близкой специальной литературе²². Думается также, что расширить искомый контекст помогло бы объединение этого и последующего разделов сборника («Стенограмма обсуждения фильма “Чапаев” во Всероссийском драме»), поскольку в них тема исканий, связанных с созданием эталонного героя Гражданской войны и места этого героя в современности, не просто продолжена, но и действительно раскрыта. В публикуемом здесь документе, пожалуй, есть все или почти все, что было характерно для еще не унифицированной в 1930-е гг. концепции советского героизма в целом и для образа героя-воина, в частности²³.

Два следующих материала сборника, подготовленные Г.Н. Воронцовой, в общем и целом могут быть расценены как продолжение темы поиска героя Гражданской войны, но только уже героя отрицательного. Для этого в книге задействовано творческое наследие А.Н. Толстого, а именно – трилогия «Хождение по мукам», а также документы из его личного архива (листочки Добровольческой армии и ВСЮР)²⁴. Но так можно сказать только в общем и целом. Показав громадность того комплекса материалов, которые использовались А.Н. Толстым для создания образа Нестора Махно, а также всю сложность их обработки писателем, Г.Н. Воронцова зафиксировала, что даже с окончательным выходом в 1934 г. классического для литературы соцреализма романа Н. Островского «Как закалялась сталь» героика Гражданской войны оформилась только в той своей части, где речь шла о героях массового плана. Там же, где дело касалось образа заметной исторической фигуры, талантливый и добросовестный «художник слова» оказывался в затруднительном положении. Именно поэтому А.Н. Толстой в конечном итоге был вынужден просто свести к минимуму «участие» Н. Махно в событиях своего романа.

²¹ См. о ЛОКАФе: *Добренко Е.* Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993; *Очерки истории русской советской журналистики (1933–1945)*. М., 1968; и др.

²² См.: *Гюнтер Х.* Указ. соч. С. 743–784; *Карлтон Г.* На похоронах живых: теория «живого человека» и формирование героя в раннем соцреализме // *Соцреалистический канон...* С. 339–351; *Кларк К.* Советский роман: История как ритуал / пер. с англ., ред. М.А. Литовской. Екатеринбург, 2002; *Ронен О.* «Инженеры человеческих душ»: К истории изречения // *Лотмановский сборник*. Вып. 2. М., 1997. С. 393–400; *Скубач О.А.* Механизмы формирования идеологии советского подвига в литературе и культуре 1920–1940-х гг. // *Идеи и идеалы*. 2014. № 1(19). С. 127–134; «Счастье литературы»: государство и писатели. 1925–1938 гг.: Документы / сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1997. 318 с.; *Шкловский В.* О старой русской военной и о советской оборонной прозе // *Знамя*. 1936. № 1. С. 218–227; и мн. др.

²³ *Гончаренко А.А., Московская Д.С.* Стенограмма обсуждения фильма «Чапаев» во Всероссийском драме // *Историография Гражданской войны в России...* С. 174–213.

²⁴ *Воронцова Г.Н.* Образ Нестора Махно на страницах трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам»: документы и материалы // *Историография Гражданской войны в России...* С. 214–233; Листочки Добровольческой армии и Вооруженных сил на Юге России в архиве А.Н. Толстого // *Историография Гражданской войны в России...* С. 234–260.

Второй раздел сборника, озаглавленный как «Я написал не роман, а правдивое изложение действительно пережитого», экспонирует различные модели или, как минимум, различные практики описания Гражданской войны ее современниками. Как и любые другие эго-документы, эти источники замечательны не только своей фактологической конкретикой. Прежде всего они интересны тем, как мемуаристы помещают себя в военно-революционный контекст и тем самым создают какой-то другой специфический контекст – контекст самоопределения, самоутверждения, самоадвокации и т.д.²⁵

Раздел открывает публикация воспоминаний политика и журналиста В.В. Шульгина (1878–1976) «Война без мира», написанных в эмиграции в 1920–1930-е гг. Формально и стилистически близкие к известным книгам В.В. Шульгина «Дни» и «1920», приводимые в сборнике мемуары повествуют о событиях 1918–1919 гг. вокруг борьбы за Киев. Фрагментарный подход к изданию источника, избранный Д.С. Московской и Н.В. Петровой, не помешал показать, что он не просто аккумулирует талантливые зарисовки жизни растерянных киевлян, оказавшихся меж трех огней сразу: украинскими националистами (в разных вариантах!), большевиками и немцами. Засвидетельствовав, что это действительно была «жизнь в катастрофе» (И.В. Нарский)²⁶, автор использовал свои воспоминания еще и как инструмент сведения счетов с политическими оппонентами. Отсюда, в частности, очевидная ненависть мемуариста к украинским националистам («разрушено гнездо Грушевского, старого колдуна»²⁷, «Мазепы наших дней»²⁸), деяния которых представлялись В.В. Шульгину не иначе, как нечто потустороннее, темное и гибельное для русского народа. В режиме же гетмана Скоропадского и проводившейся им политики украинизации мемуарист ретроспективно видел прежде всего фарс, «оперетку», а вот большевики, которые позиционировались им как «бандиты», выходцы «из какого-то зловещего притона», такой «опереткой» не были²⁹. Очевидно, что эти и иные авторские воззрения определялись не столько прошлым, сколько «настоящим прошлого», тем, например, что в момент создания мемуаров «победители» и «побежденные» в российской Гражданской войне были всем известны. Уже поэтому авторская претензия на историзм в изображении событий Гражданской войны изначально оказалась лишь претензией, относясь, скорее, на счет ее эмигрантских интерпретаций. Не случайно в запале заочного спора со своими идейными противниками, мемуарист придумал целый ряд небывалых диалогов, посредством которых он, подобно философам древности, попытался отстоять свою историческую «правду». Все это позволяет аттестовать ретроспективный источник, в первую очередь, как попытку мемуариста заявить о себе, своей «самости» и самоутвердиться, что является обычным явлением для воспоминаний политических аутсайдеров любой эпохи.

Другую модель воспоминаний объективируют мемуары Анны Абрамовны Саксаганской (1868–1939), в основе которых лежит взгляд на Гражданскую войну женщины-писателя³⁰. Известная в определенных кругах как творческой, так и организационной деятельностью, А.А. Саксаганская в 1920–1930-е гг. помогала В.Д. Бонч-Бруевичу

²⁵ См. об этом подробнее: Суржикова Н.В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 6–13.

²⁶ См. прежде всего: Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. 632 с.

²⁷ Московская Д.С. Василий Шульгин и его неопубликованный мемуарный комплекс «Война без мира» // Историография Гражданской войны в России... С. 298.

²⁸ Там же. С. 303.

²⁹ Там же. С. 300.

³⁰ Саксаганская А. В тылу // Историография Гражданской войны в России... С. 347–380; Она же. Махно. Под черным флагом // Историография Гражданской войны в России... С. 381–448.

в «собрании» фондов Государственного литературного музея. Именно тогда, очевидно, его коллекции и пополнили рукописи двух мемуарных очерков Саксаганской, живописующих реалии Гражданской войны в Екатеринославле («В тылу» и «Махно. Под черным флагом»). «Женскость» этих очерков, в данном случае синонимичная виктимности, проступает прежде всего через риторику постоянной угрозы и борьбы за выживание, – основной задачи незащитного и растерянного наблюдателя времен Гражданской войны. Литературность ретроспективных источников еще более очевидна и даже преувеличена, что справедливо подчеркивают О.А. Симонова и Ю.П. Кравец, подготовившие мемуары А.А. Саксаганской к печати. Комментарии публикаторов демонстрируют, как мемуаристка меняла не просто отдельные фразы в тексте, но также детали событий и имена людей, кроме того, пытаясь выдать за «голую непреувеличенную правду» всевозможные пересуды и анекдоты. Беллетризованность текста мемуаров также зафиксировали многочисленные диалоги, детально помнить которые по прошествии времени весьма проблематично. Написанные по лекалам модернистской прозы 1920-х гг., такие эго-тексты были распространенным явлением. Но даже не совсем зрелому, раннему соцреализму 1930-х гг. они были малоинтересны, что (в том числе) и позволило ему справиться с недугом графоманства³¹.

Следующий источник, подготовленный к публикации Л.Г. Жуховицкой, относится к числу самооправдательных нарративных практик, характерных для периода политических «чисток». А.В. Пригожих, бывший командир 5-й роты 15-го Амурского партизанского полка, в воспоминаниях, написанных как статья в 1934 г. для газеты «Забайкальский рабочий» и оказавшихся затем на столе у М. Горького, поведал вполне обычную историю о том, как насильно мобилизованные «белыми» жители Сибири впоследствии закономерно-неизбежно переходили на сторону «красных» партизан. Некоторую экзотичность сюжету придавало происхождение солдат, которые были евреями. Их «неблагонадежность» (миф о которой активно поддерживался в царской России) здесь оказалась весьма кстати, будучи подана в качестве того самого заблуждения, от которого революционным «массам» требовалось оттолкнуться, чтобы встать на путь идейного пробуждения и политического созревания, путь восхождения от «тьмы» к «свету». Тем самым А.В. Пригожих продемонстрировал, что «правильная», «нужная» трактовка военно-революционных событий усвоена им и, очевидно, не только им. При этом описание собственно боев, вышедшее из-под пера А.В. Пригожих, получилось чем-то средним между справкой о благонадежности для партийных органов и рапортом командованию о стычках с противником. Для мемуаров, основанных на мотиве самоадвокации, большего, однако, и не требовалось: главным для них было проговаривание той версии прошлого, которая считалась единственно верной здесь и сейчас. В настоящем источнике факт такого проговаривания и является наиболее ценным для современного исследователя, указывая на быстрый успех советской исторической политики как политики памяти и пропаганды в целом.

М.Л. Федоров и Т.И. Шевченко подготовили и представили следующий материал сборника – рукопись И.А. Киреева «Очерк Финляндской революции 1918 года и взаимоотношений между Финляндией и Россией». Хранящийся в фонде Демьяна Бедного Отдела рукописей ИМЛИ РАН, этот документ сочетает в себе элементы документалистики, публицистики и авторских воспоминаний и потому может быть аттестован как источник пограничного жанра. Скриптор здесь пытается оставаться не более чем бесстрастным хроникером, пряча свое «я» за обезличенным «мы», но в то же время он оригинален и прямолинеен в своих суждениях и явно не боится

³¹ См. об этом подробнее: *Куляпин А.И.* Графоманы эпохи войн и революций // Семиотика и поэтика отечественной культуры 1920–1950-х годов. С. 311–317.

их высказывать. Так, он с пониманием относится к чувствам населения Финляндии, этого, как он пишет, «упорного и консервативного в своих убеждениях народа», глубоко приверженного буржуазному укладу жизни и относившегося к хаотическому беспорядку в среде русских войск после Февраля 1917 г. как «несовместимому с возведенными принципами о гражданской свободе, равенстве и братстве»³². Автор расходится с большевиками в целом ряде позиций, в том числе в оценке революционного насилия, соотношении разрушительного и созидательного в Революции³³, приветствуя умеренность программы и мероприятий финляндской рабочей власти зимой-весной 1918 г.³⁴ И даже, казалось бы, поддерживая большевиков в отрицании мировой войны, Киреев апеллирует прежде всего к христианским ценностям и мечтает о времени, когда будут «изменены основы взаимоотношений людей и народов и навеки сброшены оковы войны»³⁵, что выдает в нем гуманиста и идеалиста. Все это, очевидно, и стало причиной отказа от публикации настоящих очерков, решение о котором, возможно, принял не кто иной, как «кремлевский баснописец» Д. Бедный³⁶. Как нам представляется, судьба очерка И.А. Киреева – показатель того, что даже тогда, когда общая рамка понимания Гражданской войны уже сформировалась и обросла соответствующими риторическими фигурами, интерпретации ее региональных планов еще какое-то время оставались переменными.

Отметим здесь ту досадную ошибку, которую М.Л. Федоров и Т.И. Шевченко допускают снова и снова³⁷, говоря об участии родившегося в 1888 г. И.А. Киреева «в русско-турецкой и русско-японской кампаниях», в то время, как в этих кампаниях участвовал его отец. Также следует отметить, что в этой части сборника особенно заметен дефицит историографических источников, особенно новейших³⁸, что не позволило добиться должной глубины в анализе взглядов И.А. Киреева. Применительно же к Финляндии это тем более актуально, о чем свидетельствует упомянутая в книге российская и зарубежная (финская) историография, которые, однако, могли быть и более представительными. Так, при объяснении причин конфликтов между «красными» финнами и их русскими союзниками М.Л. Федоров и Т.И. Шевченко ограничились точкой зрения доцента Хельсинского университета Теему Кескисарья³⁹, которая, отсылая к бытовому происхождению противоречий, представляется нам недостаточно убедительной⁴⁰.

Два следующих материала сборника, представленные в виде авторских статей, несколько выбиваются из общего ряда. Они посвящены анализу нарративов, создан-

³² Киреев И.А. Очерк Финляндской революции 1918 года и взаимоотношений между Финляндией и Россией // *Историография Гражданской войны в России...* С. 477.

³³ Там же. С. 471.

³⁴ Там же. С. 490.

³⁵ Там же. С. 496.

³⁶ Федоров М.Л., Шевченко Т.И. Рукопись И.А. Киреева «Очерк Финляндской революции 1918 года и взаимоотношений между Финляндией и Россией», в фонде Демьяна Бедного (ОР ИМЛИ РАН) // *Историография Гражданской войны в России...* С. 460.

³⁷ Федоров Л.М., Шевченко Т.И. «Красная Финляндия» в оценке И.А. Киреева и Демьяна Бедного (По архивным материалам ОР ИМЛИ РАН // *Россия и современный мир*. 2018. № 4. С. 145.

³⁸ См., напр.: Мусаев В.И. *Россия и Финляндия: Миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-х гг.)*. СПб., 2007; Он же. «В чужом пиру похмелье»: Гражданская война, послевоенный террор в Финляндии и русское население в 1918 году // *Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX вв.: Материалы Междунар. коллоквиума*. СПб., 2014. С. 485–497; Дубровская Е.Ю., Кораблев Н.А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб., 2017; Дубровская Е.Ю. Многомерная радикализация: российские военные в Финляндии. «Солдатская революция» и социальные движения финляндцев в 1917 году // *Альманах североевропейских и балтийских исследований*. 2017. Вып. 2. С. 329–353; и др.

³⁹ Киреев И.А. Очерк Финляндской революции 1918 года и взаимоотношений между Финляндией и Россией // *Историография Гражданской войны в России...* С. 487.

⁴⁰ См. об этом: Мусаев В.И. «В чужом пиру похмелье»...

ных, вероятнее всего⁴¹, уже за рамками 1930-х гг. Речь здесь идет об отдельных личностях периода Гражданской войны и демонстрируется то, как они воспринимались современниками по прошествии времени. Так, в очерке Д.С. Московской «Черты к портрету петербургской интеллигенции в годы Гражданской войны», основанном на воспоминаниях воспитанницы петроградской колонии в Красной Славянке, в центре рассмотрения оказались Николай и Татьяна Анциферовы. Главный герой повествования – Николай Павлович Анциферов, историк-медиевист по образованию, как справедливо подчеркивает Д.С. Московская, своей судьбой проливает свет на судьбу всего предреволюционного поколения русской интеллигенции⁴². Автор очерка, определяя черты духовного облика своего героя, выделяет среди них уважение идеалов свободы, любовь к простому народу, исполненное демократизма правдоискательство, переживание после Октября трагического разлада мечты и действительности⁴³. Эта характеристика дополняется свидетельствами одной из воспитанниц интерната, которая отмечает кристальную честность и чистоту души Анциферовых, их скромность, любовь к детям, самоотверженность и принципиальность⁴⁴. Объемное, «голографическое» видение ситуации и характеров людей достигается Д.С. Московской за счет помещения в очерк фрагмента воспоминаний самого Анциферова, в которых отреченность этого человека от собственных интересов во имя защиты детей проявляется помимо воли мемуариста со всей убедительностью⁴⁵. Обаяние источников, однако, здесь сыграло злую шутку с Д.С. Московской, явно идеализировавшей образ Н.П. Анциферова вслед за одной из его учениц. Что касается воспоминаний этой ученицы, то они интересны своими жанровыми истоками, которые, как нам показалось, можно было бы поискать в средневековой агиографии. Эта часть сборника, таким образом, фиксирует, что такой подход, как минимум, сюжетно (но не стилистически) мог использоваться – и использовался – не только при реконструкции биографий большевистских вождей⁴⁶, что указывает на несомненное влияние на жизнеописательские практики советской эпохи их более ранних аналогов.

Завершающий сюжет сборника посвящен образам известных героев Гражданской войны – М. Тухачевского и В. Примакова – в восприятии участника Первой мировой войны, писателя-коммуниста Луи Арагона, воспоминания которого впервые публикуются на русском языке. Структура очерка, написанного М.А. Ариас-Вихиль⁴⁷, отвечает требованиям, традиционно предъявляемым к публикации эго-документов, включая биографические данные и краткую характеристику деятельности Арагона, «французского Маяковского» и «друга СССР», знакомого с Горьким и другими представителями советской элиты. На наш взгляд, воспоминания Арагона интересны как один из вариантов взгляда на события в СССР 1930-х гг. «западного очевидца», носителя революционных убеждений и участника кампании по пропаганде позитивного образа Страны Советов. Разное восприятие Примакова и Тухачевского – безоговорочное преклонение перед первым и резкое неприятие властных амбиций второ-

⁴¹ К сожалению, здесь, как и ранее, авторы-составители сборника весьма небрежны в атрибуции используемых документов в плане их датировки.

⁴² *Московская Д.С.* Черты к портрету петербургской интеллигенции в годы гражданской войны // *Историография Гражданской войны в России...* С. 535.

⁴³ Там же. С. 536.

⁴⁴ *Куркова-Вселузнева.* Воспоминания о Николае Павловиче Анциферове // *Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных материалов.* С. 541–543.

⁴⁵ *Московская Д.С.* Черты к портрету петербургской интеллигенции в годы гражданской войны... С. 538–540.

⁴⁶ Классикой этого жанра считаются: Ленин Владимир Ильич. Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1946; Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1947.

⁴⁷ *Ариас-Вихиль М.А.* Командиры гражданской войны: воспоминания Арагона о В. Примакове и М. Тухачевском // *Историография Гражданской войны в России...* С. 544–558.

го – обозначило в том числе и черты личности мемуариста: его приверженность идее единого демократического фронта и бескомпромиссность, «невзирая на авторитеты», в отстаивании своей позиции. При этом, на первый взгляд, может показаться, что Л. Арагон здесь меньше всего свидетельствует о себе. Характеризуя атмосферу страха в сталинском СССР, на что М.А. Ариас-Вихиль не обратила внимания, он, например, пишет: «Кто может нам сказать, что делать? Все, что говорилось, свидетельствовало о полной растерянности, событие сделало слова бесполезными... Нам казалось, что мы живем на краю воронки... Даже если представить себе... что могли люди?». ⁴⁸ Коллективная растерянность и позиционирование себя через «мы» безусловно содержат в себе в том числе и следы скрытой автобиографии мемуариста, которая переосмысливается им «задним числом».

В завершение можно было бы остановиться на перечислении замечаний к рецензируемому изданию: размытости его концепции, неясности критериев отбора документов, погрешностях в их атрибуции, избирательности комментариев, пересказе, а не анализе содержания публикуемых источников. Но все это, как представляется, является «неизбежным злом», характерным для изданий, в которых соединены сразу две задачи – публикаторская и исследовательская. Именно поэтому кажется, что в сборнике где-то явно не хватает помет археографа и источниковеда, а где-то – аналитических заключений литературоведа и историка. Однако сам по себе выбор именно такой стратегии изучения характерных для определенного исторического отрезка риторик и интерпретаций Гражданской войны в России, безусловно, заслуживает внимания. Особенно отранно, что эта междисциплинарная в своей основе работа уже получила продолжение в других публикациях авторов-составителей сборника ⁴⁹, что позволяет надеяться на новые, еще более значимые результаты актуальных исследований.

Рукопись поступила: 27 марта 2020 г.

Submitted: 27 March 2020

Библиографический список

- Ариас-Вихиль М.А.* Командиры гражданской войны: воспоминания Арагона о В. Примакове и М. Тухачевском // *Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных материалов*. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 544–558.
- Быстрова О.В., Закружная З.С., Московская Д.С.* «История Гражданской войны»: издательский проект эпохи реконструкции // *Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных материалов*. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 15–31.
- Воронцова Г.Н.* Образ Нестора Махно на страницах трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам»: документы и материалы // *Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных материалов*. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 214–233.
- Гончаренко А.А., Московская Д.С.* Стенограмма обсуждения фильма «Чапаев» во Всероссийском драме // *Историография Гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных материалов*. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 174–213.
- Горький А.М.* О старом и новом человеке // *Правда*. 1932. 27 апр.
- Гюнтер Х.* Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 743–784.
- Добренко Е.* Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен: Сагнер, 1993. 405 с.
- Дубровская Е.Ю.* Многомерная радикализация: российские военные в Финляндии. «Солдатская революция» и социальные движения финляндцев в 1917 году // *Альманах североевропейских и балтийских исследований*. 2017. Вып. 2. С. 329–353.

⁴⁸ Ариас-Вихиль М.А. Командиры гражданской войны: воспоминания Арагона о В. Примакове и М. Тухачевском // *Историография Гражданской войны в России...* С. 555.

⁴⁹ См., напр.: *Закружная З.С.* Литературное объединение Красной армии и флота и Союз советских писателей: к вопросу об истоках соцреализма // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4. № 2. С. 44–61.

- Дубровская Е.Ю., Кораблев Н.А.* Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.
- Закружная З.С.* Литературное объединение Красной армии и флота и Союз советских писателей: к вопросу об истоках соцреализма // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4. № 2. С. 44–61.
- Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография / сост. Г.Ф. Александров, М.Р. Галактионов, В.С. Кружков, М.Б. Митин, В.Д. Мочалов, П.И. Поспелов. М.: ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 1947. 244 с.
- Прошников М.П., Зеленов М.В., Бранденбергер Д., Пивоваров Н.Ю.* Некоторые теоретические проблемы изучения истории гражданской войны и варианты их решения в 1930–1935 гг. // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 2. С. 487–506.
- «История гражданской войны в СССР» (1935 г.): история текста и текст истории / сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 606 с.
- Карлтон Г.* На похоронах живых: теория «живого человека и формирование героя в раннем соцреализме // *Соцреалистический канон*. СПб.: Академический проект, 2000. С. 339–351.
- Киреев И.А.* Очерк Финляндской революции 1918 года и взаимоотношений между Финляндией и Россией. Фрагменты // *Историография Гражданской войны в России*. С. 469–533.
- Кларк К.* Советский роман: История как ритуал / пер. с англ., ред. М.А. Литовской. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 262 с.
- Куляпин А.И.* Графоманы эпохи войн и революций // *Семиотика и поэтика отечественной культуры 1920–1950-х годов* / отв. ред. С.А. Комаров. Ишим: ИГПИ им. П.П. Ершова, 2012. С. 311–317.
- Куркова-Вселузнева.* Воспоминания о Николае Павловиче Анциферове // *Историография Гражданской войны в России*. Исследования и публикации архивных материалов. С. 541–543.
- Литовская М.А.* Мобилизационный пафос (1930–1940-е годы) // *Семиотика и поэтика отечественной культуры 1920–1950-х годов*. С. 118–146.
- Московская Д.С.* Василий Шульгин и его неопубликованный мемуарный комплекс «Война без мира» // *Историография Гражданской войны в России*. Исследования и публикации архивных материалов. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 261–283.
- Московская Д.С.* Черты к портрету петербургской интеллигенции в годы гражданской войны // *Историография Гражданской войны в России*. Исследования и публикации архивных материалов. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 534–540.
- Московская Д.С., Закружная З.С.* К вопросу о показе героя Гражданской войны // *Историография Гражданской войны в России*. Исследования и публикации архивных материалов. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 161–173.
- Мусаев В.И.* «В чужом пиру похмелье»: Гражданская война, послевоенный террор в Финляндии и русское население в 1918 году // *Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX вв.: Материалы Междунар. colloквиума*. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 485–497.
- Мусаев В.И.* Россия и Финляндия: Миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-х гг.). СПб., 2007. 483 с.
- Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.
- Ронен О.* «Инженеры человеческих душ»: К истории изречения // *Лотмановский сборник*. Вып. 2. М.: ОГИ, 1997. С. 393–400.
- Саксаганская А.* В тылу // *Историография Гражданской войны в России*. Исследования и публикации архивных материалов. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 347–380.
- Саксаганская А.* Махно. Под черным флагом // *Историография Гражданской войны в России*. Исследования и публикации архивных материалов. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 381–448.
- Скубач О.А.* Механизмы формирования идеологии советского подвига в литературе и культуре 1920–1940-х гг. // *Идеи и идеалы*. 2014. № 1 (19). С. 127–134.
- Суржикова Н.В.* Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость // *История в эго-документах: Исследования и источники*. Екатеринбург: АСПУР, 2014. С. 6–13.
- «Счастье литературы»: государство и писатели. 1925–1938 гг.: Документы / сост. Д.Л. Бабиченко. М.: РОССПЭН, 1997. 318 с.
- Федоров Л.М., Шевченко Т.И.* «Красная Финляндия» в оценке И.А. Киреева и Демьяна Бедного (По архивным материалам ОР ИМЛИ РАН // *Россия и современный мир*. 2018. № 4. С. 142–155.
- Федоров М.Л., Шевченко Т.И.* Рукопись И.А. Киреева «Очерк Финляндской революции 1918 года и взаимоотношений между Финляндией и Россией», в фонде Демьяна Бедного (ОР ИМЛИ РАН) // *Историография Гражданской войны в России*. С. 457–468.
- Шкловский В.* О старой русской военной и о советской оборонной прозе // *Знамя*. 1936. № 1. С. 218–227.

MacKinnon E. *Writing History for Stalin: Isaak Izrailevich Mints and the Istoriia grazhdanskoi voyny // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2005. Vol. 6. № 1. P. 5–54.

References

- Aleksandrov, G.F., Galaktionov, M.R., Kruzchkov, V.S., and al., eds. *Iosif Vissarionovich Stalin. Kratkaya biografiya*. Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1947 (in Russian).
- Arias-Vihil', M.A. "Komandiry grazhdanskoy voyny: vospominaniya Aragona o V. Primakove i M. Tukhachevskom". In *Istoriografiya Grazhdanskoy voyny v Rossii. Issledovaniya i publikatsii arkhivnykh materialov*, 544–558. Moscow: IMLI RAN, 2018 (in Russian).
- Bystrova, O.V., and Zakruzhnaya Z.S. "Moskovskaya D.S. «Istoriya Grazhdanskoy voyny»: izdatel'skiy proekt epohi rekonstrukcii". In *Istoriografiya Grazhdanskoy voyny v Rossii. Issledovaniya i publikatsii arkhivnykh materialov*, 15–31. Moscow: IMLI RAN, 2018 (in Russian).
- Fedorov L.M., and T.I. Shevchenko. " 'Krasnaya Finlyandiya' v otsenke I.A. Kireeva i Dem'yana Bednogo (Po arkhivnym materialam OR IMLI RAN)." *Rossiya i sovremennyy mir*, 4 (2018): 142–155 (in Russian).
- Fedorov M.L., and Shevchenko T.I. "Rukopis' I.A. Kireeva 'Ocherk Finlyandskoy revolyutsii 1918 goda i vzaimootnosheniy mezhdu Finlyandey i Rossiey,' v fonde Dem'yana Bednogo (OR IMLI RAN)." In *Istoriografiya Grazhdanskoy voyny v Rossii. Issledovaniya i publikatsii arkhivnykh materialov*, 457–468. Moscow: IMLI RAN, 2018 (in Russian).
- Goncharenko A.A., and Moskovskaya, D.S. "Stenogramma obsuzhdeniya fil'ma 'Chapaev' vo Vserosskom-drame". In *Istoriografiya Grazhdanskoy voyny v Rossii. Issledovaniya i publikatsii arkhivnykh materialov*, 174–213. Moscow: IMLI RAN, 2018 (in Russian).
- Gyunter, H. "Arkhetipy sovetskoy kul'tury." In *Socrealisticheskiy kanon*, 743–784. St. Petersburg: Akademicheskii proekt, 2000 (in Russian).
- Dobrenko, E. *Metafora vlasti: Literatura stalinskoy epokhi v istoricheskom osveshhenii*. München: Sagner, 1993 (in Russian).
- Dubrovskaya, E.Yu. "Mnogomernaya radikalizatsiya: rossiyskie voennye v Finlyandii. 'Soldatskaya revolyutsiya' sotsial'nye dvizheniya finlyandtsev v 1917 godu." *Al'manakh severoevropeyskikh i baltiyskikh issledovaniy*. Issue 2 (2017): 329–353. (in Russian)
- Dubrovskaya, E.Yu., and Korablev, N.A. *Kareliya v gody Pervoy mirovoy voyny: 1914–1918*. St. Petesburg: Nestor-Istoriya, 2017 (in Russian).
- Iroshnikov, M.P., Zelenov, M.V., Brandenberger, D., Pivovarov, N.Yu. "Nekotorye teoreticheskie problemy izucheniya istorii grazhdanskoy voyny i varianty ikh resheniya v 1930–1935 gg." *Noveyshaya istoriya Rossii* 8, no. 2 (2018): 487–506 (in Russian).
- Karltun, G. "Na pokhoronakh zhivykh: teoriya 'zhivogo cheloveka' i formirovanie geroya v rannem socrealizme." In *Sotsrealisticheskiy kanon*, 339–351. St. Petersburg: Akademicheskii proekt, 2000 (in Russian).
- Kireev, I.A. "Ocherk Finlyandskoy revolyutsii 1918 goda i vzaimootnosheniy mezhdu Finlyandey i Rossiey. Fragmenty." In *Istoriografiya Grazhdanskoy voyny v Rossii. Issledovaniya i publikatsii arkhivnykh materialov*, 469–533. Moscow: IMLI RAN, 2018 (in Russian).
- Klark, K. *Sovetskiy roman: Istoriya kak ritual*. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2002 (in Russian).
- Kulyapin, A.I. "Grafomany epokhi voyn i revolyutsiy." In S.A. Komarov, ed. *Semiotika i poetika otechestvennoy kul'tury 1920–1950-h godov*, 311–317. Ishim: IGPI im. P.P. Ershova, 2012 (in Russian).
- Kurkova-Vseluzneva. "Vospominaniya o Nikolae Pavloviche Anciferove." In *Istoriografiya Grazhdanskoy voyny v Rossii. Issledovaniya i publikatsii arkhivnykh materialov*, 541–543. Moscow: IMLI RAN, 2018 (in Russian).
- Litovskaya, M.A. "Mobilizatsionny pafos (1930–1940-e gody)." In *Semiotika i poetika otechestvennoy kul'tury 1920–1950-h godov*, 118–146. Ishim: IGPI im. P.P. Ershova, 2012 (in Russian).
- MacKinnon, E. "Writing History for Stalin: Isaak Izrailevich Mints and the Istoriia grazhdanskoi voyny." *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 6. 1 (2005): 5–54.
- Moskovskaya, D.S. "Vasiliiy Shul'gin i ego neopublikovanny memuarny kompleks 'Voyna bez mira'." In *Istoriografiya Grazhdanskoy voyny v Rossii. Issledovaniya i publikatsii arkhivnykh materialov*, 261–283. Moscow: IMLI RAN, 2018 (in Russian).
- Moskovskaya, D.S. "Cherty k portretu peterburgskoy intelligentsii v gody grazhdanskoy voyny." In *Istoriografiya Grazhdanskoy voyny v Rossii. Issledovaniya i publikatsii arkhivnykh materialov*, 534–540. Moscow: IMLI RAN, 2018 (in Russian).
- Moskovskaya, D.S., and Zakruzhnaya, Z.S. "K voprosu o pokaze geroya Grazhdanskoy voyny." In *Istoriografiya Grazhdanskoy voyny v Rossii. Issledovaniya i publikatsii arkhivnykh materialov*, 161–173. Moscow: IMLI RAN, 2018 (in Russian).

- Musaev, V.I. “‘V chuzhom piru pohmel'e’: Grazhdanskaya voyna, poslevoennyy terror v Finlyandii i russkoe naselenie v 1918 godu.” In *Malen'kiy chelovek i bol'shaya voyna v istorii Rossii: seredina XIX – seredina XX vv.: Materialy Mezhdunar. Kollokviuma*, 485–497. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014 (in Russian).
- Musaev, V.I. *Rossiya i Finlyandiya: Migracionnye kontakty i polozhenie diaspor (konest XIX v. – 1930-h gg.)*. St. Petersburg: Izd-vo Politehnicheskogo un-ta, 2007 (in Russian).
- Narskiy, I.V. *Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* Moscow: ROSSPEN, 2001 (in Russian).
- Ronen, O. “‘Inzheneriy chelovecheskih dush’: K istorii izrecheniya.” In *Lotmanovskiy sbornik*. Issue 2, 393–400. Moscow: OGI, 1997 (in Russian).
- Saksaganskaya, A. “V tylu.” In *Istoriografiya Grazhdanskoy voyny v Rossii. Issledovaniya i publikacii arhivnykh materialov*, 347–380 (in Russian).
- Saksaganskaya, A. “Makhno. Pod chernym flagom.” In *Istoriografiya Grazhdanskoy voyny v Rossii. Issledovaniya i publikacii arhivnykh materialov*, 381–448. Moscow: IMLI RAN, 2018 (in Russian).
- Skubach, O.A. “Mekhanizmy formirovaniya ideologii sovetskogo podviga v literature i kul'ture 1920–1940-h gg.” *Idei i idealny*, no. 1 (2014): 127–134 (in Russian).
- Shklovskiy, V. “O staroy russkoy voennoy i o sovetskoy oboronnoy proze.” *Znanya*, no. 1 (1936): 218–227 (in Russian).
- Surzhikova, N.V. “Ego-dokumenty: intellektual'naya moda ili osoznannaya neobkhodimost'.” In *Istoriya v ego-dokumentakh. Issledovaniya i istochniki*, 6–13. Yekaterinburg: AsPUR, 2014 (in Russian).
- Voronstova, G.N. “Obraz Nestora Makhno na stranitsakh trilogii A.N. Tolstogo ‘Khozhdenie po mukam’: dokumenty i materialy.” In *Istoriografiya Grazhdanskoy voyny v Rossii. Issledovaniya i publikacii arhivnykh materialov*, 214–233. Moscow: IMLI RAN, 2018 (in Russian).
- Zakruzhnaya, Z.S. “Literaturnoe ob'edinenie Krasnoy armii i flota i Soyuz sovetskikh pisateley: k voprosu ob istokakh sostrealizma.” *Studia Litterarum* 4, no. 2 (2019): 44–61 (in Russian).
- Zelenov, M.V., and Brandenberger, D. «*Istoriya grazhdanskoy voyny v SSSR» (1935 g.): istoriya teksta i tekst istorii*. Moscow: Politicheskaya enstiklopediya, 2017 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Голубинов Ярослав Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Iaroslav A. Golubinov, Kandidat Istoricheskikh Nauk [PhD in History], Associate Professor, Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Olga S. Porshneva, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor, Head of the Department of the Theory and History of International Relations, Ural Federal University.

Суржикова Наталья Викторовна, доктор исторических наук, заместитель директора по научным вопросам, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук; старший научный сотрудник кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).

Natalya V. Surzhikova, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor, Deputy Director for Scientific Affairs, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Senior Researcher at the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (National Research University).

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-503-509>

Обзор конференции / Conference overview

**Россия в мире. Феномен Русского Зарубежья:
институты и персоналии. Международная научная конференция.
Москва. 26–27 сентября 2019 г.**

Е.М. Миронова, А.В. Володько

Институт всеобщей истории РАН; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32 а;
alena.stankina@mail.ru, avolodko@inbox.ru

**Russia in the World. The Phenomenon of Russian Abroad:
Institutions and Personalities. International Scientific Conference.
Moscow. September 26–27, 2019**

Elena M. Mironova, Anna V. Volodko

Institute of World History RAS; 32 a, Leninsky Prospect, Moscow, 119334, Russia;
alena.stankina@mail.ru, avolodko@inbox.ru

26–27 сентября 2019 г. в Москве при финансовой поддержке ПАО «Транснефть» прошла Международная научная конференция «Россия в мире. Феномен Русского Зарубежья: институты и персоналии». Форум был организован Институтом всеобщей истории РАН, Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом (ПСТГУ) при содействии Института перспективных исследований.

Политические катаклизмы, потрясшие Россию в конце первого десятилетия XX в., привели к оттоку из страны части населения, не признавшего пришедших к власти большевиков. Окончание Гражданской войны сделало эмиграцию из России массовой. Изгнанники оказались разбросанными по разным странам и континентам. Но они не считали борьбу окончательно проигранной, не торопились «распаковывать чемоданы» и ассимилироваться в странах, куда их занесла судьба, не хотели терять свою национальную идентичность, ждали момента, когда смогут вернуться домой.

Беженство включало в себя представителей различных сословий и национальностей с некоторым перевесом в гендерном отношении в сторону мужчин, в социальном плане – в пользу образованных сословий. Изгнанники за рубежом оказались в очень тяжелом положении. Мир, прежде всего Европа, на страны которой обрушился наибольший миграционный поток, были разорены мировой войной и сталкивались с объективными экономическими трудностями. Правительства многих государств старались отгородиться от потока материально не обеспеченных русских, создававших им дополнительные сложности. Между тем далеко не все изгнанники были в состоянии самостоятельно устроиться за пределами Родины. Чтобы выжить, эмиграция должна была сорганизоваться.

Русской эмиграции, несмотря на предпринимавшиеся усилия, не удалось создать собственное правительство в изгнании, но удалось другое: она построила вторую Россию за рубежом – никогда и нигде ранее не существовавшую и до сих пор неповто-

© Миронова Е.М., Володько А.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ренную модель «государства вне границ». Феномен его заключался в том, что в условиях отсутствия какой-либо политической структуры, которая объединяла бы разбросанные по разным странам и континентам колонии беженцев, исключительно на общественных, добровольных началах была создана мощная сеть организаций с центром в Париже, которые оказывали правовую, социальную, материальную помощь лишившимся Родины русским людям. Официальные представители этих организаций и общественные деятели защищали интересы соотечественников перед властями стран пребывания, отстаивали их интересы перед лицом международного сообщества. В частности, им удалось добиться принятия Лигой Наций законов, защищавших права эмигрантов на международном уровне, признания для русских эмигрантов, лишившихся правовой защиты со стороны своего государства, статуса беженца и получения особого беженского сертификата. Созданные в разных странах и объединившиеся русские организации разной направленности имели возможность обмениваться опытом по оказанию помощи соотечественникам, включая перераспределение имевшихся в их распоряжении средств, вырабатывать общие программы и стратегии сохранения национальной идентичности на основе русского языка, религии и культуры.

Русское Зарубежье обладало собственными административными структурами в виде бывших русских представительств за рубежом и распорядительным финансовым органом, которым стал финансовый совет при Совете послов. Ему удалось сохранить армию, поддерживавшую свою организацию на чужих территориях в скрытом виде и продолжавшую готовить новые кадры. Оно создало образовательную систему, активно действовавшую, вырабатывавшую программы национального образования в условиях нахождения детей и юношества за пределами Родины, научный академический союз; благотворительные и социальные организации, охватывавшие все или большинство стран пребывания русских эмигрантов, свою печать и сеть книгоиздательств. Важную роль в деле духовного окормления, поддержания духа изгнанников и оказания им материальной помощи играла Русская православная церковь за границей, в межвоенный период имевшая или создававшая новые приходы во всех странах, где располагались общины русских беженцев.

Долгие годы тема русской пореволюционной эмиграции была закрыта для отечественных исследователей и разрабатывалась только за рубежом. Начало ее изучения в отечественной науке относится к 1990-м гг. прошлого столетия. В настоящее время исследование Русского Зарубежья вышло на качественно новый уровень, что обусловлено отказом от искусственно привносимой идеологизации истории пореволюционной российской эмиграции, освобождением ее от узконаправленных политических и инструментальных оценок.

В России и за рубежом проходят многочисленные конференции, некоторые из которых стали уже традиционными, периодическими. Так, с 2007 г. информационно-культурный центр «Русская эмиграция» с периодичностью раз в два года организует Нансеновские чтения в Санкт-Петербурге¹. Институт всеобщей истории РАН в сотрудничестве с Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом разработал проект «Люди и судьбы Русского Зарубежья», в рамках которого с 2009 г. проводятся ежегодные международные конференции, по итогам которых издаются сборники статей, а отдельные материалы публикуются в изданиях, включенных в международные базы цитирования Web of Science (WoS) и Scopus. Так, в 2018 г. при поддержке ПАО «Транснефть» была организована представительная международная конференция, посвященная одному из важнейших аспектов истории Русского Зару-

¹ Нансеновские чтения, 2007. СПб., 2008; Нансеновские чтения, 2008. СПб., 2009; Нансеновские чтения, 2009. СПб., 2010; Нансеновские чтения 2010. СПб., 2012; Нансеновские чтения, 2012. СПб., 2014; Нансеновские чтения, 2014. СПб., 2016; Нансеновские чтения 2016. СПб., 2018.

бежью – сохранению и развитию в эмиграции традиций российской благотворительности. На основе материалов конференции был подготовлен тематический номер альманаха «Диалог со временем» под общей темой «Россия в мире»².

Вовлечение в научный оборот большого массива фактического материала, обобщения, сделанные авторами монографических исследований, посвященных отдельным аспектам жизни Зарубежья, позволяют ставить вопрос о характеристике самого этого феномена – «государства вне границ»³. Специально посвященная этому вопросу конференция 2019 г. «Россия в мире. Феномен Русского Зарубежья: институты и персоналии» позволила существенно продвинуться на этом пути.

На первой научной сессии, 26 сентября, в приветственной речи ректор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета протоиерей *Владимир (Воробьев)* призвал участников конференции рассмотреть феномен Русского Зарубежья с точки зрения уникального опыта самоорганизации сотен тысяч изгнанников, который пока остается недостаточно изученным и оцененным в мировой истории. Ректора ПСТГУ поддержали заместитель директора ИВИ РАН доктор исторических наук *В.С. Мирзаханов*, ученый секретарь дома Русского Зарубежья *М.А. Васильева* и начальник Архива внешней политики Российской империи *И.В. Попова*. Архиепископ Русской православной церкви за границей *Михаил (Донсков)* обратил внимание собравшихся на до сих пор не устоявшуюся терминологию в отношении русской пореволюционной эмиграции – на неправильность применения к ней термина «диаспора».

В ходе научных сессий двух ней работы было заслушано 33 доклада, посвященных разным аспектам формирования, жизнедеятельности Русского Зарубежья, организациям и сообществам, созданным русскими эмигрантами, которые и сделали возможным явление этого феномена.

К.и.н. *Т.П. Тетеревлева* (Северный федеральный университет) поставила вопрос о гражданской идентичности, подданстве, суверенитете в общественно-политическом дискурсе Русского Зарубежья в 1920–1930-е гг. В частности, она указала на то, что важными факторами формирования «диаспорной» идентичности были неоднозначные представления эмигрантов о понятии «подданства» и принципах его выбора; сложное соотношение категорий «лояльность» и «патриотизм» в условиях противостояния «Совдепия» – «Зарубежная Россия» – «Запад»; специфическое нормативное наполнение концепта «суверенитет» как важнейшего признака государственности применительно к Русскому Зарубежью.

Сложно переоценить значение создания феномена единого правового пространства для разбросанной по разным странам и континентам русской эмиграции. Д.и.н. *З.С. Бочарова* (МГУ имени М.В. Ломоносова) остановилась на особенностях и эволюции правового положения бывших подданных Российской империи, ушедших в эмиграцию после утверждения на родине власти большевиков. Исследовательница обратила внимание на стремление россиян не разрывать свою связь с Родиной, что проявилось, в частности, в сопротивлении обозначению их в качестве «беженцев», «апатридов». Победа сторонников реальной политики позволила сначала создать

² *Бочарова З.С.* Роль русской эмиграции 1920–1930-х годов в становлении универсального статуса беженцев // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 116–132; *Щеблыгина И.В.* Русская культура в общеевропейском контексте: художественное наследие Русского Зарубежья в Великобритании // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 74–83; *Мосейкина М.Н.* Формирование мемориального пространства Русского мира в Латинской Америке // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 83–98; *Седова Е.Е.* Педагогическое наследие российской эмиграции в мировом образовательном пространстве // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 98–109.

³ *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008; *Бочарова З.С.* Феномен Зарубежной России 1920-х годов. М., СПб., 2014; *Базанов П.Н.* Книжное дело русской эмиграции: Курс лекций. СПб., 2015; *Миронова Е.М.* Русское Зарубежье как модель государства вне границ // Россия XXI век. 2018. № 6. С. 80–101.

общую и достаточно действенную паспортную систему, затем добиться урегулирования социального контекста жизни эмиграции. В итоге сложился международный режим по делам апатридов: была выстроена система международных институтов, приняты соглашения 1928 г. и конвенция 1933 г. о юридическом статусе русских беженцев. Из большого фактического материала, приведенного в докладе, был сделан важный вывод: если на начальных этапах правовое пространство русской эмиграции характеризовалось фрагментарностью, то к концу 1920-х – в начале 1930-х гг. формируются универсальные черты на институциональном и нормативном уровне.

Интересный, редко привлекающий внимание исследователей аспект предложил вниманию коллег д.и.н., профессор Уральского федерального университета *А.В. Антошин*. Его доклад был посвящен судьбам Русского Зарубежья в начальный период холодной войны. Ученый предпринял попытку ответить на вопрос: чем характеризуются процессы, протекавшие в сообществе в конце 40-х – первой половине 50-х гг. XX в., – попытками сохранения прежней системы или ее реформирования. О положении русских эмигрантов в этот период на примере судьбы конкретной личности – русского юноши, представителя известной русской семьи Набоковых, проживавшего в Праге, рассказал журналист *Н.И. Толстой* (Чехия). Даже широкая известность Владимира Набокова, его положение в эмигрантской среде не позволили ему преодолеть воздвигнутые после Второй мировой войны бюрократические преграды и вывезти своего шестнадцатилетнего племянника в США.

Важнейшую роль в эмиграции и в деле ее духовного окормления, в деле сплочения и оказания помощи своей пастве играла Русская православная церковь за рубежом. Эту сторону деятельности священнослужителей раскрыла в своем докладе к.и.н. *Г.И. Шевцова*. Ее исследование было посвящено деятельности протоиерея С.И. Орлова по оказанию помощи русским беженцам в Швейцарии в 20–30-е гг. XX в.

Но долг священства в лихолетье начала XX в. зачастую ставил перед священнослужителями задачи, которые сложно было вообразить. Чрезвычайный и полномочный посол в отставке, д.и.н. *П.В. Стегний* много лет изучал жизнь и подвижническую деятельность игумена Серафима (Кузнецова), его многолетнюю деятельность в Иерусалиме. В прозвучавшем на конференции докладе ученый рассказал о том, как после трагической гибели в Алапаевске Елизаветы Федоровны игумен Серафим через фронты гражданской войны, целый ряд иностранных государств доставил из России в Святую землю гробы с останками Великой княгини и сопровождавшей ее в последний путь инокини Варвары. Тему невероятно трудной жизни русской колонии в Палестине в межвоенный период развила в своем докладе к.и.н. *Н.А. Семенченко* (Институт востоковедения РАН). Доклад к.и.н. *Л. Гарбулевой* (Университет Прешова, Словакия) был посвящен подвижнической деятельности архимандрита Виталия (Максименко) по созданию в словацком селе Ладомирове крупного центра издания православной духовной литературы, после Второй мировой войны перемещенного в Свято-Троицкий мужской монастырь в Джорданвилле (США).

К.и.н. *Е.М. Миронова* (ИВИ РАН) посвятила свой доклад роли, которую сыграл Совет послов Русского Зарубежья в создании «государства вне границ»; показала, что именно представительства русского заграничного дипломатического корпуса были его конструктивной основой. Эта тема получила свое развитие в сообщениях коллег. *З.А. Барбарунова* (независимый исследователь, Чехия) разработала вопрос о практике оказания помощи соотечественникам в получении документов в 1918–1924 гг. российской миссией в Праге. Финская исследовательница *Э. Йоффе* представила увлекательное повествование о жизни и деятельности председателя Особого комитета по делам русских в Финляндии А.Н. Фену. Возглавляемая им организация, возникнув самостоятельно в 1918 г., в 1921 г. вошла в состав Совета послов Русского Зарубежья. О необычном жизненном пути дворянина Николая Ивановича фон Бока от ди-

пломата царской России до католического священника-иезуита византийского обряда в эмиграции рассказала к.ю.н. н.с. ИВИ РАН *А.В. Володько*.

Тема Совета послов и дипломатов на конференции сменилась рассмотрением вопросов, связанных с деятельностью военных организаций за рубежом. На этот раз в центре внимания исследователей оказалась не политическая и антибольшевистская деятельность РОВС, а скорее, социальная деятельность полковых объединений в целом (доклад к.и.н. *Е.И. Беловой*, С-Петербургский государственный экономический университет) и конкретно в Бельгии и Люксембурге (к.и.н. *А.О. Хорошева*, ИВИ РАН). История Объединения российских кадет в эмиграции стала предметом исследования д.и.н. *М.Н. Мосейкиной* (РУДН). Девизом кадетского движения за рубежом были слова: «Рассеяны, но не расторгнуты», которые как нельзя точно передавали суть бытия всего Русского Зарубежья. После Второй мировой войны центр этого движения переместился за океан, в т.ч. в такие страны, как Аргентина, Венесуэла, Бразилия, Чили, где с прибытием второй волны эмиграции были созданы отделения Союза русских кадетских императорских корпусов. Важную роль в истории движения сыграли съезды, в том числе 2-й съезд кадетских Зарубежных объединений, впервые проходивший в 1973 г. Латинской Америке, в Венесуэле и признавший основными направлениями работы мемориальную деятельность и работу среди молодежи. Последнему поколению русских кадет за рубежом удалось передать свои традиции уже новой России вследствие возрождения в стране кадетских корпусов.

На конференции были подняты также важнейшие вопросы роли культуры в формировании и существовании Русского Зарубежья. Яркие доклады, прозвучавшие в рамках этой секции, заставили слушателей задуматься о проблемах, которые не были ранее предметом обсуждения научного сообщества и потому вызвали оживленную дискуссию. Сохранение национальной идентичности и исторической памяти в 1920–1930-е гг. стало для российских эмигрантов важнейшим условием их социально-психологической адаптации. На это была направлена культурно-воспитательная работа многих эмигрантских организаций, и в первую очередь научного сообщества. Д.и.н. *В.Ю. Волошина* (Омский государственный университет) посвятила свой доклад рассмотрению вопросов сохранения исторической памяти съездами русских академических организаций. Д.п.н. *В.И. Адищев* (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет) показал, что выработка русскими педагогами на своих съездах в Зарубежье программ музыкального образования подрастающего поколения эмиграции рассматривалась как фактор национального патриотического воспитания.

Непреодолимое значение Дней русской культуры, которые проводились в Зарубежье с 1925 г., для сплочения эмиграции вне политического поля осветила к.и.н. *И.В. Щерблыгина* (МГУ имени М.В. Ломоносова). Сила культуры позволяла преодолеть разъединявшее эмигрантов пространство, ощутить сопричастность далекой Родине. В рамках Дней русской культуры происходило воспитание у молодого поколения патриотического сознания, приобщение его к духовной жизни России, богатству ее культуры.

Изучив историю книгоиздания и журналистики, д.и.н. *П.Н. Базанов* (Санкт-Петербургский государственный институт культуры) сделал вывод, что изгнанники, оказавшиеся за пределами Родины, видели в книжном/издательском деле важное средство решения таких специфических проблем, как противодействие ассимиляции, сохранение и развитие русской культуры за рубежом, основными носителями которой они себя считали, а также воспитание молодого поколения для служения будущей, свободной России. Докладчик подчеркнул, что русская книга была и элементом противостояния с установившимся в стране режимом, одной из крайне ограниченных для эмигрантов возможностью повлиять на умонастроение граждан СССР. Роли музеев, которые создавала за рубежом русская эмиграция, их типологии было посвящено сообщение к.и.н. *Л.П. Муромцевой* (МГУ имени М.В. Ломоносова).

Свершения представителей Русского Зарубежья, та добрая память, которую они оставили о себе – все это стало результатом деятельности конкретных людей: общественных деятелей, литераторов, издателей, священников, педагогов, медиков, артистов, инженеров... Последнее заседание конференции было посвящено деятельности отдельных представителей Русского Зарубежья. Д.м.н. *К.К. Васильев* (Одесский национальный медицинский университет, Украина) сделал доклад о судьбе профессора медицины В.Н. Клименко. О судьбах русских инженеров в эмиграции – Иване Павловиче Полуэктове и Константине Маркиановиче Алексееве рассказал независимый исследователь *В.В. Голубинов* (Москва). Исследование к.и.н. *Н.А. Родионовой* (НИУ ВШЭ) было посвящено тяжелой жизни в изгнании публициста, журналиста и политического деятеля, «веховца» А.С. Изгоева. Судьбы двух служащих славянской библиотеки в Хельсинки, обладающей и на сегодняшний день лучшей коллекцией эмигрантики, А.В. Игельстрема и Б.П. Сильверстана рассмотрела к.и.н. *С.Л. Ронгонен* (филиал Архива РАН в Санкт-Петербурге). Вопросы, обсуждавшиеся в среде русской эмиграции в межвоенный период, на примере переписки выдающихся деятелей Русского Зарубежья – Е.Д. Кусковой и М.М. Карповича осветила в своем докладе к.и.н. *И.А. Кукушкина* (ИВИ РАН).

Конференция позволила поставить давно назревшие, но не разрешенные еще в научной литературе вопросы о том, что собой представляло сообщество русских пореволюционных эмигрантов в межвоенный период XX в. Впервые в рамках этого форума была прослежена трансформация феномена от его зарождения до преобразований в начальный период холодной войны. Исследователи представили свои суждения о том, как на разных уровнях функционировало это не имевшее прецедентов сообщество, какие элементы государственной организации имело. Была выявлена структурная основа «государства без границ» в виде оставшихся с дореволюционных времен за рубежом дипломатических представительств, продолживших свое историческое бытие в эмиграции в скрытом виде армии, финансовых, образовательных, научных, социальных организаций. Прослежены и определены юридические параметры, «правовое поле» зарубежья, которое было создано на международном уровне усилиями русских общественных деятелей. Ярко была представлена и роль культуры, образования в создании связей между колониями, разбросанными по разным странам и континентам, в сохранении национальной идентичности.

Особое значение имеет подчеркнутый многими докладчиками факт, что вся или почти вся работа по развитию и поддержанию существования Русского Зарубежья велась на безвозмездной основе, на том основании, что его «функционеры» не видели для себя возможности жить вне русской среды, отказать в помощи менее приспособленным к жизни за рубежом или оказавшимся в более сложных условиях соотечественникам.

Долгое время в научном сообществе дискутировался вопрос о том, что представляло собой Русское Зарубежье – культурно-историческую общность или «государство вне границ». Думается, что данная конференция позволила сделать обоснованный вывод в пользу последнего определения.

Рукопись поступила: 20 декабря 2019 г.

Submitted: 20 December 2019

Библиографический список

- Базанов П.Н.* Книжное дело русской эмиграции: Курс лекций. СПб.: СПбГИК, 2015. 192 с.
Бочарова З.С. Роль русской эмиграции 1920–1930-х годов в становлении универсального статуса беженцев // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 116–132.

- Бочарова З.С. Феномен Зарубежной России 1920-х годов. М.: АИРО-XXI, СПб.: Алетейя, 2014. 336 с.
- Мосейкина М.Н. Формирование мемориального пространства Русского мира в Латинской Америке // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 83–98.
- Миронова Е.М. Русское Зарубежье как модель государства вне границ // Россия XXI век. 2018. № 6. С. 80–101.
- Пивовар Е.И. Российское Зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008. 546 с.
- Седова Е.Е. Педагогическое наследие российской эмиграции в мировом образовательном пространстве // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 98–109.
- Щеблыгина И.В. Русская культура в общеевропейском контексте: художественное наследие Русского Зарубежья в Великобритании // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 74–83.

References

- Bazanov, P.N. *Knizhnoye delo russkoy emigratsii: Kurs lektsiy*. St. Petersburg: SPbGIK Publ., 2015 (in Russian).
- Bocharova, Z.S. “The role of the Russian emigration of the 1920–1930s in the development of universal refugee status.” *Dialogue with Time*, no. 68 (2019): 116–132 (in Russian).
- Bocharova, Z.S. *Fenomen Zarubezhnoy Rossii 1920-kh godov*. Moscow: AIRO-XXI Publ., St. Petersburg: Aleteya Publ., 2014 (in Russian).
- Moseykina, M.N. “Formation of the Russian world's memorial space in Latin America in the context of the history of the two waves of emigration.” *Dialogue with Time*, no. 68 (2019): 83–98 (in Russian).
- Mironova, Ye.M. “Russian abroad as a model of the state outside the Borders.” *Russia XXI*, no. 6 (2018): 80–101 (in Russian).
- Pivovarov, Ye.I. *Rossiyskoye zarubezh'ye: sotsial'no-istoricheskiy fenomen, rol' i mesto v kul'turno-istoricheskom nasledii*. Moscow: RGGU Publ., 2008 (in Russian).
- Sedova, Ye.Ye. “Pedagogical heritage of Russian emigration in the world educational space.” *Dialogue with Time*, no. 68 (2019): 98–109 (in Russian).
- Shcheblygina, I.V. Russian culture within European context: artistic heritage of Russian emigration in Great Britain.” *Dialogue with Time*, no. 68 (2019): 74–83 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Миронова Елена Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории международных отношений Института всеобщей истории РАН.

Elena M. Mironova, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Researcher, Department of the History of International Relations at the Institute of World History, Russian Academy of Sciences.

Володько Анна Вячеславовна, кандидат юридических наук, научный сотрудник Отдела истории международных отношений Института всеобщей истории РАН.

Anna V. Volodko, Kandidat Yuridicheskikh Nauk [Ph.D. in Law], Researcher, Department of the History of International Relations at the Institute of World History, Russian Academy of Sciences.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

SUBMISSION GUIDELINES

Редакционная коллегия принимает к публикации рецензии объемом 10–12 тыс. знаков, статьи и историографические обзоры объемом до 50 тыс. знаков в формате MS Word с учетом пробелов, подстрочных сносок и элементов издательского оформления. Статья должна состоять из трех разделов: «Введение» (обоснование темы, определение цели и задач исследования, обзор источников и литературы (с обязательным анализом новейших зарубежных публикаций), «Исследование проблемы» (делится на смысловые блоки, которым даются подзаголовки), «Выводы» (должны быть развернутыми; объем – не менее 0,5 страницы). Ссылки на источники и литературу даются постранично с помощью продолжающихся номерных сносок на оригинальном языке опубликования.

Элементы издательского оформления включают в себя:

- заголовков статьи на русском и английском языках;
- ФИО автора, название и адрес организации, e-mail на русском и английском языках;
- англоязычную аннотацию (не менее 240 и не более 260 слов);
- русскоязычный исходный текст англоязычной аннотации;
- ключевые слова на русском и английском языках (5–10 слов);
- информацию об авторе на русском и английском языках (ФИО автора, ученая степень, звание, должность, название подразделения, название организации);
- дополнительную информацию на русском и английском языках, если имеется (финансирование, благодарности и пр.);
- библиографический список (приветствуется включение в библиографический список 2–3 англоязычные статьи из журналов, входящих в БД Scopus и WoS);
- references.

Публикации в References выстраиваются в порядке английского алфавита. При транслитерации необходимо использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Библиографическое оформление публикаций в этом списке отличается от оформления в подстрочных сносках и производится в соответствии с правилами “Чикагского стиля цитирования” (“Chicago Manual of Style”) в 17-й редакции в варианте “Note and Bibliography System”. При оформлении публикации необходимо указывать название издательства в транслитерированном варианте с обязательным добавлением слова Publ. (Press., если указывается типография). В случае его отсутствия ставить пометку [S.n.] ([Б.и.] при цитировании в Библиографическом списке).

Рукопись направляется по электронному адресу корпоративной почты журнала (rushistj@rudn.ru) и ответственного секретаря (kornouh@mail.ru).

Более полную информацию о правилах оформления рукописи см. на сайте:

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПОРТФЕЛЬ ЖУРНАЛА НА 2021 г.**CALL FOR PAPERS FOR THE 2021 ANNUAL PROGRAM****История отношений центра и национальных регионов России**

Прием статей до 15 октября 2020 г. • Deadline for submissions: 15 October 2020

Выпуск номера приурочен к 300-летию образования Российской империи. На страницах журнала предполагается всесторонне рассмотреть особенности складывания и функционирования имперской системы управления многонационального государства. Планируется обсудить не только проблему степени ее эффективности, но и выявить факторы, препятствовавшие процессу интеграции присоединяемых территорий и народов в общее имперское пространство. Предполагается также рассмотреть вопросы, посвященные восприятию национальными элитами регионов политики центра, отражению взаимодействия столичной и провинциальной бюрократии в публицистике и мемуарах. Попытаемся ответить на вопрос, ставший сегодня крайне актуальным: в какой степени политика центра учитывала интересы регионов и в чем заключались особенности его отношений с окраинами по сравнению с «классическими империями»?

Военное прошлое в культурно-исторической памяти народов России

Прием статей до 15 января 2021 г. • Deadline for submissions: 15 January 2021

Тематическая рубрика будет посвящена анализу факторов формирования и исторических репрезентаций образов военного прошлого в сознании и культуре народов, проживающих на территории России. Будут представлены исследования феномена культурной памяти народов и отображения в ней событий военного прошлого, общероссийских характеристик и особенностей восприятия и представлений о военном прошлом национальных, этнических, региональных и иных сообществ, существовавших и продолжающих свое существование на территории России. На страницах тематического номера предстоит ответить на следующие вопросы: как память о военном прошлом формировала и формирует национальную/этническую/региональную/социальную идентичность; в чем проявляется и как используется в политике памяти «символический репертуар», воплощающий знаковые события военной истории; как представления о военном прошлом воплощаются в общегосударственных и локальных практиках коммемораций, мемориальной культуре народов?

Модели политической коммуникации Российского государства с народами Урало-Поволжья, Сибири и Центральной Азии в XVI – XIX вв.

Прием статей до 15 апреля 2020 г. • Deadline for submissions: 15 April 2021

Тематическая рубрика будет посвящена рассмотрению различных моделей политической коммуникации и инкорпорации, применяемых Российским государством в отношении народов Урало-Поволжья, Сибири и Центральной Азии в XVI–XIX в. Раскрываются каналы, формы и технологии политической аккумуляции, возникшие в ходе интенсивного взаимодействия народов, обладавших разными политико-культурными практиками, основанными на культурных паттернах христианства (православия), ислама, буддизма и язычества, а также на анализе способов их отражения в ментальном пространстве и общественном сознании. На страницах тематического номера предстоит ответить на следующие вопросы: насколько широко в ходе политической коммуникации российская власть использовала компоненты азиатских традиций и культур, каковы были динамика восприятия российской стороной сибирских и азиатских народов, принципы их идентификации, как формировались приемы и инструменты легитимации Российским государством своей власти над азиатскими территориями и народами, в том числе с применением элементов монголо-тюркского политического наследия; как осуществлялась кооптация местной элиты и инкорпорирование управленческих структур нерусских регионов в российскую систему управления?

Общество и элиты многонациональной России в условиях трансфера

Прием статей до: 15 июля 2021 г. • Deadline for submissions: 15 July 2021

Тематически номер будет посвящен 100-летию НЭПа и 30-летию начала либеральных реформ в России. В этой связи предполагается рассмотреть особенности адаптации общества и региональных элит к социокультурным и политическим трансформациям, происходившим в переходные периоды развития страны. Надеемся на статьи, в которых на примере национальных регионов СССР и России будет проанализирована драма несовпадения утопических проектов и реальных результатов их воплощения, а в контексте персональной истории рассмотрена судьба представителей разных наций и народностей, которым пришлось жить в эпоху перемен. На страницах тематического номера попытаемся найти ответы на следующие вопросы: реформы в России – закономерный результат развития общества или продукт воли «гения на троне»; итог преобразований зависит от учета достижений европейской мысли и степени заимствования европейского опыта или от опоры на собственные силы и национальные традиции и отсюда защиту интересов не отдельной личности, а всего общества?

АБОНЕМЕНТ

на газету
журнал

18232

(индекс издания)

Вестник РУДН.

Серия: История России

(наименование издания)

Количество
комплектов

На 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Линия отреза

ДОСТАВОЧНАЯ

18232

ПВ	место	литер

КАРТОЧКА

(индекс издания)

на газету
журнал

Вестник РУДН.
Серия: История России

(наименование издания)

Стои- мость	подписки	руб.	Количество комплектов
	каталожная	руб.	
	пере- адресовки	руб.	

На 2020 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

почтовый индекс							
код улицы							
дом	корпус	квартира					

город

село

область

район

улица

фамилия, инициалы